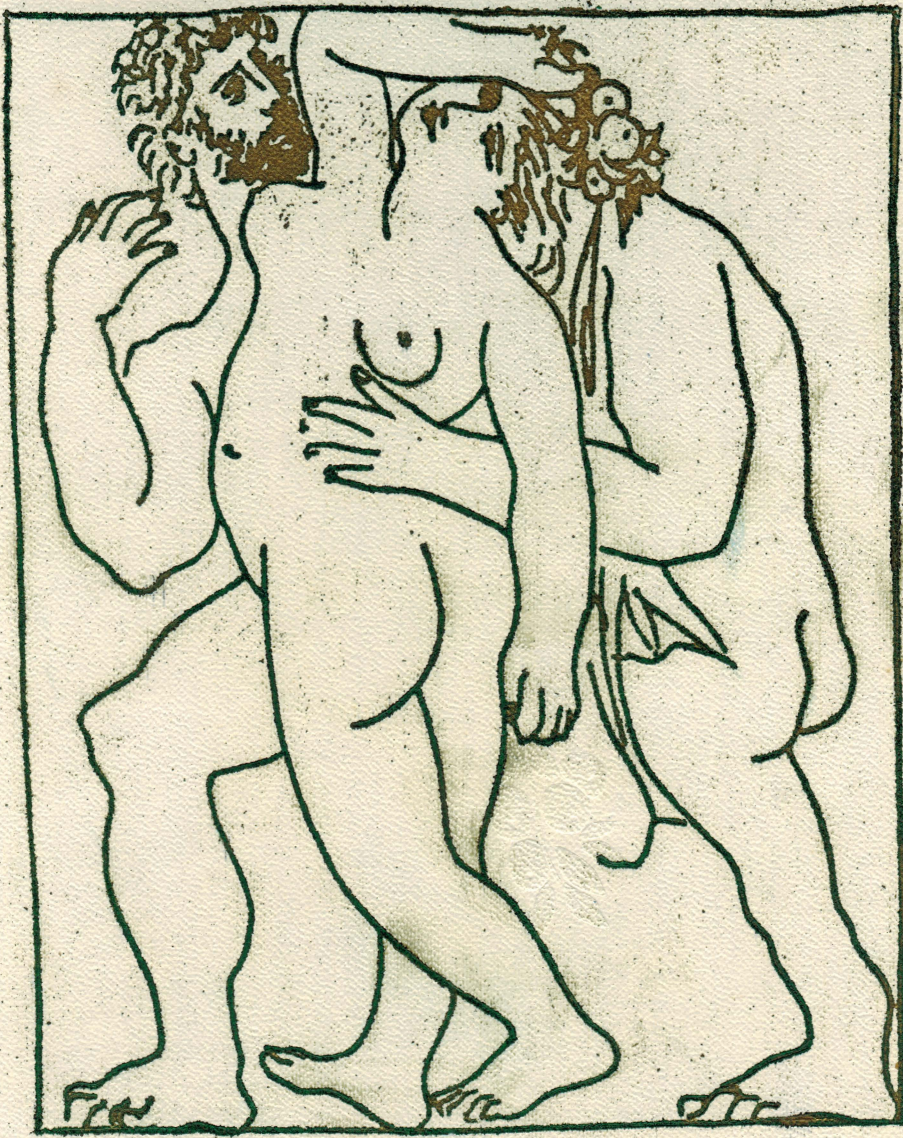

ОВИДИЙ. МЕТАМОРФОЗЫ

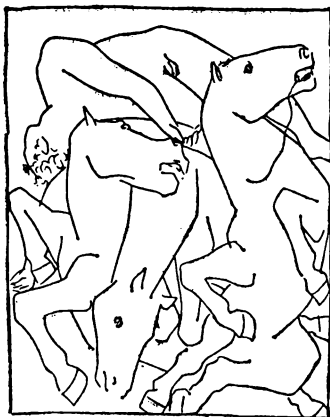

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА 1977

ОВИДИЙ

МЕТАМОРФОЗЫ

ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКОГО
С. ШЕРВИНСКОГО

Издание «Библиотеки античной литературы»
осуществляется под общей редакцией
*С. Алта, М. Гаспарова, С. ОшEROва, Ф. Петровского,
А. Тахо-Годи и С. Шервинского*

Вступительная статья
С. ОШЕРОВА

Примечания
Ф. ПЕТРОВСКОГО

Иллюстрации
ПАБЛО ПИКАССО
Оформление художника
И. САЛЬНИКОВОЙ

© Статья, перевод, примечания. Издательство «Художественная литература», 1977 г.

© Скан и обработка: glarus63

ПОЭЗИЯ «МЕТАМОРФОЗ»

«Метаморфозы» любимы читателями. Многие их поколения отстаивали право любить Овидиеву эпопею — вопреки сдержанности или прямой хуле ученых и критиков. Как бы вечным образом остается эпизод, описанный Гете в десятой книге «Поэзии и правды»: на нападки Гердера, обличавшего поэму Овидия в «неестественности», молодой поэт мог ответить лишь одно: что «для юношеской фантазии ничто не может быть приятнее, как пребывать в тех светлых и дивных областях с богами и полубогами и быть свидетелями их деяний и страстей».

Слова Гете могли бы повторить читатели всех веков. Они принимали книгу сразу и безоговорочно. В своде латинских настенных, надгробных и иных надписей римской эпохи сохранилось немало стихотворных цитат; из них около пятисот приходится на долю «Энеиды», которую учили в школе, и около трехсот — на долю «Метаморфоз», которые читали по сердечному влеченью. Создатели новой европейской литературы — Петрарка и Боккаччо — по «Метаморфозам» узнавали все богатство греческих сказаний. И в более позднее время, когда в обиходе ученых появились и другие античные своды мифов, читатель все же остался верен «Метаморфозам» — не только

Поскольку «Метаморфозы» являются вторым томом Публия Овидия Назона в «Библиотеке античной литературы», автор предисловия считает себя вправе отослать читателя, желающего вспомнить биографию Овидия и его творческий путь, к вступительной статье М. Гаспарова «Три подступа к поэзии Овидия» в томе «Элегии и малые поэмы» (М., «Художественная литература», 1973).

самому обширному, включающему около 250 сюжетов, но и самому увлекательному их изложению.

Увлекательны, конечно, сами мифы; увлекательна объединяющая их тема — метаморфоза. Мир, где всякое событие должно окончиться превращением, — мир заведомо волшебный, открывающий огромные просторы для воображения художника. Но Овидий излагал известные читателю предания — и поэтому сила его воображения поневоле оказалась направленной на воплощение этого мира. Художническое деяние Овидия — в том, что он сумел населить фантастический мир зримыми, осязаемыми предметами и образами. Залог этого деяния — то явление португического искусства Овидия, которое следует назвать концентрацией художественных средств.

В чем его суть?

Прежде всего — в отсечении всего лишнего: чрезмерно конкретные мотивировки, второстепенных подробностей, моментов действия, не относящихся к чему-то самому важному для поэта. Если в «Гимне Деметре» Каллимаха Эрисихтон срубает священный дуб потому, что строит себе дом, то у Овидия он делает это просто как нечестивец (VIII, 741 сл.) Если поэту нужно рассказать о злодеяниях Медеи, он может оборвать рассказ на моменте убийства Пелия и дальше оставить даже без упоминания его дочерей, обманутых соучастниц преступления (VII, 349 сл.).

Второе важнейшее орудие концентрации — это отбор деталей. Детали слагаются в сцены, сцены — в эпизоды; но деталей «неработающих», остающихся без нагрузки, нет. Возьмем для примера эпизод битвы Кадма со змеем (III, 14—100). Кадм следует за коровой, которая, по предсказанию, должна привести его к месту, где ему определено оракулом заложить город. Путь едва обозначен, описания ландшафта нет, как нет его и при упоминании «незнакомых полей и гор», где корова остановилась (хотя психологически такое описание было бы оправдано: первый взгляд героя на новую отчизну...). Кадм должен принести жертву и посылает прислужников за водой; прежде никакие спутники Кадма не упоминались, рассказ о нем шел в единственном числе, — но как только они понадобились для действия, поэт вводит их, и не подумав о какой-либо прозаической мотивировке. Спутники Кадма идут по воду.

И вот тут Овидию необходимы приметы ландшафта: девственный лес, заросшая лозняком сводчатая пещера, из которой бьет ключ. Все это — любимые пейзажные мотивы в «Метаморфозах» (и не только в них); и мотивов этих ровно столько, чтобы внушить читателю ощущение, что место это священно. Поэтому смело введенное в той же фразе упоминание о змее не выглядит неожиданностью, да и само чудовище сразу же оказывается причастным миру святынь; и поскольку он посвящен Марсу, самое первое его описание дает понять, что перед нами змей сказочный: у него три жала и три ряда зубов (из которых потом вырастут воины). И на всем протяжении эпизода накапливаются детали, призванные показать огромность и сверхъестественность дракона: приподняв половину туловища, он смотрит на кроны деревьев сверху; он равен величиной созвездию Змея (еще раз подчеркнута причастность высшему миру!); чешуя его так тверда, что отражает удар, способный сокрушить башни, а земля гудит, когда чешуя скребет по ней; проползая, змей валит деревья и тащит их, как вздувшийся от дождей поток; наконец, когда убитое чудовище пригвождено к дубу, дерево пригибается под его тяжестью (поразительная по наглядности деталь!). Даже все эпитеты, характеризующие змея, отобраны для того, чтобы подчеркнуть его величину и необычайность: он «особо отмечен гребнем и золотом», «иссиня-черен», у него «огромные кольца» и тело, «занимающее много пространства» (мы нарочно приводим определения в буквальном переводе). Спутники Кадма пришли к источнику: звенит наполняемая водой урна (деталь крупным планом); появился дракон: урна падает из рук (возврат к тому же крупному плану). На убийении пришельцев змеем Овидий почти не задерживается (а как было бы соблазнительно дать своего «Лаокоонта!»). Кадм ждет спутников: «солнце сделало короткими тени». До сих пор время не играло роли для Овидия, и мы не знаем, долго ли шел Кадм из Дельф, утром или ночью пришел он, — но как только действие требует этого, поэт хоть в одной строке рисует картину полдня (именно рисует, а не говорит: «наступил полдень»). Бой со змеем изображается как быстрая смена отдельных действий; взгляд поэта все время переходит с чудовища на одетого в львиную шкуру героя (деталь как бы пророческая: Кадм должен основать Фивы, будущую родину одетого в львиную шкуру змееборца

Геракла). Но дальше внимание задерживается на чудовище: теперь поэт множит приметы его ярости, называет новые опасности, угрожающие герою: ядовитое дыхание змея, ядовитая кровь. Наконец враг побежден; теперь Кадм сам созерцает его огромность — и тут-то, когда змеем занято внимание и героя и читателя, раздается предсказание будущей метаморфозы, самим повтором слов тесно связывающее грядущее и настоящее: «Что ты, сын Агенора, глядишь на погубленного змея? Будут глядеть и на тебя в облике змея!»

Так концентрирует Овидий изобразительные средства, точным расчетом достигая нужного ему действия на читателя. Но действие это двойственно. С одной стороны, поэт отказывается от скрупулезности мотивировок, от точного изображения места и времени, от эпической, гомеровской полноты — традиции договаривать о происходящем все до конца, — и взамен этого вводит детали космические и символические, призванные связать совершающееся сейчас с прошлым и будущим, со всем мирозданием. Этим Овидий достигает ясного ощущения, что изображаемый им мир есть мир волшебный, фантастический, в котором все взаимопереплетено и все возможно. С другой стороны, поэт явно отдает предпочтение деталям наглядным, зрительным. Он не напишет просто, что змей еще пуще разъярился, — он покажет и раздувшуюся шею, и источающую белеющую пену пасть чудовища. Благодаря обилию таких деталей фантастический мир поэмы приобретает особую зримость, пластическую реальность. Ее поэт умеет сохранить даже при описании ключевого фантастического события каждого эпизода — самого превращения.

Метаморфозу Овидий никогда не изображает мгновенной: обличье человека постепенно становится обличьем другого существа; у Кикна седые волосы становятся белыми перьями, шея удлиняется, пальцы соединяются красной перепонкой, тело одевается опереньем, лицо вытягивается в неострый клюв (II, 373—376). Метаморфоза в поэме — совершающийся у читателя на глазах процесс, а впечатление от нее тем сильнее, что обычно процесс этот оказывается продолжением — неожиданным и волшебным — только что совершавшегося действия. Кикн громко оплакивал Фартона — но вдруг голос его стал тонким, и началось превращение; Каллисто с мольбой протягивала к Юноне руки — но вдруг они стали покрываться шерстью

(II, 477—478); Скилла, Алкиона, Эсак превращаются в птиц уже на лету, бросившись в море. «Эффект присутствия» усиливается у читателя еще и тем, что поэт никогда не говорит ему заранее, во что превратится персонаж: момент называния нового существа оттягивается как можно дальше. Метаморфоза у Овидия есть действие — и потому она зрима воочию; но она есть действие внезапное и непредвидимое по результату — и потому она остается для читателя-зрителя чудом.

Атмосфера чуда разлита во всей поэме: чуда художнического могущества, которое позволило нечто как будто бы невоплотимое — воплотить в пластически-зримых образах. Недаром девятнадцать веков спустя другой гений художнического преображения мира — Пабло Пикассо — продолжил это чудо, сделав явленный в слове мир «Метаморфоз» видимым в буквальном смысле, отыскав для него равноценное графическое воплощение.

Принцип пластической наглядной изобразительности выдержан в поэме так строго, что сам по себе способен обеспечить единство ее многочисленных эпизодов. Но именно в единстве «Метаморфозам» обычно отказывают, ссылаясь на очевидную искусственность и слабость (а иногда и отсутствие) мотивировок, объясняющих переход от одного рассказа именно к этому, а не к другому. Но это — мотивировки внешние, фабульные. Между тем человека XX столетия кино научило, что секрет художественного воздействия, производимого монтажом, заключен в сопоставлении всего содержания смежных кадров, а не во внешней мотивированности переходов. И если сопоставлять в поэме Овидия все содержание эпизодов, следующих друг за другом, то обнаруживается глубокая художественная оправданность именно этого, а не иного их порядка.

Овидий начинает повествование с первой величайшей метаморфозы: превращения хаоса в космос (I, 5—88); но космос — благой миропорядок — постепенно подвергается порче, пока в смене веков (I, 89—150) дело не доходит до бунта гигантов (I, 151—162) и преступления Ликаона (I, 163—264); после такого падения остается только одно: возврат к хаосу (поп — I, 262—312), — и лишь милость богов дает возможность вновь населить землю (Девкалион и Пирра — I, 313—437); наконец, убийство Аполлоном Пифона завершает победу над силами хаоса. Так первые семь искусно скомпонованных эпизодов

тематически объединяются в цельный раздел, охватывающий время становления мира. Следующий большой раздел можно было бы по его теме озаглавить «Любовь богов». Открывает его рассказ об Аполлоне и Дафне — своеобразный эпиграф ко всему дальнейшему, призванный показать, что отныне, в упорядоченном мире, высшая власть принадлежит любви. И далее, утверждая эту мысль, разворачивается (I, 452—582) большая драма: любовь Юпитера к Ио, ревность Юноны, муки превращенной в корову девушки (кульминация), начало спасения — убийство Аргуса, оттянутое вставным рассказом аргубийцы Меркурия о любви Пана к Сиринге (полная аналогия рассказу о Дафне), и счастливый финал, — вот пять актов этой драмы (I, 583—749). Затем в действие вводятся дети богов и земных женщин или нимф: Эпаф, сын Ио, и Фартон, сын Солнца, непременно желающий доказать Эпафу свое божественное происхождение. Рассказ о Фартоне (I, 750 — II, 400) — как бы реминисценция из первого раздела: мир снова чуть было не вернулся к хаосу. И он же — завязка темы, почти столь же важной в поэме, как тема любви: смертный впервые берется тягаться с богами. Метаморфозы Гелиад и Кикна позволяют подверстать миф к поэме о превращениях. Следующий рассказ — о любви Юпитера к Каллисто и ревности Юноны (II, 401—533) — прямо перекликается с мифом об Ио, как примыкающий к нему эпизод любви Аполлона к Корониде (II, 534—835) — с мифом о Дафне. Однако эта симметрическая композиция затуманена тем, что в последний эпизод вмонтирован ряд вставных и дополнительных рассказов: рассказ вороны о дочерях Кекропа влечет за собой рассказ о превращении Аглавры, виновной перед Меркурием, в камень и таком же превращении Батта и т. д. Замыкает второй раздел рассказ о похищении Европы (II, 836—875), и он же служит переходом к следующему разделу: сказаниям, связанным с Фивами, основанными братом Европы Кадмом (III, 1—IV, 606). Рассказ о самом Кадме служит как бы рамкой раздела: вначале герой слышит предсказание о том, что превратится в змея, в конце метаморфоза совершается; в промежутке же идут рассказы о внуках Кадма: Актеоне, Вакхе и его врагах (со множеством вставных эпизодов, многообразно между собою переплетенных), Меликерте. Рассказав о роде Агенора, отца Кадма, Овидий переходит к рассказу о потомках Агенорова брата Бела —

Акризии, Данае и Персее; длинный рассказ занимает весь четвертый раздел (IV, 607 — V, 249). Пятый раздел посвящен гневу богов (V, 250 — VI, 420) и, таким образом, контрастно симметричен второму (о любви богов). Начинают и кончают его рассказы о состязании богов с низшими существами в искусстве пения: Муз с Пиеридами, Аполлона с Марсием; в середине стоят мифы о соперничестве смертных женщин — Ниобы и Арахны — с богинями. Песни Муз и Пиерид, описание рисунков на тканях Минервы и Арахны дают поэту дополнительную возможность обогатить тот же мотив новыми эпизодами.

Шестой и самый большой раздел поэмы (VI, 421 — IX, 446) посвящен веку героев; многосложное переплетение мифов, связанных с Атикой, с походом аргонавтов, с калидонской охотой, с Гераклом, завершается упоминанием о том, что Минос и Эак стали дряхлы: век героев прошел. Но прежде чем перейти ко времени Троянской войны, которое у древних считалось уже историческим, Овидий вводит еще один раздел (IX, 447 — XI, 193) — о любви несчастной и «недозволенной»: о потере возлюбленных (Орфей и Эвридика, Аполлон и Кипарис, Аполлон и Гиацинт, Венера и Адонис), о любви к брату (Библида), к отцу (Мирра), к статуе (Пигмалион)...

События «исторического периода» распределены на четыре раздела: предыстория Троянской войны (XI, 194—785); Троянская война от жертвоприношения Ифигении до превращения Гекубы (XII, 1 — XIII, 622), причем события, изображенные в «Илиаде», не пересказываются, а замещаются повествованиями Нестора о кентаврах и лапифах, о Периклимене и Геркулесе; странствия Энея (XIII, 623 — XIV, 440); итальянские сказания (XIV, 441 — XV, 745). Венцом всей огромной цепи метаморфоз призваны стать рассказ о превращении Юлия Цезаря в звезду и предренное обожествление Августа (этот мотив подготовлен в последнем разделе обожествлениями Энея, Роmula, Герсилии).

Границы разделов почти нигде не совпадают с членением на книги; более того, иногда цельный эпизод переходит из книги в книгу. Это ясно говорит о том, что Овидий стремился не к четкому композиционному делению; его цель — создать впечатление непрерывности повествования, написать «*carmen perpetuum*» — «непрерывную песнь» (I, 4). Этому же способствуют ясно ощущаемые читателем аналогии или контрасты

настроений или мотивов в смежных эпизодах, мотивные реминисценции, заставляющие вспомнить какой-либо из эпизодов предшествующих и увидеть в нем предвосхищение будущего (например, превращение в растения любимых Аполлоном Кипариса и Гяцинта заставляет вспомнить о метаморфозе Дафны). В то же время читательский интерес непрестанно поддерживается полной непредсказуемостью того, где и когда этот эпизод будет происходить. Место действия поэмы в целом — вся вселенная, время действия — от сотворения мира до современности поэта. Мгновенные перемещения богов, полет Меды в колеснице, запряженной драконами, Персея — на крылатых сандалиях и т. п. — вот внешние мотивировки внезапных смен места действия даже внутри отдельных эпизодов. Вставные эпизоды в рассказах персонажей переносят читателя не только в другое место, но и в прошлое, прерывая мнимохронологическую последовательность событий. Сама композиция «Метаморфоз», — все время подгоняющая читательский интерес вперед, к новому и неожиданному, и вместе с тем аналогиями и контрастами мотивов оживляющая в памяти прежнее, прочитанное, — динамически напряжена в этом двойственном устремлении.

Эта динамическая композиция глубоко соответствует самой природе мира, который воплощен в поэме, — мира метаморфоз, где все бытие подчинено единственному закону — закону вечного изменения. Метаморфоза и была изначально, в мифологическом мышлении, символическим воплощением этого закона, и Овидий как будто не до конца утратил ощущение такого смысла метаморфозы. Во всяком случае, именно закон вечного изменения он — в речи Пифагора — провозглашает философской основой своего труда:

Не погибает ничто — поверьте! — в великой вселенной.
Разнообразится все, обновляет свой вид; народиться —
Значит начать быть иным, чем в жизни бывой; умереть же —
Быть, чем был, перестать; ибо все переносится в мире
Вечно туда и сюда; но сумма всего — постоянна.
Мы полагать не должны, что длительно что-либо может
В виде одном пребывать...

(XV, 254—261)

В длинном рассуждении мудреца эти слова призваны обосновать его учение о метемпсихозе — посмертном переселении душ в новые тела; однако далее и сам этот закон подкрепляется доказательствами: ими служат фазы луны, смена времен года, возрастов человека, преобразования земной поверхности, — словом, все они взяты из мира естественного. Но какое же касательство закон вечного изменения в этом натурфилософском понимании имеет к метаморфозам, описываемым Овидием? Ведь каждая из них есть чудо, то есть нарушение законов естества. Происходит это чудо по воле богов: так провозглашено в первых же строках поэмы. Вторая причина превращений — волшебство, колдовство какой-нибудь Медии либо Цирцеи.

Внешняя мотивировка метаморфоз не имеет ничего общего с законом вечного изменения, — точно так же, как и внутренний смысл большинства Овидиевых превращений. Мало того что сам процесс превращения нередко оказывается как бы продолжением действий персонажа; часто само прежнее действие продолжается и после превращения, причем именно то действие, в котором обнаруживается главная страсть превращенного, приведшая к метаморфозе. Ниоба, даже став камнем, вечно плачет о детях; вечно поворачивается за возлюбленным Солнцем Клития, превратившись в гелиотроп; вечно гонится за предавшей его дочерью Нис, хотя оба сделались птицами; вечно бросается в воду нырок Эсак... Метаморфоза не уничтожает индивидуальности: новое обличье, наоборот, символически выявляет то главное, чем одержим человек. Среди таких метаморфоз ничуть не странными оказываются и те, при которых превращенный сохраняет прежний разум (как прямо сказано о Каллисто), мучится из-за своего нового обличья (как Ио или Дриопы, желающая видеть под своими ветвями играющего младенца-сына). Словом, чем бы ни была метаморфоза — карой ли богов, как превращения Ликаона и многих других, символической ли развязкой драматической ситуации либо ее источником (Ио, сицилийская Скилла) — превращение всегда тесно связано с личностью персонажа и его судьбой. После превращения хаоса в космос мир может обогатиться новым цветком, или птицей, или созвездием — но его состояние и порядок останутся теми же. В баснословном мире Овидия закон изменения действителен только для приговоров по частным делам.

Но если метаморфоза утратила у Овидия тот универсально-символический смысл, какой она имела в мифологическом мышлении, значит, и самый миф у него больше не обладает мировоззренческим смыслом. Еще менее остается миф священным религиозным преданием: трудно ожидать традиционного благочестия от поэта, написавшего когда-то: «Выгодны боги для нас, — если выгодны, будем в них верить». И все же именно Овидий написал самый большой и художественно самый совершенный мифологический эпос эллинистическо-римской эпохи. Неужели же он мог быть плодом учености — и только, тепличным цветком, не питаемым никакими жизненными соками? Такого в истории литературы не бывало.

В эпоху Овидия миф выступал как бы в двух ролях.

Религиозная жизнь в республиканском Риме носила по преимуществу публичный и формально-обрядовый характер. В идеологии римской республики наибольшую роль играло национально-историческое предание («нравы предков» были эталоном гражданской доблести). Однако само это предание освящалось мифом (сказания о рождении Ромула от Марса, об общении Нумы с богами и т. п.); миф, таким образом, санкционировал римскую государственность. Служение республике, признававшееся единственным истинным поприщем для римлянина, было в то же время служением богам, «благочестие» значилось в списке гражданских добродетелей. Маскируя свой, монархический по сути, переворот под восстановление республики, Август прежде всего постарался возродить «древнее благочестие», подточенное полувеком гражданских усобиц, обесценивших все традиционные ценности. Ради этого восстанавливались старые храмы и воздвигались новые, ради этого возобновлялось исполнение давно заброшенных обрядов, ради этого вспоминались полузабытые предания, — например, предание о происхождении Юлиев, предков Августа, от Венеры и Энея. Официально возвратив мифу его святость, Август требовал соответствующего воплощения его в литературе. В духе этих требований Гораций написал для официальной религиозной церемонии гимн, где призывал всех богов помочь Августу в его попытках возродить «нравы предков»; Проперций посвятил римским преданиям, связанным с храмами и празднествами, несколько повествовательных элегий; наконец, сам Овидий начал создавать поэтический календарь римских праздников — «Фасты». Но самой серьезной и искренней попыт-

кой вернуть мифу мировоззренческий смысл и найти в нем санкцию современного положения вещей в Риме сделал Вергилий в «Энеиде». Весь predeterminedный волей богов ход мировой истории лишь подготавливал, согласно Вергилию, век Августа и Августово умиротворение земного круга.

И Вергилий и Гораций принадлежали к тому поколению поэтов, которые пережили ужасы гражданской войны, бушевавшей после гибели Юлия Цезаря, и восприняли принесенный Августом мир с благодарностью, а потому искренне стремились служить возрождению обесцененных нравственных, гражданских и религиозных ценностей. Но с падением республики, с исчезновением «общего дела» (*res publica*), в служении которому только и могла найти свое осуществление личность, все эти ценности лишились подлинного содержания. Больше того; выше них стали другие ценности, открытые еще в последние десятилетия республики и связанные с другими, внеобщественными проявлениями человеческой личности: любовью, дружбой, творчеством... Признание этих ценностей взорвало изнутри концепцию «Энеиды»: служение общему делу хотя и означает выполнение воли богов,—оно же благочестие,—но дается только ценой отказа от всех личных устремлений — то есть, в конечном счете, от счастья. Гораций вырабатывает целую систему жизненного поведения, основа которой — независимость индивида от внешнего мира. Но дальше всего в отрицании официальных идеологических ценностей среди старших современников Овидия шли Тибулл, Проперций и другие элегики — те, чьим прямым продолжателем объявил себя автор «Метаморфоз» («Скорбные элегии», IV, 10, 53—54).

Еще в середине I в. до н. э. Катулл написал цикл стихов о своей любви к Лесбии, впервые в римской поэзии сделав темой поэзии эпизод «любовного быта» золотой молодежи и, больше того, поставив свою любовь, свою дружбу и ненависть превыше всего. Преемником Катулла и поэтов его круга, неотериков, провозгласивших себя учениками александрийских поэтов, выступил Вергилий в «Буколиках». Он перенес в Рим пастушескую идиллию Феокрита. Однако в разгар гражданских войн его Аркадия — идиллическая страна занятых любовью и песнями пастухов — не могла не быть утопией, и как утопия она и представлена. Пусть в ней еще уловимы приметы родины Вергилия, черты мелкокрестьянского уклада, знакомого поэту с детства,—именно то, что есть в его утопии реальность, разру-

шается событиями современной истории: конфискациями наделов у мелких землевладельцев в пользу ветеранов Августова войска. А идиллическое счастье скрывшегося под маской пастуха поэта-лирика разрушает несчастная любовь... В последней эклогe пастуха прямо замещает создатель римской элегии Корнелий Галл, сетующий, что не может жить со своей возлюбленной в счастливом мире пастушеской идиллии. О том же бегстве с подругой в деревню мечтает Тибулл. И он и Проперций готовы ради счастья вдвоем с возлюбленной пожертвовать и воинским долгом, и доблестью, и славой, и обязанностями гражданина. Поэзия начинает создавать условный мир любви и природы, в который бежит человек. Все, что приходит в этот мир из большого мира — война, законы об укреплении брака и семьи, растущие богатства, — только разрушает его.

Создание для себя некоего условного, воображаемого мира было знамением времени. Перестав быть членом реальной гражданской общины, рухнувшей на глазах и возрожденной лишь фиктивно, впервые ощутив свое отчуждение, римлянин I в. до н. э. стал искать для себя, и только для себя, особой сферы жизни, сферы, которая противостоит враждебной или, во всяком случае, не отвечающей прежнему идеалу действительности. Путь было несколько. Был элитарный путь: философия; по нему пошли, например, Секстии, отец и сын, создавшие свое, близкое к пифагорейству, учение и наотрез отказывавшиеся принимать участие в государственной жизни. Был путь новых, пришедших с Востока верований, упования на божественного спасителя; по этому пути шли низы, не причастные государственной жизни и культуре. Но был и третий путь — путь большинства образованных римлян: оставаться праздным и создавать вокруг себя условный, насквозь эстетизированный мир.

Попыткой бегства в этот мир были нескончаемые мечты о простой деревенской жизни, лучше всего выраженные в элегиях Тибулла и столь распространенные, что Гораций счел возможным зло над ними поиздеваться, вложив длинный монолог о сельских прелестях и радостях в уста алчного ростовщика.

Частью этого мира призвано было стать даже само жилище. Вторая и третья четверть I в. до н. э. — это время так называемого второго стиля помпейских росписей (модного, разумеется, не только в нестоличных Помпеях). На стенах комнат «стали изображать здания, колонны и фронтоны с их

выступами»¹, изображать в правильной перспективе, так что плоскость стены исчезала, пространство жилья иллюзорно раздвигалось... Постепенно эта архитектурная декорация становилась все более условной и фантастической: «Штукатурку расписывают преимущественно уродствами... вместо колонн ставят каннелированные тростники с кудрявыми листьями и завитками, вместо фронтонов — придатки, а также подсвечники, поддерживающие изображения храмов, над фронтонами которых поднимается из корней множество нежных цветков с завитками и без всякого толка сидящими в них статуэтками, и еще стельки с раздвоенными статуэтками, наполовину с человеческими, наполовину со звериными головами»². Между нарисованных колонн открывались нарисованные же проемы, и в них «виднелись» то тесно застроенная улица с женщиной и девочкой, несущими приношения богам, то морской ландшафт с Галатеей, убегающей на морском коне от влюбленного циклопа, то скала с колонной и статуей, а под ней — Ио между Аргусом и Меркурием (росписи дома Ливии, жены Августа, в Риме). Вообще непременным компонентом стенной росписи были «изображения богов и развитие отдельных сказаний, а также битвы под Троей или странствования Улисса с видами местностей и со всем, что встречается в природе»³.

Пейзаж в росписях становится все более существенным элементом, отвечая тяге горожанина «в деревню». Некий Лудий создает даже чистый пейзаж, неведомый грекам. Любимые мотивы ландшафта — обрывистые горы, скалы, текущие воды, леса (вспомним ландшафт «Метаморфоз»!). Когда «третий помпейский стиль» отбросил архитектурную декорацию стен, мифологические сцены и ландшафты остались непременным атрибутом стенописи. Число мифических фигур, окружавших римлянина, бесконечно умножалось и благодаря коллекциям статуй, обязательным в каждом богатом доме (не говоря уже о бесчисленных статуях в театрах, портиках и других общественных сооружениях). Миф становился зримой и осязаемой частью условного мира римлян, одним из важнейших средств его эстетизации.

¹ В и т р у в и й. 10 книг об архитектуре, VII, 5. Пер. Ф. Петровского. М., 1936.

² Там же.

³ Там же.

В такой обстановке свободный богатый римлянин проводил свой досуг. «Досуг» — это термин: так называлось в Риме время, не отданное государственной деятельности, чем бы оно ни было заполнено. Но еще Цицерон, одним из первых в Риме признавший ценность «досуга», отдавал его созданию философско-политических, этических или риторических трактатов, то есть, в сущности, служению республике в другой форме, и пренебрежительно говорил, что, имея он и удвоенный срок жизни, у него не хватило бы времени читать лириков; между тем современники Овидия, когда они не посвящали досуг пирушкам или коллекционированью столиков из лимонного дерева, охотно отдавали время поэзии, и по большей части как раз лирической, элегической, или риторике. Но и риторика, долже́нствовавшая, по Цицерону, способствовать формированию идеального гражданина, изменила цели и смысл. Политическое красноречие утратило свою роль, зато превратились в самоцель школьные риторические упражнения. На смену речи пришла декламация, ставшая неотъемлемой частью того условного мира, о котором мы говорили. Утратив связь с судебной практикой, риторическая декламация демонстративно порвала все связи с реальностью, разбирая с точки зрения выдуманных законов фантастически невероятные случаи. Каждую тему полагалось развить, выставив все мыслимые аргументы «за» и «против». Вот некоторые примеры таких тем. Некто убил, вопреки отцовским просьбам, двух братьев — одного как тирана, другого как прелюбодея; захваченный пиратами, убийца просит отца выкупить его, но отец пишет пиратам, что удвоит выкуп, если они отрубят сыну руки; вернувшись, сын отказывается кормить обедневшего отца и подвергается за это обвинению. Или вот тема сохранившейся декламации самого Овидия: муж и жена поклялись, что умрут вместе; муж, уехав, шлет жене ложную весть о своей смерти, та бросается с высоты, но выживает; отец требует развода дочери с мужем и отрекается от нее, когда та отказывается развестись. Сильные страсти, невероятные приключения, немыслимые стечения обстоятельств, уже невозможные в умиротворенном и регламентированном римском государстве, щедро поставляла человеку школьная риторика, обогащая ими мир любимых фикций. Среди похищенных пиратами, отомстивших смертью за прелюбодеянье, среди легкомысленных юнцов, перекочевавших из комедии,

жриц, проданных своднику, но сохранивших чистоту, естественным образом находилось место для мифологических персонажей, немногим менее реальных. От их лица произносились «этопен» — декламаций на тему: «что мог бы сказать такой-то герой в такой-то ситуации, известной из мифа»¹.

С бегством от действительности тесно связана также поэзия, и элегическая и «ученая». Культ мифологической учености, свойственный александрийским поэтам, перенесли в римскую литературу еще неотирики. Именно они стали создавать маленькие поэмы на сюжет малоизвестных мифов, насыщенные намеками на другие предания и понятные лишь избранным. Такие произведения полемически противостояли староримской традиции, признававшей достойным один только жанр — исторический эпос, способный прославить республику и служивших ей мужей. Вергилий в «Энеиде» сделал попытку синтезировать традиции мифологического эпоса и гражданственность исторической эпопеи — но попытка эта осталась единственной. Современники Овидия продолжали писать оды — о подвигах Августа и его полководцев или о римских царях, другие — о Геркулесе, амазонках, Антеноре.

По традиции и мифологический и исторический эпос считались жанрами высокими. Элегия, сама себя объявлявшая жанром легкомысленным, сделала традиционной своей темой отказ поэта заниматься мифологическими и историческими сюжетами. И тем не менее она тоже способствовала бегству из реальности. Дело не только в том, что служение возлюбленной госпоже противопоставлялось служению республике, а индивидуализм стал программой. Дело в том, что основные мотивы элегии, и унаследованные у Катутла или у молодого Вергилия, и внесенные их преемниками (жалобы на неверность подруги, воспоминания о счастье с нею, тоска по деревне, проклятия войне и богатству, губящим любовь, всевозможные уловки, призванные обмануть мужа или сторожа), сделались традиционными, обязательными. Мир элегии стал жить по своим законам, реальность «галантного быта» в Риме стилизуется и превращается в мир условный. А в таком мире — мы уже в этом убедились — мифология была обязательным

¹ Именно такую этопею мы находим в «Метаморфозах». Это — речи Аякса и Улисса в тяжбе из-за оружия Ахилла.

элементом. И вот Проперций пытается создать повествовательную элегию на мифологическую тему по образцу александрийских поэтов. Но важнее то, что и у него и у Тибулла любая ситуация отношений с подругой может быть уподоблена ситуации мифа. Нельзя попрекать поэта его любовью, если сам Юпитер любил Семелу, Ио, Ганимеда... Подруга не менее прекрасна, чем была Фетида, когда дельфин мчал ее к Пелею... Сводня могла бы одолеть целомудрие Ипполита и верность Пенелопы... Примеры можно множить без конца.словно из расписанной фресками жилой комнаты, из не утратившего связи с бытом мирка элегии «открывался вид» на иной, мифический мир, снижая миф и поднимая быт, сплавляя их в единую условную среду. В ней и искали убежища предпочитавшие забыть «о доблестях, о подвигах, о славе» современники Овидия.

Поэзия Овидия уходит корнями в этот условный мир. Не видевший ни жестокостей гражданской войны, ни заката республики, он принял как данность новый режим и был искренне благодарен ему за блага мирной жизни, за стекавшиеся в столицу богатства, позволившие преобразить грубый быт предков. Отказ от гражданской карьеры, уход в «досуг», в поэтическое творчество был для него естественным и беспроблемным. И успех первого же сочинения Овидия — «Любовных элегий» — объяснялся именно тем, что его поколение увидело в них воплощенный свой мир. Причем Овидий всячески подчеркивает именно условность этого мира: не случайно он до конца жизни так и не открыл современникам, существовала ли действительно героиня элегий Кориinna. Традиционные ситуации любовной элегии Овидий не переживает, а проигрывает по заданному сценарию, и не прячет этого: недаром он просит подругу быть менее сговорчивой и дать ему помучиться, а ее мужа — выказать больше ревности и дать повод прибегнуть к традиционным уловкам. Правила игры должны быть соблюдены! Тогда-то и станет ясно, что это именно игра, над которой сам герой-автор посмеивается. К числу правил относится и обязательность мифологических уподоблений. Овидий неукоснительно следует этому правилу, но опять-таки над ним иронизирует: «В мифах всегда для меня нужный найдется пример».

Подменив переживание игрой, Овидий естественным образом переместил центр тяжести с излияний по поводу той или иной ситуации на изображение самой ситуации. В результате

умножается количество мотивов — порой за счет мотивов рискованных, немислимых в подлинной лирике («от первого лица») — и количество конкретных деталей. Условный мир элегии становится более бытовым, снижается, а многочисленные мифологические реминисценции в нем начинают звучать пародийно: слишком уж не соответствуют друг другу сравнение и сравниваемое. Миф вовлекается в ту же ироническую игру, что и все традиционные мотивы элегии.

Объективная манера изложения, берущая верх над лирической уже в «Любовных элегиях», окончательно возобладала в «Науке любви». Теперь Овидий уже прямо изображает тот быт, который элегия стремилась подвергнуть стилизации. При этом, однако, связь с элегией не обрывается, многие ее приемы остаются, среди них — прием мифологических уподоблений. Если в Риме охотятся за женщинами в театре, то начало этому положил Ромул в день похищения сабинянок. Нельзя быть слишком ревнивым: ревность погубила Прокриду. Но сам принцип изобразительности изменил структуру мифологических уподоблений: в элегиях это были упоминания, намеки, — в «Науке любви» они разворачиваются в маленькие повествования, во вставные эпизоды на несколько десятков строк. В них-то Овидий и вырабатывает впервые те приемы пластической зримости, наглядности, о которых мы писали.

Но, будучи пластически воплощенным, миф в поэме оторвался от быта, перестал поддаваться иронической игре. Срабатало никогда не терявшееся в античности ощущение: на шкале духовных ценностей мифу принадлежит весьма высокое место. Это ощущение делало возможным игру в снижение (снизить можно только возвышенное!). И оно же закрепляло мифологический сюжет за более высокими жанрами: трагедией, эпосом.

Молодой Овидий, при всей вольности своего отношения к мифу, отлично ощущал иерархическое неравенство жанров. Не важно, действительно ли пробовал он взяться за эпическую поэму о битве богов с гигантами, как сам говорит в первой из «Любовных элегий», или отказ от эпоса был только данью элегической традиции: противопоставление разновысоких жанровых сфер выявлено здесь вполне. Причем более высокая сфера явно привлекает Овидия: спор олицетворенных Элегии и Трагедии, описанный в «Любовных элегиях» (III, 1), он сумел

решить в пользу обеих, создав трагедию «Медем», пользовавшуюся большим успехом.

Но истинный творческий успех ожидал Овидия на другом пути: пути сочетания мифа с традиционным элегическим мотивом. Мотив этот — разлука; он на все лады перепет в элегиях Овидиевых предшественников, причем и у них сетовать может не только герой-поэт, но и героиня: автор начальных элегий четвертой книги Тибуллова сборника вложил жалобы на разлуку в уста Сульпиции, реально существовавшей поэтессы (IV, 3); Проперций облек женские жалобы в форму письма к уехавшему возлюбленному (IV, 3). Овидий, написав целый сборник таких писем, сделал еще один, но решительный шаг: он заменил своих современниц — героинь элегий — мифическими героинями, в общем-то, обительницами того же условного мира. Предпосылкой этого шага явились также риторические этопеи. Овидий еще в риторической школе предпочитал декламации, в которых проявляется «нрав» человека, и притом декламации убеждающие, а не оспаривающие и доказывающие. И каждая из стихотворных этопей Овидия — это речь, убеждающая любимого вернуться, речь, до глубины исчерпывающая нравственный мир любящей женщины. Разумеется, героиня мифа лишается своего возвышенного ореола, зато приобретает психологическую конкретность. Миф дает драматическую ситуацию; дело прошедшего школу риторики поэта — до конца выявить психологию человека в этой ситуации, с тем чтобы тронуть читателя его судьбой.

Итак, в «Героидах» и «Науке любви» оказались выработанными главные принципы подхода Овидия к мифу: стремление к пластической наглядности его воплощения и к его психологизации, то есть, в сущности, очеловечиванью. Поэт готов к тому, чтобы взяться за большие своды мифов — «Фасты» и «Метаморфозы».

«Метаморфозы», начатые на рубеже нашей эры и в основном завершённые к моменту ссылки поэта в 8 г. н. э., задумывались и писались как большой эпос. Идея поэмы о превращениях была не нова: предшественниками Овидия были Никандр (III в. до н. э.) и Парфений (I в. до н. э.), написавшие в гексаметрах поэмы о метаморфозах; Бой, создатель эпоса о превращенных в птиц людях; Эмилиий Макр, друг

Овидия, который эту поэму перевел. Пользовался Овидий и «Метаморфозами» некого Феодора, неизвестно — прозаическими или стихотворными, и сочинением ученого Эратосфена о превращениях людей в звезды. Однако едва ли Овидий так уж зависел от своих эллинистических предшественников в чем-либо, кроме самого репертуара мифов.

Несколько большую дань отдал Овидий римским эпическим традициям. Одна из них, идущая от отца римского эпоса Эния, требовала ввести «философское обоснование» поэмы — и Овидий сделал это в речи Пифагора. Временной диапазон поэмы — от сотворения мира до современности — и «хронологический» порядок изложения мифов подтолкнули Овидия к тому, чтобы позаимствовать Вергилиеву концепцию истории, ставшую официальной: весь ход истории направлен к одной цели, и цель эта — принципат Августа. Тема возвеличения принцепса подготавливается помещенным в начале поэмы уподоблением Юпитера, созывающего совет богов, — Августу (I, 204); затем Аполлон сразу после потопа предрекает пришествие века Августа, — по образцу множества пророчеств, из которых у Вергилия Эней узнает о конечной цели своих трудов. Но далее эта тема появляется лишь в последней книге, в связи с мифами о том же Энее, — там, где Овидий больше всего зависит от своего великого предшественника. Таким образом, ни Пифагорово ученье, ни Вергилиева концепция истории к основному в поэме не имеют касательства.

Наибольшее значение для Овидия имеет традиция эпоса как высокого жанра. Если в любовных элегиях миф и быт пародийно смешивались, если в письмах героинь там и сям мелькали бытовые детали, то в «Метаморфозах» снижения мифа в быт нет и в помине. Овидий, когда это пужно для наглядности и единства художественного впечатления, может заметить черепок, подпирающий ножку стола в хижине Филемона и Бавкиды, — но нельзя себе представить, чтобы у него, как в «Аргонавтике» Аполлония Родосского, Венера жаловалась на Купидона, который, мол, совсем отбился от рук, а сам Купидон играл в бабки с Ганимедом. Больше того, излагая одни и те же мифы в «Фастах», больше связанных с элегической традицией, и в «Метаморфозах», поэт по-разному отбирает детали. Например, говоря о похищении Прозерпины в «Фастах» (IV, 417 сл.), он дает почти бытовую мотивировку

пробытия богинь на Сицилии (они собрались в гостях у Арету-сы), пейзаж нарисован идиллическими красками и служит естественным фоном для столь же идиллической картины: девушки собирают цветы, кто в корзину из ивовой лозы, кто в подол (10 строк, 11 названий цветов!). В «Метаморфозах» (V, 385 сл.) пейзаж становится таинственным и возвышенным: вместо оврага и поляны — озеро и лебеди на нем, тенистый лес, вечная весна; мотивировать присутствие божества в таком месте даже и не нужно: такое изображение само должно внушить читателю священное благоговение. До одного придаточного предложения стягивается рассказ о сборе цветов, единожды вскользь упоминаются «сверстницы» Прозерпины. Зато само похищение, занимающее в «Фастах» 6 строчек, развертывается в большую картину, с географическими подробностями, с описанием Прозерпины и ее чувств... И вот тут-то Овидий и вставляет деталь, не снижающую, но приближающую к нам, очеловечивающую образ юной богини: Прозерпина — ребенок, даже в смятении она жалеет о потерянных цветах. Овидий хочет и умеет тронуть читателя.

Античная эстетика знала два пути воздействия на читателя или зрителя: устроить его или тронуть, внушить сострадание. Овидий не чуждается страшного, и даже страшного ради него самого; вспомним хотя бы многообразные увечья в описании битвы кентавров и лапифов (XII, 225 сл.). Но это не лучшие куски поэмы. Чаще даже страшное служит тому, чтобы вызвать сострадание. Но трогает только человеческое.

Крушение гражданской республиканской идеологии несло с собой не одни потери. Именно оно позволило римской литературе открыть индивидуального человека, ценного не только в той мере, в какой его жизнь и деяния полезны Риму. Знаменитые слова Вергилия «Слезы сочувствия есть» могли быть произнесены только теперь, когда научились видеть человека и во влюбленном, покинутом подружкой, и в мелком земледельце, чей участок отдали отставному солдату (в «Буколиках»), и в безумце Турне, который во имя своей любви стал вопреки воле судеб противиться носителю будущего величия Рима — Энею (в последних книгах «Энеиды»). У Вергилия, у элегиков история выступает как сила, враждебная счастью индивида, желающего найти счастье в своей любви, своем покое, в удовлетворении своих стремлений и страстей.

Мир «Метаморфоз» представляется иным. Ведь по сути своей он часть того условного, воображаемого мира, в который римляне поколения Овидия скрывались, уходя от реального мира, безразличного им либо враждебного их стремлениям. Часть эта воспринимается как самая возвышенная и прекрасная, но ничуть не более реальная. Значит, здесь не может быть гражданских распри, лишивших пастухов Вергилия их идиллической Аркадии, нет рока, предопределившего ход истории и губящего всех, кто этому ходу воспротивится. Откуда взяться конфликтам в сказочном мире волшебных возможностей, в мире, основной закон которого — превращение? Но взглянем внимательнее — и мы увидим, что мир «Метаморфоз» не есть мир абсолютной свободы. Во-первых, в нем остается в силе нравственная норма, кладущая предел произволу личности. Ощущение незыблемой нормы было искони присуще римлянам; из них ни один не мог бы признать человека «мерой всех вещей». Тем более должна была сохраняться незыблемость нормы в мифическом мире «Метаморфоз», на котором еще лежал отблеск былой священности. Поэтому и появляется в поэме тема метаморфозы-кары, беды-возмездия: наказан святотатец Ликаон, наказаны корыстолюбивый Батт и завистливая Аглавра; гибель Икара — возмездие Дедалу за убийство племянника.

Соблюдение нормы должно обеспечить власть богов, посылающих кару. Но вера в их абсолютную благодетельность чужда Овидию: боги — такие же персонажи многочисленных драм, как люди, им также присущи страсти. Поэтому всемогущество богов порой оборачивается произволом; как нечестье карается не только неповиновение их законам, но и гордыня, заставляющая смертных с ними соперничать. Арахна равна Минерве искусством, но она осмелилась состязаться с нею, она усугубила вину, унизив богов изображением их любовных хитростей и превращений, — и за это должна понести наказание. Та же участь постигает и четырех соперников богов, изображенных на ткани Минервы, и Пиерид, и Ниобу. Так терпят крах самые высокие притязания личности.

Наконец, — и это самое главное, — в мире «Метаморфоз» высшей силой является любовь. Овидий и в большом эпосе остается «певцом любви», как он сам назвал себя в первой же строке автобиографии («Скорбные элегии», IV, 10). А любовь — это вечный источник конфликтов. Даже если это любовь

Юпитера — могучее, сметающее все преграды влечение. Ведь за любовью Юпитера следует ревность Юноны — и гибнет Семела, страдает и едва не гибнет от руки сына Каллисто. Правда, происходит метаморфоза-избавление, — но ведь и в мифе об Ио с его традиционно благополучным концом Овидий предпочитает изображать муки превращенной женщины, да еще вводит от себя мотив скорби отца, узнавшего о беде дочери. «Слезы сочувствия есть...»

Любовь у Овидия очень часто — сильнейшее проявление личности, ее суть и стержень. Что Алкиона без любви к Кеику, Канента без любви к Пику? Что без своего чувства Прокрида, для которой жизнь стоит меньше, чем уверенность в любви Кефала? Поэтому неразделенная страсть, смерть возлюбленного, разлука — постоянные источники мук в мире «Метаморфоз». Даже боги знают эту скорбь: неразделенная любовь к Дафне, гибель Гиагинта и Кипариса заставляют мучиться Аполлона. А у Клитии, Эсака, Эхо безответная любовь продолжается и после метаморфозы. Горе любящих — вот предпочитаемый поэтом предмет изображения.

Но с не меньшей охотой рисует Овидий и любовь-страсть, любовь-наваждение, заставляющую забыть все нравственные нормы, увлекающую к преступлению. Недаром всем мифическим героиням предпочитал он Медею, о которой писал трижды: в «Героидах», в трагедии и в «Метаморфозах». Конфликт между любовью и нравственным долгом, диалектика душевной борьбы, софизмы опрокидывающей доводы разума страсти становятся содержанием самых поэтических эпизодов поэмы: историй Медеи, Библиды, Мирры, Скиллы.

Романтическая критика любила упрекать Овидия в подражаниях, в описательности. «У него нет более важного, более серьезного намерения, он ничего больше не имеет в виду, как только изображать, только вызывать и пробуждать в нашем воображении образы, картинки, фигурки, постоянно что-нибудь показывать», — писал об Овидии Леопарди в «Дневнике размышлений»¹. Нет сомнения, для Овидия важно выполнить завет всех античных поэтов, обращавшихся к мифу: «сказать по-своему принадлежащее всем». А сказать по-своему значило для него воплотить наглядно и ярко, в зримых пластических

¹ Zibaldone dei pensieri, 3480. (Tutte le opere. Ed. Mondadori, 1957.)

образах. Но значило также: проникнуть в душу героя, явить его страсти и муки. Поэтому куда более проникательно писал о самой сути поэтического у Овидия Пушкин: «...любовь есть самая своенравная страсть... Вспомните предания мифологические, превращения Овидиевы, Леду, Филиру, Пазифаю, Пигмалиона — и признайтесь, что все сии вымыслы не чужды поэзии или, справедливее, ей принадлежат»¹.

Мир «Метаморфоз» — мир волшебный, но не идиллический. Здесь, как и в реальной, окружавшей Овидия действительности, человеческая личность редко достигает гармонии с самою собой и с миром. Даже Геркулес, величайший герой, воплотивший высшую меру человеческих возможностей, гибнет жертвою страсти и ревности. Но еще важнее для понимания «Метаморфоз» судьба другого героя, чья история, наряду с историей неразделенной любви Аполлона, стоит как бы эпиграфом к повествованию об эре людей. Это — история Фартона. Он не обладает сверхчеловеческой силой Геркулеса, но он жаждет самоутверждения через сверхчеловеческий подвиг. И тут порыв личности к самому высокому вступает в столкновение с непреложными законами мироздания. Дерзкая воля одного или сохранение вселенной, только что благоустроенной после потопа, — таков выбор. Гибнет один, пораженный стрелой Юпитера, так погибнут в поэме другие герои, слишком сильно любящие, слишком высоко ценящие себя, слишком на многое дерзнувшие. В «Метаморфозах» мир противостоит личности так же, как это было в Риме после того, как человек отделился от разрушившейся органической гражданской общины.

История Фартона оказалась пророческим предвосхищением собственной судьбы поэта. Пусть дерзание Фартона чуждо Овидию, но он хотел быть поэтом — и только, а это шло вразрез с законами вселенной, жестко «благоустроенной» Августом после катастрофы гражданских войн. Принцепс не мог этого допустить: «Юпитер метнул молнию» (сколько раз этот образ будет повторяться в стихах, написанных в изгнании!). Началась ссылка.

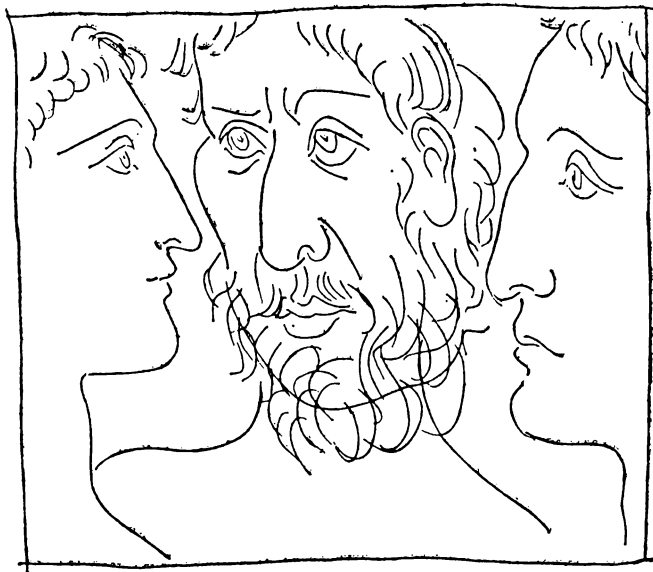
С. Ошеров

¹ А. С. Пушкин. Опровержение на критики. — Собр. соч., т. 6, полумтом I. М., 1946, с. 214.

КНИГА ПЕРВАЯ

LIBER PRIMUS

Ныне хочу рассказать про тела, превращенные в формы
Новые. Боги,— ведь вы превращения эти вершили,—
Дайте ж замыслу ход и мою от начала вселенной
До наступивших времен непрерывную песнь доведите.

5 Не было моря, земли и над всем распростертого неба,—
Лик был природы един на всей широте мироздания,—
Хаосом звали его. Нечлененной и грубой громадой,
Бременем косным он был,— и только,— где собраны были
Связанных слабо вещей семена разносущие вкупе.
10 Миру Титан никакой тогда не давал еще света,
И не наращивала рогов новоявленных Феба,
И не висела земля, обтекаема током воздушным,
Собственный вес потеряв, и по длинным земным окомам
Рук в то время своих не простерла еще Амфитрита.
15 Там, где суша была, пребывали и море и воздух.
И ни на суше стоять, ни по водам нельзя было плавать.

Воздух был света лишен, и форм ничто не хранило.
Все еще было в борьбе, затем что в массе единой
Холод сражался с теплом, сражалась с влажностью сухость,
20 Битву с весомым вело невесомое, твердое с мягким.
Бог и природы почин раздору конец положили.
Он небеса от земли отрешил и воду от суши.
Воздух густой отделил от ясность обретшего неба.
После же, их разобрав, из груди слепой их извлекши,
25 Разные дав им места,— связал согласием мирным.
Сила огня вознеслась, невесомая, к сводам небесным,
Место себе обрета на самом верху мироздания.
Воздух — ближайший к огню по легкости и расстоянию.
Оных плотнее, земля свои притянула частицы.
30 Сжатая грузом своим, осела. Ее обтекая,
Глуби вода заняла и устойчивый мир окружила.
Расположенную так, бог некий — какой, неизвестно —
Массу потом разделил; разделив, по частям разграничил —
35 Землю прежде всего, чтобы все ее стороны гладко
Выворачивать, вместе собрал в подобье огромного круга.
После разлил он моря, приказал им вздыматься от ветров
Буйных, велел им обнять окруженной земли побережья.
После добавил ключи, болота без края, озера;
Брегом извилистым он обвел быстроводные реки,
40 Разные в разных местах,— иные земля поглощает,
К морю другие текут и, дойдя, поглощаются гладью
Вольно разлившихся вод, и скалы им берегом служат.
Он повелел разостлаться полям, и долинам — вдавиться,
В зелень одеться лесам, и горам вознестись каменистым.
45 Справа пояса два и слева столько же неба
Свод обвели, и меж них, всех прочих пламенней, пятый.
Сводом объятую твердь означил умысел бога
Точно таким же числом: земля — с пятью полосами.
На срединной из них от жары обитать невозможно.
50 Две под снегом лежат глубоким, а двум между ними
Бог умеренность дал, смешав там стужу и пламень.
Воздух плотную навис над ними; насколько по весу
Легче вода, чем земля, настолько огня он тяжеле.
В воздухе тучам стоять приказал он и плавать туманам,
55 И разражаться громам, смущающим души людские,
Молниям он повелел и ветрам приносить охлаждение.

Но не повсюду владеть позволил им мира строитель
Воздухом. Даже теперь нелегко воспрепятствовать ветрам,
Хоть и по разным путям направляется их дуновение,
60 Весь наш мир сокрушить. Таково несогласие братьев!
Эвр к Авроре тогда отступил, в Набатейское царство,
В Персию, к горным хребтам, озаряемым утренним светом.
Запад и те берега, что солнцем согреты закатным,
Ближе к Зефиру, меж тем как в Скифию и в Семизвездье
65 Вторгся ужасный Борей; ему супротивные земли
Влажны всегда от туманов сырых и дождливого Австра.
Сверху же, выше их всех, поместил он веса лишенный
Ясный эфир, никакою земной не запятнанный грязью.
Только лишь расположил он всё по точным границам,—
70 В оной громаде — слепой — зажатые прежде созвездья
Стали одно за одним по всем небесам загораться;
Чтобы предел ни один не лишен был живого созданья,
Звезды и формы богов небесную заняли почву.
Для обитанья вода сверкающим рыбам досталась,
75 Суша земная зверям, а птицам — воздух подвижный.
Только одно существо, что священнее их и способней
К мысли высокой,— чтоб стать господином других,—
не являлось.

И родился человек. Из сути божественной создан
Был он вселенной творцом, зачинателем лучшего мира,
80 Иль молодая земля, разделенная с горным эфиром
Только что, семя еще сохранила родимого неба?
Отпрыск Япета, ее замешав речною водою,
Сделал подобье богов, которые всем управляют.
И между тем как, склонясь, остальные животные в землю
85 Смотрят, высокое дал он лицо человеку и прямо
В небо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи.
Так земля, что была недавно безликой и грубой,
Преобразаясь, приняла людей небывалые обличья.

Первым век золотой народился, не знавший возмездий,
90 Сам наблюдавший всегда, без законов, и правду и верность.
Не было страха тогда, ни кар, и словес не читали
Грозных на бронзе; толпа не дрожала тогда, ожидая
В страхе решения судьбы,— в безопасности жили без судей.
И, под секирой упав, для странствий в чужие пределы

95 С гор не спускалась своих сосна на текущие волны.
Смертные, кроме родных, никаких побережий не знали.
Не окружали еще отвесные рвы укреплений;
Труб не бывало прямых, ни медных рогов искривленных,
Не было шлемов, мечей; упражнений военных не зная,
100 Сладкий вкушали покой безопасно живущие люди.
Также, от дани вольна, не тронута острой мотыгой,
Плугом не ранена, все земля им сама приносила.
Пищей довольны вполне, получаемой без принужденья,
Рвали с деревьев плоды, земляничник нагорный сбирали,
105 Терн, и на крепких ветвях висящие ягоды тута,
Иль урожай желудей, что с деревьев Юпитера пали.
Вечно стояла весна; приятный, прохладным дыханьем
Ласково нежил зефир цветы, не знавшие сева.
Боле того: урожай без распашки земля приносила;
110 Не отдыхая, поля золотились в тяжелых колосьях,
Реки текли молока, струились и нектара реки,
Капал и мед золотой, сочась из зеленого дуба.
После того как Сатурн был в мрачный Тартар низвергнут,
Миром Юпитер владел, — серебряный век народился.
115 Золота хуже он был, но желтой меди ценнее.
Сроки древней весны сократил в то время Юпитер,
Лето с зимою создав, сотворив и неверную осень
С краткой весной; разделил он четыре времени года.
Тут, впервые, сожжен жарой иссушающей, воздух
120 Стал раскаляться и лед — повисать под ветром морозным.
Тут впервые в домах расселились. Домами служили
Людям пещеры, кусты и лыком скрепленные ветви.
В первый раз семена Церерины в бороздах длинных
Были зарыты, и вол застонал, ярмом удрученный.
125 Третьим за теми двумя век медный явился на смену;
Духом суровой он был, склонней к ужасающим браням, —
Но не преступный еще. Последний же был — из железа,
Худшей руды, и в него ворвалось, нимало не медля,
Все нечестивое. Стыд убежал, и правда, и верность;
130 И на их место тотчас появились обманы, коварство;
Козни, насилие пришли и проклятая жажда наживы.
Начали парус вверять ветрам; но еще мореходы
Худо их знали тогда, и на высях стоявшие горных
На непривычных волнах корабли закачались впервые.

135 Принадлежавшие всем до сих пор, как солнце и воздух,
Длинной межою поля землемер осторожный разметил.
И от богатой земли не одних урожаев и должной
Требовать стали еды, но вошли и в утробу земную;
Те, что скрывала земля, отодвинувши к теням стигийским,
140 Стали богатства копать,— ко всякому злу побуждение!
С вредным железом тогда железа вреднейшее золото
Вышло на свет и война, что и золотом крушит, и железом,
В окровавленной руке сотрясая со звоном оружие.
Люди живут грабежом; в хозяине гость не уверен,
145 В зяте — тесть; редка приязнь и меж братьями стала.
Муж жену погубить готов, она же — супруга.
Страшные мачехи, те аконит подбавляют смертельный;
Раньше времени сын о годах читает отцовских.
Пало, повержено в прах, благочестье,— и дева Астрея
150 С влажной от крови земли ушла — из бессмертных последней.

Не был, однако, земли безопасней эфир высочайший:
В царство небес, говорят, стремиться стали Гиганты;
К звездам высоким они громоздили ступенями горы.
Тут всемогущий отец Олимп сокрушил, ниспослал он
155 Молнию; с Оссы он сверг Пелион на нее взгроможденный.
Грузом давимы земли, лежали тела великанов,—
Тут, по преданью, детей изобильной питана кровью,
Влажною стала земля и горячую кровь оживила;
И, чтоб от рода ее сохранилась какая-то память,
160 Образ дала ей людей. Но и это ее порожденье
Вовсе не чтит богов, на убийство свирепое падко,
Склонно насилие творить. Узнаешь рожденных от крови!

Это Сатурний-отец увидал с высокой твердыни
И застонал и, стола Ликаонова гнусный припомнив
165 Пир, недавний еще, получить не успевший огласки,
Сильным в душе запылав и достойным Юпитера гневом,
Созвал богов на совет. И не медлили званные боги.
Есть дорога в выси, на ясном зримая небе;
Млечным зовется Путем, своей белизною заметна.
170 То для всевышних богов — дорога под кров Громовержца,
В царский Юпитера дом. Красуются справа и слева

Атрии знатных богов, с дверями, открытыми настежь.
 Чернь где придется живет. В передней же части чертога
 Встали пенаты богов — небожителей, властью славных.
 175 Это-то место — когда б в выражениях был я смелее —
 Я бы назвал, не боясь, Палатином великого неба.
 Так, расселись едва в покоях мраморных боги,
 На возвышенье, рукой опершись на скипетр из кости,
 180 Трижды, четырежды Он потряс приводящие в ужас
 Волосы, поколебав и землю, и море, и звезды.
 Следом за тем разрешил и уста, возмущенные гневом:
 «Нет, я не более был вселенной моей озабочен
 В те времена, как любой из врагов змееногих готов был
 С сотней протянутых рук на пленное броситься небо!
 185 Хоть и жестокий был враг, — но тогда от единого рода
 Происходила война и единый имела источник.
 Ныне же всюду, где мир Нереевым гулом охвачен,
 Должен смертный я род погубить. Клянуся реками
 Ада, что под землей протекают по роще стигийской, —
 190 Было испытано все. Но неизлечимую язву
 Следует срезать мечом, чтоб здравую часть не задело.
 Есть полубоги у нас, божества наши сельские; нимфы,
 Фавны, сатиры и гор обитатели диких — силваны.
 Если мы их до сих пор не почтили жилищем на небе,
 195 Землю мы отдали им и на ней разрешим оставаться.
 Но, о Всевышние! Все же довольно ль они безопасны,
 Ежели мне самому, и вас и перуна владыке,
 Козни строить посмел Ликаон, прославленный зверством?»
 Затрепетали тут все и дерзкого требуют с жарким
 200 Рвением. Так было, когда осмелился сброд нечестивый
 Римское имя залить в неистовстве — Цезаря кровью.
 Ужасом был поражен, что громом, при этом паденье
 Род человеческий, вся содрогнулась вселенная страхом.
 Столь же отрадна тебе твоих близких преданность, Август,
 205 Сколь Громовержцу — богов благоверность. Лишь голосом он
 и рукою
 Ропот вокруг подавил, все снова безмолвными стали.
 Только лишь кончился крик, подавлен владыки величьем,
 Сызнова речью такой прервал Юпитер молчанье:
 «Он уже кару понес, и об этом оставьте заботу.

210 Что совершил он и как был наказан, о том сообщу я:
Нашних достигла ушей недобрая времени слава.
Чая, что ложна она, с вершины спускаюсь Олимпа,
Обозреваю я — бог в человеческом облике — землю.
Долго б пришлось исчислять, как много повсюду нашел я
215 Злостного. Истине всей молва уступала дурная.
Вот перешел я Менал, где звериные страшны берлоги,
После в Киллену зашел и в прохладные сосны Ликея,
В дома аркадцев входил и под кров неприютный тирана.
Сумерки поздние ночь меж тем влекли за собою.
220 Подал я знак, что пришло божество,— народ тут молиться
Начал. Сперва Ликаон над обетами стал насмехаться
И говорит: «Испытаю при всех в открытую, бог ли
Он или смертный. Тогда не будет сомнительна правда».
В ночь, отягченного сном, сгубить нечаянной смертью
225 Хочет меня. По душе ему этак испытывать правду.
Но, не довольствуясь тем, одному из заложников, коих
Выслал молосский народ, мечом пронзает он горло.
После в кипящей воде он членов часть полумертвых
Варит, другую же часть печет на огне разведенном.
230 Только лишь подал он их на столы, я молнией мстящей
Дом повалил на него, на достойных владельца пенатов.
Он, уstraшенный, бежит; тишины деревенской достигнув,
Воеет, пытаясь вотще говорить. Уже обретают
Ярость бывшие уста, с привычною страстью к убийству
235 Он нападает на скот,— и доныне на кровь веселится!
Шерсть уже вместо одежд; становятся лапами руки.
Вот уж он — волк, но следы сохраняет прежнего вида:
Та же на нем седина, и прежняя в морде свирепость,
Светятся так же глаза, и лютость в облике та же.
240 Дом сокрушился один — одному ли пропасть подобало!—
Всем протяженьем земли свирепо Эриния правит.
Словно заговор тут преступный замыслили! Значит,
Пусть по заслугам и казнь понесут! Таков приговор мой».
Речь Громовержца одни одобряют, еще подстрекают
245 Ярость его; у других молчание служит согласием.
Но человеческий род, обреченный на гибель, жалеют
Все; каков будет вид земли, лишившейся смертных,
Все вопрошают, и кто приносить на жертвенник будет
Ладан? Иль хочет зверью он отдать опустелую землю?

250 И на вопрос их в ответ, — что его-де об этом забота, —
Вышних царь запрещает дрожать и, не схожее с прежним,
Он обещает явить — чудесным рождением — племя.

Вот уж по всей земле разметать он готов был перуны,
Да убоялся, пылать от огней не начал бы стольких
255 Неба священный эфир и длинная ось не зажглась бы.
Вспомнил, — так судьбы гласят, — что некогда время наступит,
Срок, когда море, земля и небесный дворец загорятся, —
Гибель будет грозить дивнослаженной мира громаде.
Стрелы тогда отложил — мастеров-циклопов работу,
260 Кару иную избрал — человеческий род под водою
Вздумал сгубить и с небес проливные дожди опрокинул.
Он Аквилона тотчас заключил в пещерах Эола
И дуновения все, что скопления туч отгоняют.
Выпустил Нота. И Нот на влажных выносятся крыльях, —
265 Лик устрашающий скрыт под смольно-черным туманом,
Влагой брада тяжела, по сединам потоки струятся,
И облака на челе; и крылья и грудь его в каплях.
Только лишь сжал он рукой пространно нависшие тучи,
Треск раздался, и дожди, дотоль запертые, излились.
270 В радужном платье своем, Юноны вестница, воды
Стала Ирида собирать и ими напивать тучи.
В поле хлеба полегли; погибшими видя надежды,
Плачет селянин: пропал труд целого года напрасный.
Не удовольствован гнев Юпитера — небом; лазурный
275 Брат помогает ему, посылая воды на помощь.
Реки созвал, и, когда под кров своего господина
Боги речные вошли, — «Прибегать к увещаниям долгим
Незачем мне, — говорит. — Свою всю силу излейте!
Надобно так. Отворите дома, отодвиньте преграды
280 И отпустите тотчас всем вашим потокам поводья».
Так приказал. И они родникам расширяют истоки,
И, устремляясь к морям, в необузданном катятся беге.
Сам он трезубцем своим о землю ударил. Она же
Дрогнула вся и воде на свободу открыла дорогу.
285 И по широким полям, разливаясь, несутся потоки;
Вместе с хлебами несут деревья, людей и животных,
Тащат дома и все, что в домах, со святынями вместе,

Ежель остался дом, устоял пред такую бедою
Неповрежденный, то все ж он затоплен водою высокой,
290 И уже скрыты от глаз погруженные доверху башни.
Суша и море слились, и различья меж ними не стало.
Все было — море одно, и не было берега у моря.
Кто перебрался на холм, кто в лодке сидит крутобокой
И загребает веслом, где сам обрабатывал пашню.
295 Тот над нивой плывет иль над кровлей утопшего дома
Сельского. Рыбу другой уже ловит в вершине у вяза.
То в зеленеющий луг — случается — якорь вонзится,
Или за ветви лозы зацепляется гнущее днище.
Там, где недавно траву щипали поджарые козы,
300 Расположили свои неуклюжие туши тюлени.
И в изумленье глядят на рощи, грады и зданья
Девы Нереевы. В лес заплывают дельфины, на сучья
Верхние вдруг налетят и, ударясь, дуб заколеблют.
Волк плывет меж овец, волна льва рыжего тащит.
305 Тащит и тигров волна; не впрок непомерная сила
Вепрю, ни ног быстрота влекомому током оленю.
Долго земли проискав, куда опуститься могла бы,
Падает в море, кружа, с изнемогшими крыльями птица.
Залиты были холмы своеводем безмерной пучины, —
310 В самые маковки гор морской прибой ударяет.
Гибнет в воде большинство; а немногих, водой пощаженных,
При недостатке во всем, продолжительный голод смиряет.

От Аонийских вершин отделяет Эту Фокида, —
Тучные земли, дотоль они землями были, теперь же
315 Моря частица, воды небывалой широкое поле.
Там крутая взнеслась гора двухвершинная к звездам,
Именованьем — Парнас; облаков верхи ее выше.
К ней-то Девкалион — остальное вода покрывала —
С брачной подругой своей пристал на маленькой лодке.
320 Нимфам корикским они и гор божествам помолились,
Вещей Фемиде, тогда прорицавшем оным владевшей.
Не было лучше вовек, ни правдолюбивее мужа,
Богобоязненна так ни одна не бывала из женщин.
И как Юпитер узрел, что мир стал жидким болотом,
325 И что остался он там из стольких тысяч единым,
И что осталась она из стольких тысяч единой,

Оба невинны душой, богов почитатели оба,—
 Он облака раскидал, Аквилонем туман отодвинул,
 Земли явил небесам и выси эфирные землям.
 330 Моря недолог был гнев; сложив о трех зубьях оружие,
 Воды владыка морской усмиряет и вставшего поверх
 Волн голубого зовет Тритона, чьи отроду плечи
 В алых ракушках, и дуть велит в трубицу морскую:
 Этим он знак подает отозвать и потоки и волны.
 335 Выбрал из раковин тот пустую трубу завитую,
 Что расширяется вверх от низа крученого; если
 В море такую трубу на просторе наполнить дыханьем,
 Голос достигнет берегов, где солнце встает и ложится.
 И лишь коснулось трубы божество с бородой увлажненной,
 340 Лишь громогласно она заиграла отбой по приказу,
 Все услышали ее потоки,— земные, морские,—
 Грозный приказ услышав, потоки ей все покорились.
 Реки спадают, уже показались возникшие холмы;
 Море опять в берегах и в руслах полные реки,
 345 И выступает земля, с убываньем воды прибывая.
 К вечеру долгого дня и лесов показались макушки
 Голые, тина у них еще на ветвях оставалась.
 Мир возродился земной. И увидев, что так опустел он
 И что в печали земля глубоким объята молчаньем,
 350 Девкалион, зарыдав, к своей обращается Пирре:
 «Нас, о сестра, о жена, о единая женщина в мире,
 Ты, с кем и общий род, и дед у обоих единый,
 Нас ведь и брак съединил, теперь соединяет опасность,—
 Сколько ни видит земли Восток и Запад, всю землю
 355 Мы населяем вдвоем. Остальное все морю досталось.
 Но и поныне еще не вполне мы уверены в нашей
 Жизни, еще облака наполняют нам ужасом душу.
 Что, если б ты без меня судьбы избежала, бедняжка,
 Было бы в сердце твоём? И как бы могла одинокой
 360 Ты этот страх пережить? И кто б твои муки утешил?
 Я, о поверь, если б ты оказалась добычею моря,
 Сам за тобою, жена, оказался б добычею моря.
 О, если б мог возродить я народы искусством отцовским,
 О, если б души вливать умел в изваянья из глины!
 365 Ныне же в нас лишь двоих сохраняется смертных порода;
 Так уж угодно богам, чтоб людей образцом мы остались».

Оба заплакали. Им захотелось молиться небесным
Силам и помощи их попросить, о судьбине гадая.
Медлить не стали они. Подходят к водам Кефиса,
370 Что, непрозрачны еще, по руслу знакомому лютяся.
Там, водяную струю возлив, себе оросили
Платье и темя они, потом направиться оба
В храм богини спешат, которого кровля белела,
Грязным покрытая мхом, алтари ж без огня пребывали:
375 И лишь коснулись они храмовых ступеней, как упали
Наземь, устами прильнув к холодному камню, — и вместе
Молвили так, трепеща: «Коль Вышние правой мольбою
Могут смягчиться, и гнев умиливается божий,
Молви, Фемида, каким искусством убыток восполнить
380 Нашего рода; подай, добрейшая, помощь в потопе!»
И умягчилась она и рекла: «Выходите из храма;
Головы ваши покрыв, одежд пояса развяжите
И через плечи назад мечите праматери кости».
Остолбенели они, и нарушила первой молчанье
385 Пирра; богини она покориться веленьям не хочет;
Молит прощенья себе; уста оробели, боится
Матери тень оскорбить, назад ее кости кидая,
Но повторяют меж тем слепое неясное слово,
Участь предрекшее им, и сами с собой размышляют.
390 Ласковой речью тогда Прометид обращается мягко
К Эпиметиде. «Иль мы, — говорит, — ошиблись в догадке,
Иль благочестен и нам не внушит беззаконья оракул.
Наша праматерь — земля. В телесах ее скрытые кости,
Думаю — камни. Кидать их за спину нам повеленье».
395 Хоть толкованьем таким убедил супруг Титаниду,
Все же надежда смутна, — настолько к советам небесным
Мало доверья у них. Но что за беда попытаться?
Вот и сошли; покрывают главу, распоясали платья
И, по приказу, назад на следы свои камни бросают.
400 Камни, — поверил бы кто, не будь свидетелем древность? —
Вдруг они стали терять постепенно и твердость и жесткость,
Мягкими стали, потом принимали, смягчившись, и образ.
После, когда возросли и стала нежней их природа,
Можно было уже, хоть неявственный, облик увидеть
405 В них человека, такой, как в мраморе виден початом, —
Точный еще не совсем, изваянием грубым подобный.

Часть состава камней, что была земляною и влажный
Сок содержала в себе, пошла на потребу для тела;
Крепкая ж часть, что не гнулась совсем, в костяк обратилась,
410 Жилы же в части камней под тем же остались названьем.
Времени мало прошло, и, по воле Всевышних, каменья
Те, что мужчина кидал, и внешность мужчин обретали;
А из-под женских бросков вновь женщины в мир
возвращались.

То-то и твердый мы род, во всяком труде закаленный,
415 И доказуем собой, каково было наше начало!

Разных по виду потом животных своим изволением
Вскоре земля родила, когда разогрелась от солнца.
Сырость прежняя, ил и болотная липкая влага
Стали от зноя вспухать, и зародыши всяческой твари,
420 Вскормлены солнцем живым, как в материнской утробе,
В них развивались и свой принимали со временем облик.
Так, покинет едва семиустый влажные нивы
Нил и течение свое предоставит прежнему руслу,
И под светилом небес разогреется ил нанесенный,
425 Много животных тогда хлебопашцы находят под каждым
Камнем земли: одних в зачаточном виде, при самом
Миге рожденья, других еще при начале развития,
Вовсе без членов, и часть единого тела нередко
Жизнь проявляет, а часть остается землей первобытной.
430 Ибо, коль сырость и жар меж собою смешаются в меру,
Плод зачинают, и все от этих двоих происходит.
Если ж в боренье огонь и вода,— жар влажный, возникнув,
Все создает: для плодов несогласье согласное — в пользу.
Так, лишь потоп миновал, и земля, покрытая тиной,
435 Зноем небесных лучей насквозь глубоко прогрелась,
Множество всяких пород создала — отчасти вернула
Прежние виды она, сотворила и новые дивы.
И не хотела, но все ж, о огромный Пифон, породила
Также тебя, и для новых людей ты, змей неизвестный,
440 Ужасом стал: занимал ведь чуть ли не целую гору!
Бог, напрягающий лук,— он ранее это оружие
Против лишь ланей одних направлял да коз быстроногих,—
Тысячу выпустив стрел и почти что колчан свой исчерпав,
Смерти предал его, и яд из ран заструился.

445 И чтобы славы о том не разрушило время, старея,
Установил он тогда состязанья, священные игры,—
Звали Пифийскими их по имени павшего змея.
Ежели юноша там побеждал в борьбе, или в беге,
Или в ристанье, за то получал он дубовые листья:
450 Не было лавров еще: прекрасным, длинноволосым,
Феб им виски окружал Любою древесною ветвью.

Первая Феба любовь — Пенеева Дафна; послал же
Деву не случай слепой, а гнев Купидона жестокий.
Как-то Делиец, тогда над змеем победою гордый,
455 Видел, как мальчик свой лук, тетиву натянув, выгибает.
«Что тебе, резвый шалун, с могучим оружием делать? —
Молвил. — Нашим плечам пристала подобная ноша,
Ибо мы можем врага уверенно ранить и зверя;
Гибельным брюхом своим недавно давившего столько
460 Места тысячью стрел уложили мы тело Пифона.
Будь же доволен и тем, что какие-то нежные страсти
Может твой факел разжечь; не присваивай подвигов наших!»
Сын же Венерин ему: «Пусть лук твой все поражает,
Мой же тебя да пронзит! Насколько тебе уступают
465 Твари, настолько меня ты все-таки славою ниже».
Молвил и, взмахом крыла скользнув по воздуху, быстрый,
Остановился, слетев, на тенистой твердыне Парнаса.
Две он пернатых достал из стрелоносящего тула,
Разных: одна прогоняет любовь, другая внушает.
470 Та, что внушает, с крючком, — сверкает концом она острым;
Та, что гонит, — тупа, и свинец у нее под тростинкой.
Эту он в нимфу вонзил, в Пенееву дочь; а другою,
Ранив до мозга костей, уязвил Аполлона, и тотчас
Он полюбил, а она избегает возлюбленной зватьсья.
475 Сумраку рада лесов, она веселится добыче,
Взятой с убитых зверей, соревнуясь с безбрачною Фебой.
Схвачены были тесьмой волос ее вольные пряди.
Все домогались ее, — домоганья ей были противны:
И не терпя и не зная мужчин, все бродит по рощам:
480 Что Гименей, что любовь, что замужество — нет ей заботы.
Часто отец говорил: «Ты, дочь, задолжала мне зятя!»
Часто отец говорил: «Ты внуков мне, дочь, задолжала!»
Но, что ни раз, у нее, ненавистницы факелов брачных,

Алая краска стыда заливала лицо молодое.
 485 Ласково шею отца руками она обнимала.
 «Ты мне дозвожь навсегда, — говорила, — бесценный родитель,
 Девственной быть: эту просьбу отец ведь исполнил Диане».
 И покори́лся отец. Но краса твоя сбывься желаньям
 Не позволяет твоим; противится девству наружностью.
 490 Феб полюбил, в брак хочет вступить с увиденной дево́й.
 Хочет и полон надежд; но своим же вещаньем обманут.
 Так, колосев лишась, возгорается легкое жниво
 Или пылает плетень от факела, если прохожий
 Слишком приблизит его иль под самое утро забудет, —
 495 Так обратился и бог весь в пламя, грудь полыхает,
 Полон надежд, любовь он питает бесплодную в сердце.
 Смотрит: вдоль шеи висят, неубраны, волосы. «Что же, —
 Молвит, — коль их причесать?» Он видит: огнями сверкают
 Очи — подобие звезд; он рот ее видит, которым
 500 Налюбоваться нельзя; превозносит и пальцы и руки,
 Пясти, и выше локтей, и полунагие предплечья,
 Думает: «Лучше еще, что сокрыто!» Легкого ветра
 Мчится быстрее она, любви не внимает призыву.
 «Нимфа, молю, Пенеида, постой, не враг за тобою!
 505 Нимфа, постой! Так лань ото льва и овечка от волка,
 Голуби так, крылом трепеща, от орла убегают,
 Все — от врага. А меня любовь побуждает к погоне.
 Горе! Упасть берегись; не для ран сотворенные стопы
 Да не узнают шипов, да не стану я боли причиной!
 510 Место, которым спешишь, неровно; беги, умоляю,
 Тише, свой бег удержи, и тише преследовать буду!
 Все ж, полюби́лась кому, спроси; я не житель нагорный,
 Я не пастух; я коров и овец не пасу, огрубелый.
 Нет, ты не знаешь сама, горделивая, нет, ты не знаешь,
 515 Прочь от кого ты бежишь, — оттого и бежишь! —
 мне Дельфийский
 Край, Тенед, и Клар, и дворец Патарейский покорны.
 Сам мне Юпитер отец. Чрез меня приоткрыто, что было,
 Есть и сбудется; мной согласуются песни и струны.
 520 Правда, метка стрела у меня, однако другая
 Метче, которая грудь пустую поранила ныне.
 Я врачеванье открыл; целителем я именуюсь
 В мире, и всех на земле мне трав покорствуют свойства.

Только увы мне! — любви никакая трава не излечит,
525 И господину не впрок, хоть впрок всем прочим, искусство». Больше хотел он сказать, но, полная страха, Пенейя Мчитя бегом от него и его неоконченной речи. Снова была хороша! Обнажил ее прелести ветер, Сзади одежды ее дуновением встречным трепались,
530 Воздух игривый назад, разметав, откидывал кудри, Бег удвоил красоту. И юноше-богу несносно Нежные речи терять: любовью движим самою, Шагу прибавил и вот по пятам преследует деву. Так на пустынных полях собака галльская зайца Видит: ей ноги — залог добычи, ему же — спасенья.
535 Вот уж почти нагнала, вот-вот уж надеется в зубы Взять и в заячий след впилась протянутой мордой. Он же в сомнении сам, не схвачен ли, но из-под самых Песьих укусов бежит, от едва не коснувшейся пасти. Так же дева и бог, — тот страстью, та страхом гонимы. Все же преследователь, крылами любви подвигаем, В беге быстрее; отдохнуть не хочет, он к шее беглянки Чуть не приник и уже в разметенные волосы дышит. Силы лишившись, она побледнела, ее победило
545 Быстрое бегство; и так, посмотрев на воды Пенейя, Молвит: «Отец, помоги! Коль могущество есть у потоков, Лик мой, молю, измени, уничтожь мой погибельный образ!» Только скончала мольбу, — цепенеют тягостно члены, Нежная девичья грудь корой окружается тонкой, Волосы — в зелень листвы превращаются, руки же — в ветви;
550 Резвая раньше нога становится медленным корнем, Скрыто листвою лицо, — красота лишь одна остается. Фебу мила и такой, он, к стволу прикасаясь рукою, Чувствует: все еще грудь под свежей корою трепещет,
555 Ветви, как тело, обняв, целует он дерево нежно, Но поцелуев его избегает и дерево даже. Бог — ей: «Если моею супругою стать ты не можешь, Деревом станешь моим, — говорит, — принадлежностью будешь Вечно, лавр, моих ты волос, и кифары и тула.
560 Будешь латинских вождей украшеньем, лишь радостный голос Грянет триумф и узрит Капитолий процессии празднеств, Августов дом ты будешь беречь, ты стражем вернейшим Будешь стоять у сеней, тот дуб, что внутри, охраняя,

И как моей головы вечно юн нестриженный волос,
565 Так же носи на себе свои вечнозеленые листья».
Кончил Пеан. И свои сотворенные только что ветви,
Богу покорствуя, лавр склонил, как будто кивая.

Есть в Гемонии дол; замыкает его по обрывам
Лес. Его Темпе зовут; по нему-то Пеней, вытекая
570 Прямо из Пиндовых недр, свои воды вспененные катит;
Тяжким паденьем своим в облака он пар собирает
И окропляет дождем морозящим леса вершины.
И утомительный шум оглашает не только окрестность.
Там находится дом, обиталище, недра святые
575 Этой великой реки; пребывая в скалистой пещере,
Водами правил Пеней и нимфами, жившими в водах.
Единоземные там сначала собираются реки,
Сами не зная,— отца поздравлять надлежит, утешать ли:
Сперхий, который родит тополя, Энипей беспокойный,
580 Тут же старик Апидан и Амфрид ленивый с Эрем;
После другие сошлись, которые в вольном стремленье
К морю выводят свои от блужданий усталые воды.
Инах один не пришел; в глубокой укрывшись пещере,
Множит он воды слезой; несчастный о дочери Ио
585 Плачет, как будто навек погибла; не знает, в живых ли
Или средь манов она,— но нигде он ее не находит;
Думает,— нет уж нигде, и худшего втайне боится.
Видел Юпитер ее, когда от реки возвращалась
Отчей, и — «Дева,— сказал,— что достойна Юпитера, всех бы
590 Ложем своим осчастливила ты; заходи же под сени
Рощ глубоких,— и ей он рощ показывал сени,—
Солнце пока высоко посредине стоит небосвода.
Если страшно одной подходить к звериным берлогам,
В рощ тайники ты войдешь, имея защитником бога,
595 И не из черни богов, но того, кто великий небесный
Скипетр держит в руке и летучие молнии мечет.
О, не беги!» Но бежала она. И пастища Лерны
Были уже позади, и Лиркея поля с деревьями
Тоже; но бог, наведя на землю странную темень,
600 Скрыл ее, бег задержал и стыд девичий похитил.
Тут-то Юнона с небес как раз и взглянула на Аргос,
И, подивившись тому, что летучее облако будто

Ночь среди белого дня навлекает, решила, что это
Не от реки, что оно поднялось не от почвенной влаги.
605 И огляделась кругом: где муж, — затем что проделки
Знала уже за своим попадавшимся часто супругом.
И, как его в небесах не нашла, — «Или я ошибаюсь,
Или обиду терплю!» — сказала, и с горнего неба
Плавню на землю сошла и уйти облакам повелела.
610 Он же супруги приход предчувствовал и незамедля
Инаха юную дочь превратил в белоснежную телку.
Но и телицей она — хороша. Сатурния хвалит, —
Нехотя, правда, — ее красоту; да чья, да откуда,
Стада какого она, вопрошает, как будто не зная.
615 Лжет Юпитер, — землей-де она рождена, — чтоб покончить
Эти расспросы. Ее в подарок Сатурния просит.
Что было делать? Любовь жестоко отдать, не отдать же —
Впрямь подозрительно. Стыд — отдать убеждает, любовь же —
Разубеждает его. И быть бы стыду победленным.
620 Все ж столь маленький дар, как телку, сестре и супруге
Не подарить, — так ее, пожалуй, сочтет не за телку!
Мужа любовницу взяв, отрешилась богиня не сразу
От опасенья: страшил ее муж, и обманы смущали.
И поручила ее сторожить Аресторову Аргу.
625 Кругом сотня очей на его голове разместилась.
И, соблюдая черед, лишь по два они отдыхали,
А остальные, служа, стоять продолжали на страже.
Где бы Арг ни стоял, постоянно смотрел он на Ио,
С Ио глаз не спускал, хотя б и спиной повернувшись.
630 Днем он пастись ей давал, но, только лишь солнце садилось,
В хлев запирал, обвязав недостойной веревкою шею.
Ио древесной листвою и горькой травой питалась,
Вместо постели лежит на земле, не всегда муравую
Устланной, бедная! Пьет из илистых часто потоков.
535 К Аргу однажды она протянуть с мольбою хотела
Руки, — но не было рук, что к Аргу могли б протянуться;
И, попытавшись пенять, издала лишь коровье мычанье
И ужаснулась сама — испугал ее собственный голос.
Вот побережьем идет, где часто, бывало, резвилась,
640 К Инаху: но лишь в воде увидела морду с рогами,
Вновь ужаснувшись, она от себя с отвращеньем бежала.

Сестры наяды ее не узнали; не знает сам Инах,
Кто перед ним. А она за отцом и за сестрами бродит,
Трогать себя им дает и ластится к ним, изумленным.
645 Свежей травы луговой протянул престарелый ей Инах.
Руку лижет она и отцовы целует ладони.
Слез не может сдержатъ и, последуй слово за ними,
Помощи б стала просить, назвалась бы и горе открыла.
650 Буква уже — не слова — ногой нанесенная в прахе,
Горестный знак подала об ее изменившемся теле.
«Горе мне!» — Инах-отец вскричал, повисая на шее
И на рогах мычащей в тоске белоснежной телицы.
«О, я несчастный! — вопит. — Не тебя ли везде и повсюду,
655 Дочь, я искал? О, когда б я тебя не обрел, не нашел бы,
Легче был бы мой плач. Молчишь, на мои ты, немая,
Не отвечаешь слова и только вздыхаешь глубоко
Или мычишь мне в ответ и большего сделать не можешь.
Я же, не знавший, тебе светильники брака готовил:
Первой надеждой моей был зять, второю внучата.
660 Ныне из стада возьмешь ты мужа, из стада и сына.
Даже и смертью нельзя мне столькие муки покончить!
Бог я — себе на беду, мне замкнуты двери кончины,
И неутешный мой плач продолжится вечные веки».
Так горевали они, но приблизился Арг многоокий,
665 Дочь оторвал от отца и ее на далекие гонит
Пастбища. Там, в стороне, горы он заметил вершину,
Сел на нее и глядит на четыре стороны света.
Горних правитель не мог таких Форониды несчастий
Долго терпеть; он сына зовет, порожденного светлой
670 Девой Плеядой; велит, чтоб смерти предал он Арга.
Долго ли крылья к ногам привязать, в могучую руку
Тростку снотворную взять, волоса покрывалом окутать!
Вот из отцова дворца, снаряжаясь, Юпитера отпрыск
Тотчас на землю скользнул, с головы покрывало откинул,
675 Также и крылышки снял. Лишь трость одну сохранил он;
Гонит он ею — пастух — уведенных потайно с собою
Коз, по полям без дорог, на тростинках свирели играя.
Голосом новым пленен блюститель Юнонин. «Кто б ни был
Ты, но можешь со мной усестись рядом на камень! —
680 Арг сказал. — Не найдешь ты места другого, где травы
Были б полезней скоту, а тень пастухам благодатней».

Отпрыск Атланта присел, разговором и долгой беседой
Длющийся день растянул и, на дудках играя скрепленных,
Втайне пытался меж тем одолеть сторожащие очи.
685 Все-таки борется тот, чтоб неге сна не поддаться;
И хоть уж часть его глаз в дрему погрузилась, другая
Бдит. Обращается он с вопросом, давно ли открыли
Способ, как сделать свирель,— и каким разумением открыли?
Бог же: «В холодных горах аркадских,— в ответ начинает,—
690 Самой известной была меж гамадриад онакринских
Дева-наядда одна, ее звали те нимфы Сириной.
Часто спасалась она от сатиров, за нею бегущих,
И от различных богов, что в тенистом лесу обитают
И в плодородных полях. Ортигийскую чтит богиню
695 Делом и девством она. С пояском, по уставу Дианы,
Взоры могла б обмануть и сойти за Латонию, если б
Не был лук роговым, а у той золотым бы он не был.
Путали всё же их. Раз возвращалась Сиринга с Ликея;
И увидал ее Пан и, сосною увенчан колючей,
700 Молвил такие слова...» — привести лишь слова оставалось
И рассказать, как, отвергнув мольбы, убегала Сиринга,
Как она к тихой реке, к Ладону, поросшему тростьем,
Вдруг подошла; а когда ее бег прегражден был водою,
Образ ее изменить сестриц водяных попросила;
705 Пану казалось уже, что держит в объятьях Сирингу,—
Но не девический стан, а болотный тростник обнимал он;
Как он вздыхает и как, по тростинкам задвигавшись, ветер
Тоненький звук издает, похожий на жалобный голос;
Как он, новым пленен искусством и сладостью звука,
710 «В этом согласье,— сказал,— навсегда мы останемся вместе!»
Так повелось с той поры, что тростинки неровные, воском
Слеплены между собой, сохраняют той девушки имя.
Только об этом хотел рассказать Киллений, как видит:
Все помоскнулись глаза, все очи от сна позакрылись.
715 Тотчас он голос сдержал и сна глубину укрепляет,
Тростью волшебной своей проводя по очам изнемогим.
Сонный качался, а бог незаметно мечом серповидным
Арга разит, где сошлись затылок и шея, и тело
Сбрасывает, и скалу неприступную кровью плтняет.
720 Арг, лежишь ты! И свет, в столь многих очах пребывавший,
Ныне погас, и одна всей сотней ночь овладела.

Дочь Сатурна берет их для птицы своей и на перья
Ей полагает, и хвост глазками звездистыми полнит.
И запылала она, отложить не изволила гнева
725 И, наводящую дрожь Эринию в очи и душу
Девы Аргосской наслав и в грудь слепые стремленья
Ей поселив, погнала ее в страхе по кругу земному.
Ты оставался, о Нил, последним в ее испытаньях.
Только достигла его, согнула колена у берега
730 Самого и улеглась, запрокинув упругую выю.
Может лишь кверху смотреть и к звездам глаза подымает;
Стоном и плачем своим, мычаньем, с рыданиями схожим,
Муки молила прервать, Юпитеру жалуюсь будто.
Он же, супругу свою обнимая вокруг шеи руками,
735 Просит, чтоб та наконец прекратила возмездие: «Страхи
Впредь отложи,— говорит,— никогда тебе дева не будет
Поводом муки»,— и сам к стигийским взывает болотам.
И лишь смягчилась она, та прежний свой вид принимает,
740 И пропадают рога, и кружок уменьшается глаза,
Снова сжимается рот, возвращаются плечи и руки,
И исчезает, на пять ногтей разделившись, копыто.
В ней ничего уже нет от коровы,— одна белизна лишь.
Службой довольствуясь двух своих ног, выпрямляется нимфа.
745 Только боится еще говорить,— подобно телице,
Не замычать бы,— и речь пресеченную пробует робко.
Ныне богиня она величайшая нильского люда.

Верят: родился Эпаф наконец у нее, восприявшей
Семя Юпитера; он в городах почитался, во храмах
750 Вместе с отцом. По летам и способностям ровнею был с ним
Солнца дитя Фазтон. Когда он однажды, зазнавшись,
Не пожелал уступить, похваляясь родителем Фебом,
Спеси не снес Инахид. «Во всем,— говорит,— ты, безумный,
Матери веришь, надмен, но в отце ты своем обманулся!»
755 Побагровел Фазтон, но стыдом удержал раздраженье
И поспешил передать Климене Эпафа попреки.
«Скорбь тем больше, о мать,— говорит,— что, свободный
и гордый,
Я перед ним промолчал; мне стыд — оскорбленье такое,—
Слово он вымолвить смог, но дать не смог я отпора!
760 Ты же, коль истинно я сотворен от небесного корня,

Знак даруй мне, что род мой таков; приобщи меня к небу!»

Молвил он так и обвил материнскую шею руками,
И головою своей и Меропсовой, сестриным браком
Клялся, моля, чтоб отца дала ему верные знаки.

765 Трудно сказать, почему Климена — мольбой Фартона

Тронута или гневясь, что взвели на нее обвиненье,—

Обе руки к небесам подняла и, взирая на солнце,—

«Светом его,— говорит,— чьи лучи столь ярко сверкают,

Сын, клянусь тебе им, который нас видит и слышит,—

770 Этим, которого зришь, вот этим, что правит вселенной,

Фебом рожден ты! Коль ложь говорю, себя лидезреть мне

Пусть воспретит, и очам сей день да будет последним!

Труд недолгий тебе — увидеть отцовских пенатов:

Там, где восход, его дом граничит с нашей землею.

775 Если стремишься душой, отправляйся и будешь им признан».

Тотчас веселый вскочил, услышав материнское слово,

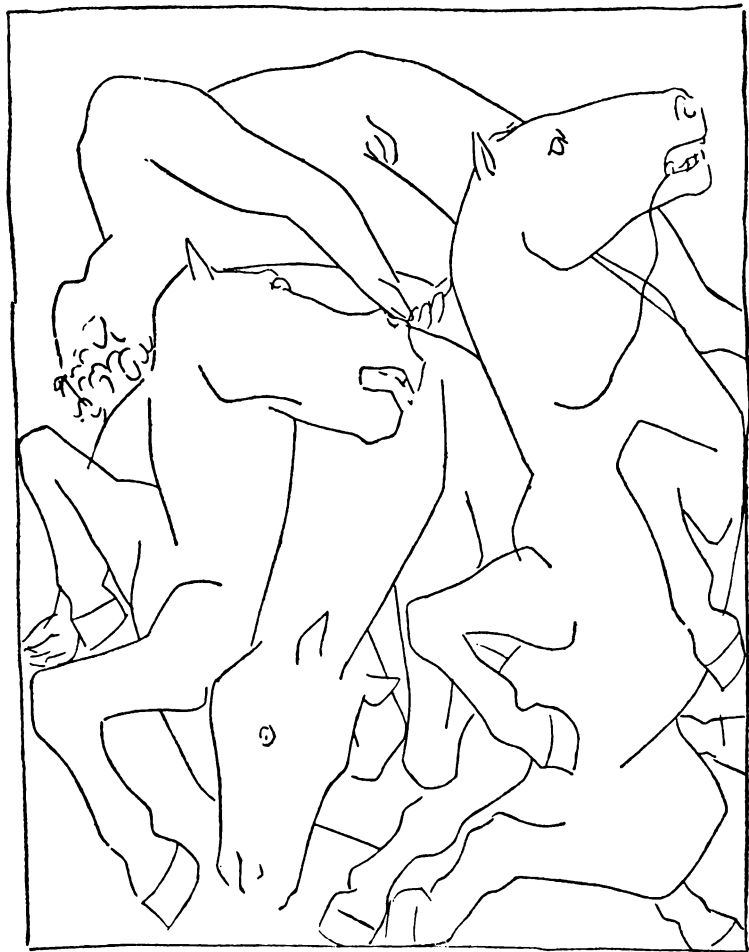
И уж готов Фартон охватить все небо мечтою.

Вот эфиопов своих и живущих под пламенем солнца

Индов прошел он и вмиг к отцовскому прибыл восходу.

КНИГА ВТОРАЯ

LIBER SECUNDUS

- Солнца высокий дворец подымался на стройных колоннах,
Золотом ясным сверкал и огню подражавшим пиропом.
Поверху был он покрыт глянцевитой слоновою костью,
Створки двойные дверей серебряным блеском сияли.
- 5 Материал превзошло мастерство,— затем, что явил там
Мультибер глади морей, охватившие поясом земли;
Круг земной показал и над кругом нависшее небо.
Боги морские в волнах: меж ними Тритон громогласный,
Непостоянный Протей, Эгеон, который сжимает
- 10 Мощным объятьем своим китов непомерные спины.
Также Дорида с ее дочерьми; те плавали в море,
Эти, присев на утес, сушили свой волос зеленый,
Этих же рыбы везли; лицом не тождественны были
И не различны они, как быть полагается сестрам.
- 15 А на земле — города, и люди, и роши, и звери,
Реки и нимфы на ней и разные сельские боги.
Сверху покрыты они подобьем блестящего неба.

Знаков небесных по шесть на правых дверях и на левых.
Только дорогой крутой пришел туда отпрыск Климены,
20 В дом лишь вошел он отца, в чьем не был отцовстве уверен,
Тотчас направил шаги к лицу родителя прямо
И в отдалении стал; не в силах был вынести света
Ближе. Сидел перед ним, пурпурной окутан одеждой,
Феб на престоле своем, сиявшем игрою смарагдов.
25 С правой и левой руки там Дни стояли, за ними
Месяцы, Годы, Века и Часы в расстояниях равных;
И молодая Весна, венком цветущим венчанна;
Голое Лето за ней в повязке из спелых колосьев;
Тут же стояла, грязна от раздавленных гроздьев, и Осень;
30 И ледяная Зима с взлохмаченным волосом белым.
Вот приведенного в страх новизною предметов с престола
Юношу Феб увидал все зрящими в мире очами.
«В путь для чего ты пошел? Что в этом дворце тебе надо,
Чадое мое, Фэтон? Тебя ли отвергну?» — промолвил.
35 Тот отвечает: «О свет всеобщий великого мира,
Феб, мой отец, если так называть себя мне позволяешь,
Если Климена вины не скрывает под образом ложным!
Дай мне, родитель, залог, по которому верить могли бы,
Что порожден я тобой,— отрешись заблужденья от духа».
40 Так он сказал. И отец лучи отложил, что сияли
Вкруг головы у него, велел пододвинуться ближе
И, обнимая его, — «Не заслужено, — молвит, — тобою,
Чтобы отверг я тебя, — Климена правду сказала.
А чтоб сомненье твое уменьшилось, дара любого
45 Ныне проси, и я дам. Свидетель — болото, которым
Клясться боги должны, очам незнакомое нашим».
Только он кончил, а тот колесницу отцовскую просит,
Права лишь день управлять крылоногими в небе конями.
И пожалел тут отец, что поклялся; три и четыре
50 Раз качнул головой лучезарной, сказав: «Безрассудна
Речь моя после твоей. О, если б мог я обратно
Взять обещанья! Поверь: лишь в этом тебе отказал бы.
Я не советую, сын. Опасны твои пожеланья.
Много спросил, Фэтон! Такие дары не подходят,
55 Сын мой, ни силам твоим, ни вовсе младенческим годам.
Смертного рок у тебя, а желанье твое не для смертных.
Больше того, что богам касаться дозволено горним,

Ты домогаешься. Пусть о себе мнит каждый, как хочет,
Все же не может никто устоять на оси пламеносной,
60 Кроме меня одного. И даже правитель Олимпа
Сам, что перуны стремится ужасной десницей, не станет
Сей колесницы вести. А кто же Юпитера больше?
Крут сначала подъем; поутру освеженные кони
Всходят едва по нему. Наивысшая точка — на полдне.
65 Видеть оттуда моря и земли порой самому мне
Боязно, грудь и моя, замирая, от страха трепещет.
Путь — по наклону к концу, и надо уверенно править.
Даже Тетида, меня внизу в свои воды приемля,
Страхом объята всегда, как бы я не низринул в пропасть.
70 Вспомни, что небо еще, постоянным влекомо вращеньем,
Вышние звезды стремится и движением крутит их быстрым.
Мчусь я навстречу, светил не покорствуя общему ходу;
Наперекор я один выезжаю стремительным кругом.
Вообрази, что я дам колесницу. И что же? Ты смог бы
75 Полюсов ход одолеть, не отброшенный быстрою осью?
Или, быть может, в душе ты думаешь: есть там дубровы,
Грады бессмертных богов и дарами богатые храмы?
Нет — препятствия там да звериные встретишь обличья!
Чтоб направленье держать, никакой не отвлечься ошибкой,
80 Должен ты там пролетать, где Тельца круторогого минешь,
Лук гемонийский и пасть свирепого Льва; Скорпиона,
Грозные лапы свои охватом согнувшего длинным,
И по другой стороне — клешнями грозящего Рака.
Четвероногих сдержать, огнем возбужденных, который
85 В их пламенеет груди и ноздрями и пастями пышет,
Будет тебе нелегко. И меня еле терпят, едва лишь
Нрав распалится крутой, и противится поводу выя.
Ты же,— чтоб только не стать мне даятелем смертного дара,—
Поберегись,— не поздно еще,— измени пожеланье!
90 Правда, поверив тому, что родился от нашей ты крови,
Верных залогов ты ждешь? Мой страх тебе — верным залогом!
То, что отец я,— отца доказует боязнь. Погляди же
Мне ты в лицо. О, когда б ты мог погрузить свои очи
В грудь мне и там, в глубине отцовскую видеть тревогу!
95 И, наконец, посмотри, что есть в изобильной вселенной:
Вот, из стольких ее — земных, морских и небесных —
Благ попроси что-нибудь,— ни в чем не получишь отказа.

От одного воздержись, — что казнью должно называться,
Честью же — нет. Фартон, не дара, но казни ты просишь!
100 Шею зачем мне обвил, неопытный, нежным объятьем?
Не сомневайся во мне — я клялся стигийскою влагой, —
Все, что желаешь, отдам. Но только желай поразумней».
Он увещанья скончал. Но тот отвергает советы;
Столь же настойчив, горит желаньем владеть колесницей.
105 Юношу все ж наконец, по возможности медля, родитель
К той колеснице ведет высокой — изделью Вулкана.
Ось золотая была, золотое и дышло, был обод
Вкруг колеса золотой, а спицы серебряны были.
Упряжь украсив коней, хризолиты и ряд самоцветов
110 Разных бросали лучи, отражая сияние Феба.
Духом отважный, стоит Фартон изумленный, на диво
Смотрит; но вечно бодр, уже на румянном востоке
Створы багряных дверей раскрывает Аврора и сени,
Полные роз. Бегут перед ней все звезды, и строй их
115 Люцифер гонит; небес покидает он стражу последним.
Видя его и узрев, что земли и мир заалели
И что рога у луны на исходе, истаяли будто,
Быстрым Орам Титан приказал запрягать, — и богини
Резвые вмиг исполняют приказ; изрыгающих пламя,
120 Сытых амброзией, вслед из высоких небесных конюшен
Четвероногих ведут, надевают им звонкие узды.
Сына лицо между тем покрывает родитель священным
Снадобьем, чтобы терпеть могло оно жгучее пламя;
Кудри лучами ему увенчал и, в предчувствии горя,
125 Сильно смущенный, не раз вздохнул тяжело и промолвил:
«Ежели можешь ты внять хоть этим отцовским советам,
Сын, берегись погонять и крепче натягивай вожжи.
Кони и сами бегут, удерживать трудно их волю.
Не соблазняйся путем, по пяти поясам вознесенным.
130 В небе прорезана вкось широким изгибом дорога,
Трех поясов шириной она ограничена: полюс
Южный минует она и Аркт, аквилонам соседний.
Этой дороги держись: следы от колес ты заметишь.
Чтоб одинаковый жар и к земле доносился и к небу,
135 Не опускайся и вверх, в эфир, не стреми колесницу.
Если выше помчишь — сожжешь небесные дóмы,
Ниже — земли сожжешь. Невредим серединой проедешь.

Не уклонился бы ты направо, к Змею витому,
 Не увлекло б колесо и налево, где Жертвенник плоский.
 140 Путь между ними держи. В остальном доверяю Фортуне,—
 Пусть помогает тебе и советует лучше, чем сам ты!
 Я говорю, а уже рубежи на брегах гесперийских
 Влажная тронула ночь; нельзя нам долее медлить.
 Требуют нас. Уже мрак убежал и Заря засветилась.
 145 Вожжи рукою схвати! А коль можешь еще передумать,
 Не колесницей моей, а советом воспользуйся лучше.
 Время еще не ушло, и стоишь ты на почве не зыбкой,
 Не в колеснице, тебе не к добру, по незнанию, желанной.
 Лучше спокойно смотри на свет, что я землям дарую».
 150 Юноша телом своим колесницу легкую занял,
 Встал в нее, и вожжей руками коснулся в восторге,
 Счастлив, и благодарит отца, несогласного сердцем.
 Вот крылатых меж тем, Пироя, Эоя, Флегона,
 Этона также, солнца коней, пламеносное ржанье
 155 Воздух наполнило. Бьют ногами засов; и как только,
 Внука не зная судьбы, открыла ворота Тетида
 И обнаружился вдруг простор необъятного мира,
 Быстро помчались они и, воздух ногами взрывая,
 Пересекают, несясь, облака и, на крыльях поднявшись,
 160 Опережают уже рождаемых тучами Эвров.
 Легок, однако, был груз, не могли ощутить его кони
 Солнца; была лишена и упряжь обычного веса,—
 Коль недостаточен груз, и суда крутобокие валки,
 Легкие слишком, они на ходу неустойчивы в море,—
 165 Так без нагрузки своей надлежащей прядает в воздух
 Иль низвергается вглубь, как будто пуста, колесница.
 Только почуяла то, понесла четверня, покидая
 Вечный накатанный путь, бежит уж не в прежнем порядке.
 В страхе он сам. И не знает, куда врученные дернуть
 170 Вожжи и где ему путь. А и знал бы, не мог бы управить!
 Тут в лучах огневых впервые согрелись Трионы,
 К морю, запретному им, прикоснуться пытаюсь напрасно.
 Змий, что из всех помещен к морозному полюсу ближе,
 Вялый от стужи, дотоль никому не внушавший боязни,
 175 Разгорячась, приобрел от жары небывалую ярость.
 Помнят: и ты, Волопас, смущенный, бросился в бегство,
 Хоть и медлителен был и своею задержан повозкой!

Только несчастный узрел Фаэтон с небесной вершины
Там, глубоко-глубоко, под ним распростерты земли.
180 Он побледнел, у него задрожали от страха колени
И темнотою глаза от толикого света покрылись.
Он уж хотел бы коней никогда не касаться отцовских,
Он уж жалеет, что род свой узнал, что уважена просьба,
Зваться желая скорей хоть Меропсовым сыном; несется,
185 Как под Бореем корабль, когда обессилевший кормчий
Править уже перестал, на богов и обеты надеясь!
Как ему быть? За спиной уж немало неба осталось,
Больше еще впереди. Расстоянья в уме измеряет;
То он на запад глядит в пределы, которых коснуться
190 Не суждено, а порой на восток, обернувшись, взирает;
Оцепенел, не поймет, как быть, вожжей не бросает, —
Но и не в силах коней удержать и имен их не знает.
В трепете видит: по всем небесам рассеяны чуда
Разнообразные; зрит огромных подобья животных.
195 Место на небе есть, где дугой Скорпион изгибает
Клешни свои, хвостом и кривым двусторонним объятьем
Вширь растянулся и вдаль, через два простираясь созвездья,
Мальчик едва лишь его, от испарины черного яда
Влажного, жалом кривым готового ранить, увидел, —
200 Похолодел и, без чувств от ужаса, выронил вожжи.
А как упали они и, ослабнув, крупов коснулись,
Кони, не зная преград, без препятствий уже, через воздух
Краем неведомым мчат, куда их порыв увлекает,
И без управы несут; задевают недвижные звезды,
205 Мча в поднебесной выси, стремят без пути колесницу, —
То в высоту заберут, то, крутым спускаясь наклоном,
В более близком уже от земли пространстве несутся.
И в удивленье Луна, что мчатся братнины кони
Ниже, чем кони ее; и дымят облака, занимаясь.
210 Полями землю уже на высотах ее охватило;
Щели, рассевшись, дает и сохнет, лишенная соков,
Почва, седеют дуга, с листвою пылают деревья;
Нивы на горе себе доставляют пламени пищу.
Мало беды! Города с крепостями великиги гибнут
215 Вместе с народами их, обращают в пепел пожары
Целые страны. Леса огнем полыхают и горы:
Тавр Киликийский в огне, и Тмол с Афоном, и Эта;

Ныне сухая, дотоль ключами обильная Ида,
Дев приют — Геликон и Гем, еще не Эагров.
220 Вот двойным уж огнем пылает огромная Этна;
И двухголовый Парнас, и Кинт, и Эрикс, и Офрис;
Снега навек лишены — Родопа, Мимант и Микала,
Диндима и Киферон, для действий священных рожденных,
Скифии стужа ее не впрок; Кавказ полыхает.
225 Также и Осса, и Пинд, и Олимп, что выше обоих.
Альп поднебесных гряда и носители туч Апеннины.
Тут увидал Фаэтон со всех сторон запыхавший
Мир и, не в силах уже стерпеть столь великого жара,
Как из глубокой печи горячий вдыхает устами
230 Воздух и чует: под ним раскалилась уже колесница.
Пепла, взлетающих искр уже выносить он не в силах,
Он задыхается, весь горячим окутанный дымом.
Где он и мчится куда — не знает, мраком покрытый
Черным, как смоль, уносим крылатых коней произволом,
235 Верят, что будто тогда от крови, к поверхности тела
Хлынувшей, приобрели черноту эфиопов народы.
Ливия стала суха, — вся зноем похищена влага.
Волосы пораспустив, тут стали оплакивать нимфы
Воды ключей и озер. Беотия кличет Диркею;
240 Аргос — Данаеву дочь; Эфира — Пиренские воды.
Рекам, которых берега отстоят друг от друга далеко,
Тоже опасность грозит: средь вод Танаис задымился
И престарелый Пеней, а там и Каик тевфранийский,
И быстроводный Исмен, и с ним Эриманф, что в Псофиде;
245 Ксанф, обреченный опять запалать, и Ликорм желтоватый,
Также игривый Меандр с обратно текущей струей,
И мигдонийский Мелант, и Эврот, что у Тенара льется;
Вот загорелся Евфрат вавилонский, Оронт загорелся,
Истр и Фасис, и Ганг, Фермодонт с падением быстрым;
250 Вот закипает Алфей, берега Сперхей пылают;
В Таге-реке, от огня растопившись, золото льется,
И постоянно берега меоийские славивших песней
Птиц опалило речных посредине теченья Каистра.
Нил на край света бежал, перепуган, и голову спрятал,
255 Так и доныне она все скрыта, а семь его устьей
В знойном лежали песке — семь полых долин без потоков,
Жребий сушит один исмарийский Гебр со Стримоном,

Также и Родан, и Рен, и Пад — гесперийские реки,
Тибр, которому власть над целым обещана миром!
260 Трешины почва дала, и в Тартар проник через щели
Свет и подземных царя с супругою в ужас приводит,
Море сжимается. Вот уж песчаная ныне равнина,
Где было море вчера; покрытые раньше водою,
Горы встают и число Киклад раскиданных множат.
265 Рыбы бегут в глубину, и гнутым дугою дельфинам
Боязно вынестись вверх из воды в привычный им воздух;
И бездыханны плывут на спине по поверхности моря
Туши тюленей. Сам, говорят, Нерей и Дорида
Вместе с своими детьми в нагретых скрылись пещерах.
270 Трижды Нептун из воды, с лицом искаженным, руки
Смелость имел протянуть, — и трижды не выдержал зноя.
Вот благодатная мать Земля, окруженная морем,
Влагой теснима его и сжатыми всюду ключами,
Скрывшими токи свои в материнские темные недра,
275 Только по шею лицо показав, истомленное жаждой,
Лоб заслонила рукой, потом, великою дрожью
Все потрясая, чуть-чуть осела сама, и ниже
Стала, чем раньше, и так с пересохшей сказала гортанью:
«Если так должно и стою того, — что ж медлят перуны,
280 Бог высочайший, твой? Коль должна от огня я погибнуть,
Пусть от огня твоего я погибну и муки избегну!
Вот уж насилу я рот для этой мольбы раскрываю, —
Жар запирает уста, — мои волосы, видишь, сгорели!
Сколько в глазах моих искр и сколько их рядом с устами!
285 Так одаряешь меня за мое плодородье, такую
Чсть воздаешь — за то, что ранения острого плуга
И бороны я терплю, что круглый год я в работе.
И что скотине листву, плоды же — нежнейшую пишу —
Роду людскому даю, а вам приношу — фимиамы?
290 Если погибли я заслужила, то чем заслужили
Воды ее или брат? Ему врученные роком,
Что ж убывают моря и от неба все дальше отходят?
Если жалостью ты ни ко мне, ни к брату не тронут,
К небу хоть милостив будь своему: взгляни ты на оба
295 Полюса — оба в дыму. А если огонь повредит их,
Рухнут и ваши дома. Атлант и тот в затрудненье,
Еле уже на плечах наклоненных держит он небо,

Если погибнут моря, и земля, и неба палаты,
В древний мы Хаос опять замешаемся. То, что осталось,
300 Вырви, молю, из огня, позаботься о благе вселенной!»
Так сказала Земля; но уже выносить она жара
Дольше не в силах была, ни больше сказать, и втянула
Голову снова в себя, в глубины, близжайшие к манам.
А всемогущий отец, призвав во свидетели вышних
305 И самого, кто вручил колесницу, — что, если не будет
Помощи, все пропадет, — смущен, на вершину Олимпа
Всходит, откуда на ширь земную он тучи наводит,
И подвигает грома, и стремительно молнии мечет.
Но не имел он тогда облаков, чтоб на землю навесьть их,
310 Он не имел и дождей, которые пролил бы с неба.
Он возгремел, и перун, от правого пущенный уха,
Кинул в возницу, и вмиг у него колесницу и душу
Отнял зараз, укротив неистовым пламенем пламя.
В ужасе кони, прыжком в обратную сторону прянув,
315 Сбросили с шеи ярмо и вожжей раскидали обрывки.
Здесь лежат удила, а здесь, оторвавшись от дышла,
Ось, а в другой стороне — колес разбившихся спицы;
Разметены широко колесницы раздробленной части.
А Фэтон, чьи огонь похищает златистые кудри,
320 В бездну стремится и, путь по воздуху длинный свершая,
Мчится, подобно тому, как звезда из прозрачного неба
Падает или, верней, упadaющей может казаться.
На обороте земли, от отчизны далеко, великий
Принял его Эридан и дымящийся лик омывает.
325 Руки наяд-гесперид огнем триязычным сожженный
Прах в могилу кладут и камень стихом означают:
«Здесь погребен Фэтон, колесницы отцовской возница;
Пусть ее не сдержал, но, дерзнув на великое, пал он».
И отвернулся отец несчастный, горько рыдая;
330 Светлое скрыл он лицо; и, ежели верить рассказу,
День, говорят, без солнца прошел: пожары — вселенной
Свет доставляли; была и от бедствия некая польза.
Мать же Климена, сказав все то, что в стольких несчастьях
Должно ей было сказать, в одеяниях скорбных, безумна,
335 Грудь терзая свою, весь круг земной исходила;
Все бездыханную плоть повсюду искала и кости, —
Кости нашла наконец на чуждом побережье, в могиле.

Тут же припала к земле и прочтенное в мраморе имя
Жаркой слезой облила и ласкала открытою грудью.
340 Дочери Солнца о нем не меньше рыдают, и слезы —
Тщетный умершему дар — несут, и, в грудь ударяя, —
Горестных жалоб хоть он и не слышит уже, — Фартона
Кличет и ночью и днем, и простершись лежат у могилы.
Слив рог с рогом, Луна становилась четырежды полной.
345 Раз, как обычно, — затем что вошло гореванье в обычай, —
Вместе вопили они; Фартуза меж них, из сестер всех
Старшая, наземь прилечь пожелав, простонала, что ноги
Окоченели ее; приблизиться к ней попыталась
Белая Лампетид, но была вдруг удержана корнем.
350 Третья волосы рвать уже собиралась руками —
Листья стала срывать. Печалится эта, что держит
Ствол ее ноги, а та — что становятся руки ветвями.
У изумленной меж тем кора охватила и лоно
И постепенно живот, и грудь, и плечи, и руки
355 Вяжет — и только уста, зовущие мать, выступают.
Что же несчастная мать? Что может она? — неумно
Ходит туда и сюда и, пока еще можно, целует!
Этого мало: тела из стволов пытается вырвать,
Юные ветви дерев ломает она, и оттуда,
360 Словно из раны, сочась, кровавые капают капли.
«Мать, молю, пожалей!» — которая ранена, кличет.
«Мать, молю! — в деревьях тела терзаются наши...
Поздно — прощай!» — и кора покрывает последнее слово.
Вот уже слезы текут; источась, на молоденьких ветках
365 Стынет под солнцем янтарь, который прозрачной рекою
Принят и катится вдаль в украшение женам латинским.

Кикн, Сфенела дитя, при этом присутствовал чуде.
Он материнской с тобой был кровью связан, но ближе
Был он по духу тебе, Фартон. Оставивши царство, —
370 Ибо в Лигурии он великими градами правил, —
Берег зеленый реки Эридана своей он печальной
Жалобой наполнил и лес, приумноженный сестрами друга.
Вдруг стал голос мужской утончаться, белые перья
Волосы кроют ему, и длинная вдруг протянулась
375 Шея; стянула ему перепонка багряные пальцы,
Крылья одели бока, на устах клюв вырос неострый.

Новой стал птицею Кикн. Небесам и Юпитеру лебедь
 Не доверяет, огня не забыв — их кары неправой, —
 Ищет прудов и широких озер и, огонь ненавидя,
 380 Предпочитает в воде, враждебной пламени, плавать.
 Темен родитель меж тем Фартона, лишенный обычной
 Славы венца, как в час, когда он отходит от мира;
 Возненавидел он свет, и себя, и день лучезарный,
 Скорби душой предался, и к скорби гнева добавил,
 385 И отказался служить вселенной. «Довольно, — сказал он, —
 Жребий от века был мой беспокоен, мне жаль совершенных
 Мною всedневних трудов, — что нет ни конца им, ни чести.
 Пусть, кто хочет, другой светоносную мчит колесницу!
 Если же нет никого, и в бессилье признаются боги,
 390 Правит пусть сам! — чтобы он, попробовав наших поводов,
 Молний огни отложил, что детей у отцов отнимают.
 Тут он узнает, всю мощь коней испытав огнеогих,
 Что незаслуженно пал не умевший управиться с ними».
 Но говорящего так обступают немедленно Феба
 395 Все божества и его умоляют, прося, чтобы тени
 Не наводил он на мир. Юпитер же молнии мечет
 И, добавляя угроз, подтверждает державно их просьбы.
 И, обезумевших, впряг, еще трепещущих страхом,
 Феб жеребцов, батоном и бичом свирепствуя рьяно.
 400 Бьет, свирепствует, их обвиняя в погибели сына.
 А всемогущий отец обходит огромные стены
 Неба; тщательно стал проверять: от огня расшатавшись,
 Не обвалилось ли что. Но, уверясь, что прежнюю крепость
 Все сохранило, он взор направил на землю и беды
 405 Смертных. Но более всех о своей он Аркадии полон
 Нежных забот. Родники и еще не державшие литься
 Реки спешит возродить и почве траву возвращает,
 Листья — деревьям, велит лесам зеленеть пострадавшим.
 Часто бывает он там, и вот поражен онакринской
 410 Девушкой, встреченной им, — и огонь разгорается в жилах.
 Не занималась она чесанием шерсти для тканей.
 Разнообразить своей не умела прически. Одежду
 Пряжка держала на ней, а волосы — белая повязь.
 Легкий дротик она иль лук с собою носила;
 415 Воином Фебы была. Не ходила вовек по Меналу
 Дева, Диане милей Перекрестной. Но всё — мимолетно!

Уж половину пути миновало высокое солнце,—
Девушка в рощу вошла, что порублена век не бывала.
Скинула тотчас колчан с плеча и лук отложила
420 Гибкий, сама же легла на травую покрытую землю;
Так, свой расписанный тул подложив под затылок, дремала.
Только Юпитер узрел отдыхавшую, вовсе без стража,—
«Эту проделку жена не узнает, наверно,— промолвил,—
Если ж узнает, о пусть! Это ль ругани женской не стоит?»
425 Вмиг одеяние он и лицо принимает Дианы
И говорит: «Не одна ль ты из спутниц моих? На которых,
Дева, охотилась ты перевалах?» И дева с лужайки
Встала. «Привет,—говорит,—божеству, что в моем рассужденье
Больше Юпитера, пусть хоть услышит!» Смеется Юпитер,
430 Рад, что себе самому предпочтен, и дарит поцелуи;
Он неумерен, не так другие целуются девы.
В лес направлялась какой, рассказать готовую деву
Стиснул в объятиях он,— и себя объявил не безвинно.
Сопротивляясь, она — насколько женщина может —
435 С ним вступает в борьбу, но Юпитера дева какая
(Если бы видела ты, о Сатурния, ты бы смягчилась!)
Может осилить и кто из богов? Победитель Юпитер
Взмыл в небеса. Опостылел ей лес — достоверный свидетель,—
Чуть не забыла она, удаляясь оттуда, колчан свой
440 Взять и стрелы и лук, на ветку повешенный рядом.
Вот с хороводом своим Диктинна по высям Менала
Шествуя, диких зверей удачным горда убиеньем,
Видит ее и, увидев, зовет; но в испуге сначала
Та убегает, боясь, не Юпитер ли вновь перед нею.
445 Но, увидав, что идут с ней вместе и нимфы, решила
Дева, что козней тут нет, и к легкой толпе их примкнула.
Как преступленья — увы! — лицом не выказать трудно!
Очи едва подняла, пошла, но не рядом с богиней,
Как то бывало; теперь из целого строя не первой.
450 Молча идет и свое выдает поруганье румянцем.
Девой когда б не была, могла бы по тысяче знаков
Видеть Диана вину; говорят, и увидели нимфы!
Лунные в небе рога возникали уж кругом девятым,
Как, от охоты устав, истомленная пламенем брата,
455 В свежую рощу придя, откуда струился с журчаньем
Светлый ручей и катил волною песок перетертый,

Местность одобрив, к воде стопою она прикоснулась
 И, похваливши ручей, — «Далеко, — говорит, — соглядатай
 Всякий; нагие тела струею бегущей омоем!»
 460 Бросилась краска в лицо Паррасийки. Все сняли одежды,
 Медлит она лишь одна. Со смутившейся платье снимают.
 Только лишь спало оно, наготово был грех обнаружен.
 Остолбеневшей, закрыть пытавшейся лоно руками, —
 «Прочь, — сказала, — иди, родника не скверни мне святого!» —
 465 Кинтия и отойти от своих приказала ей спутниц.
 Знала об этом давно супруга Отца-Громовержца,
 Но до удобнейших дней отлагала жестокую кару.
 Медлить не стало причин: уж мальчик Аркад — он Юноне
 Больше всего досаждал — у любовницы мужа родился.
 470 Вот, обратившись туда свирепым взором и сердцем, —
 «Этого лишь одного не хватало, беспутница, — молвит, —
 Чтобы ты плод принесла и обиду сделала явной
 Родами, всем показав моего Юпитера мерзость.
 Это тебе не пройдет. погоди! Отниму я наружность,
 475 Вид твой, каким моему ты, наглая, нравишься мужу!»
 Молвила так и, схватив за волосы, тотчас же наземь
 Кинула навзничь ее. Простирала молившая руки, —
 Начали руки ее вдруг черной щетиниться шерстью,
 Кисти скривились, персты изогнулись в звериные когти,
 480 Стали ногами служить; Юпитеру милое прежде,
 Обезобразилось вдруг лицо растянувшейся пастью.
 И чтоб душу его молений слова не смягчали,
 Речь у нее отняла, — и злой угрожающий голос,
 Ужаса полный, у ней из хриплой несется гортани.
 485 Прежний, однако же, дух остался в медведице новой,
 Стоном всечасным она проявлять продолжает страданья,
 Руки, какие ни есть, простирает к звездам небесным,
 И хоть не может сказать, но коварство Юпитера помнит.
 490 Ах, сколь часто, в лесу не решаясь остаться пустынным,
 В поле, когда-то своем, и около дома блуждала!
 Ах, сколь часто меж скал, гонимая лаем собачьим,
 Видя охотников, прочь — охотница — в страхе бежала!
 Часто, при виде зверей, позабыв, чем стала, скрывалась
 Или, медведицей быв, пугалась при встрече с медведем.
 495 И устрасалась волков, хоть родимый отец был меж ними.
 Вот, Ликаонии сын, не знавшее матери чадо,

Вдруг появился Аркад, почти что пятнадцатилетний.
Диких гоняя зверей, ища поудобней урочищ,
Только успел окружить он лес Эриманфский сетями,
500 Как натолкнулся на мать: та стояла, Аркада увидев,
Будто узнала его. Но он убежал и недвижных
Глаз в упор на него устремленных,— не зная, в чем дело,—
Перепугался и ей, подойти пожелавшей поближе,
Сам смертоносную в грудь вонзить стрелу собирался.
505 Не допустил Всемогуший и их с преступлением вместе
Поднял, пространством пустым на быстром ветре промчал их,
На небе их поместил и создал два рядом созвездья.
Тут закипела вдвойне Юнона, увидев, как блещет
В небе блудница; к седой спускается в море Тетиде
510 И к Океану-отцу,— и вышние боги нередко
Их почитали,— и так начала о причине прихода:
«Знать вы хотите, зачем из небесного дома спустилась
К вам царица богов? Уж небом другая владеет!
Пусть я солгу, коль в ночи, обнимающей мир темнотою,
515 В самой небесной выси, удостоенных только что чести
Вы не увидите звезд — мою язву! — в месте, где полюс
Крайним вокруг обведен кратчайшим поясом неба.
Истинно, кто оскорбить не захочет Юнону? Обидев,
Кто затрепещет? Одна что с ними могу я поделать?
520 Много же сделала я! Обширно могущество наше!
Я запретила ей быть человеком,— богинею стала!
Так-то дано мне виновных карать, вот как я могуча!
Лучше пусть прежний свой вид обретет и звериную морду
Скинет! Так сделал уж раз он с той Форонидой аргивской!
525 И почему он, прогнав Юнону, не ввел ее в дом свой,
В спальню мою не вселил и не выбрал в зятя Ликаона?
Если трогает вас небреженье к питомице вашей,
Эту Медведицу вы от пучины морской удалите
И в небеса за разврат попавшие звезды гоните,—
530 Не погружаться чтоб ей, распутнице, в чистое море!»
И согласились морей божества. И Сатурния быстро
В ясное небо свое на расписанных взмыла павлинах,
Тех павлинах, чей хвост расписан зеницами Арга.
То же случилось с тобой, ворон речивый, недавно
535 Бывший белым,— твои вдруг черными сделались крылья,
Ибо когда-то ты был серебряной, снега белее,

Птицей, сравниться бы мог с голубями, что вовсе без пятен,
 Не уступал ты гусям, что некогда голосом бодрым
 Нам Капитолий спасли, ни лебедю, другу потоков.
 540 Сгублен он был языком. Язык — причина, что белым
 Раньше был цвет, а теперь обратным белому стал он.
 Не было краше во всей Гемонийской стране Корониды,
 Что из Лариссы. Ее любил ты, Дельфиец, покамест
 545 Чистой была иль, верней, незамеченной. Только измену
 Фебов ворон узнал и, тайный девы проступок
 Намереваясь раскрыть, доносчиком неумолимым
 Тотчас отправился в путь к господину. Крыльями машет,
 Рядом летит — чтобы все разузнать — говоруха-ворона.
 550 Про путешествия цель услышав, — «Ты, безгодный, предпринял
 Путь, — говорит, — моего языка не отвергни вещаний.
 Чем я была, что теперь, погляди и суди, по заслуге ль.
 Сам убедишься ты, как повредила мне верность. Когда-то
 Был Эрихтоний, — дитя, не имевшее матери вовсе, —
 555 Девой Палладою в кош из актейской заперт лозины.
 Спрятав, девушкам трем, от двойного Кекропа рожденным,
 Строгий приказ отдала ее не подсматривать тайны.
 Легкою скрыта листвою, смотрела с густого я вяза,
 Что они делали. Две без обмана хранили корзину, —
 560 Герса с Пандросой. Сестер нерешительных кличет Аглавра,
 Третья, — рукою узлы разрешает, и видят: в корзине
 То ли ребенок лежит, то ль некий дракон распростерся.
 Я обо всем доношу богине. За эту услугу
 Мне благодарность была: я лишилась защиты Минервы.
 565 Ниже теперь я и птицы ночной. В моем наказанье
 Всем пернатым пример, чтобы голосом бед не искали.
 А между тем не по воле моей — я ее не просила —
 Та домогалась меня! Спроси у самой хоть Паллады.
 Пусть даже в гневе она, отрицать и в гневе не станет.
 570 Ибо в Фокейской земле Короней знаменитый отцом мне —
 Дело известное — был; возрастала я царственной девой.
 Не презирай; женихам была я богатым желанна.
 Да погубила краса: когда я по берегу шагом
 Медленным шла, как всегда, по глади гуляя песчаной,
 575 Друг увидал меня бог морской и зажегся. И так как
 Трагил лишь время, моля понапрасну умильною речью,
 Силой преследовать стал. Бегу, покинула плотный

Берег и в рыхлом песке утомляю себя понапрасну.
Тут и богов и людей я зову, но не слышит из смертных
580 Криков моих ни один, — лишь тронута девою Дева.
Помощь она подала. Простирала руки я к небу —
Руки начали вдруг чернеть оперением легким.
Силится скинуть я с плеч одежду, — она превратилась
В перья, их корни уже проникали глубоко под кожу.
585 В голую грудь ударять ладонями я попыталась, —
Но ни ладоней уже, ни голой не было груди.
Дальше бежала, — песок уже ног не задерживал боле,
Я подымалась с земли; по воздуху вскоре на крыльях
Мчусь. Невинной дана я спутницей деве Минерве.
590 Только какой в том прок, когда, из-за черного дела
Птицею став, моей Никтимена наследует чести?
О преступлении том, которое знает весь Лесбос,
Разве же ты не слышал? Никтимена на ложе отцово
Как покусилась? Она, — хоть и птица, — вину сознавая,
595 Взоров и света бежит и стыд скрывает во мраке,
И прогоняют ее все птицы в просторе небесном».
Так говорившей, — «Тебе эти рассказы, — ворон промолвил, —
Пусть обернутся во зло. Презираю пустые вещанья».
И не прервал он пути и потом рассказал господину,
600 Как он лежащей застал с гемонийцем младым Корониду.
Лишь услышал о беде, обронил свои лавры влюбленный;
И одновременно лик божества, и плектр, и румянец —
Сразу все сникло. Душа закипела, набухшая гневом,
Тотчас хватает свое он оружие и гнутой дугою
605 Лук напрягает и грудь, что часто сливалась, бывало,
С грудью его, он своей неизбежной пронзает стрелою.
Ранена, стон издала Коронида и, вынув железо,
Белые члены свои залила почерневшею кровью,
Молвив, — «Могла я, о Феб, от тебя испытать наказания, —
610 Только сначала родить: теперь умираем мы — двое»,
Только успела сказать — и жизнь свою вылила с кровью.
Тело ее без души погрузилось в холод смертельный.
Поздно влюбленный, увы, пожалел о возмездье жестоком,
Возненавидел себя, — что послушал, что так распалился, —
615 Птицу — вестницу зла, — чрез которую грех и причину
Должен был горя узнать; ненавидит не меньше он лук свой,
Руку свою и оружие в руке — безрассудные стрелы.

Мертвой он ласки дарит и поздним стараньем стремится
Рок победить и вотще применяет свое врачеванье.
620 Но лишь попыток тщету увидал и костер возведенный,
Понял, что скоро в огне последнем сгорит ее тело,
Стоны стал издавать, — ведь лик небесный слезами
Не подобает влажнить! — исторгал их в печали из глуби
Сердца: так точно мычит корова, когда перед нею
625 Молот ее сосунку, занесенный от правого уха,
Бьет еще впалый висок и дробит его громким ударом.
После того как излил он на грудь благовония скорби
И, обнимая ее, свой долг не по долгу исполнил,
Феб не вынес того, что семя его обратится
630 В пепел сейчас, из огня и утробы родительской сына
Вырвал он и перенес к кентавру Хирону в пещеру;
Ворону он воспретил, ожидавшему тщетно награды
За откровенную речь, меж белых птиц оставаться.
А между тем полуживь питомцу божественной крови
635 Рад был, он чести такой веселился, хоть труд был и тяжек.
Рыжая как-то пришла, с волосами, покрывшими плечи,
Дочь Кентавра; ее когда-то нимфа Харикло
Около быстрой реки родила и имя дала ей
Окиронея. Она постиженьем отцова искусства
640 Не удовольствовалась: прорицала грядущего тайны.
Так, исступленье едва пророчицы дух охватило,
Только зажглось божеством в груди у нее затаенным,
Лишь увидала дитя, — «Для мира всего благодатный,
Мальчик, расти! — говорит, — обязаны будут нередко
645 Смертные жизнью тебе: возвращать ты души им сможешь.
К негодованью богов, однажды на это решишься —
Чудо тебе повторить воспрепятствует молния деда.
Станешь ты — ранее бог — бескровным прахом, и богом
Станешь из праха опять, два раза твой рок обновится.
650 Ты же, отец дорогой, бессмертный, и самым рожденьем
Веки веков пребывать назначенный, так сотворенный,
Смерти возжаждешь своей, как будешь ты кровью терзаться
Грозной змеи, восприняв тот яд пораненным телом.
Из вековечного тут божества тебя сделают снова
655 Смертным, и нить разрешат триединые сестры-богини».
Не досказала судеб, исторгла глубокий из груди
Вздых, и слезы из глаз у нее заструились потоком.

«Рок изменяет меня,— говорит,— не позволено больше
Высказать мне, и уже замыкается речи способность.
680 Что мне в искусстве моем, которое только бессмертных
Гнев навлекло на меня: предпочла бы не знать о грядущем!
Вот уж как будто мое исчезает лицо человечье,
Вот уж вкусна мне трава, бежать по широкому полю
Тянет. В родную мне плоть, в кобылицу уже превращаюсь.
665 Но почему же я вся? — двуобразен мой ведь родитель!»
Так говорила, но часть последнюю жалобы трудно
Было уже разобрать; слова становились неясны.
Вскоре уж то не слова и не ржанье кобылы как будто,
Но подражанье коню; через время недолгое точно
670 Ржанье она издает и руками по лугу движет.
Сходятся пальцы тогда, вот пять ногтей уж связало
Резвое рогом сплошным копыто; длина возрастает
Шеи ее и лица; часть большая длинного платья
Стала хвостом; волоса, как лежали свободно вдоль шеи,
675 Гривою вправо легли. Соответственно вдруг изменились
Голос ее и лицо. И по чуду ей дали прозвание.
Помощи, плача, молил Филирой от бога зачатый,
Тщетно, Делиец, твоей. Не мог ты пресечь повелений,
Что от Юпитера шли, а если пресечь их и мог бы,
680 Не был ты там: обитал ты в Элиде, в лугах мессенийских.
Было то время, когда тебя покрывала пастушья
Шкура; посох держал деревенский ты левой рукою,
Правой рукою — свирель из семи неравных тростинок.
Память преданье хранит, что, пока ты был занят любовью
685 И услаждался игрой, стада без охраны к пилийским
Вышли полям. Увидал их как раз Атлантовой Майи
Сын, их ловко увел и в дебри спрятал надежно.
Кражи никто не узнал,— один лишь известный в деревне
Некий старик; по соседству его величали все Баттом.
690 У богача у Нелея стерег он луга травяные
И перелески и пас табуны кобылиц благородных.
Струсил тут бог и, рукой отведа его ласково, молвит:
«Кто бы ты ни был, дружок,— коль кто случайно про стадо
Спрашивать станет, скажи: не видал, и за то благодарность
695 Будет тебе: получай шелковистую эту корову».
Дал. На подарок в ответ тот молвит: «Приятель, спокойно
В путь отправляйся. Скорей проболтается камень вот этот».

И указал он рукой на камень. А сын Громовержца
Будто ушел и — назад, изменив лишь голос и облик, —
700 «Ты, селянин, не видал, не прошло ли вот этой межою.
Стадо коров? — говорит. — Помоги, не замалчивай кражи.
Дам я за это тебе корову с быком ее вместе».
А старина, увидав, что награда удвоена: «Стадо
Там под горой», — отвечал. И было оно под горою.
705 Внук же Атланта, смеясь, — «Мне меня предаешь, вероломный?
Мне предаешь ты меня?» — говорит, — и коварное сердце
В твердый камень обратил, что доньше зовется «Указчик».
Древний позор тот лежит на камне, ни в чем не повинном.
Ровным полетом меж тем поднялся кадуцей носитель
710 И, пролетая поля мунихийские, милый Минерве
Край озирает и сады просвещенного видел Ликей.
В день тот самый как раз, по обряду, невинные девы
Над головами несли к торжественным храмам Паллады
Чистые, должные ей, в венчанных корзинах святыни.
715 И, возвращавшихся, бог увидел крылатый и прямо
Не продолжает пути, но кругом его погибает.
Как, потроха увидав, из птиц быстрейшая — коршун,
Робкий еще, между тем как жрецы вокруг жертвы толпятся,
Кругом летает и сам отлетать не решается дальше,
720 Жадный, парит над своей добычей, махая крылами, —
Резвый Киллений тогда над актейской твердынею так же
Ниже и ниже летал и кружил все на том же пространстве.
Сколь блистательней всех меж звезд небесных сверкает
Люцифер, ярче ж тебя золотая, о Люцифер, Феба,
725 Так меж девушек всех намного пленительней Герса
Шла, и всего торжества, и подружек своих украшение.
Ошеломлен красотою Юпитеров сын, повисает
В небе он, весь раскален, как ядро, что пращей балеарской
Брошено, кверху летит, своим раскаляется летом
730 И обретае лишь там в нем дотоле не бывшее пламя.
Путь изменил он, летит он на землю, небо оставив,
И не скрывает себя: до того в красоте он уверен.
Но хоть надежна она, помогает ей все же стараньем.
Волосы гладит свои, позаботился, чтобы хламида
735 Ладно спадала, чтоб край златотканый получше виднелся.
В руку он стройную трость, что сон наводит и гонит,
Взял и до блеска натер крылатых сандалий подошвы.

Были три спальни в дому, в отдаленных покоях; отделка
В них — черепаха и кость; из спален ты в правой, Пандроса,
740 В левой — Аглавра жила, занимала среднюю — Герса.
Жившая в левой из трех заметила первой, что входит
В дом Меркурий, спросить решилась об имени бога
И для чего он пришел. «Атланта я внук и Плейоны,—
Он ей в ответ говорит.— Я тот, кто по шири воздушной
745 Носит веленья отца, родителем сам мне Юпитер.
С чем я пришел, не солгу: сестре будь верною только,
И для детей ты моих назовешься по матери теткой.
Я ради Герсы пришел. К влюбленному будь благосклонна»,
Взглядом таким же глядит на него Аглавра, которым
750 Только что тайны она блюла белокурой Минервы.
И за услугу себе толику немалую злата
Требует. А между тем покинуть дом понуждает.
Грозно богиня войны покосилась тогда на Аглавру
И из могучей груди, бессмертная, вздох испустила:
755 Мало того что грудь, но эгида и та у богини
Заколыхалась; в ней мысль промелькнула: как тайну Аглавра
Дерзкой раскрыла рукой, как рожденный без матери отпрыск —
Бога Лемносца — она увидала, нарушив условие;
Что угодит божеству, угодит и сестре, что богатой
760 Станет, то золото взяв, которого требует жадно.
Тотчас же к Зависти в дом отправляется, грязной от яда
Черного. Было ее в глубокой теснине жилище
Скрыто, без солнца совсем, никаким не доступное ветрам.
Чуждое вовсе огня, постоянно обильное мраком.
765 Грозная дева войны в то место пришла и близ дома
Остановилась, вовнутрь входить не считает пристойным.
Остроконечьем копья ударяет в дверь запертую;
Вот сотрясенная дверь отворилась. Увидела дева
Евшую мясо гадюк — из пороков собственных пищу —
770 Зависть и взоры свои отвратила от мерзостной. Та же
Встала лениво с земли и, змей полусъеденных бросив,
Вон из пещеры своей выступает медлительным шагом.
Лишь увидала красу богини самой и оружие,
Стон издала, и лицо отразило глубокие вздохи.
775 Бледность в лице разлита, худоба истощила все тело,
Прямо не смотрят глаза, чернеются зубы гнилые;
Желчь в груди у нее, и ядом язык ее облит.

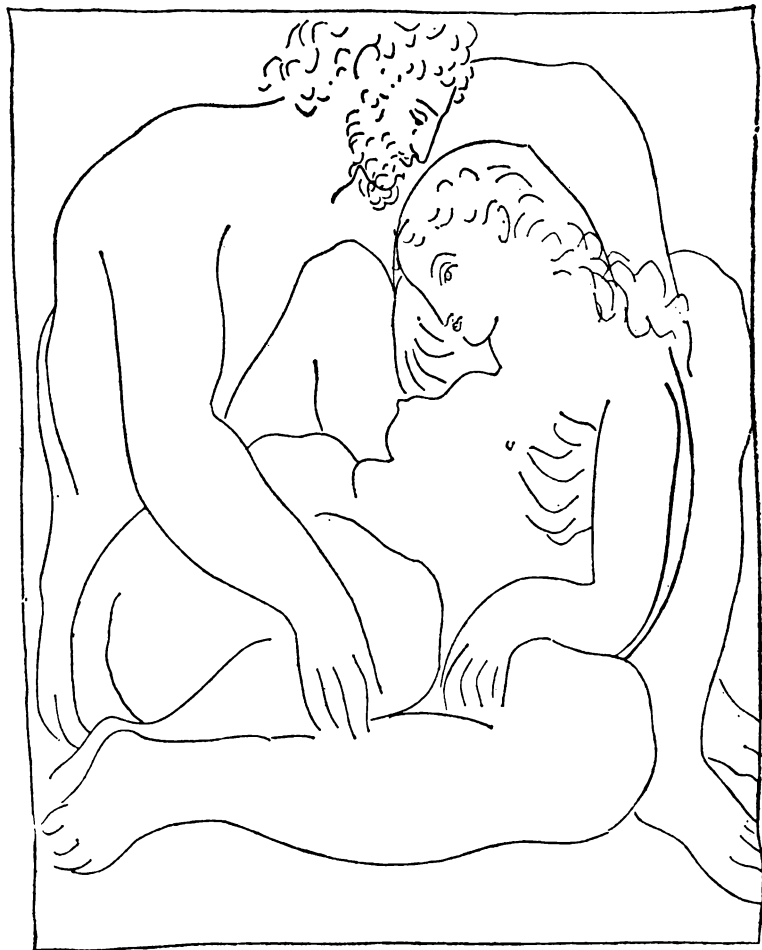
Смеха не знает,— подчас лишь смеется, увидев страдания,
Нет ей и сна, оттого что ее возбуждают заботы.
780 Видит немилые ей достижения людские и, видя,
Чахнет; мучит других, сама одновременно мучась,—
Пытка сама для себя. Хоть богине она ненавистна,
Кратко Тритония все ж с такой обратилась к ней речью:
«Ядом своим отрави одну из рожденных Кекропом,—
785 Ту, что Аглаврой зовут. Так должно». И, молвив, тотчас же
Прочь унеслась, от земли ударом копыя оттолкнувшись.
Искося Зависть меж тем глядела, как та уносилась,
И поворчала слегка, предстоящим успехом богини
Огорчена. Но тут же взяла суковатую палку
790 Сплошь в колючих шипах. Вот, в черные тучи одета,
Всюду, куда ни придет, поля изобильные губит,
Травы сжигает лугов, обрывает растений верхушки,
Мерзким дыханьем своим дома, города и народы —
Все оскверняет, и вот Тритонии видит твердыню,
795 Что и умами цветет, и богатством, и праздничным миром.
Плакать готова как раз оттого, что не над чем плакать.
Но лишь вступила она к Кекроповой дочери в спальню,
Стала приказ выполнять: ей грудь заскорузлой рукою
Трогает, сердце ее наполняет крючками колючек.
800 Сок вредоносный в нее вдыхает старуха и черный
Яд разливает в костях и в самые легкие брызжет.
А чтоб вниманье ее не блуждало по разным предметам,
Тут же родную сестру глазам она девушки кажет,
Брак счастливый ее и в пленительном образе — бога,—
805 Все представляя крупней. Раздраженная этим виденьем,
Тайной казнится тоской, стеная, и ночью томится
Дева, томится и днем, несчастная трижды, в недуге
Медленном тает, как лед, разъедаемый действием солнца.
Так же пылает она от счастья удачливой Герсы,
810 Как разведенный костер, коль трав подбросить колючих:
Пламени он не дает, но медленным жаром сгорает.
Часто желала она умереть, чтобы только не видеть,
Часто — признаться отцу суровому, как в преступленье.
Села она наконец на пороге, готовая бога
815 Прочь отогнать; на его выражения ласки, на просьбы
И на нежнейшую речь,— «Перестань! — отвечала Аглавра,—
Не отстранивши тебя, я с этого места не сдвинусь».

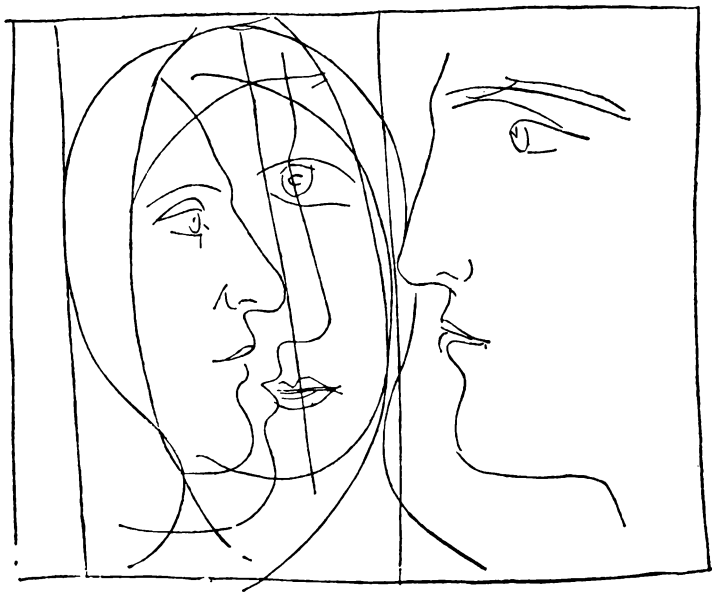
Быстрый Киллений в ответ: «Согласимся на этом условии». Тотчас резную дверь отмыкает он тростью. У ней же
820 Члены, какие, садясь, мы сгибаем, едва попыталась
Встать, недвижимыми вдруг от тяжести стали неожиданной.
Все же она во весь рост подняться силится прямо.
Но сочлененье колен цепенеет; всю холод объемлет.
Падает, жилы ее бледнеют, лишённые крови.
825 Как — нецелимый недуг — широко расходится в теле
Рак, к пораженным частям прибавляя здоровые части, —
Так постепенно и хлад смертельный, в грудь проникая,
Жизни пути у нее навеки замкнул и дыханье.
И не пыталась она говорить, а когда б попыталась,
830 Голосу путь был закрыт. Уж камень охватывал горло;
И затвердело лицо; изваяньем сидела бескровным.
Сам был и камень не бел: ее мысли его потемнили.
Только лишь казнь за слова и помысл неблагочестивый
Внук Атлантов свершил, и зёмли, что имя Паллады
835 Носят, покинул он, мчит, распустив свои крылья, на небо.
Вдруг его кличет отец и, любви не открывши причину, —
«Сын мой! Верный моих, — говорит, — исполнитель велений!
Ныне не медли. Скользни ты, резвый, обычным полетом
Вниз и скорее в предел, который на мать твою слева
840 Смотрит, который зовут его поселенцы Сидонским,
Мчись; там увидишь: вдали на горной лужайке пасется
Царское стадо, — его поверни ты к морскому побережью!» —
Молвил, и тотчас же скот с горы, как велено, согнан;
На побережье бежит, где великого дочь государя
845 В обществе тирских девиц привычку имела резвиться.
Между собой не дружат и всегда уживаются плохо
Вместе величье и страсть. Покинув скипетр тяжелый,
Вот сам отец и правитель богов, что держит десницей
Троезубчатый огонь и мир кивком потрясает,
850 Вдруг обличье быка принимает и, в стадо вмешавшись,
Звучно мычит и по нежной траве гуляет, красуясь.
Цвет его — белый, что снег, которого не попирала
Твердой подошвой нога и Австр не растапливал мокрый.
Шея вся в мышцах тугих; от плеч свисает подгрудок;
855 Малы крутые рога; но поспорил бы ты, что рукою
Точены, блещут они ясней самоцветов чистейших.
Вовсе не грозно чело; и взор его глаз не ужасен;

Мирным выглядит бык; Агенорова дочь в изумленье,
Что до того он красив, что бодаться ничуть не намерен.
860 Но хоть и кроток он был, прикоснуться сначала боялась.
Вскоре к нему подошла и к морде цветы протянула.
Счастлив влюбленный; он ей, в ожидании нег вожделенных,
Руки целует. С трудом, ах! с трудом отложив остальное.
865 Резвится он и в зеленой траве веселится, играя,
Или на желтый песок белоснежным боком ложится.
Страх понемногу прошел, — уже он и грудь подставляет
Ласкам девичьей руки; рога убирать позволяет
В свежие вязи цветов. И дева-царевна решилась:
870 На спину села быка, не зная, кого попирает.
Бог же помалу с земли и с песчаного берега сходит
И уж лукавой ногой наступает на ближние волны.
Дальше идет — и уже добычу несет по пучине
Морем открытым; она вся в страхе; глядит, уносима,
875 На покидаемый берег. Рог правую держит, о спину
Левой рукой оперлась. Трепещут от ветра одежды.

КНИГА ТРЕТЬЯ

LIBER TERTIUS

Бог уже сбросить успел быка обманчивый облик,
Снова себя объявил и в диктейских полях поселился.
А удрученный отец искать пропавшую Кадму
Повелевает, грозя, что изгнанием он будет наказан,
5 Если ее не найдет, — благочестный отец и преступный!
Землю всю исходив, — но Юпитера кто же уловки
Выследит? — став беглецом, от отчизны и гнева отцова
Кадм уклоняет свой путь и, молясь, у оракула Феба
Просит совета: в какой, вопрошает, земле поселиться?
10 «Встретишь в пустынных полях, — ему Феб отвечает, — корову,
Что не знавала ярма, не влачила и гнутого плуга, —
Вот и водитель тебе; где ляжет она на лужайку,
Стены ты там возведи и название «Беотия» дай им».
Выйдя, едва он успел из Кастальской пещеры спуститься,
15 Видит: тихо бредет, без сторожа вовсе, телица,
И никаких у нее на шее нет признаков рабства.
Вот за телицею вслед идет он медлительным шагом

И указавшего путь прославляет в молчании Феба.
Вот миновали они и Кефис, и равнины Паноны;
20 Остановилась она и, красуясь рогами крутыми,
Лоб к небесам подняла и мычаньем наполнила воздух.
Тут, обернувшись назад на спутников, шедших за нею,
Наземь корова легла, привалась на траву молодую,—
И благодарствует Кадм и, припав, чужую целует
25 Землю; приветствует он незнакомые горы и доли.
К жертве готовиться стал Юпитеру. Для возлиянья
Слугам воды принести он велит из источников быстрых.
Лес там древний стоял, никогда топором не сеченный,
В нем пещера была, заросшая ивой и тростьем;
30 Камни в приземистый свод сходились, оттуда обильно
Струи стекали воды; в пещере же, скрытый глубоко,
Марсов змей обитал, золотым примечательный гребнем.
Очи сверкают огнем; все тело ядом набухло,
Три дрожат языка; в три ряда поставлены зубы.
35 В эту дубраву едва тирийские выходцы шагом,
Благ не сулящим, вошли, и, опущенной в воды живые,
Урны послышался звон, протянул главу из пещеры
Иссиня-черный дракон и ужасное издал шипенье.
Урны скользнули из рук, и сразу покинула тело
40 Кровь, внезапная дрожь потрясает людей пораженных.
Змей, извиваясь, меж тем чешуями блестящие кольца
Крутит, единым прыжком изгибаясь в огромные дуги,
И подымается вверх, на полтела и более, в воздух,
И уж глядит с высоты, с небесным равняется змеем,
45 Кем,— если видеть его во весь рост,— размежеваны Аркты.
Вмиг финикийцев,— одни приготовились было сразиться,
Эти — бежать, тем страх был и бою и бегству помехой,—
Змей упреждает. Одних убивает укусом иль душит,
Тех умерщвляет, дохнув смертельной заразою яда.
50 Солнце, высоко взойдя, сократило тем временем тени;
Кадм изумлен, отчего так медлят товарищи долго;
Их начинает искать. Со льва ободранной шкурой
Был он покрыт, копьем, что блистало железом, и дротом
Вооружен; но была превосходней оружия отвага.
55 Только он в рощу вошел и тела увидал, а над ними
Змея, сгубившего их, врага, огромного телом,—
Как он кровавым лизал языком их плачевные раны,—

«Иль за вашу я смерть отомщу, вернейшие други,
Или за вами пойду!» — сказал и, промолвив, десницей
60 Глыбу огромную взял и с великою силою кинул.
Стены ударом его, высокими башнями гóрды,
Были бы сокрушены, — но остался змей невредимым.
Он, — чешуей защищен, как некой кольчугой, и черной
Кожей, — могучий удар отразил их толстым покровом.
65 Но отразить чешуей не мог он дрота, который
В длинный хребет его, там, где изгиб срединный, вонзился,
В теле застрял, и в нутро целиком погрузилось железо.
Змей, от боли бесясь, головою назад обернулся
И, на раненье взглянув, закусил вонзенное древко;
70 Но хоть его раскачал во все стороны с силой огромной,
Вырвал едва из спины: в костях застрял наконечник.
Ярость обычная в нем сильнее вскипела от раны
Свежей, вздулось от жил налившихся змеево горло,
Мутная пена бежит из пасти его зачумленной,
75 Под чешуей громыкает земля; он черным дыханьем
Зева стигийского вокруг заражает отравленный воздух.
Сам же, спиралью круги образуя громадных размеров,
Вьется, то длинным бревном поднимается вверх головою,
То, устремясь, как поток, наводненный дождями, он бурно
80 Мчится вперед и леса сокрушает встречные грудью.
Сын Агеноров слегка отступает; он шкурою львиной
Змея напор задержал, наступающий зев не пускает,
Прямо держа острие. И бесится тот и железо
Твердое тщетно язвит и ломает о лезвие зубы.
85 И начинала уж кровь из его ядовитого нёба
Капать, стала кругом окроплять мураву молодую.
Рана все ж легкой была, ибо он отступал от удара,
Шею свою отвращал уязвленную, пятясь, железу
В тело засесть не давал и глубже мешал погрузиться.
90 Агенорид наконец ему лезвие в глотку направил
И, напирая, всадил; а отход отступавшему дубом
Был прегражден, и пронзил одновременно дуб он и шею.
Согнут был дерева ствол паденьем чудовища; стоны
Дуб издавал, хвоста оконечностью нижней бичуем.
95 И победитель глядит, как велик его враг побежденный.
Голос послышался вдруг; сказать было трудно откуда,
Только послышался вдруг: «Что, Агенора сын, созердаешь

Змея убитого? Сам ты тоже окажешься змеем!»
Долго он бледный стоит, и краску утратив, и мысли
100 Сразу, волосы вверх от холодного ужаса встали.
Вот соскoczyнула, к нему попечительна, с высей воздушных
Дева Паллада; велит положить в разрыхленную землю
Зубы змеиные — сев грядущих людских поколений.
Он же борозды вскрыл, послушный, на плуг налегая,
105 Всыпал, как велено, в них человечьи зародыши — зубы.
Вскоре, — поверить нельзя! — вдруг стали двигаться комья,
Из борозды острие копья показалось сначала,
Вскоре прикрытья голов, колебля раскрашенный конус,
Плечи и груди потом, оружие несущие руки
110 Вдруг возникают, — растет мужей щитоносное племя!
В праздник, в театре, когда опускается занавес, так же
Изображенья встают; сначала покажутся лица,
А постепенно и стан; вот явлены плавным движеньем,
Видны уже целиком и ногами на край наступают.
115 Новым врагом уstraшен, уж Кадм за оружие схватился.
«Нет, не берись, — из толпы, едва сотворенной землею,
Вдруг восклицает один, — не мешайся в гражданские войны!»
И одного из своих же братьев, землею рожденных,
Ранит вплотную мечом, сам издали дротом повержен.
120 Тот, кто его умертвил, однако же, дольше немногим
Прожил, — выдохнул вмиг полученный только что воздух;
Взяв с них пример, толпа вся буйствует, и погибают —
Чтобы друг друга разить — на мгновенье рожденные братья!
Так молодежь, которой судьба век краткий судила,
125 В окровавленную мать ударялась трепещущей грудью,
Пять лишь осталось в живых. Из этих один был Эхйон.
Бросил оружие он по внушенью Тритонии наземь,
Мира у братьев своих попросил и мир даровал им.
В деле помощников пять имел сидонский пришелец,
130 Город когда возводил по приказу вещавшего Феба.
Фивы стояли уже. Ты, Кадм, счастливым казаться
Мог бы в изгнание. Тебе Марс тестем, а тещей Венера
Стали. Прибавьте еще от подобной супруги потомство.
Столько сынов, дочерей и внуков, — сокровищ бесценных,
135 Юношей, взрослых уже! Но дня последнего должно
Ждать человеку всегда, и не может быть назван счастливым
Раньше кончины никто, до обрядов по нем погребальных.

Первым внук тебе, Кадм, средь столь великого счастья,
Горя причиною стал,— рога на лбу появились
140 Чуждые, также и вы, псы, сытые кровью хозяйской!
Полюбопытствовав, в том ты судьбы лишь вину обнаружишь,
Не преступленье его; ибо в чем преступленье ошибки?
Было же то на горé, зверей оскверненной убийством.
Полдень как раз наступил, сокращающий тени предметов;
145 Солнце стояло равно от обоих далеко пределов;
И гигантский юнец без дороги бродящих по логам
Голосом ласковым звал соучастников псовой охоты.
«Влажны тенета, друзья, и железо от крови звериной!
День благодатный судьбой нам дарован. Лишь только Аврора
150 Новый рассвет приведет, в колеснице взмывая багряной,
Сызнова дело начнем. Теперь в расстоянии равном
Феб от обеих земель, и от зноя растрескалось поле.
Так завершайте труды, унесите плетеные сети!»
Те исполняют приказ и работу свою прерывают.
155 Был там дол, что сосной и острым порос кипарисом,
Звался Гаргафией он,— подпоясанной роща Дианы;
В самой его глубине скрывалась лесная пещера,—
Не достижение искусств, но в ней подражала искусству
Дивно природа сама. Из туфов легких и пемзы,
160 Там находимой, она возвела этот свод первозданный,
Справа рокошет ручей, неглубокий, с прозрачной водою,
Свежей травой окаймлен по просторным краям водоема.
Там-то богиня лесов, утомясь от охоты, обычно
Девичье тело свое обливала текучею влагой.
165 Только в пещеру пришла, одной отдала она нимфе —
Оруженосице — дрот и колчан с ненатянутым луком;
Руки другая из них подставила снятой одежде,
Две разували ее; а, всех искусней, Крокала,
Дочь Исмена-реки, ей волосы, павшие вольно,
170 Вновь собирала узлом,— хоть сама волоса распустила.
Черпают воду меж тем Нефела, Гиала, Ранида,
Псека, Фиала и льют в большие и емкие урны.
Стала себя обливать привычной Титания влагой,
Кадма же внук между тем, труды вполовину покончив,
175 Шагом бесцельным бредя по ему незнакомой дубраве,
В кушу богини пришел: так судьбы его направляли.

Только вошел он под свод орошенной ручьями пещеры,
Нимфы, лишь их увидал мужчина,— как были нагими,—
Бить себя начали в грудь и своим неожиданным воплем
180 Рошу наполнили всю и, кру́гом столпившись, Диану
Телом прикрыли своим. Однако же ростом богиня
Выше спутниц была и меж них главой выступала,—
Отсвет сопутниц какой у облака, если, ударив,
Солнце окрасит его, какой у Авроры румянец,—
185 Цвет лица у застигнутой был без одежды Дианы.
Но хоть и тесно кругом ее нимф толпа обступала,
Боком, однако ж, она обратилась, назад отвернула
Лик; хотела сперва схватить свои быстрые стрелы,
Но почерпнула воды, что была под рукой, и мужское
190 Ею лицо обдала и, кропя ему влагой возмездья
Кудри, добавила так, предрекая грядущее горе:
«Ныне рассказывай, как ты меня без покрова увидел,
Ежели сможешь о том рассказать!» Ему окропила
Лоб и рога придала живущего долго оленя;
195 Шею вширь раздала, ушей заострила верхушки,
Кисти в копыта ему превратила, а руки — в оленьи
Длинные ноги, всего же покрыла пятнистою шерстью,
В нем возбудила и страх. Убегает герой Автоноин
И удивляется сам своему столь резвому бегу.
200 Только, однако, себя в отраженье с рогами увидел,—
«Горе мне!» — молвить хотел, но его не послушался голос.
Он застонал. Был голос как стон. Не его покатились
Слезы из глаз. Лишь одна оставалась душа его прежней!
Что было делать? Домой возвратиться под царскую кровлю?
205 Или скрываться в лесу? Там стыд, тут ужас помехой.
Он колебался, а псы увидали: Меламп поначалу,
Чуткий с ним Ихнобат знак первый подали лаем,—
Кносский пес Ихнобат и Меламп породы спартанской,—
Тотчас бросаются все, быстрее, чем порывистый ветер;
210 Памфаг, за ним Орибаз и Доркей, из Аркадии трое,
С ними силач Неброфон, и лютый с Лалапою Тэрон,
Резвостью ценный Петрел и чутьем своим ценная Агра,
Также свирепый Гилей, недавно пораненный вепрем,
Напа, от волка приплод; за стадами идущая следом
215 Пэмена; Гарпия, двух имея щенят в провожатых,
И сикионский Ладон, у которого втянуто брюхо,

Тигрид с Алкеей, Дромад, Канакея еще и Стиктея,
И белоснежный Левкон и Асбол с черною шерстью;
И многосильный Лакон и Аэлл, отличавшийся бегом;
220 Фей и рядом, резва, с ее кипрским братом Ликиска,
И посредине, на лбу отмеченный белою меткой,
Гарпал и с ним Меланей; косматая с ними Лахнея,
Также два пса, чья лаконянка мать, отец же — диктеец;
Лабр с Артиодом, потом с пронзительным лаем Гилятор, —
225 Долго других исчислять. До добычи жадная стая
Через утесы, скалы и камней недоступные глыбы,
Путь хоть и труден, пути хоть и нет, преследуют зверя.
Он же бежит по местам, где сам преследовал часто,
Сам от своих же бежит прислужников! Крикнуть хотел он:
230 «Я Актеон! Своего признайте во мне господина!» —
Выразить мысли — нет слов. Оглашается лаяньем воздух.
Первый из псов Меланхет ему спину терзает, за ним же
Тотчас и Теридамад; висит на плече Орезитроф.
Позже пустились они, но дорогу себе сократили,
235 Мча по горе напрямик. И пока господина держали,
Стая других собралась и в тело зубы вонзает.
Нет уже места для ран. Несчастный стонет, и если
Не человеческий крик издает — то все ж не олений,
Жалобным воплем своим наполняя знакомые горы.
240 И на колени склонясь, как будто моля о пощаде,
Молча вращает лицо, простирая как будто бы руки.
Порском обычным меж тем натравляют злобную стаю
Спутники; им невдомек, Актеона всё ищут глазами,
Наперебой, будто нет его там, Актеона все кличут.
245 Вот обернулся на зов, они же скорбят, что не с ними
Он и не хочет следить за успешной поимкой добычи.
Здесь не присутствовать он бы желал, но присутствует; видеть,
Но не испытывать сам расправы своих же свирепых
Псов. Обступили кругом и, в тело зубами вгрызаясь,
250 В ключья хозяина рвут под обманным обличем оленя.
И лишь когда его жизнь от ран столь многих пресекалась,
Молвят, — насыщен был гнев колчан носящей Дианы.

Разно судили о том; одни почитали богиню
Слишком жестокой, а кто и хвалил, почитая достойным
255 Девственной так поступать; по-своему все были правы.

Лишь Громовержца жена не столько ее защищала
 Или винила ее, сколь рада была, что постигла
 Дом Агеноров беда, и гнев свой с соперницы Тирской
 Перенесла на весь род. Но тут подоспела причина
 260 Новая горести ей: тяжела от Юпитера стала
 Дева Семела. Дала языку она волю браниться.
 «Много ли бранью своей я достигла? — сказала богиня, —
 Надо настичь мне ее самое! — коль не тщетно Юноной
 Я превеликой зовусь — погублю, если я самоцветный
 265 Скиптр достойна держать, коль царствую, коль Громовержцу
 Я и сестра и жена, — сестра-то наверно! Но срама,
 Думаю, ей уж не скрыть; мой позор не замедлит сказаться.
 Плод понесла! Одного не хватало! Открыто во чреве
 270 Носит свой грех и матерью стать от Юпитера только
 Хочет, что мне-то едва удалось, — в красу свою верит!
 Ну так обманется в ней! Будь я не Сатурния, если
 Деву любезник ее не потопит в хлябях стигийских!»
 Молвив, с престола встает и, покрытая облаком бурым,
 275 Входит в Семелин покой; облака удалила не раньше,
 Нежелъ старушечий вид приняла, виски посребрила,
 Коже глубоких морщин придала и дрожащей походкой
 С телом согбенным пошла; старушечьим сделала голос,
 Ей Бероеей представ, эпидаврской кормилицей девы;
 Речь завела, и лишь только дошли, пробеседовав долго,
 280 И до Юпитера, вздох издала и молвит: «Желала б,
 Чтоб он Юпитером был, да всего опасаюсь; иные,
 Имя присвоив богов, проникали в стыдливые спальни.
 Мало Юпитером быть. Пускай он докажет любовью,
 Что он Юпитер и впрямь. Проси: чтобы, в полном величье
 285 Как он Юноной бывал в небесах обнимаем, таким же
 Пусть обнимает тебя, предпослав и величия знаки».

Речь Юнона такой дочь Кадма, не знавшую сути,
 Учит, — и просит уж та, чтобы дар он любой обещал ей.
 Бог, — «Выбирай! — говорит, — ни в чем не получишь отказа,
 290 И чтоб уверилась ты, божеств подземного Стикса
 Я призываю, — а он и богам божество и острастка».

Рада своей же беде, от милого горя не чая,
 Дерзостно так говорит Семела: «Каким обнимает
 В небе Юнона тебя, приступая к союзу Венеры,

295 Мне ты отдайся таким!» Хотел он уста говорящей
Сжать, но успело уже торопливое вылететь слово.
Он застонал, но вернуть нельзя уже было желанья,
Ни заклинаний его; потому-то печальнейшим с неба
Высшего бог низошел, за ликом своим увлекая
300 Скопища туч грозowych, к ним добавил он молнии, ливни,
С ветром в смешенье, и гром, и перун, неизбежно разящий.
Сколько возможно, свою он уменьшить пытается силу:
Вооружился огнем не тем, которым Тифея
Сбросил сторукого: в том уж слишком лютости много!
305 Легче молния есть, которой десница Циклопов
Меньше огня придала, свирепости меньше и гнева;
Боги «оружьем вторым» ее называют; лишь с ней он
Входит в Агенора дом; но тело земное небесных
Бурь снести не могло и сгорело от брачного дара,
310 А недоношенный плод, из лона матери вырван,
Был в отцовскую вшит — коль это достойно доверья —
Ляжку, и должный там срок, как во чреве у матери, пробыл.
Ино тайно с пелен воспитывать стала младенца, —
Тетка, Семелы сестра; потом нисейские нимфы
315 Приняли и молоком, в пещерах укрыв, воспоили.

Волей судьбы на земле так дело и шло, безопасно
Скрыта была колыбель два раза рожденного Вакха.
Нектаром, — память гласит, — меж тем Юпитер упившись,
Бремя забот отложив, со своею Юноною праздною
320 Тешился вольно и ей говорил: «Наслаждение ваше,
Женское, слаще того, что нам, мужам, достается».
Та отрицает. И вот захотели, чтоб мудрый Тиресий
Высказал мнение свое: он любовь знал и ту и другую.
Ибо в зеленом лесу однажды он телом огромных
325 Совокупившихся змей поразил ударом дубины.
И из мужчины вдруг став — удивительно! — женщиной, целых
Семь так прожил он лет; на восьмое же, снова увидев
Змей тех самых, сказал: «Коль ваши так мощны укусы,
Что пострадавший от них превращается в новую форму,
330 Вас я опять поражу!» И лишь их он ударил, как прежний
Вид возвращен был ему, и принял он образ врожденный.
Этот Тиресий, судьей привлеченный к шутивому спору,
Дал подтвержденье словам Юпитера. Дочь же Сатурна,

335 Как говорят, огорчилась сильнее, чем стоило дело,
И наказала судью — очей нескончаемой ночью.
А всемогущий отец, — затем, что свершенного богом
Не уничтожит и бог, — ему за лишение света
Ведать грядущее дал, облегчив наказание почетом.

340 После, прославлен молвой широко, в городах аонийских
Безукоризненно он отвечал на вопросы народу.
Опыт доверья и слов пророческих первой случилось
Лириопее узнать голубой, которую обнял
Гибким теченьем Кефис и, замкнув ее в воды, насилье
Ей учинил. Понесла красавица и разродилась
345 Милым ребенком, что был любви и тогда уж достоин;
Мальчика звали Нарцисс. Когда про него спросили,
Много ль он лет проживет и познает ли долгую старость,
Молвил правдивый пророк: «Коль сам он себя не увидит».
350 Долго казалось пустым прорицанье; его разъяснила
Отрока гибель и род его смерти и новшество страсти.
Вот к пятнадцати год прибавить мог уж Кефисий,
Сразу и мальчиком он и юношей мог почитаться.
Юноши часто его и девушки часто желали.
355 Гордость большая была, однако, под внешностью нежной, —
Юноши вовсе его не касались и девушки вовсе.
Видела, как загонял он трепетных в сети оленей,
Звонкая нимфа, — она на слова не могла не ответить,
Но не умела начать, — отраженно звучащая Эхо.
360 Плоть Эхо была, не голосом только; однако
Так же болтливой уста служили, как служат и ныне, —
Крайние только слова повторять из многих умела,
То была месть Юноны: едва лишь богиня пыталась
Нимф застигнуть, в горах с Юпитером часто лежавших,
365 Бдительна, Эхо ее отвлекала предлинною речью, —
Те ж успевали бежать. Сатурния, это постигнув, —
«Твой, — сказала, — язык, которым меня ты проводишь,
Власть потеряет свою, и голос твой станет короток».
Делом скрепила слова: теперь она только и может,
370 Что удвоять голоса, повторяя лишь то, что услышит.
Вот Нарцисса она, бродящего в чаще пустынной,
Видит, и вот уж зажглась, и за юношей следует тайно,
Следует тайно за ним и пылает, к огню приближаясь, —

Так бывает, когда, горячею облиты серой,
Факелов смольных концы принимают огонь поднесенный.
375 О, как желала не раз приступить к нему с ласковой речью!
Нежных прибавить и просьб! Но препятствием стала природа,
Не позволяет начать; но — это дано ей! — готова
Звуков сама ожидать, чтоб словом на слово ответить.
380 Мальчик, отбившись меж тем от сонмища спутников верных,
Крикнул: «Здесь кто-нибудь есть?» И, — «Есть!» — ответила Эхо.
Он изумился, кругом глазами обводит и громким
Голосом кличет: «Сюда!» И зовет зовущего нимфа.
Он огляделся и вновь, никого не приметя, — «Зачем ты, —
Молвит, — бежишь?» И в ответ сам столько же слов получает.
385 Он же настойчив, и вновь, обманутый звуком ответов, —
«Здесь мы сойдемся!» — кричит, и, охотней всего откликаясь
Этому зову его, — «Сойдемся!» — отвечает Эхо.
Собственным нимфа словам покорна и, выйдя из леса,
Вот уж руками обнять стремится желанную шею.
390 Он убегает, кричит: «От объятий удерживай руки!
Лучше на месте умру, чем тебе на утеху достанусь!»
Та же в ответ лишь одно: «Тебе на утеху достанусь!»
После, отвергнута им, в лесах затаилась, листвою
Скрыла лицо от стыда и в пещерах живет одиноко.
395 Все же осталась любовь и в мученьях растет от обиды.
От постоянных забот истощается бедное тело;
Кожу стянула у ней худоба, телесные соки
В воздух ушли, и одни остались лишь голос да кости.
Голос живет: говорят, что кости камнями стали.
400 Скрылась в лесу, и никто на горах уж ее не встречает,
Слышат же все; лишь звук живым у нее сохранился.

Так он ее и других, водой и горами рожденных
Нимф, насмехаясь, отверг, как раньше мужей домоганья.
Каждый, отринутый им, к небесам протягивая руки:
405 «Пусть же полюбит он сам, но владеть да не сможет любимым!»
Молвили все, — и вняла справедливым Рамнузия просьбам.
Чистый ручей протекал, серебрившийся светлой струей, —
Не прикасались к нему пастухи, ни козы с нагорных
Пастбищ, ни скот никакой, никакая его не смущала
410 Птица лесная, ни зверь, ни упавшая с дерева ветка.
Вкруг зеленела трава, соседней вспоенная влагой;

Лес же густой не давал водоему от солнца нагреться.
Там, от охоты устав и от зноя, прилег утомленный
Мальчик, места красой и потоком туда привлеченный;
415 Жажду хотел утолить, но жажда возникла другая!
Воду он пьет, а меж тем — захвачен лица красотою.
Любит без плоти мечту и призрак за плоть принимает.
Сам он собой поражен, над водою застыл неподвижен,
Юным похожий лицом на изваянный мрамор паросский.
420 Лежа, глядит он на очи свои, — созвездье двойное, —
Вакха достойные зрит, Аполлона достойные кудри;
Щеки, без пуха еще, и шею кости слоновой,
Прелесть губ и в лице с белоснежностью слитый румянец.
Всем изумляется он, что и впрямь изумленья достойно.
425 Жаждет безумный себя, хвалимый, он же хвалящий,
Рвется желаньем к себе, зажигает и сам пламенеет.
Сколько лукавой струе он обманчивых дал поцелуев!
Сколько, желая обнять в струях им зримую шею,
Руки в ручей погружал, но себя не улавливал в водах!
430 Что увидал — не поймет, но к тому, что увидел, пылает;
Юношу снова обман возбуждает и вводит в ошибку.
О легковерный, зачем хватаешь ты призрак бегучий?
Жаждешь того, чего нет; отвернись — и любимое сгинет.
Тень, которую зришь, — отраженный лишь образ, и только.
435 В ней — ничего своего; с тобою пришла, пребывает,
Вместе с тобой и уйдет, если только уйти ты способен.
Но ни охота к еде, ни желанье покоя не могут
С места его оторвать: на густой мураве распростершись,
Взором несатым смотреть продолжает на живой он образ,
440 Сам от своих погибает очей. И, слегка приподнявшись,
Руки с мольбой протянув к окружающим темным дубравам, —
«Кто, о дубравы, — сказал, — увы, так жестоко влюблялся?
Вам то известно; не раз любви вы служили приютом.
Ежели столько веков бытие продолжается ваше, —
445 В жизни припомните ль вы, чтоб чах так сильно влюбленный?
Вижу я то, что люблю; но то, что люблю я и вижу, —
Тем обладать не могу: заблуждение владеет влюбленным.
Чтобы страдал я сильнее, меж нами нет страшного моря,
Нет ни дороги, ни гор, ни стен с запертыми вратами.
450 Струйка препятствует нам — и сам он отдаться желает!

Сколько бы раз я уста ни протягивал к водам прозрачным,
Столько же раз он ко мне с поцелуем стремится ответным.
Словно коснешься сейчас... Препятствует любящим малость.
Кто бы ты ни был,— ко мне! Что мучаешь, мальчик бесценный?
455 Милый, уходишь куда? Не таков я красой и годами,
Чтобы меня избегать, и в меня ведь влюбляются нимфы.
Некую ты мне надежду сулишь лицом дружелюбным,
Руки к тебе протяну, и твои — протянуты тоже.
Я улыбаюсь,— и ты; не раз примечал я и слезы,
460 Ежели плакал я сам; на поклон отвечал ты поклоном
И, как могу я судить по движениям этих прелестных
Губ, произносишь слова, но до слуха они не доходят.
Он — это я! Понимаю. Меня обмануло обличье!
Страстью горю я к себе, поощряю пылать — и пылаю.
465 Что же? Мне зова ли ждать? Иль звать? Но звать мне кого же?
Все, чего жажду,— со мной. От богатства я стал неимущим.
О, если только бы мог я с собственным телом расстаться!
Странная воля любви,— чтоб любимое было далеко!
Силы страданье уже отнимает, немного осталось
470 Времени жизни моей, погасаю я в возрасте раннем.
Не тяжела мне и смерть: умерев, от страданий избавлюсь.
Тот же, кого я избрал, да будет меня долговечней!
Ныне слиянны в одно, с душой умрем мы единой».
Молвил и к образу вновь безрассудный вернулся тому же.
475 И замутил слезами струю, и образ неясен
Стал в колебанье волны. И увидев, что тот исчезает,—
«Ты убегаешь? Постой! Жестокий! Влюбленного друга
Не покидай! — он вскричал. — До чего не дано мне касаться,
Стану хотя б созерцать, свой пыл несчастный питаю!»
480 Так горевал и, одежду раскрыв у верхнего края,
Мраморно-белыми стал в грудь голую бить он руками.
И под ударами грудь подернулась алостью тонкой.
Словно у яблок, когда с одной стороны они белы,
Но заалели с другой, или как на кистях разноцветных
485 У виноградин, еще не созревших, с багряным оттенком.
Только увидел он грудь, отраженную влагой текучей,
Дольше не мог утерпеть; как тает на пламени легком
Желтый воск или туман поутру под действием солнца
Знойного, так же и он, истощаем своею любовью,
490 Чахнет и тайным огнем сжигается мало-помалу.

Красок в нем более нет, уж нет с белизною румянца,
Бодрости нет, ни сил, всего, что, бывало, пленяло.
Тела не стало его, которого Эхо любила,
Видя все это, она, хоть и будучи в гневе и помня,
495 Сжалилась; лишь говорил несчастный мальчик: «Увы мне!» —
Вторила тотчас она, на слова отзываясь: «Увы мне!»
Если же он начинал ломать в отчаянье руки,
Звучом таким же она отвечала унылому звуку.
Вот что молвил в конце неизменно глядевший в воду:
500 «Мальчик, напрасно, увы, мне желанный!» И слов возвратила
Столько же; и на «прости!» — «прости!» ответила Эхо.
Долго лежал он, к траве головою прикинувшись усталой;
Смерть закрыла глаза, что владыки красой любовались.
Даже и после — уже в обиталище принят Аида —
505 В воды он Стикса смотрел на себя. Сестрицы-наяды
С плачем пряди волос поднесли в дар памятный брату.
Плакали нимфы дерев — и плачущим вторила Эхо.
И уж носилки, костер и факелы приготовляли, —
Не было тела нигде. Но вместо тела шафранный
510 Ими найден был цветок с белоснежными вокруг лепестками.
Весть о том принесла пророку в градах ахейских
Должную славу; греметь прорицателя начало имя.
Сын Эхиона один меж всеми его отвергает —
Вышних презритель, Пенфей — и смеется над вещью речью
515 Старца, корит темнотою, злополучным лишением света;
Он же, тряхнув головой, на которой белели седины, —
«Сколь бы счастливым ты был, когда бы от этого зренья
Был отрешен, — говорит, — и не видел вакхических таинств!
Ибо наступит тот день, — и пророчу, что он недалеко, —
520 День, когда юный придет — потомство Семелино — Либер.
Если его ты почтить храмовым не захочешь служеньем,
В тысяче будешь ты мест разбросан, растерзанный; кровью
Ты осквернишь и леса, и мать, и сестер материнских.
Сбудется! Ты божееству не окажешь почета, меня же
525 В этих потемках моих поистине зрячим признаешь».
Но говорившего так вон выгнал сын Эхиона.
Подтверждены словеса, исполняются речи пророка.
Либер пришел, и шумят ликованием праздничным села.
Толпы бегут, собрались мужчины, матери, жены,
530 Весь поспешает народ к неведомым таинствам бога.

«Змеерожденные! Что за безумье, о Марсово племя,
Вам устало умы? — Пенфей закричал. — Неужели
Меди удары о медь, дуда роговая, — волшебный
Этот столь мощен обман, что вас, которым не страшны
535 Меч боевой, ни труба, ни строи, сомкнувшие копья,
Женские возгласы вдруг и безумие толп непристойных
И возбужденных вином, и тимпан пустозвонный осияет?
Старцы, как вам не дивиться? Приплыв по широкому морю,
В этих местах вы восставили Тир и бежавших пенатов, —
540 Сдаться ль готовы теперь без боя? Вам, возрастом крепче,
Юноши, ровни мои, которым не тирс, а оружие
Должно держать и щитом, не листвою, прикрываться пристало?
Не забывают, молю, от какого вы созданы корни!
И да исполнит вас дух родителя змея, который
545 Многих один погубил! Он за озеро только вступился
И за источник, а вы победите для собственной славы!
Храбрых тот умертвил, вы неженки прочь прогоните!
Честь удержите отцов! Но если судьба воспретила
Долее Фивам стоять, так воины пусть и тараны
550 Стены разрушат у них под грохот огня и железа!
Были б несчастными мы без вины; оплакивать жребий
Мы бы могли — не скрывать; не постыдными были бы слезы.
Ныне под власть подпадут безоружного мальчика Фивы,
Кто на войне не бывал, не знаком ни с мечом, ни с боями,
555 Сила которого вся в волосах, пропитанных миррой,
В гибких венках, в багреде да в узорах одежд златотканых,
Если отступитесь вы, его я заставлю признаться
Вмиг, что себе он отца сочинил и что тайнства ложны.
Духа достало ж царю Акризию в Аргосе — бога
560 Ложного не признавать и замкнуть перед Ваххом ворота!
Или пришлец усташит Пенфея и целые Фивы?
Живо ступайте, — велит он рабам, — ступайте, в оковах
Приволоките вождя! Приказ мой исполнить немедля!»
Дед, Атамант и толпа остальных домочадцев напрасно
565 Увещевают его, воспрепятствовать делу стараясь.
Он от советов лишь злей; раздражается, будучи сдержан,
Бешеный пыл растет; во вред ему были препоны.
Видывал я, как поток, которого путь беспрепятствен,
Вниз по наклону бежит спокойно, с умеренным шумом.

570 Если ж завалами скал иль стволами бывал он задержан,
Пенился он и кипел и сильней свирепел от преграды.
Вот возвратились в крови, на вопрос же: «Где Вакх?» —
господину

Дали посланцы ответ, что они и не видели Вакха.
«Все же прислужник один, — сказали, — и таинств участник
575 Пойман». При этих словах выводят — за спину руки —
Мужа, — что к Вакху ушел вослед из Тирренского края.

Глянул Пенфей на него очами, которые страшны
Стали от гнева; меж тем отложить не желал он расправы, —
«Ты, что погибнешь сейчас, — сказал, — и другим назиданье
580 Гибелью дашь, — объяви мне свое и родителей имя,
Родину и почему соучаствуешь в таинствах новых?»
Он же, ничуть не страшась, — «Акетом, — сказал, — именуюсь,
Я из Меонии сам; а родители — званья простого.
Мне не оставил отец полей, где паслись бы телята,
585 Или стада шерстоносных овец, иль иная скотина.
Был мой отец бедняком; всю жизнь крючком да лесою
Рыб вводил он в обман и удою тянул, трепетавших.
Этим искусством он жил и его мне передал, молвив:
«Ныне богатства мои, продолжатель труда и наследник,
590 Ты получай»; ничего, умирая, он мне не оставил,
Кроме воды; лишь ее от отца почитаю наследством.
Вскоре, чтоб мне не торчать все время на тех же утесах,
Я научился корабль поворачивать, киль загибая
Правой рукой; Оленской Козы дождевое созвездье,
595 Аркта, Тайгеты, Гиад в небесах различать научился.
Ветров жилища узнал и пристани, годные суднам.
Раз я, на Делос идя, приближался к Хиосскому краю,
Вот подхожу к берегам, работая веслами справа;
Прыгаю с судна легко и на влажный песок наступаю, —
600 Там и проводим мы ночь. Заря между тем заалела
Ранняя. Вот я встаю и велю сотоварищам свежей
Влаги принести, указую и путь, до ключей доводящий.
Сам же на холм восхожу, — узнать, что мне обещает
Ветер; сзываю своих и опять на корабль возвращаюсь.
605 «Вот мы и здесь!» — Офелът говорит, из товарищей первый,
Сам же добычей гордясь, на пустынном поле добытой,
Мальчика бременем ведет, по наружности схожего с девою.

Тот же качался, вином или сном стягченный как будто,
 И подвигался с трудом. На одежду смотрю, на осанку
 610 И на лицо — ничего в нем не вижу, что было бы смертным.
 Понял я и говорю сотоварищам: «Кто из бессмертных
 В нем, сказать не могу, но в образе этом — бессмертный.
 Кто бы ты ни был, о будь к нам благ и в трудах помоги нам!
 Их же, молю, извини!» — «За нас прекрати ты молитвы!» —
 615 Диктид кричит, что из всех проворней наверх забирался
 Мачт и скользил на руках по веревкам. Его одобряют
 И белокурый Мелант, на носу сторожащий, и Либид
 С Алкимедоном, затем призывающий возгласом весла
 Двигаться или же стать, Эпопей, побудитель отваги,
 620 Так же и все; до того ослепляет их жадность к добыче.
 «Нет, чтоб был осквернен корабль святотатственным грузом,
 Не потерплю, — я сказал, — я первый права тут имею!»
 Вход преграждаю собой. Но меж моряками наглейший
 Ярости полн Ликабант, из тускского изгнанный града,
 625 Карою ссылки тогда искупавший лихое убийство.
 Этот, пока я стоял, кулаком поразил молодецким
 В горло меня и как раз опрокинул бы в море, когда бы
 Я не застрял, хоть и чувства лишаюсь, бечевою задержан.
 И в восхищенье толпа нечестивцев! Но Вакх наконец-то —
 630 Ибо тот мальчик был Вакх, — как будто от крика слетела
 Сонность и после вина возвратились в грудь его чувства, —
 «Что вы? И что тут за крик? — говорит. — Какою судьбою
 К вам, моряки, я попал? И куда вы меня повезете?»
 «Страх свой откинь! — отвечает Прорей, — скажи лишь,
 635 Гавани хочешь сойти, — остановишься, где пожелаешь».

Либер в ответ: «Корабля вы к Наксосу ход поверните.
 Там — мой дом; и земля гостей дружелюбная примет».

Морем клялись лжецы и всеми богами, что будет
 Так, мне веля паруса наставлять на раскрашенный кузов.
 640 Наксос был вправо; когда я направо наставил полотно, —
 «Что ты, безумец, творишь!» — Офельт говорит, про себя же
 Думает каждый: «Сошел ты с ума? Поворачивай влево!»
 Знаки одни подают, другие мне на ухо шепчут.
 Я обомлел. «Пусть иной, — говорю, — управление примет».

645 И отошел от руля, преступленья бежав и обмана.
 Все порицают меня, как один корабельщики ропщут.

Эталион между тем говорит: «Ужели же наше
Счастье в тебе лишь одном?» — подходит и сам исполняет
Труд мой: в другую корабль от Наксоса сторону правит.
650 И удивляется бог, и, как будто он только что понял
Все их лукавство, глядит на море с гнутого носа,
И, подражая слезам, — «Моряки, вы сулили не эти
Мне берега, — говорит, — и просил не об этой земле я.
Кары я чем заслужил? И велика ли слава, что ныне
655 Мальчика, юноши, вы одного, сговорясь, обманули?»
Плакал тем временем я. Нечестивцев толпа осмела
Слезы мои, и сильней ударяются весла о волны.
Ныне же им самим, — ибо кто из богов с нами рядом,
Если не он, — я клянусь, что буду рассказывать правду,
660 Невероятную пусть: неожиданно судно средь моря
Остановилось, корабль как будто бы суша держала.
И, изумленные, те в ударах упорствуют весел,
Ставят полотна, идти при двоякой подмоге пытаюсь.
Весел уключины плещ оплетает, крученым изгибом
665 Вьется, уже с парусов повисают тяжелые кисти.
Бог между тем, увенчав чело себе лозами в гроздьях,
Сам потрясает копьем, виноградной увитым листвою.
Тигры — вокруг божества: мерещатся призраки рысей,
Дикие тут же легли с пятнистою шкурой пантеры.
670 Спрыгивать стали мужи, — их на то побуждало безумье
Или же страх? И первым Медон плавники получает
Черные; плоским он стал, и хребет у него изгибаться
Начал. И молвит ему Ликабант: «В какое же чудо
Ты превращаешься?» Рот между тем у сказавшего шире
675 Стал, и уж ноздри висят, и кожа в чешуйках чернеет.
Либид же, оборотить упорные весла желая,
Видит, что руки его короткими стали, что вовсе
Даже не руки они, что верней их назвать плавниками.
Кто-то руками хотел за обвитые взяться веревки, —
680 Не было более рук у него; и упал, как обрубок,
В воду моряк: у него появился и хвост серповидный,
Словно рога, что луна, вполовину наполовнившись, кажет.
Прыгают в разных местах, обильною влагой струятся,
И возникают из волн, и вновь погружаются в волны,
685 Словно ведут хоровод, бросаются, резво играя.
Воду вбирают и вновь из ноздрей выпускают широких.

Из двадцати моряков, которые были на судне,
Я оставался один. Устрашенного, в дрожи холодной,
Бог насилу меня успокоил, промолвив: «От сердца
690 Страх отреши и на Дию плыви». И, причалив, затеплил
Я алтари, и с тех пор соучаствую в таинствах Вакха». «Долго
внимал я твоим,— Пенфей отвечает,— лукавым
Росказням, чтобы мое в промедлении бешенство стихло!
695 Слуги, скорей хватайте ж его, и казенное мукой
Страшное тело его в Стигийскую ночь переправьте». Тотчас
схвачен Акет-тирренец и брошен в темницу,
И, между тем как они орудья мучительной казни
Подготавливали — огонь и железо,— вдруг двери раскрылись
700 Сами собой, и с рук у него упадают внезапно
Сами собой,— говорят,— никем не раскованы, цепи.

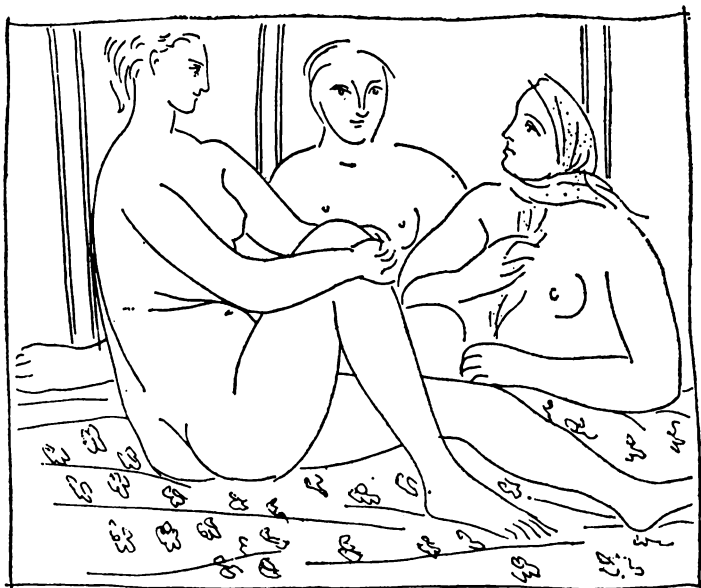
Не уступает Пенфей. Не велит уж другим,— поспешает
Сам посетить Киферон, для священных избранный действий,
Где песнопенья звучат и звонкие клики вакханок.
705 Конь в нетерпении ржет, лишь только подаст меднозвучный
Знак боевая труба, и сам в сражение рвется,—
Так Пенфею и крик, и вакхических гул завываний
Дух возбудил,— сильнее запылал он неистовым гневом.
Посередине горы там есть окруженный сосновым
710 Лесом голый пустырь, отовсюду приметное поле.
Там-то, пока он смотрел посторонним на таинства взором,
Первой увидев его и первой исполняясь безумья,
Первая, кинувши тирс, своего поразила Пенфея —
Мать. «Ибó! Родные, сюда,— воскликнула,— сестры!
Этот огромный кабан, бродящий по нашему полю,
715 Должен быть мной поражен!» И толпа, как один, устремилась
Дикая. Все собрались, преследовать бросились вместе,
Он же трепещет, он слов уже не бросает столь дерзких
И проклиная себя, в прегрешенье уже признается.
Раненный, все же сказал: «О сестра моей матери, помощь
720 Мне, Автоноя, подай! Да смягчит тебя тень Актеона!»
Та, кто такой Актеон, и не помнит; молящего руку
Вырвала; Ино, схватив, растерзала и руку другую.
Рук у несчастного нет, что к матери мог протянуть бы.
Все же он, ей показав обрубок израненный тела,—
725 «Мать, посмотри!» — говорит. Но, увидев, завывала Агава

И затрясла головой, волоса разметала по ветру.
Оторвала и в перстах его голову сжала кровавых,
И восклицает: «Ибó! То наша, подруги, победа!»
Листья едва ли скорей, осеннею тронуты стужей,
Слабо держась на ветвях, обрываются с дерева ветром,
Нежели тело его растерзали ужасные руки.
После примеров таких соучаствуют в таинствах новых,
Жгут благовонья и чтят Исмениды священные жертвы.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

LIBER QUARTUS

Все ж Минирева дочь, Алкитоя, считает, что оргий
 Бога не след принимать и, дерзкая, все еще Вакха
 Не признает за дитя Юпитера, неблагочестью
 В сестрах сообщниц найдя. Жрец праздновать дал приказанье
 5 И господам повелел и служанкам, работы покинув,
 Грудь свою шкурой покрыв, развязать головные повязки,
 И обрядиться в венки, и листвою обвитые тирсы
 Взять, предрекая, что гнев божества оскорбленного будет
 10 Страшен. Покорны ему и матери и молодицы;
 Вот отложили тканье, корзинки, начатую пряжу,
 Ладан несут и зовут Лиэя, Бромия, Вакха,
 Отпрыск огня, что дважды рожден и двумя матерями,
 И добавляют: Нисей, Тионей нестриженный, имя
 Также дают и Леней, веселящих сеятель гроздьев,
 15 Также Иакх, и Эван, и отец Элелей, и Никтелий,
 Много имен и еще, которые некогда греки
 Дали, о Либер, тебе! Ибо юность твоя неисленна,

Отрок ты веки веков! Ты всех прекраснее зришься
 В небе высоко! Когда предстаешь, не украшен рогами, —
 20 Девичий лик у тебя. Ты Восток победил до пределов
 Тех, где, телом смугла, омывается Индия Гангом.
 Чтимый, Пенфея разишь, с двуострой секирой Ликурга —
 Двух святотатцев; и ты — ввергаешь в пучину тиренцев;
 25 Рысей, впряженных четой, сжимаешь ты гордые выи
 Силой узорных вожжей; вакханки вослед и сатиры,
 С ними и пьяный старик, подперший дрожащее тело
 Палкой. Не крепко сидит на осле с провисшей спиной.
 В край ты какой ни придешь, везде клик юношей вместе
 С голосом женщин звучит, ладоней удары о бубны,
 30 Выпукло-гнутая медь и с отверстиями многими дудки.
 «Мирен и кроток явись!» — исмеянки молят, справляя
 Таинства, как повелел им жрец. Миниэиды только
 Дома, Минервы трудом нарушают не вовремя праздник,
 Шерсть прядут или пальцем большим веретенце вращают,
 35 Или корпят за тканьем и рабынь понуждают к работе.
 Пальцем проворным одна выводя свою нитку, сказала:
 «Пусть побросают свой труд и к таинствам ложным стремятся,
 Мы же, задержаны здесь Палладою, лучшей богиней,
 40 Дело полезное рук облегчим, развлекаясь беседой.
 Поочередно, чтоб нам не казалось длительным время,
 Будем незанятый слух каким-нибудь тешить рассказом».

Все одобряют и ей предлагают рассказывать первой.
 Та, с чего бы начать, — затем, что многое знала, —
 45 Думает. То ль о тебе, Деркетия, дочь Вавилона,
 Им рассказать, как тебя, чешуей заменив тебе кожу,
 В вид превратили другой палестинские — будто бы — воды.
 Или, пожалуй, о том, как дочь ее, став окрыленной,
 Поздние годы свои провела в белокаменных башнях?
 50 Иль как Наяда волшебой и трав необорною силой
 Юношей преобразив, обратив их в рыб бессловесных,
 Преобразилась сама? Иль о дереве, чьи были белы
 Ягоды, стали же черны, лишь только кровь их коснулась?
 Выбрав этот рассказ — немногим известную басню —
 Повесть она начала, а шерсть сучить продолжала:
 55 «Жили Пирам и Фисба; он всех был юношей краше,
 Предпочтена и она всем девам была на Востоке.
 Смежны их были дома, где город, согласно преданью,

Семирамида стеной окружила кирпичной когда-то.
Так знакомство меж них и сближенье пошли от соседства.
60 С годами крепла любовь; и настала б законная свадьба,
Если б не мать и отец; одного запретить не умели,—
Чтобы в плену у любви их души пылать перестали.
Нет сообщников им; беседуют знаком, поклоном;
Чем они больше таят, тем глубже тайное пламя.
65 Образовалась в стене меж домами, обоим семействам
Общей, тонкая щель со времени самой постройки.
Этот порок, никому за много веков не заметный,—
Что не приметит любовь? — влюбленные, вы увидали.
Голосу дали вы путь, и нежные ваши признанья
70 Шепотом, слышным едва, безопасно до вас доходили.
Часто стояли: Пирам — по ту сторону, Фисба — по эту.
Поочередно ловя дыхание уст, говорили:
«Как же завистлива ты, о стена, что мешаешь влюбленным!
Что бы тебе разойтись и дать нам слиться всем телом,—
75 Если ж о многом прошу, позволь хоть дарить поцелуи!
Мы благодарны, за то у тебя мы в долгу, признаемся,
Что позволяешь словам доходить до милого слуха!»
Тщетно, на разных местах, такие слова повторивши,
К ночи сказали «прости!» и стене, разобщенные ею,
80 Дали они поцелуй, насквозь не могущий проникнуть.
Вот наступила заря и огни отстранила ночные,
Солнце росу на траве лучами уже осушило,
В месте обычном сошлись. И на многое шепотом тихим
В горе своем попеняв, решили, что ночью безмолвной,
85 Стражей дозор обманув, из дверей попытаются выйти
И что, из дома бежав, городские покинут пределы;
А чтобы им не блуждать по равнине обширной, сойдутся
Там, где Нин погребен, и спрячутся возле, под тенью
Дерева. Дерево то — шелковицей высокою было:
90 Все в белоснежных плодах, а рядом ручей был студеной.
Нравится им уговор, и кажется медленным вечер.
В воды уж свет погружен, из них почь новая вышла.
Ловкая Фисба меж тем отомкнула дверную задвижку,
Вышла, своих обманув, с лицом закутанным; вскоре
95 И до могилы дошла и под сказанным деревом села.
Смелой была от любви. Но вот появляется с мордой
В пене кровавой, быков терзавшая только что, львица —

Жажду свою утолить из источника ближнего хочет.
Издали в свете луны ее вавилонянка Фисба
100 Видит, и к темной бежит пещере дрожащей стопою,
И на бегу со спины соскользнувший покров оставляет.
Львица, жажду меж тем утолив изобильной водою,
В лес возвращаясь, нашла не Фисбу, а наземь упавший
Тонкий покров и его растерзала кровавою пастью.
105 Вышедши позже, следы на поверхности пыли увидел
Львиные юный Пирам и лицом стал бледен смертельно;
А как одежду нашел, обагренную пятнами крови,—
«Вместе сегодня двоих,— говорит,— ночь губит влюбленных,
Но из обеих она достойней была долголетия!
110 Мне же во зло моя жизнь. И тебя погубил я, бедняжка,
В полные страха места приказав тебе ночью явиться.
Первым же сам не пришел. Мое разорвите же тело,
Эту проклятую плоть уничтожьте свирепым укусом,
Львы, которые здесь, под скалою, в укрытье живете!
115 Но ведь один только трус быть хочет убитым!» И Фисбы
Взяв покрывало, его под тень шелковицы уносит.
Там на знакомую ткань поцелуи рассыпав и слезы,—
«Ныне прими,— он сказал,— и моей ты крови потоки!»
Тут же в себя он железо вонзил, что у пояса было,
120 И, умирая, извлек тотчас из раны палящей.
Навзничь лег он, и кровь струей высокой забила,—
Так происходит, когда прохудится свинец и внезапно
Где-нибудь лопнет труба, и вода из нее, закипая,
Тонкой взлетает струей и воздух собой прорывает.
125 Тут шелковицы плоды, окропленные влагой убийства,
Переменили свой вид, а корень, пропитанный кровью,
Ярко-багряным налил висящие ягоды соком.
Вот,— хоть в испуге еще,— чтоб не был любимый обманут,
Фисба вернулась; душой и очами юношу ищет,
130 Хочет поведать, какой избежала опасности страшной.
Местность тотчас узнав, и ручей, и дерево рядом,
Цветом плодов смущена, не знает: уж дерево то ли?
Вдруг увидала: биясь о кровавую землю, трепещет
Тело, назад отступила она, и букса бледнее
135 Стала лицом, и, страха полна, взволновалась, как море,
Если поверхность его зашевелит дыхание ветра.
Но лишь, помедлив, она любимого друга признала,—

Грудь, недостойную мук, потрясла громогласным рыданием,
Волосы рвать начала, и, обнявши любимое тело,
140 К ранам прибавила плач, и кровь со слезами смешала,
И, ледяное лицо ему беспрерывно целуя,—
«О! — восклицала, — Пирам, каким унесен ты несчастьем?
Фисбе откликнись, Пирам: тебя твоя милая Фисба
Кличет! Меня ты услышь! Подними свою голову, милый!»
145 Имя ее услышав, уже отягченные смертью
Очи поднял Пирам, но тотчас закрылись зеницы.
А как признала она покрывало, когда увидала
Ножны пустыми,— «Своей,— говорит,— ты рукой и любовью,
Бедный, погублен. Но знай, твоим мои не уступят
150 В силе рука и любовь: нанести они рану сумеют.
Вслед за погибшим пойду, несчастливица, я, и причина
Смерти твоей и спутница. Ах, лишь смертью похищен
Мог бы ты быть у меня, но не будешь похищен и смертью!
Все же последнюю к вам,— о слишком несчастные ныне
155 Мать и отец, и его и мои,— обращаю я просьбу:
Тех, кто любовью прямой и часом связан последним,
Не откажите, молю, положить в могиле единой!
Ты же, о дерево, ты, покрывшее ныне ветвями
Горестный прах одного, как вскоре двоих ты покроешь,
160 Знаки убийства храни, твои пусть скорбны и темны
Ягоды будут вовек — двуединой гибели память!»
Молвила и, острее себе в самое сердце нацелив,
Грудью упала на меч, еще от убийства горячий.
Все ж ее просьба дошла до богов, до родителей тоже.
165 У шелковицы с тех пор плоды, созревая, чернеют;
Их же останков зола в одной успокоилась урне».
Смолкла. Краткий затем наступил перерыв. Левконой
Стала потом говорить; и, безмолвствуя, слушали сестры.
«Даже и Солнце, чей свет лучезарный вселенною правит,
170 Было в плену у любви: про любовь вам поведаю Солнца.
Первым,— преданье гласит,— любодейство Венеры и Марса
Солнечный бог увидал. Из богов все видит он первым!
Виденным был удручен и Юноной рожденному мужу
Брачные плутни четы показал и место их плутен.
175 Дух у Вулкана упал, из правой руки и работа
Выпала. Тотчас же он незаметные медные цепи,
Сети и петли,— чтоб их обманутый взор не увидел,—

Выковал. С делом его не сравнятся тончайшие нити,
Даже и ткань паука, что с балок под кровлей свисает.
180 Делает так, чтоб они при ничтожнейшем прикосновенье
Пасть могли, и вокруг размещает их ловко над ложем.
Только в единый альков проникли жена и любовник,
Тотчас искусством его и невиданным петель устройством
185 Пойманы в сетку они, средь самых объятий попались!
Лемний вмиг распахнул костяные точеные створы
И созывает богов. А любовники в сети лежали
Срамно. Один из богов, не печалясь нимало, желает
Срама такого же сам! Олимпийцы смеялись, и долго
190 Был этот случай потом любимым на небе рассказом.
За указанье четы Киферея ответила мстью
И уязвила того, кто их тайную страсть обнаружил,
Страстью такой же. К чему, о рожденный от Гипериона,
Ныне тебе красота, и румянец, и свет лучезарный?
195 Ты, опаляющий всю огнем пламенеющим землю,
Новым огнем запылал; ты, все долженствующий видеть,
На Левкотою глядишь; не на мир, а на девушку только
Взор направляешь теперь; и то по восточному небу
Раньше восходишь, а то и поздней погружаешься в воды,—
200 Залюбовавшись красой, удлиняешь ты зимние ночи.
Часто тебя не видать,— переходит душевная мука
В очи твои; затемнен, сердца устрашаешь ты смертных.
И хоть не застит твой лик луна, которая ближе
К землям,— ты побледнел: у тебя от любви эта бледность.
205 Любишь ее лишь одну. Тебя ни Климена, ни Рода
Уж не пленят, ни красавица мать Цирцеи Эйсской,
Ни твоего,— хоть ее ты отверг,— так желавшая ложа
Клития, в сердце как раз в то время носившая рану
Тяжкую. Многих одна Левкотоя затмила соперниц,
210 Дочь Эвриномы, красы того дальнего края, откуда
Благоуханья везут. Когда ж дочь взрослою стала,—
Как ее мать — остальных, так она свою мать победила.
Ахемеевых царь городов был отец ее, Орхам,
Происходил в поколение седьмом он от древнего Бела.
215 Солнечных коней луга под небом лежат гесперийским.
Пищей — амброзия им, не трава; их усталые члены
После работы дневной для трудов она вновь подкрепляет.
Вот, между тем как они луговины небесные щиплют

И исполняется ночь, бог входит в желанную спальню,
 Матери образ приняв, Эвриномы, и там Левкотою
 220 Видит, как та при огне — а с нею двенадцать служанок —
 Тонкую пряжу ведет, точеным крутя веретенцем.
 По-матерински, войдя, целует он милую дочку,—
 «Тайное дело у нас,— говорит,— уйдите, служанки,
 225 Право у матери есть с глазу на глаз беседовать с дочкой».
 Повиновались. А бог, без свидетелей в спальне оставшись,—
 «Я — тот самый,— сказал,— кто длящийся год измеряет,
 Зрящий все и которым земля становится зряча,—
 Око мира. Поверь, тебя я люблю!» Испугалась
 Девушка; веретено и гребень из рук ослабевших
 230 Выпали; страх — ее украшал, и бог не помедлил,
 Истинный принял он вид и блеск возвратил свой обычный.
 Дева же, хоть и была неожиданным испугана видом,
 Блеску его покорясь, без жалоб стерпела насилье.
 В Клитии ж — зависть кипит: давно необузданной страстью
 235 К Солнцу пылала она, на любовницу гневаясь бога,
 Всем рассказала про грех и, расславив, отцу объявила.
 Немилосерден отец и грозен: молящую слезно,
 Руки простершую вверх к сиянию Солнца,— «Он силой
 240 Взял против воли любовь!» — говорившую в горе, жестокий
 В землю глубоко зарыл и холм насыпал песчаный.
 Гелиос быстро тот холм рассеял лучами и выход
 Сделал тебе, чтоб могла ты выставить лик погребенный.
 Но не могла уже ты, задавленной грузом песчаным,
 Нимфа, поднять головы и трупом лежала бескровным.
 245 И ничего, говорят, крылатых коней управитель
 В мире печальней не зрел,— один лишь пожар Фартона.
 Силой лучей между тем оживить охладелое тело
 Все же пытается бог — вернуть теплоту, коль возможно!
 Но увидав, что судьба противится этим попыткам,
 250 Нектаром он окропил благовонным и тело и место
 И, неутешен, сказал: «Ты все же достигнешь эфира».
 Вскоре же тело ее, напитано нектаром неба,
 Все растеклось, и его благовоние в землю проникло;
 Благоуханный росток, пройдя понемногу корнями
 255 В почве, поднялся и вот сквозь холм вершиной пробился.
 К Клитии,— пусть оправдать тоску он и мог бы любовью,
 А донесенье тоской,— с тех пор уже света даятель

Не подходил, перестав предаваться с ней играм Венеры.
 Чахнуть стала она, любви до безумья предавшись,
 260 Нимф перестала терпеть, дни и ночи под небом открытым
 Сидя на голой земле; неприбрана, простоволоса,
 Девять Клития дней ни воды, ни еды не касалась,
 Голод лишь чистой росой да потоками слез утоляла.
 Не привставала с земли, на лик проезжавшего бога
 265 Только смотрела, за ним головой неизменно вращая.
 И, говорят, к земле приросла, из окраски двоякой
 Смертная бледность ее претворилась в бескровные листья,
 Все же и алость при ней. В цветок, фиалке подобный,
 Вдруг превратилось лицо. И так, хоть держится корнем,
 270 Вертится Солнцу вослед и любовь, изменяясь, сохраняет».

Кончила, и овладел удивительный случай вниманьем.
 Кто отрицает его, а кто утверждает, что в силах
 Все настоящих богов, — но что Вакха меж них не бывало!
 Все к Алкитое тогда обратились, лишь сестры замолкли.
 275 Та, челноком проводя по нитям пред нею стоящей
 Пряжи, — «Смолчу, — говорит, — о любви пастуха, всем

известной,

Дафниса с Иды, кого, рассердясь на соперницу, нимфа
 Сделала камнем: вот как сжигает влюбленных страданье!
 Не расскажу и о том, как природы закон был нарушен,
 280 И двуединый бывал то мужчиной, то женщиной Ситон.
 Также тебя, о алмаз, младенцу Юпитеру верный,
 Бывший Цельмий, и вас, порожденные ливнем куреты,
 Ты, о Кротон со Смилакой, в цветы превращенные древле, —
 Всех обойду, — и сердца забавной потешу новинкой.
 285 Славой известна дурной, почему, отчего расслабляет
 Нас Салмакиды струя и томит нам негою тело, —
 Знайте. Причина темна: но источника мощь знаменита.
 Тот, что Меркурию был богиней рожден Кифереей,
 Мальчик наядами был в идейских вскормлен пещерах.
 290 Было лицо у него, в котором легко узнавались
 Сразу и мать и отец; и носил он родителей имя.
 Вот, как только ему пятнадцать исполнилось, горы
 Бросил родимые он и, оставив кормилицу Иду,
 По неизвестным местам близ рек блуждать неизвестных
 295 Стал, на утеху себе умеряя труды любознанием.
 В грады ликийские раз он зашел и к соседям ликийцев,

Карам. Он озеро там увидал, чьи воды прозрачны
Были до самого дна. А рядом — ни трости болотной,
Ни камыша с заостренным концом, ни бесплодной осоки.
300 В озере видно насквозь. Края же озерные свежим
Дерном одеты кругом и зеленою вечно травой.
Нимфа в том месте жила, но совсем не охотница; лука
Не напрягала, ни с кем состязаться она не хотела
В беге, одна меж наяд неизвестная резвой Диане.
305 Часто — ходила молва — говорили ей будто бы сестры:
«Дрот, Салмакида, возьми иль колчан, расписанный ярко,
Перемежи свой досуг трудами суровой охоты!»
Дрот она все ж не берет, ни колчан, расписанный ярко,
Перемежить свой досуг трудами не хочет охоты.
310 То родниковой водой обливает прекрасные члены,
Или же гребнем своим киторским волосы чешет;
Что ей подходит к лицу, глядясь, у воды вопрошает;
То, свой девический стан окутав прозрачным покровом,
Или на нежной листве, иль на нежных покоем травах,
315 То собирает цветы. Однажды цветы собирала
И увидала его и огнем загорелась желанья.
Быстро к нему подошла Салмакида,— однако не прежде,
Чем приосанилась, свой осмотрела убор, выраженьем
Новым смягчила черты и действительно стала красивой.
320 И начала говорить: «О мальчик прекраснейший, верю,
Ты из богов; а ежели бог, Купидон ты наверно!
Если же смертный, тогда и мать и отец твой блаженны,
Счастлив и брат, коль он есть, и также сестра, несомненно —
Благо и ей, и кормилице, грудь дававшей младенцу,
325 Все же блаженнее всех — и блаженнее много — невеста.
Если ее ты избрал и почтишь ее светочем брачным.
Если невеста уж есть, пусть тайной страсть моя будет!
Нет — я невеста тебе, войдем в нашу общую спальню!»
Молвив, замолкла она, а мальчик лицом заалелся.
330 Он и не знал про любовь. Но стыдливость его украшала.
Цвет у яблок такой на дереве, солнцу открытом,
Так слоновая кость, пропитана краской, алеет,
Так розовеет луна при тщетных меди призывах.
Нимфе, его без конца умолявшей ей дать поцелуи,
335 Братские только, рукой уж касавшейся шеи точеной,—
«Брось, или я убегу,— он сказал,— и все здесь покину!»

Та испугалась, «Тебе это место вполне уступаю,
Гость!» — сказала, и вот как будто отходит обратно.
Но озиралась назад и, в чашу кустарника скрывшись,
340 Спряталась там и, присев, подогнула колено. А мальчик,
Не наблюдаем никем, в муравах луговины привольной
Ходит туда и сюда и в игриво текущую воду
Кончик ноги или всю до лодыжки стопу погружает.
Вот, не замедля, пленен ласкающих вод теплотою,
345 С нежного тела свою он мягкую сбросил одежду.
Остолбенела тогда Салмакида; страстью пылает
К юной его наготы; разгорелись очи у нимфы
Солнцу подобно, когда, окружностью чистой сияя,
Лик отражает оно в поверхности зеркала гладкой.
350 Дольше не в силах терпеть, через силу медлит с блаженством,
Жаждет объятий его; обезумев, сдержаться не может.
Он же, по телу себя ударив ладонями, быстро
В лоно бросается вод и руками гребет очередно,
Виден в прозрачных струях, — изваяньем из кости как будто
355 Скрытое гладким стеклом или белая лилия зрится.
«Я победила, он мой!» — закричала наяда и, сбросив
С плеч одеянья свои, в середину кидается влаги,
Силою держит его и срывает в борьбе поцелуи,
Под руки снизу берет, самовольно касается груди,
360 Плотно и этак и так прижимаясь к пловцу молодому.
Сопротивляется он и вырваться хочет, но нимфой
Он уж обвит, как змеей, которую царственной птицы
К высям уносит крыло. Свисая, змея оплетает
Шею и лапы, хвостом обвив распростертые крылья;
365 Так плющи по древесным стволам обвиваются стройным,
Так в морской глубине осьминог, врага захвативший,
Держит его, протянув отовсюду щупалец путы.
Правнук Атлантов меж тем упирается, нимфе не хочет
Радостей чаемых дать. Та льнет, всем телом прижалась,
370 Словно впишись, говоря: «Бессовестный, как ни борись ты,
Не убежишь от меня! Прикажите же, вышние боги,
Не расставаться весь век мне с ним, ему же со мною!»
Боги ее услышали мольбу: смешавшись, обоих
Соединились тела, и лицо у них стало едино.
375 Если две ветки возьмем и покроем корою, мы видим,
Что, в единенье растя, они равномерно мужают, —

Так, лишь члены слились в объятии тесном, как тотчас
Стали не двое они по отдельности, — двое в единстве:
То ли жена, то ли муж, не скажешь, — но то и другое.
380 Только лишь в светлой воде, куда он спустился мужчиной,
Сделался он полумуж, почувствовав, как разомлели
Члены, он руки простер и голосом, правда, не мужа, —
Гермафродит произнес: «Вы просьбу исполните сыну, —
О мой родитель и мать, чье имя ношу обоюдно:
385 Пусть, кто в этот родник войдет мужчиной, отсюда
Выйдет — уже полумуж, и сомлеет, к воде прикоснувшись».
Тронуты мать и отец; своему двоевидному сыну
Вняли и влили в поток с подобающим действием зелье».
Кончился девы рассказ. И опять Миния потомство
Дело торопит, не чтит божества и праздник позорит.
390 Но неожиданно вдруг зашумели незримые бубны,
Резко гремя, раздается труба из гнutoго рога
И звонкозвучная медь. Пахнуло шафраном и миррой.
И, хоть поверить нет сил, — зеленеть вдруг начали ткани,
И, повисая, как плющ, листвою покрылась одежда.
395 Часть перешла в виноград; что нитями было недавно,
Стало усами лозы. Из основы повыросли листья.
Пурпур блеск придает разноцветным кистям виноградным.
День был меж тем завершен, и час приближался, который
400 Не назовешь темнотой, да и светом назвать невозможно, —
Лучше границей назвать меж днем и неясственной ночью.
Кровля вдруг сотряслась; загорелись, огнем изобильны,
Светочи; пламенем дом осветился багряным, и словно
Диких зверей раздалось свирепое вдруг завыванье.
405 Стали тут сестры в дому скрываться по дымным покоем,
Все по различным углам избегают огня и сиянья,
Все в закоулки спешат, — натянулись меж тем перепонки
Между суставов у них, и крылья связали им руки.
Как потеряли они свое былое обличье,
410 Мрак не дает угадать. От крыльев легче не стали.
Все же держались они на своих перепонках прозрачных.
А попытавшись сказать, ничтожный, сравнительно с телом,
Звук издают, вывода свои легкие жалобы свистом.
Милы им кровли, не лес. Боятся света, летают
415 Ночью и носят они в честь позднего вечера имя.
Стала тогда уже всем действительно ведома Фивам

Вакха божественность. Всем о могуществе нового бога
Ино упорно твердит, что меж сестрами всеми одна лишь
Чуждой осталась беды, — кроме той, что ей сделали сестры.
420 И увидав, как гордилась она и царем Атамантом,
Мужем своим, и детьми, и богом-питомцем, Юнона
Гордости той не снесла и подумала: «Мог же блудницы
Сын изменить меонийских пловцов и сбросить в пучину,
Матери дать растерзать мог мясо ее же младенца,
425 Новыми мог он снабдить дочерей Миниэра крылами!
Что же, Юнона ужель лишь оплакивать может несчастье?
Это ль меня удовольствует? Власть моя в этом, и только?
Сам ты меня научил: у врага надлежит поучиться.
Сколь же безумия мощь велика, он Пенфея убийством
430 Сам сполна доказал. Нельзя ли ее подстрекнуть мне,
Чтоб по примеру родных предалась неистовству Ино?»
Есть по наклону тропа, затененная тисом зловещим,
К адским жилищам она по немому уводит безлюдью.
Медленный Стикс испаряет туман; и новые тени
435 Там спускаются вниз и призраки непогребенных.
Дикую местность зима охватила и бледность; прибывшим
Душам неведомо, как проникают к стигийскому граду,
Где и свирепый чертог обретается темного Дита.
Тысячу входов и врат отовсюду открытых имеет
440 Этот вместительный град. Как море — земные все реки,
Так принимает и он все души; не может он тесным
Для населения стать, — прибавление толп не заметно.
Бродят бесплотные там и бескостные бледные тени,
Площадь избрали одни, те — сени царя преисподних,
445 Те занялись ремеслом, бытию подражая былому;
Неба покинув дворец, туда опуститься решила, —
Столь была гнева полна, — Сатурново семя, Юнона.
Только вошла, и порог застонал, придавлен священным
Грузом, три пасти свои к ней вытянул Цербер и трижды
450 Кряду брехнул. А она призывает сестер, порожденных
Ночью, суровых богинь, милосердия чуждых от века.
Те у тюремных дверей, запертых адамантом, сидели,
Гребнем черных гадюк все три из волос выбирали.
Только узнали ее меж теней в темноте преисподней,
455 Встали богини тотчас. То место зловещим зовется.
Титий свое подвергал нутро растерзанью, на девять

Пашен растянут он был. А ты не захватывал, Тантал,
Капли воды; к тебе наклонясь, отстранялися ветви.
На гору камень, Сизиф, толкаешь — он катится книзу.
460 Вертится там Иксион за собой, от себя убегаю;
И замышлявшие смерть двоюродных братьев Белиды
Возобновляют весь век — чтоб снова утратить их — струи.
После того как на них взглянула Сатурния злобным
Взором, раньше других увидав Иксиона и кинув
465 Взгляд на Сизифа опять, — «Почему лишь один он из братьев
Терпит бессрочную казнь, Атамант же надменный, — сказала, —
Знатным дворцом осенен? — а не он ли с женой презирали
Вечно меня?» Объясняет свой гнев и приход, открывает
И пожеланье свое. А желала, чтоб рушился Кадма
470 Царственный дом, чтобы в грех Атаманта впутали сестры.
Власть, обещанья, мольбы — все сливает она воедино
И убеждает богинь. Едва лишь сказала Юнона
Так, — Тисифона власы, неприбрана, тотчас встряхнула
Белые и ото рта нависших откинула гадин
475 И отвечала: «Тут нет нужды в околичностях долгих:
Все, что прикажешь, считай совершенным. Немилое царство
Брось же скорей и вернись в небесный прекраснейший воздух».
Радостно та в небеса возвратилась. Ее перед входом
Чистой росой Таумантова дочь, Ирида, умыла;
480 А Тисифона, тотчас — жестокая — смоченный кровью
Факел рукою зажав, и еще не просохший, кровавый
Плащ надела и вот, змеей извитой подвязавшись,
Из дому вышла. При ней Рыдание спутником было,
Смертный Ужас, и Страх, и Безумье с испуганным ликом.
485 Вот у порога она: косяки эолийские — молвят —
Затрепетали, бледны вдруг стали кленовые створы,
Солнце бежало тех мест. Чудесами испугана Ино,
В ужасе и Атамант. Готовились из дому выйти, —
Выход Эриния им заступила зловещей преградой:
490 Руки она развела, узлами гадюк обвитые,
Вскинула волосы, змей потревожила, те зашипели.
Часть их лежит на плечах, другие, спустившись по груди,
Свист издают, извергают свой яд, языками мелькают.
Из середины волос двух змей она вырвала тотчас
495 И, в смертоносной руке их зажав, метнула. У Ино
И Атаманта они по груди заползали обе,

500 Мрачные помыслы в них возбуждая. Но тела не ранят
 Вовсе: одна лишь душа уколы жестокие чует.
 Также с собой принесла и ужасного жидкого яду,
 Пены из Цербера уст и отравы из пасти Ехидны,
 И заблужденье ума, и слепого забывчивость духа,
 И преступленье, и плач, и свирепость, и тягу к убийству.
 Все это перетерев и свежую кровью разбавив,
 505 В эдном сварила котле, зеленой мешая цикутой.
 Перепугались они, а богиня неистовый яд свой
 В грудь им обоим влила и глубоко сердца возмутила.
 Ровным движеньем потом раскачивать стала свой факел,
 Двигая быстро его и огнями огни догоняя.
 Так, исполнив приказ, с победой в пустынное царство
 510 Дита она отошла и змею на себе развязала.
 Миг,— и уже Эолид, в серединном беснуясь покое,
 Кличет: «Эй, други, скорей растяните-ка по лесу сети!
 Только что видел я тут при двух детенышах львицу!»
 И, как за зверем, бежит по следам супруги, безумец,
 515 И с материнской груди младенца Леарха, который
 Ручки, смеясь, протянул, хватает; и дважды и трижды,
 Словно пращу закрутив, разбивает, жестокий, о камень
 Личико детское. Тут, наконец, и мать заметалась,—
 520 Мука ль причиной была иль разлитие яда, но только
 Взвыла она, вне себя, и, власы распустив, побежала.
 И, унося, Меликерт, тебя на руках обнаженных,—
 «Вакх, эво!» — голосит. При имени Вакха Юнона
 Захохотала: «Тебе пусть поможет,— сказала,— питомец!»
 В море свисает скала; из-под низу ее размывают
 525 Волны; она от дождей защищает прикрытую заводь;
 Вверх выдается, челом протянувшись в открытое море.
 Ино вбежала туда,— ей безумие придало силу,—
 И со скалы в глубину, забыв о каком-либо страхе,
 Бросилась с ношей своей. Сотрясенные вспенились воды.
 530 Тронута внучки меж тем незаслуженным горем, Венера
 К дяде ласкается так: «Нептун, о вод повелитель,
 Первое после небес имеющий в мире державство,—
 Просьба моя велика, но близких моих пожалей ты,
 835 Что у тебя на глазах в ионийскую кинулись бездну!
 К моря богам их причти,— если только любезна я морю,
 Если в божественной я глубине в дни оные сгустком

Пены была и от ней сохраняю по-гречески имя!»
Внял молящей Нептун и все, что в них смертного было,
Отнял, взамен даровав могущество им и величье.
540 Он одновременно им обновил и наружность и имя:
Богом он стал Палемоном, а мать Левкотеей богиней.
Сколько достало их сил, за ней из Сидона подруги
Шли и у края скалы след ног увидали недавний,
В смерти ж ее убедаясь, о доме Кадмеида плакать
545 Стали, в ладони бия, себе волосы рвали и платья.
Несправедливость хуля и чрезмерную злобу Юноны
К прежней сопернице, в гнев богиню ввели. Не Юноне
Брань выносить, — «Из самих вас памятник сделаю, — молвит, —
Ярости лютой моей!» И за словом не медлило дело.
550 Та, что преданней всех их была, — «Отправляюсь, — сказала, —
В волны, царице вослед!» — и прыгнуть хотела, да только
С места сойти не смогла и к скале прикрепленной осталась.
Вот, как положено, в грудь ударять собиралась другая
С воплем, но чувствует вдруг: коченеют недвижные руки.
555 Эта лишь руки свои простерла к широкому морю, —
Так, вдруг каменной став, руками и тянется к морю.
А у другой, что, вцепившись, рвала себе волосы в горе,
Ты увидал бы, — персты в волосах отвердели внезапно.
Кто в положение каком застигнут, стоит и поныне.
560 Часть превратилась в птиц. Над той пучиной поныне
Режут поверхность воды оконечностью крыл Исмениды.
Агенорид и не знал, что дочь их и внук малолетний
Стали богами морей. Побезженный несчастьем и рядом
Бедствий и многих чудес, представших ему, оставляет
565 Город создатель его, как будто он града судьбою,
А не своею гоним. И вот, после долгих блужданий,
Вместе с беглянкой-женой иллирийских достиг он пределов.
Там, под грузом и бед и годов, они вспоминают
Дом их постигший удар и труды исчислят в беседе:
570 «Оный уж не был ли свят, моим копьём пораженный,
Змей? — так Кадм говорит, — когда, из Сидона пришедши,
В землю — повый посев — побросал я те зубы гадючьи?
Если так явственно мстит за него попечение бессмертных,
Сам став змеем, — молю, — пусть долгим вытянусь чревом!»
575 Молвит, и вот уже — змей — простирается долгим он чревом,
Чувствует: кожа его, затвердев, чешуей обрастает,

А почерневшая плоть голубым расцветается крапом.
Он припадает на грудь; между тем, воедино сливаясь,
В круглый и острый хвост понемногу сужаются ноги.
580 Руки остались одни; и поскольку лишь руки остались,
Их протянул он в слезах, по лицу человечьему текших, —
«Ты подойди, о жена, подойди, о несчастная! — молвил, —
Тронь мою руку, пока от меня хоть часть сохранилась,
585 Это — рука моя, тронь же ее, покамест не весь я
Змей», — хотел продолжать, но вдруг у него разделился
Надвое прежний язык, и ему, говорящему, слова
Недостает, и едва он жалобу высказать хочет —
Свист издает; этот голос ему сохранила природа.
И восклицает жена, в обнаженную грудь ударяя:
590 «Кадм, останься и скинь — о несчастный! — чудовищный образ!
Кадм, что же это? О, где твои ноги? Где плечи и руки,
Кожа, лицо, — но пока говорю, — остальное исчезло.
Боги, зачем и меня вы таким же не сделали змеем?»
Молвила. Он же лизал уста супруги любимой,
595 К груди, любезной ему, подползал, узнавая как будто;
Нежно ее обнимал и ластился к шее знакомой.
Все, кто были при том, — их спутники, — в страхе; она же
Скользкую шею меж тем гребнистого гладит дракона.
Вдруг их сделалось — два, — поползли, заплетаясь телами,
600 И незаметно ушли в тайники близлежащей дубравы.
Ныне людей не бегут, никому не вредят, не кусают, —
Чем были прежде они, миролюбные помнят драконы!
Но утешеньем для них в изменении прежнего вида
Стал их божественный внук, что был покоренной им признан
605 Индией; слава кого, воздвигала Ахаия храмы.
Сын лишь Абанта один, Акризий, из рода того же
Происходящий, его к стенам аргойской столицы
Не допускает, идет против бога с оружием, не веря,
Что Громовержца он сын. Не верил он, что Громовержца
610 Сын и Персей, от дождя золотого зачатый Данай,
Вскоре, однако же, он — таково всемогущество правды! —
Горько раскаялся в том, что бога обидел и внука
Не захотел признавать. Один был на небе. Другой же,
Шкуру, полную змей, унося — незабвенную ношу, —
615 Ласковый воздух тогда шумящими крыльями резал.
В Ливии знойной как раз над пустыней парил победитель, —

Капли крови в тот миг с головы у Горгоны упали,—
Восприняла их Земля и змей зачала разнородных.
Земли гадуками там обильны теперь и опасны.
620 Так, на просторе несясь, гоним несогласием ветров,
Он и туда и сюда, дождевой наподобие тучки,
Мчится, с эфирных высот на далеко лежащие земли
Взор свой наводит и круг целиком облетает вселенной.
Трижды он Рака клешни и Аркты холодные видел;
625 То на Восток уносило его, то обратно на Запад.
Вот, при спадении дня, опасаясь довериться ночи,
Он в гесперийском краю опустился, в Атлантовом царстве.
Отдыха краткого там он ищет, доколе не вывел
Люцифер в небо Зарю, а Заря — колесницу дневную.
630 Здесь, всех в мире людей превзошедший громадою тела,
Сын жил Япетов, Атлант. Над самой он крайней землею,
Также над морем царил, что Солнца коням утомленным
Вод подставляет простор и усталые оси приемлет.
Тысяча стад там бродила овец, и крупного столько ж
635 Было скота; земли там ничье не стесняло соседство.
Неких деревьев листва — из лучистого золота зелень —
Там золотые суки и плоды золотые скрывала.
Молвил Атланту Персей: «Хозяин, коль можешь быть тронут
Рода величием ты, так мой прародитель — Юпитер!
640 Если деяньем людей ты дивишься, дивись же и нашим.
Гостеприимства прошу я и отдыха!» Тот же о древнем
Помнил вещанье, из уст прозвучавшем парнасской Фемиды:
«Время настанет, Атлант, и ограблено золото будет
Древа, и лучшая часть достанется Зевсову сыну».
645 И, убоявшись, Атлант обнес сплошною стеною
Яблони, их сторожить поручив великану-дракону,
И из чужих никого к своим не пускал он пределам.
А пришлецу говорит: «Уходи, иль тебе не поможет
Подвигов слава, тобой сочиненных, ни даже Юпитер!»
650 Силой угрозы сменив, отогнать его тщится руками.
Тот же, к мирным словам добавляя и строгие, медит.
Силою он послабей — но кто же сравнится с Атлантом
Силою? — «Если моей дорожишь ты столь мало приязнью,
Дар мой прими!» — говорит; и, видом ужасное, слева
655 Сам отвернувшись, к нему лицо протянул он Медузы.
С гору быв ростом, горой стал Атлант; волоса с бородою

Преобразились в леса, в хребты — его плечи и руки;
Что было раньше главой, то стало вершиною горной;
Сделался камнем костяк. Во всех частях увеличась,
660 Вырос в громадину он, — положили так боги, — и вместе
С бездной созвездий своих на нем упокоилось небо.
Вот заключил Гиппотад в темницу извечную ветры,
И возбудитель трудов, всех ярче в небе высокою,
Люцифер встал. Персей, вновь крылья взяв, привязал их
665 Справа и слева к ногам и, меч свой кривой подпоясав,
Ясный стал резать простор, крылами махая сандалий,
Неисчислимо вокруг и внизу оставляя народов.
Он эфиопов узрел племена и Кефеевы доли.
Немилосердный Аммон неповинную там Андромеду
670 За материнский язык в то время подверг наказанью.
Только лишь к твердой скале прикованной за руки деву
Абантиад увидал, — когда бы ей веянье ветра
Не шевелило волос и не капали теплые слезы,
Он порешил бы, что мрамор она, — огнем безотчетным
675 Вдруг загорелся и стал недвижим. Красою плененный,
Чуть не забыл ударять он по воздуху взмахами крыльев.
Только лишь стал, говорит: «Цепей не таких ты достойна,
Но лишь поистине тех, что горячих любовников вяжут.
Мне ты ответь и открой свое и земли твоей имя
680 И почему ты в цепях!» Но она все молчит и не смеет —
Дева — с мужчиною речь завести; стыдливое скрыла б,
Верно, руками лицо, когда не была бы в оковах.
Все, что сделать могла, — наполнить слезами зеницы.
Был он настойчив, тогда — чтоб ему не могло показаться,
685 Будто скрывает вину, — и свое и родины имя
И до чего ее мать на свою красоту уповала,
Передает. Обо всем помянуть не успела, как воды
Вдруг зашумели, и вот, из бездны морской показавшись,
Выступил зверь, широко зыбь грудью своей покрывая.
690 Вскрикнула дева. Отец опечаленный с матерью рядом —
Оба несчастны они, но матери горе законней.
Только не помощь, увы, а достойные случая слезы,
Плач своей деве несут, прильнули к плененному телу.
Гость же им говорит: «Для слез впереди у вас будет
695 Времени много, но час для помощи дан вам короткий.
Если ее попрошу, — Персей, сын Зевса и девы,

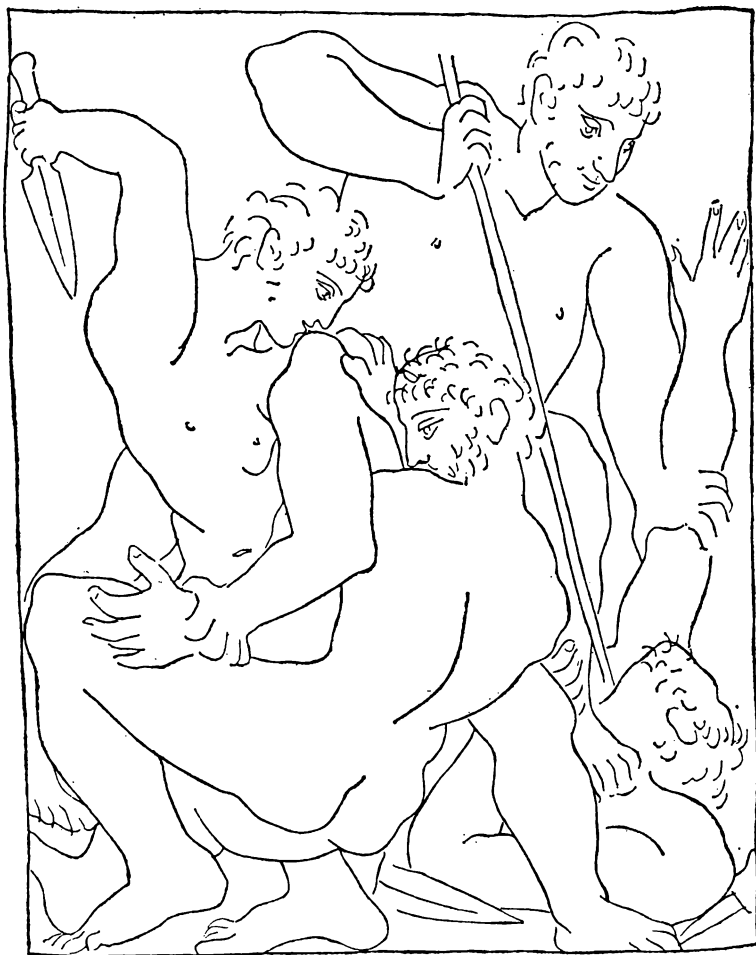
Запертой, той, кого плодоносным он златом наполнил,—
Я одолитель — Персей — змеевласой Горгоны, который
В веющий воздух лететь, взмахнув крылами, решил, —
700 Буду наверно как зять другим предпочтен. И заслугу
К брачным добавить дарам попытаюсь, — лишь боги бы дали!
Доблестью ей послужу, и да будет моей, — вот условие!»
Те принимают его, — кто бы стал колебаться? Взмолились
Мать и отец и ему обещают в приданое царство.
705 Слово корабль, что, вперед окованным пушечным носом,
Воды браздит, гребцов вспотевшими движим руками,
Зверь тот, волны погнав налегающей грудью, настолько
Был уже близок от скал, насколько пращей балеарской
Кинутый может свинец, крутясь, пролетать по пространству.
710 Юноша, в этот же миг от земли оттолкнувшись ногами,
Ввысь полетел, к облакам, — и едва на морскую поверхность
Мужа откинулась тень, на тень зверь бросился в злобе.
Как Громовержца орел, усмотревший на поле пустынным
Змея, что солнцу свою синеватую спину подставил,
715 Сзади хватает его и, чтоб уст не успел обратить он
Хищных, вонзает в хребет чешуйчатый жадные когти, —
Так, пространство своим прорезав быстрым полетом,
Спину чудовища сжал Инахид и рычащему зверю
В правое вставил плечо свой меч до кривой рукояти.
720 Тяжкою раною той уязвлен, взвизгивает в воздух
Зверь, то уходит в волну, то кидается словно свирепый
Вепрь, что стаей собак уstraшен, вокруг лающих громко.
Жадных укусов Персей на быстрых крылах избегает:
Все, что открыто — хребет с наростами раковин полых,
725 Ребра с обоих боков и место, где хвост, утончаясь,
Рыбным становится, — он поражает мечом серповидным.
Воду потоком меж тем вперемежку с багряною кровью
Зверь извергает. Уже тяжелеют намокшие крылья,
И уж не смеет Персей довериться долее взбухшей
730 Обuvi; видит скалу, которая самой вершиной
Встала из тихой воды, но скрывается вся при волненье,
И, об утес опершись и держа за вершину рукою,
Трижды, четырежды он пронзает утробу дракона.
Рукоплесканье и клик наполнили берег и в небе
735 Сени богов. Веселятся душой и приветствуют зятя
С Кассиопеей Кефеей, зовут избавителем оба,

Дома опорой. Меж тем от оков разрешенная дева
 Шагом свободным идет — причина трудов и награда!
 Он же, воды зачерпнув, оmyвает геройские руки
 И, чтобы жесткий песок не тер головы змееносной,
 740 Вниз настилает листвы и в воде произросшие тростья
 И возлагает на них главу Форкиниды Медузы.
 Каждый росток молодой с еще не скудеющим соком,
 Яд чудовища впив, мгновенно становится камнем;
 745 Стебли его и листва обретают нежданную крепость.
 Нимфы морские, дивясь, испытуют чудесное дело
 Тотчас на многих стеблях, — и сами, того достигая,
 Рады, и вот семена все обильнее в воду бросают.
 Так и осталось досель у кораллов природное свойство:
 750 Только их воздух коснись — и сразу становятся тверды;
 Что было в море лозой, над водою становится камнем.
 Трем божествам он три алтаря устроил из дерна:
 Левый, Меркурий, тебе, а правый — воинственной деве,
 Средний Юпитеру в честь. Минерве заклали телицу,
 755 Богу с крылами тельца, тебе же быка, Наивышний!
 И не замедля, тотчас Андромеду — награду за подвиг —
 Он без приданого взял: потрясают Амур с Гименеем
 Светочи свадьбы, огни благовоньем насыщены щедро,
 С кровель цветов плетеницы висят, и лиры повсюду,
 760 Трубы и песни звучат, — счастливые знаки веселья.
 В доме распахнуты все половины дверные, и настезь
 Атрий открыт золотой, и на царский, в прекрасном убранстве,
 Пышно устроенный пир кефенская знать прибывает.
 С трапезой кончив, когда дарами щедрого Вакха
 Повозбудились умы, о нравах тех мест и народов
 765 Спрашивать начал Линкид, — про дух их мужей и обычай.
 И отвечавший ему, — «Теперь, о храбрейший, — воскликнул, —
 769 Молви, молю я, Персей, каким ты приемом, какую
 770 Доблестью мог отрубить главу, чьи волосы — змеи».
 И повествует Персей, что лежит под холодным Атлантом
 Место одно, а его защищает скалистая глыба,
 И что в проходе к нему обитают тройничные сестры,
 775 Форка дочери, глаз же один им служит, всем общий.
 Как он, хитро, изловчась, при его передаче, тихонько
 Руку подсунул свою, овладел тем глазом; и скалы,
 Скрытые, смело пройдя с их страшным лесом трескучим,

780 К дому Горгон подступил; как видел везде на равнине
И на дорогах — людей и животных подобья, тех самых,
Что обратились в камень, едва увидали Медузу;
Как он, однако, в щите, что на левой руке, отраженным
Медью впервые узрел ужасающий образ Медузы;
785 Тяжким как пользуясь сном, и ее и гадюк охватившим,
Голову с шеи сорвал; и еще — как Пегас быстрокрылый
С братом его родились из пролитой матерью крови.
Вспомнил неложные он опасности долгого лёта;
Что за моря, что за земли он зрел с высоты под собою,
Также созвездий каких касался взмахами крыльев.
790 Но замолчал он скорей, чем того ожидали. И задал
Некто, один из вельмож, вопрос: из сестер почему же
Волосы только одной перемешаны змеями были?
Гость же в ответ: «Раз ты спросил о достойном рассказа,
795 Дела причину тебе изложу. Красотою блистая,
Многих она женихов завидным была упованьем.
В ней же всего остального стократ прекраснее были
Волосы. Знал я людей, утверждавших, что видели сами.
Но говорят, что ее изнасиловал в храме Минервы
800 Царь зыбей. И Юпитера дочь отвернулась, эгидой
Скрыв целомудренный лик. Чтоб грех не остался без кары,
В гидр ужасных она волоса обратила Горгоны.
Ныне, чтоб ужасом тем устрашать врагов оробевших,
Ею же созданных змей на груди своей носит богиня».

КНИГА ПЯТАЯ

LIBER QUINTUS

Так Данаев герой в кругу вспоминает кефенов
Подвиги, а между тем толпою шумящею сени
Царские полнятся вдруг; не крик то, которым обычно
Свадебный праздник гремит, но дикого боя предвестье!
5 Этот прервавшийся пир, превратившийся сразу в смятение,
Можно бы с морем сравнить, сначала спокойным, чьи воды,
Яростно вдруг налетев, взволнуют свирепые ветры.
Первый меж ними Финей, зачинатель сражения дерзкий,
Ясень упругий копьё с медяным концом потрясая,—
10 «Здесь я, здесь! — говорит, — за хищенье супруги отмститель!
Ныне ни крылья тебя, ни Юпитер, себя обративший
В золото, уж не спасут!» И метнуть уж пытался, но, — «Что ты
Делаешь? — крикнул Кефей, — что за мыслью безумной ты
двигаем

На преступление, брат? Благодарность такую ль заслугам
15 Стольким воздать? То брачный ли дар за спасение девы?
И не Персей у тебя ее отнял, — коль в истину вникнешь, —

Но приговор Нереид, суровый Аммон рогоносный,
Чудище бездны морской, что неожиданно из волн приходило
Жрать утробу мою. Не похить он вовремя деву,
20 Ей бы не жить. Для нее ты требуешь, жестокосердый,
Гибели вновь, чтобы скорбью моей самому веселиться?
Не удовлетвован ты, что ее при тебе оковали;
Ты же, — и дядя ее и жених, — никак не помог ей!
Да и прискорбно тебе, что спасенье пришло от другого,
25 Что ускользнула из рук? Коль ее столь ценной считаешь,
Сам бы деву забрал на скале, где ее приковали!
Ныне тому, кто забрал, чрез кого моя старость не сира,
Дай получить, что заслужено им и обещано словом.
Он ведь, пойми, не тебе предпочтен, но погибели верной».
30 Тот промолчал; но, вращая главой, на него и Персея
Смотрит, не зная и сам, на того ли напасть, на другого ль.
Миг лишь помедлил, и вот копье напряженное, силой,
Приданной гневом ему, метнул — но мимо — в Персея.
В ложе застряло оно, и Персей наконец с покрывала
35 Прянул и, верно, копья ответным ударом, свирепый,
Грудь прободал бы врага, когда бы Финей не укрылся
За алтарем и — позор! — был на пользу алтарь негодяю.
Но промахнувшись, копье в лоб Рета, однако, вонзилось.
Вот он упал, и тотчас исторглось из кости железо;
40 Бьется он, кровью своей орошает столы пированья.
Неукротимым толпа загорелася гневом, кидают
Копья. Иные нашлись, возглашавшие громко, что с зятем
Должен пасть и Кефей. Но как раз в это время из дома
Вышел Кефей; призывал в свидетели право и правду,
45 Гостепринмство богов, — что противился этому буйству.
Брани богиня, в тот миг представ, эгидой прикрыла
Брата, и дух в нем окреп. При этом был Атис, индеец,
Что, по преданью, рожден Лимнеей, дочерью Ганга,
В водах хрустальных его, — знаменит красотою, убором
50 Пышным удвоенной, юн, всего лишь шестнадцатилетний,
Тирской хламидой одет, с золотом по краю каймою;
Шею его украшали еще ожерелья златые,
Волосы гребнем кривым украшались, напитаны миррой.
Он хоть и был научён попадать на любом расстоянье
55 Дротиком в цель, — но ловчей тетиву натягивал лука.
Вот, меж тем как рога неспешной сгibal он рукою,

Вмиг изловчился Персей, полено схватил, что дымилось
 На алтаре, и лица раздробил ему вдребезги кости.
 Тотчас, едва увидал, как ликом пленительным бьется
 60 Тот, простертый в крови, Ликабант ассириец, ближайший
 Друг и товарищ его, глубокой любви не скрывавший,
 Вмиг испутившего дух от тягостной раны оплакав
 Юношу Атиса, лук, который натягивал Атис,
 Выхватил и закричал: «Теперь ты со мною сразишься!
 65 Отрока гибель тебе ненадолго веселием будет,
 Ненависть ею верней, не хвалу обретешь!» Не успел он
 Молвить — стрела с тетивы сорвалась, заостренная дивно.
 Тот отстранился, она ж застряла в складчатом платье.
 Тут обратил на него, знаменитый убийством Медузы,
 70 Меч свой Акризия внук и вонзил ему в грудь, и, кончаясь,
 Взором, блуждавшим уже под теменью ночи, окинул
 Атиса друг неизменный его и, к нему наклонившись,
 К манам подземным унес утешенье, что умерли вместе!
 Вот сиенец Форбант, Метиона дитя, и либиец
 75 Амфимедон, завязать пожелавшие бой, поскользнувшись
 В теплой крови, от которой земля широко задымилась,
 Наземь упали. Им меч подняться уже не позволил,
 В горло Форбанта вонзаясь, другому же в ребра проникнув.
 А на Эрита Персей, Акторов сына, который
 80 Сжал двусторонний топор, кривого меча не направил:
 В обе руки он схватил глубокой резьбою покрытый
 Тяжкого веса кратер, размером огромный, и бросил
 В мужа. Тот же изверг багровую кровь и, на землю
 Навзничь упав головой, умирая, колотится об пол.
 85 Вот Полидаймон, чей род происходит от Семирамиды,
 Вот Ликет Сперхеяд, Абарид, уроженец Кавказа,
 Клит, Флегиат и волос не стригший с рождения Гелик,—
 Все сражены, и, свиреп, умирающих топчет он груди.
 И не решился Финей сойтись с неприятелем в схватке,
 90 Дрот запустил он, но тот уклонился ошибочно в Ида,
 Тщетно отвергнутого бой, не поднявшего вовсе оружия.
 Это, грозно в упор на Финея свирепого глядя,—
 «Если ты в бой вовлекаешь меня,— промолвил,— узнай же,
 Сделал кого ты врагом, и за рану уплачивай раной!»
 95 Он уж ответить хотел копьем, извлеченным из тела,
 Но, обескровлен, упал, слабеющим телом поникнув.

Вот и Одит, за царем первейший в народе Кефенов,
 Пал, Клименом пронзен, Гипсей проколол Протенора;
 Сам от Линкида погиб. Был тут и древний летами
 100 Эматин, богов почитатель и правды блюститель.
 Он, хоть уж годы ему воевать воспрещали, словами
 Ратует, вышел вперед и клянет нечестивую бойню.
 Но, между тем как алтарь он дрожащими обнял руками,
 Голову Хрóbид ему мечом отрубил, и упала
 105 Та на алтарь, и проклятий слова языком полумертвым
 Вымолвил Эматин и дух испустил меж огнями.
 Два близнеца Бротеад и Аммон, что в бою на кулáчках
 Непобедимы, — когда б кулаками мечи побеждались! —
 Пали, — сразил их Финей, — и священнослужитель Цереры,
 110 Амфик, чья голова белоснежной повязана лентой,
 Пал и ты, Лампетид, не к подобным призванный битвам,
 Но к содроганию струн и голоса, — мирному делу, —
 Призванный славить пиры, возвеличивать празднества пеньем!
 Вот, меж тем как вдали он стоял с невоинственным плектром,
 115 Петтал, насмешлив, — «Пропой остальное ты манам
 стигийским!» —
 Крикнул и в левый висок наконечник вонзил ему дрота.
 Пал на землю, но все полумертвые пальцы касались
 Лирных струн: нечаянно звук раздался плачевный.
 Но без возмездия пасть не позволил Ликорм ему лютый:
 120 С правой дверной верей засов сорвал он дубовый,
 Череп ему раскроил посредине, и тот повалился
 Наземь, как падает бык, пораженный секирой. Тотчас же
 Снять попытался засов дубовый и с левой верейки
 Сын Кинифеев, Пелат; но пронзил ему правую руку
 125 Мармаридянин Корит, пригвоздив ее к дереву двери.
 Абант висящего бок поразил; и тот не свалился,
 Но, к косяку прикреплен, повис на руке, умирая.
 Вот распростерт Меналей, за Персея поднявший оружие,
 Назамонийских полей, Дорил, богатейший хозяин, —
 130 Тот богатейший Дорил, — никто не владел столь обширной
 В крае земель, не сбирал в изобилие таком благовоний.
 Брошено косо, копье в паху у Дорила застряло.
 Место смертельное пах. Лишь раны виновник, бактриец
 Галкионей увидал, что прерывисто тот испускает
 135 Дух и глаза закатил, промолвил: «Земля под ступнями —

Вот все владенья твои!» — и бескровное тело покинул.
Бросил в бактрийца копье, из раны горячей исторгнув,
Мститель, Абанта внук, и оно сквозь ноздри проникло,
Через затылок прошло и с обеих сторон выступало.
140 Руку Фортуна сама направляет; и Клитий и Кланый
Матери дети одной, по-разному ранены были:
Клитию яшень пронзил, тяжелою пущен рукою,
Лядвеи обе зараз; а Кланый зубами вонзился
В древко, пал Келадон, что из Мендеса, и палестинской
145 Матери сын Астрей, чей был неизвестен родитель;
И Этион, что умел когда-то грядущее видеть, —
Лживою птицей теперь он обманут; и оруженосец
Царский Тоакт, и Агирт, опозоренный отцеубийством...
Больше, однако, в живых оставалось. С единым покончить
150 Было стремление у всех. Ополчились ряды отовсюду
Единодушно, вражда на заслугу и честь ополчилась!
Богобоязненный тесть и теща с женой молодою
Тщетно стоят за него, наполняя лишь воплями сени,
Их оружия звук и поверженных стон заглушают.
155 Вот оскверненных уже заливают Беллона пенатов
Кровью обильной и вновь замешать поспешает сражение,
Вот окружает его Финей и тысяча следом
Сзади Финея. Летят, многочисленней градин зимою,
Копья с обеих сторон — и глаз и ушей его мимо.
160 Тут-то прижался спиной он к камню огромной колонны,
Обезопасив свой тыл, к супротивным рядам обращенный, —
Их отбивает напор! Впереди напирających слева
Был хаониец Молпей; Этемон из Набатии — справа.
Словно тигрица, когда, истомленная голодом, слышит
165 В разных долинах она двух стад мычанье, не знает,
Ей на какое напасть, напасть же стремится на оба, —
Так сомневался Персей, направо ему иль налево
Ринуться; все же, пронзив его голень, отбросил Молпей.
Впрок ему бегство. Меж тем Этемон не дает передышки,
170 Бесится, рапу стремясь нанести в часть верхнюю шеи.
Не рассчитал своих сил, и надвое меч занесенный
Переломился о ствол сотрясенной ударом колонны.
И разлетелся клинок, и вонзился в гортань господина.
Но, чтобы смерть причинить, была недостаточна рана,
175 И между тем как тот трепетал, безоружные руки

Вытянув тщето, мечом Персей пронзил килленийским,—
Но, как увидел, что пасть должна перед множеством доблесть,—
«Помоги,— молвил Персей,— раз вами к тому понужден я,
Буду искать у врага! Отверните же лица скорее,
180 Если меж вами есть друг!» — и главу он приподнял Горгоны.
«Нет, других поищи, кто твоим чудесам бы поверил!» —
Тескел сказал и готов был рукой роковое оружие
Бросить, но так и застыл изваяньем из мрамора Амфик,
185 Тотчас стоявший за ним, на полную доблестным духом
Грудь Линкида с мечом устремился, но в этом движенье
Окоченела рука, ни вперед, ни назад не движима.
Тотчас Нилей, что солгал, семиречным будто бы Нилом
Он порожден, на щите обозначивший семь его устий,—
190 Часть из них серебром, другую же золотом,— молвил:
«Вот полюбуюсь, Персей, на источники нашего рода!
К манам немым унесешь утешенье немалое в смерти,
Пав от такого, как я!» Но часть последняя речи
Вдруг прервалась, и мнится, что рот, вполовину открытый,
Хочет еще говорить, но слова не находят дороги.
195 «От малодушия вы, а совсем не от мощи Горгоны
Остолбенели! — бранит их Эрикс.— Накинемся вместе,
Наземь повергнем юнца с его чародейным оружием!»
Кинуться был он готов; но землю задержаны стопы,—
Вооруженный стоит из камня недвижимого образ.
200 Кару те все понесли по заслугам. Но воин Персея
Был там один, Аконтей; пока за Персея сражался,
Лик он Горгоны узрел и в камень тотчас обратился.
Астиагей же его, за живого сочтя, ударяет
Длинным мечом. Засвистел его меч пронзительным свистом,
205 Астиагей изумлен,— но принял он ту же природу,
Мраморным став, и лицо выраженье хранит изумленья.
Долгое дело — мужей имена из простого народа
Перечислять. Их двести всего после боя осталось,—
Остолбенев, все двести стоят: увидали Горгону!
210 Тут лишь Финей пожалел наконец о несправедливой битве,—
Только что ж делать ему? Он лишь образы разные видит,
Он и своих узнает и, по имени каждого клича,
Помощи просит; не веря себе, касается ближних
Тел,— но мрамор они; отвернулся и так, умоляя,
215 В стороны руки простер, изъявляя покорность, и молвил:

«Ты побеждаешь, Персей: отврати это чудище, в камень
 Все обращающий лик Медузы, какой бы он ни был.
 О, отврати, я молю! Не злоба, не царствовать жажда
 К брани подвигли меня: за супругу я поднял оружие.
 220 Право заслугами ты приобрел, а я — ожиданием.
 Не уступил,— и мне жаль. Из всего, о храбрейший, мою лишь
 Душу ты мне уступи, да будет твоим остальное!»
 И говорившему так, и того, к кому сам обращался,
 Видеть не смевшему,— «Что,— говорит,— о Финей боязливый,
 225 Дать тебе ныне могу,— и дар то не малый для труса! —
 Дам, ты страх свой откинь. Не обижу тебя я железом.
 Наоборот, на века, как памятник некий, оставлю.
 Будешь всегда на виду ты в доме у нашего тестя,
 Чтобы супругу мою утешал нареченного образ!»
 230 Молвив такие слова, он главу повернул Форкиниды
 К месту, куда был Финей лицом обращен трепетавшим.
 И, между тем как глаза повернуть пытался он, шея
 Окоченела его, и в камень слеза затвердела.
 Но умоляющий лик и уста боязливые в камне
 235 Видны досель, о пощаде мольба и покорности знаки.
 Вот победитель Персей с супругою в отчие стены
 Входит. Защитник семьи, неповинности дедовой мститель,
 Вот он на Прета напал: затем, что, оружием выгнав
 Брата, Прет захватил твердыню Акризия силой.
 240 Но ни оружием своим, ни присвоенной подло твердыней
 Грозных не мог одолеть он очей змееносного чуда.
 Все же тебя, Полидект, небольшого правитель Серифа,
 Юноши доблесть, в делах очевидная стольких, ни беды
 Все же смягчить не могли. Ненавидишь упорно Персея,
 245 Непримирымый, и нет неправому гневу предела.
 Хочешь и славы лишить, утверждаешь ты, будто измыслил
 Он, что Медузу убил. «Я дам тебе знак непреложный.
 Поберегите глаза!» — воскликнул Персей и Медузы
 Ликом цареву лицо превращает он в камень бескровный.
 250 Сопровождала досель своего златородного брата
 Дева Тритония. Вот, окруженная облаком полым,
 Бросив Сериф и Кити и Гиар направо оставив,
 Наикратчайшим путем через море отправилась в Фивы,
 На Геликон, обиталище Дев. Геликона достигнув,
 255 Остановилась и так обратилась к сестрам ученым:

«Слава наших ушей об источнике новом достигла,
Том, что копытом пробил в скале Быстрокрылец Медузы.
Ради того я пришла. Я хотела чудесное дело
Видеть. Я зрела, как сам он из крови возник материнской».

260 «Ради чего б ни пришла,— отвечала Урания,— в наши
Сени, богиня, всегда ты нашему сердцу желанна!
Верен, однако же, слух: Пегасом тот новый источник
Был изведен»,— и свела Тритонию к влаге священной.
Долго дивилась воде, от удара копыта потекшей,

265 Обозревала потом и лесов вековые чащи,
Своды пещер и луга, где цветы без счета пестрели,
И назвала Мнемонид счастливыми и по занятиям,
И по урочищам их. Одна из сестер ей сказала:
«О, если б доблесть твоя не влекла тебя к бóльшим деяньям,
270 Что бы тебе не примкнуть, Тритония, к нашему хору!
Молвишь ты правду, хваля по заслугам и дело и место.
Наша прекрасна судьба,— да лишь бы нам жить безопасно!
Но — до чего же ничто не запретно пороку! — девичьи
Все устрашает сердца: Пиреней пред глазами жестокий
275 Так и стоит, до сих пор не могу отойти от испуга.
Лютый, в давидских полях и фокейских он стал господином
С войском фракийским своим и без права владел государством.
В храмы парнасские мы направлялись: нас увидал он
И, с выраженьем таким, будто чтит божественность нашу,—
280 «О Мнемониды! — сказал,— он по виду узнал нас.— Постойте!
Не сомневайтесь, молю, от дождя с непогодой укройтесь —
Дождь пошел,— под кровлей моей! И в мѣньшие клетки
Боги входили не раз». Побуждаемы речью и часом,
Дали согласие мы и в передние входим хоромы.
285 Дождь меж тем перестал, был Австр побежден Аквилонем,
По небу, чистому вновь, лишь темные тучи бежали.
Мы собрались уходить. Но дом Пиреней запирает.
Нам же насильем грозит. Его мы избегли — на крыльях.
Как бы вслед устремясь, во весь рост он стоял на твердыне!
290 «Тем же путем понесусь,— говорит,— где вы понесетесь!»
Вдруг, безрассудный, стремглав с верхушки бросился башни;
Вниз головой он упал и раздробленным черепом оземь
Грянулся, землю залив, перед смертью, проклятою кровью»,
Муза вела свой рассказ. Но крылья вверху зазвучали,
295 И от высоких ветвей раздался приветствия голос.

Глянула вверх, не поймет, откуда так слышится ясно
 Говор. Юпитера дочь полагает: то речи людские.
 Были то птицы! Числом же их девять: на рок свой пеняя,
 В ветках сороки сидят, что всему подражают на свете.
 300 И удивленной рекла богиня богине: «Недавно
 Птиц приумножили сонм побежденные в споре сороки.
 Их же богатый Пиер породил на равнине пеллейской.
 Мать им Эвиппа была пеонийка, что к мощной Луцине,
 Девять рождавшая раз, обращалась девятикратно.
 305 Вот возгордилась числом толпа тех сестер безрассудных.
 Множество градов они гемонийских прошли и ахайских,
 К нам пришли и такой состязанье затеяли речью:
 «Полно вам темный народ своею обманывать ложной
 Сладостью! С нами теперь, феспийские, спорьте, богини,
 310 Если себе доверяете вы! Ни искусством, ни звуком
 Не победить нас. Числом нас столько же. Иль уступите,
 Сдавшись, Медузы родник заодно с Аганиппой гигантской,
 Иль эмафийские вам мы равнины уступим до самых
 Снежных Пеонов,— и пусть нам нимфы судьями будут».
 315 В спор было стыдно вступать, но еще показалось стыднее —
 Им уступить. Вот выбрали нимф,— и тотчас, поклявшись
 Реками, сели они на сиденье из дикого камня.
 Дева, что вызвала нас, начинает без жребия первой.
 Брани бессмертных поет; воздает не по праву Гигантам
 320 Честь, а великих богов деянья меж тем умаляет:
 Будто, когда изошел Тифей из подземного царства,
 На небожителей страх он нагнал, и они, убегая,
 Тыл обратили, пока утомленных не принял Египет
 В тучные земли и Нил, на семь рукавов разделенный.
 325 Будто потом и туда появился Тифей земнородный,
 И что бессмертным пришлось под обманными видами скрыться.
 «Стада вождем,— говорит,— стал сам Юпитер: Либийский
 Изображаем Аммон и доныне с крутыми рогами!
 Вороном сделался Феб, козлом — порожденье Семелы.
 330 Кошкой — Делийца сестра, Сатурния — белой коровой.
 Рыбой Венера ушла, Киллений стал ибисом-птицей».
 Все это спела она, сочетая с кифарою голос.
 «Вызвали нас, Аонид,— но тебе недосужно, быть может,
 Некогда, может быть, слух склонять к песнопениям нашим?»
 335 «Не сомневайся и всю передай по порядку мне песню»,—

Молвит Паллада и в тень прохладную рощи садится.
 Муза, — «Даем мы одной, — говорит, — одолеть в состязанье!» —
 Встала и, плющ молодой вплетя себе в волосы, стала
 Пальцем из струн извлекать Каллиопа печальные звуки,
 340 Сопровождая такой дрожание струнное песней:
 «Первой Церера кривым сошником целину всколыхнула,
 Первой — земле принесла и плоды, и покорную пищу,
 Первой — законы дала, и все даровала — Церера!
 Буду ее воспевать. О, только б достойно богини
 345 Песня пропелась моя! — богиня сей песни достойна.
 Остров Тринакрия был на падших наложен Гигантов,
 Грузом тяжелым его под землей лежащий придавлен
 Древний Тифей, что дерзнул возмечтать о престоле небесном,
 Все продолжает борьбу, все время восстать угрожает.
 350 Но авсонийский Пелор над правой простерся рукою,
 Ты же на левой, Пахин; Лилибеем придавлены ноги,
 Голову Этна гнетет. Тифей, протянувшись под нею,
 Ртом извергает песок и огонь изрыгает, беснуясь.
 Тщетно старается он то бремя свалить земляное,
 355 Силой своей раскидать города и огромные горы:
 Вот и трепещет земля, и сам повелитель безмолвных
 В страхе, не вскрылась бы вдруг, не дала бы зияния суша.
 Свет не проник бы к нему, ужасая пугливые тени.
 Царь, той напасти страшась, из хором своих сумрачных вышел,
 360 На колесницу ступил и, черными мчимый конями,
 Тщательно стал объезжать основанья земли Сицилийской.
 Все осмотрев, убедясь, что ничто не грозит обвалиться,
 Страх отложил он. Меж тем Эрикина его увидала
 С ей посвященной горы. И, обняв крылатого сына, —
 365 «Сын мой, оружие мое, и рука, и могущество! — молвит, —
 Лук свой возьми, Купидон, которым ты всех поражаешь,
 Быстрые стрелы направь в грудь бога, которому жребий
 Выпал последний, когда триединое царство делили.
 Горние все и Юпитер-отец, и боги морские
 370 Власть твою знают, и тот, в чьей власти боги морские.
 Тартару что ж отставать? Что власти своей и моей ты
 Не расширяешь? Идет ведь дело о трети вселенной!
 Даже и в небе у нас — каково же терпение наше! —
 Презрены мы; уменьшается власть и моя и Амура,
 375 Разве не видишь: от нас и Паллада теперь и Диана

Лучница прочь отошли? И девствовать будет Цереры
Дочь, коль допустим: она и сама этой участи хочет.
Ежели к просьбе моей ты не глух — ради общего царства
С дядей богиню сведи». Сказала Венера. И тотчас
380 Взялся Амур за колчан и стрелу, как мать повелела,
Выбрал из тысячи стрел одну, но острее которой
Не было и ни одной, что лучше бы слушалась лука.
Вот свой податливый рог изогнул, подставив колено,
385 Мальчик и Диту пронзил искривленной тростинкою сердце.
Глубоководное есть от стен недалеко геннейских
Озеро; названо Перг; лебединых более кликов
В волнах струистых своих и Каистр едва ли услышит!
Воды венчая, их лес окружил отовсюду, листвою
Фебов огонь заслоня, покрывалу в театре подобно.
390 Ветви прохладу дарят, цветы разноцветные — почва.
Там неизменно весна. Пока Прозерпина резвилась
В роще, фиалки брала и белые лилии с луга,
В рвенье девичьем своем и подол и корзины цветами
Полнила, спутниц-подруг превзойти стараясь усердьем,
395 Мигом ее увидал, полюбил и похитил Подземный, —
Столь он поспешен в любви! Перепугана насмерть богиня,
Мать и подружек своих — но мать все ж чаще! — в смятенье
Кличет. Когда ж порвала у верхнего края одежду,
Все, что собирала, цветы из распушенной туники пали.
400 Столько еще простоты в ее летах младенческих было,
Что и утрата цветов увеличила девичье горе!
А похититель меж тем, по имени их называя,
Гонит храпящих коней, торопясь, по шеям, по гривам
Сыплет удары вожжей, покрытых ржавчиной темной,
405 Мимо священных озер и Паликовых, пахнувших серой,
Вод, что бурлят, прорываясь из недр; через местность несется,
Где бакхиады — народ из Коринфа двуморского — древле
Стены воздвигли меж двух корабельных стоянок неравных.
Меж Кианеей лежит и пизейским ключом Аретузой,
410 Там, где отроги сошлись, пространство зажатое моря.
Там-то жила — от нее происходит и местности имя —
Нимфа, в Сицилии всех знаменитее нимф, Кианей.
Вот, до полживота над поверхностью водной поднявшись,
Деву узнала она. «Не проедете дальше! — сказала, —
415 Зятем Цереры тебе не бывать против воли богини;

Просьбой, не силою взять ты должен был деву. Коль можно
С малым большое равнять,— полюбил и меня мой Анапис,
Все ж он меня испросил, я в брак не со страха вступила».
Молвила нимфа и их, в обе стороны руки раздвинув,
420 Не пропустила. Сдержать тут гнева не мог уж Сатурний.
Страшных своих разогнал он коней и в бездну пучины
Царский скиптр, на лету закрутившийся, мощной рукою
Кинул,— и, поражена, земля путь в Тартар открыла
И колесницу богов приняла в середину провала.
425 А Кианея, скорбя, что похищена дева, что этим
Попрано право ее, с тех пор безутешную рану
Носит в безмолвной душе и вся истекает слезами.
В воды, которых была божеством лишь недавно великим,
Вся переходит сама, утончаясь; смягчаются члены,
430 Кости — можно согнуть, и ногти утратили твердость,
Что было тоньше всего становится первое жидким,—
Пряди лазурных волос, персты ее, икры и стопы.
После, как члены она потеряла, в холодные струи
Краток уж был переход. Бока, спина ее, плечи
435 И ослабевшая грудь — все тонкими стало ручьями.
Вот наконец, вместо крови живой, в изменившихся жилах
Льется вода, и уж нет ничего, что можно схватить бы.
В ужасе мать между тем пропавшую дочь понапрасну
Ищет везде на земле, во всех ее ищет глубинах.
440 Отдых вкушавшей ее не видала Аврора с власами
Влажными, Геспер не зрел. В обеих руках запалила
Ветви горючей сосны, на Этне возросшей, богиня
И леденящею тьмой проносила, не зная покоя.
Снова, лишь радостный день погашал созвездия ночи,
445 Дочь искала она, где Солнце заходит и всходит.
Раз, утомившись, она стала мучиться жаждой, но нечем
Было ей уст освежить; соломой крытую видит
Хижину, в низкую дверь постучала; выходит старуха,
Видит богиню она и тотчас выносит просящей
450 Сладкого чашу питья из поджаренных зерен ячменных.
Пьет Церера. Меж тем злоречивый и дерзкий мальчишка
Перед богинею стал и, смеясь, обозвал ее «жадной».
И оскорбилась она и, еще не допивши напитка,
Мальчика вдруг облила ячменем, в воде разведенным.
455 Пятна впитались в лицо; где были у дерзкого руки,—

Выросли ноги, и хвост к измененным прибавился членам.
И в невеликий размер,— чтобы силы вредить не имел он,—
Сжался: в ящерку он превращен был, малого меньше.
От изумленной, в слезах, попытавшейся чуда коснуться
460 Бабки бежал он и в норку ушел. Так и носит название
В избличенье стыда, и в крапинках все его тело.
Сколько богиня еще по землям блуждала и водам,
Трудно в словах передать. Весь мир был для ищущей тесен.
И возвратилась она в Сиканию; все озирая,
465 До Кианеи дошла. Кианея, не будь превращенной,
Все рассказала бы ей. Хоть нимфа сказать и желала,
Не было уст у нее, языка, чтобы вымолвить слово.
Знаки, однако, дала; очам материнским знакомый,
Павший в том месте в святой водоем поясok Персефоны
470 Молча богине она на поверхности вод показала.
Та, лишь узнала его, убедясь наконец в похищенье
Дочери, стала терзать в небреженье висящие кудри,
И без числа себе грудь ладонями мать поражала,
Все же не знала, где дочь. Все земли клянет, называет
475 Неблагодарными их, недостойными дара богини,
Всех же сильнее клянет Тринакрию, где обнаружен
След был беды. Вне себя, богиня пахавшие землю
Переломала плуги, предала одинаковой смерти
И поселян, и волов, работников поля; велела
480 Нивам доверье людей обмануть, семена загубила...
Плодоношение земли, всего достояние мира,
Сокрушено. В зеленях по полям умирают посевы;
То от излишних дождей, то от солнца излишнего чахнут;
Звезды и ветер вредят. Опавшие зерна собирают
485 Жадные птицы; волчец и куколь и разные травы,
Не выводимы ничем, полонили пшеничные нивы.
Тут Алфеяда главу из вод показала элейских
И, оттолкнув к ушам волос струящихся пряди,
Молвит: «О девы той мать, искомой по целому миру,
490 Мать урожаяв земных, отреша непомерные муки
И в раздраженье своем не гневись на верную землю!
Не заслужила земля: похищенью открылась невольно.
Нет, не за родину я умоляю. Пришла я как гостья.
Родина в Пизе моя, происходим же мы из Элиды.
495 Я чужестранкой живу в Сикании. Все же милей мне

Всех она стран. У меня, Аретузы, здесь ныне пенаты,
Здесь пребыванье мое: его пощади, всеблагая!
Двинулась с места зачем, как я под громадою моря
В край Ортигийский пришла, — рассказам об этом настанет
500 Время свое, когда от забот свободна ты будешь
И просветлеешь лицом. Для потока доступна, дорогу
Мне открывает земля; пройдя по глубинным пещерам,
Здесь я подыблю чело и смотрю на забытые звезды.
Там-то, когда я текла под землею стремниной стигийской,
505 Я Прозерпину твою лицезрела своими глазами.
Так же печальна она, с таким же испуганным ликом,
Но — государыней там великою темного царства,
Но преисподних царя могучею стала супругой!»
Мать при этих словах как каменной стала и долго
510 Поражена словно громом была; когда же сменилось
Тяжким страданием в ней беспамятство тяжкое, взмыла
На колеснице в эфир. И с ликом, тучами скрытым,
В негодование, власы распустив, пред Юпитером стала.
«Вот я, Юпитер, пришла молить тебя, — молвила, — ради
515 Крови моей и твоей. О, если ты мать не жалеешь,
Дочь пусть тронет тебя! Да не будет твое попечение
Менее к ней оттого, что была рождена она мною.
Дочь я нашла наконец, которую долго искала.
Ежели только «найти» означает «утратить» иль если
520 Знать, где она, означает найти! Прощу похищенье,
Лишь бы вернул он ее, затем, что грабителя мужа
Дочь недостойна твоя, — коль моей уже быть перестала!»
Царь ей богов возразил: «Для обоих залог и забота
Наше с тобою дитя. Но ежели хочешь ты вещи
525 Правильным именем звать, — то это ничуть не обида;
Наоборот, то — любовь. И зять нам такой не постыден.
Дай лишь согласие свое. Не касаясь иного, — не мало
Братом Юпитера быть! У него же и много иного.
Жребием только своим меня он пониже. Но если
530 Так их жаждешь развесть, да вернется в эфир Прозерпина,
Но при условии одном, чтоб там никогда не вкушала
Пищи: Парками так предусмотрено в вечных законах». Молвил. И вывести на свет Прозерпину решила Церера.
Но воспрепятствовал рок. Нечаянно пост разрешила
535 Дева: она, в простоте, по подземным бродя вертографам,

С ветви кривой сорвала одно из гранатовых яблок
И из подсохшей коры семь вынула зерен и в губы
Выжала: только один Аскалаф ее видел при этом,—
Тот, про кого говорят, что его в дни оные Орфна,
540 Между Авернских сестер превеликой известности нимфа,
В мрачных глубинах пещер родила своему Ахеронту.
Видел — и девы возврат погубил, жестокий, доносом.
Стон издала владычица тьмы, и отверженной птицей
Стал чрез нее Аскалаф: окропив флегетоновой влагой
545 Темя его, придала ему клюв и округлые очи.
Он, потерявший себя, одевается в желтые перья
И головою растет; загибаются длинные когти;
Новые крылья еще непроторными зыблет руками.
Гнусною птицей он стал, вещуньей грозящего горя,
550 Нерасторопной совой, для смертных предвестием бедствий.
Этот, как можно судить, за язык и донос наказание
Мог понести. Но у вас, Ахелоевы дочери, птичьи
Перья и ноги зачем? Ведь раньше вы девами были!
Иль оттого, что, когда собирала цветы Прозерпина
555 Вешние, были вы с ней, сирены ученые, вместе?
После по миру всему ее вы напрасно искали,
И чтобы даже моря про вашу узнали заботу,
Вскоре над зыбью морской на крыльях-веслах держаться
Вы пожелали, и к вам божества благосклонность явили:
560 Руки и ноги у вас вдруг желтыми стали от перьев!
Но чтобы пение их, на усладу рожденное слуху,
Чтобы подобная речь в даровитых устах не пропала,
Девичьи лица у них, человеческий по-прежнему голос.
И между братом своим и печальной сестрою посредник,—
565 Круг годовой разделил на две половины Юпитер.
Ныне — равно двух царств божество — проводит богиня
Месяцев столько ж в году при матери, сколько при муже.
А у Цереры тотчас и душа и лицо изменились.
И перед Дитом самим предстать дерзнувшая в скорби,
570 Вдруг просветлела челом, как солнце, что было закрыто
Туч дождевых пеленой, но из туч побежденных выходит.
Дочь получив, успокоена, так вопрошает Церера:
«Что ж, Аретуза, ушла? Почему ты — священный источник?»
И приумолкли струи, и главу подымает богиня
575 Из глубины родника, и, зеленые волосы выжав,

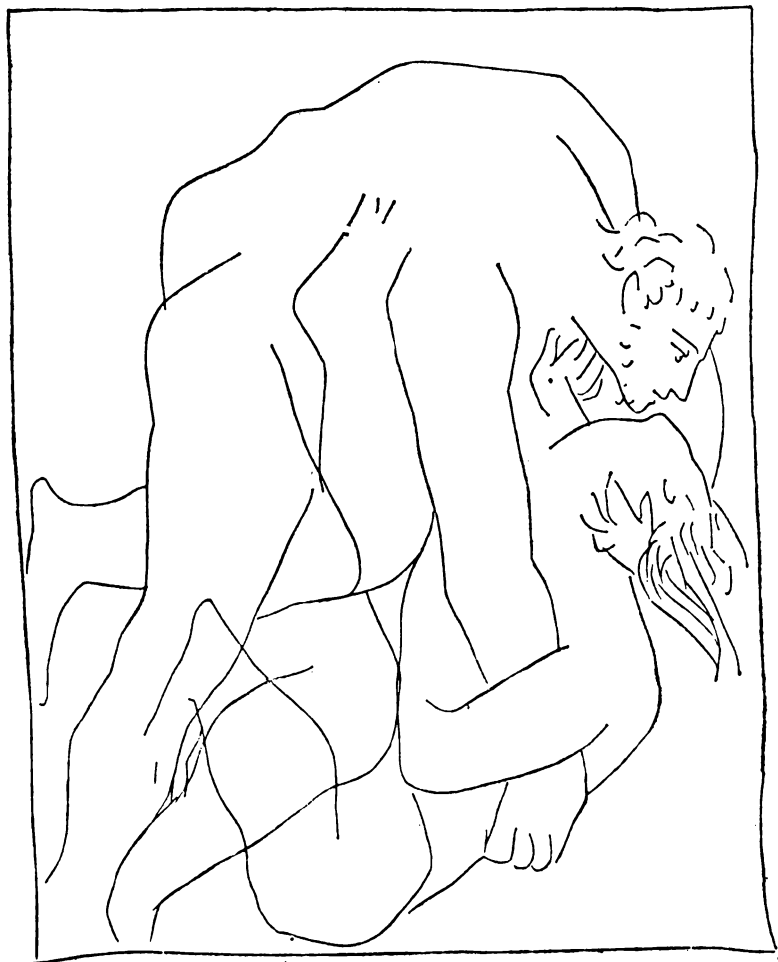
Так начала про любовь элейского бога речного:
 «Пронсхожу, — говорит, — из нимф я, живущих в Ахайе,
 Не было девы меж них, что усердней меня выбирала б
 Место охоты иль сеть усердней меняставляла.
 580 И хоть своей красотой не стремилась я славы достигнуть,
 Хоть и могуча была, но красивою все же считалась.
 Пусть хвалили меня, не тщеславилась я красотой.
 Рады иные, — а я в простоте деревенской стыдилась
 Женской красы: понравиться — мне преступленьем казалось.
 585 Из стимфалидских дубрав возвращалась я, помню, усталой.
 Зной был, труды же мои — немалые — зной удвоили.
 Вот подошла я к воде, без воронок, без рюкота текшей,
 Ясной до самого дна, чрез которую камешки в глуби
 Можно все было счесть, как будто совсем неподвижной.
 590 Ветлы седые кругом и тополи, вскормлены влагой,
 Склонам ее берегов природную тень доставляли.
 Я подошла и ступню сначала в струю погрузила.
 Вот по колена стою. Не довольствуясь этим, снимаю
 Пояс и мягкий покров кладу на склоненную иву.
 595 Вот уж и вся я в воде. Ударяю по ней, загребая,
 Черпаю на сто ладов и руками машу, отряхаясь.
 Тут глубоко под водой услышала какой-то я ропот, —
 И в перепуге плыву на закраину ближнего берега.
 «Что ты спешишь, Аретуза? — Алфей из вод своих молвит, —
 600 Что ты спешишь?» — еще раз повторяет он голосом хриплым.
 Мчусь я, такой как была, без одежды, — мои ведь одежды
 Были на том берегу. И настойчивей он пламенеет,
 Голою видит меня и считает на все уж согласной.
 Я убегала, а он меня настигал, разъяренный, —
 605 Так, крылом трепеща, от ястреба голуби мчатся;
 Ястреб, преследуя, так голубей трепещущих гонит.
 Мимо уже Орхомен, Псофиды, Киллены и сгиба
 Гор Меналийских, туда, к Эриманфу, и дальше, в Элиду
 Я продолжаю бежать. Он был меня не быстрее.
 610 Но выносить столь длительный бег, неравная силой,
 Я не могла, — а Алфей был в долгой работе вынослив.
 Я через доли, поля и лесами покрытые горы,
 Через утесы, скалы без всякой дороги бежала.
 Солнце светило в тылу; и видела длинную тень я
 615 Перед собою у ног — иль, может быть, страх ее видел!

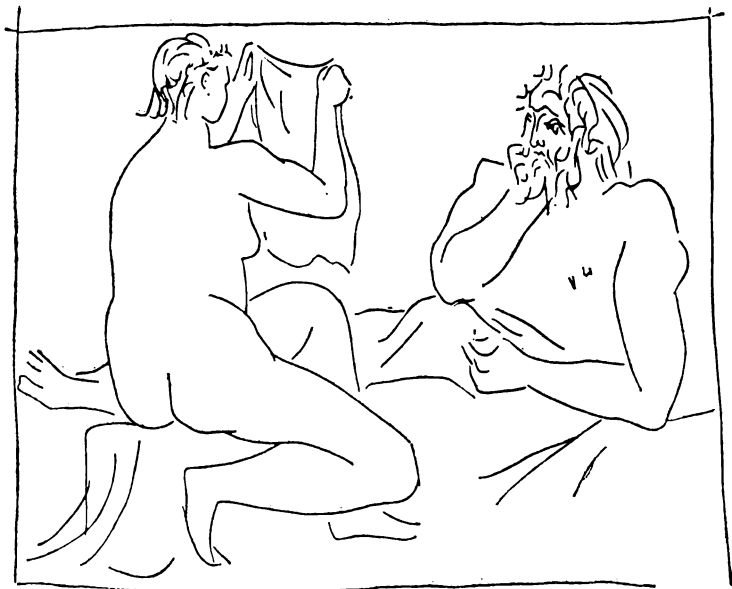
Но ужасал меня звук приближавшихся ног, и под сильным
Уст дыханьем уже в волосах волновались повязки.
Тут я вскричала, устав: «Он схватит меня! Помоги же
Оруженосице ты, о Диктинна, которой нередко
620 Лук свой давала носить и стрелы в наполненном туле!»
Тронул богиню мой зов, и, облако выбрав густое,
Приосенила меня. Не найдет он покрытую мраком
И понапрасну вокруг близ облака полого ищет.
625 Два раза место, где я укрыта была, обогнул он;
Дважды «Иб, Аретуза! Иб, Аретуза!» взывал он.
Что было тут на душе у несчастной? Не чувство ль ягненка,
Если рычанье волков у высокого слышит он хлева?
Иль русака, что сидит, притаясь, и враждебные видит
630 Морды собачьи, а сам шевельнуться от страха не смеет?
Но не уходит Речной; не видит, чтоб продолжались
Ног девичьих следы: на облако смотрит, на берег.
Потом холодным меж тем мои покрываются члены,
С тела всего у меня упадают лазурные капли.
Стоит мне двинуть ногой, — образуется лужа; стекают
635 Струи с волос, — и скорей, чем об этом тебе повествую,
Влагою вся становлюсь. Но узнал он желанные воды
И, навлеченное им мужское обличие скинув,
Снова в течение свое обернулся, чтоб слиться со мною.
Делией вскрыта земля. По бессветным влекусь я пещерам
640 Вплоть до Ортигии. Та, мне единым с моею богиней
Именем милая, вновь наверх меня вывела, в воздух».
Кончила речь Аретуза. Впрягла урожаев богиня
Вновь в колесницу свою двух змей и уста им взнуздала.
Между небес и земли по воздуху так проезжая,
645 Легкую правила в путь колесницу к Тритонии в город,
В дом к Триптолему: семян половину велела посеять
На целине, а другие в полях, не паханных долго.
Над европейской землей и азийской высоко поднялся
Юноша. Вот он уже до скифских домчался пределов.
650 В Скифии царствовал Линк. Вошел он под царскую кровлю.
С чем и откуда пришел, про имя и родину спрошен, —
«Родина, — молвил, — моя — пресветлой твердыня Афины,
Имя же мне — Триптолем. Не на судне я прибыл, по водам,
Не на ногах по земле: мне открыты пути по эфиру.
655 Вот вам Цереры дары: по широким рассеяны нивам,

Пышные жатвы они принесут вам и добрую пищу». Зависть почуял дикарь: быть хочет виновником дара Сам. Триптолема приняв, как гостя, на спящего крепко Он нападает с мечом. Но, грудь пронзить уж готовый, 660 Был он Церерою в рысь обращен. И священною парой Править по небу вспять Мопсопийцу богиня велела». Старшая наша сестра ученую кончила песню. Хором согласным тогда геликонским победу богиням Нимфы судили. Когда ж побежденные стали в них сыпать 665 Бранью, сказала она: «Для вас недостаточно, видно, От посрамленья страдать; к вине прибавляете ругань Злобную, но и у нас иссякло терпенье; вступим Мы на карающий путь, своему мы последуем гневу». Лишь засмеялись в ответ Эмафиды, презрели угрозы. 670 Вновь пытались они говорить и протягивать с криком Наглые руки свои; но увидели вдруг, что выходят Перья у них из ногтей, что у них оперяются руки. Видят, одна у другой, как у всех на лице вырастает Жесткий клюв, а в лесу появляются новые птицы. 675 В грудь хотят ударять, но, руками взмахнув и поднявшись, В воздухе виснут уже — злословие леса — сороки. В птицах доныне еще говорливость осталась былая, Резкая их трескотня и к болтливости лишней пристрастье.

КНИГА ШЕСТАЯ

LIBER SEXTUS

К повествованьям таким Тритония слух преклонила,
Песни сестер Аонид одобряла и гнев справедливый.
«Мало хвалить,— подумалось ей,— и нас да похвалят!
Без наказанья презреть не позволим божественность нашу».
5 В мысли пришла ей судьба меонийки Арахны. Богиня
Слышала, что уступить ей славы в прядильном искусстве
Та не хотела. Была ж знаменита не местом, не родом —
Только искусством своим. Родитель ее колофонец
Идмон напиткивал шерсть фокейской пурпурною краской.
10 Мать же ее умерла,— а была из простого народа.
Ровня отцу ее. Дочь, однако, по градам лидийским
Славное имя себе прилежаньем стяжала, хоть тоже,
В доме ничтожном родясь, обитала в ничтожных Гипепах.
Чтобы самим увидеть ее труд удивительный, часто
15 Нимфы сходились к ней из родных виноградников Тмола,
Нимфы сходились к ней от волн Пактола родного.
Любо рассматривать им не только готовые ткани,—

Самое деланье их: такова была прелесть искусства!
Как она грубую шерсть поначалу в клубки собирала,
20 Или же пальцами шерсть разминала, работала долго,
И становилась пышна, наподобие облака, вълна.
Как она пальцем большим крутила свое веретенце,
Как рисовала иглой! — видна ученица Паллады.
Та отпирается, ей и такой наставницы стыдно.
25 «Пусть поспорит со мной! Проиграю — отдам что угодно».
Облик старухи приняв, виски посребрив сединою
Ложной, Паллада берет, — в поддержку слабого тела, —
Посох и говорит ей: «Не все преклонного возраста свойства
Следует нам отвергать: с годами является опыт.
30 Не отвергай мой совет. Ты в том домогаешься славы,
Что обрабатывать шерсть всех лучше умеешь из смертных.
Перед богиней склонись и за то, что сказала, прощенья,
Дерзкая, слезно моли. Простит она, если попросишь».
Искоса глянула та, оставляет начатые нити;
35 Руку едва удержав, раздраженье лицом выражая,
Речью Арахна такой ответила скрытой Палладе:
«Глупая ты и к тому ж одряхлаела от старости долгой!
Жить слишком долго — во вред. Подобные речи невестка
Слушает пусть или дочь, — коль дочь у тебя иль невестка.
40 Мне же достанет ума своего. Не подумай, совета
Я твоего не приму, — при своем остаюсь убежденье.
Что ж не приходит сама? Избегает зачем состязанья?»
Ей же богиня, — «Пришла!» — говорит и, образ старухи
Сбросив, явила себя. Молодицы-мигдонки и нимфы
45 Пали пред ней. Лишь одна не трепещет пред нею Арахна.
Все же вскочила, на миг невольным покрылось румянцем
Девы лицо и опять побледнело. Так утренний воздух
Алым становится вдруг, едва лишь займется Аврора,
И чрез мгновение вновь бледнеет при солнца восходе.
50 Не уступает она и желаньем своим безрассудным
Гибель готовит себе. А Юпитера дочь, не противясь
И уговоры прервав, отложить состязанья не хочет.
И не замедлили: вот по разные стороны стали,
Обе на легкий станок для себя натянули основу.
55 Держит основу навой; станок — разделен тростниковым
Бёрдом; уток уж продет меж острыми зубьями: пальцы
Перебирают его. Проводя между нитей основы,

Зубьями бёрда они прибивают его, ударяя.
Обе спешат и, под грудь подпоясав одежду, руками
60 Двигая ловко, забыв от старания трудность работы.
Ткется пурпурная ткань, которая ведала чаны
Тирские; тонки у ней, едва различимы оттенки.
Так при дожде, от лучей преломленных возникшая, мощной
Радуга аркой встает и пространство небес украшает.
65 Рядом сияют на ней различных тысячи красок,
Самый же их переход ускользает от взора людского.
Так же сливаются здесь, — хоть крайние цветом отличны.
Вот вплетаются в ткань и тягучего золота нити,
И стародавних времен по ткани выводится повесть.
70 Марсоф Тритония холм на Кекроповой крепости нитью
Изображает и спор, как этой земле нарекалась.
Вот и двенадцать богов с Юпитером посередине
В креслах высоких сидят, в величавом покое. Любого
Можно по виду признать. Юпитера царственен образ.
75 Бога морей явила она, как длинным трезубцем
Он ударяет скалу, и уж льется из каменной раны
Ток водяной: этим даром хотел он город присвоить.
Тут же являет себя — со щитом и копьем заостренным;
Шлем покрывает главу; эгида ей грудь защищает.
80 Изображает она, как из почвы, копьем прободенной,
Был извлечен урожай плодоносной сребристой оливы.
Боги дивятся труду. Окончанье работы — победа.
А чтоб могла увидеть на примере соперница славы,
Что за награду должна ожидать за безумную дерзость, —
85 По четырем сторонам — состязанья явила четыре,
Дивных по краскам своим, и фигуры людей поместила.
Были в одном из углов фракийцы Гем и Родопа,
Снежные горы теперь, а некогда смертные люди, —
Прозвища вечных богов они оба рискнули присвоить,
90 Выткан с другой стороны был матери жалких пигмеев
Жребий: Юнона, ее победив в состязанье, судила
Сделаться ей журавлем и войну со своими затеять.
Выткала также она Антигону, дерзнувшую спорить
С вышней Юноной самой, — Антигону царица Юнона
95 Сделала птицей; не впрок для нее Илион оказался
С Лаомедонтом отцом, и пришлось в оперении белом
Аисту — ей — восхищаться собой и постукивать клювом.

Угол оставшийся был сиротеющим занят Киниром.
 Храма ступени обняв, — родных дочерей своих члены! —
 100 Этот на камне лежит и как будто слезами исходит.
 Ткани края обвела миротворной богиня оливой:
 Как подобало ей, труд своею закончила ветвью.
 А меонийки узор — Европа с быком, обманувшим
 Нимфу: сочтешь настоящим быка, настоящим и море!
 105 Видно, как смотрит она на берег, покинутый ею,
 Как она кличет подруг, как волн боится коснуться,
 Вдруг подступающих к ней, и робко ступни поджигает.
 Выткала, как у орла в когтях Астерия бьется;
 Выткала Леду она под крылом лебединым лежащей.
 110 Изобразила еще, как, обличем прикрывшись сатира,
 Парным Юпитер плодом Никтеиды утробу наполнил;
 Амфитрионом явясь, как тобой овладел он, Алкмена;
 Как он Данаю дождем золотым, Асопиду — огнями,
 Как Деониду змеей обманул, пастухом — Мнемозину.
 115 Изобразила, как ты, о Нептун, в быка превратившись,
 Деву Эолову взял, как, вид приняв Энипея,
 Двух Алоидов родил, как баран — обманул Бизальтиду.
 Кроткая Матьерь сама, с золотыми власами из злаков,
 Знала тебя как коня; змеевласая мать Пегаса
 120 Птицею знала тебя, дельфином знала Меланта;
 Всем надлежащий им вид придала, и местности тоже.
 Изображен ею Феб в деревенском обличи; выткан
 С перьями ястреба он и с гривой льва; показала,
 Как он, явясь пастухом, обманул Макарееву Иссу;
 125 Как Эригону провел виноградом обманчивым Либер,
 И как Сатурн — жеребец — породил кентавра Хирона.
 Край же ткани ее, каймой окружавшийся узкой,
 Приукрашали цветы, с плющем сплетенные цепким.
 И ни Паллада сама не могла опорочить, ни зависть
 130 Дела ее. Но успех оскорбил белокурую Деву:
 Изорвала она ткань — обличенье пороков небесных!
 Бывшим в руках у нее челноком из киторского бука
 Трижды, четырежды в лоб поразила Арахну. Несчастья
 Бедная снесть не могла и петлей отважно сдавила
 135 Горло. Но, сжалась, ее извлекла из веревки Паллада,
 Молвив: «Живи! Но и впредь — виси, негодяйка! Возмездье
 То же падет, — чтобы ты беспокоилась и о грядущем, —

И на потомство твое, на внуков твоих отдаленных».
И, удаляясь, ее окропила Гекатиных зелий
140 Соком, и в этот же миг, обрызганы снадобьем страшным,
Волосы слезли ее, исчезли ноздри и уши,
Стала мала голова, и сделалось крохотным тело.
Нет уже ног,— по бокам топорщатся тонкие ножки;
Все остальное — живот. Из него тем не менее тянет
145 Нитку Арахна — паук продолжает плести паутину.

Лидия в трепете вся. О случившемся слух по фригийским
Градам идет, и широко молва разливается всюду.
Раньше, до свадьбы своей, Ниоба знавала Арахну,
В те времена, как жила в меонийском краю и в Сипиле.
150 Не научило ее наказание землячки Арахны
Высшим богам уступать и быть в выраженьях скромнее.
Многим гордиться могла. Однако ни мужа искусство,
Ни благородная кровь, ни мощность обширного царства
Любы так не были ей,— хоть было и это ей любо,—
155 Сколь сыновья с дочерьми. Счастливейшей матерью можно
Было б Ниобу назвать, коль себя не сочла б таковою.
Как-то Тиресия дочь, владевшая даром прозренья,
Манто, по улицам шла и, божественной движима силой,
Провозглашала: «Толпой, Исмениды, ступайте, несите
160 Ладан Латоне скорей и обоим, Латоной рожденным,
С благочестивой мольбой! Вплетите в волосы лавры!
Ибо Латона сама моими глаголет устами!»
Внемлют ей дочери Фив, чело украшают листвою
И на священный алтарь моления приносят и ладан.
165 Вот горделиво идет с толпой приближенных Ниоба,
Золотом пышно блестя, во фригийские ткани вплетенным,—
Даже и в гнев своем прекрасна и, волосы вскинув,
Что ниспадали к плечам, величавой своей головою,
Остановилась и, всех обведя своим взором надменным,—
170 «Что за безумье? — кричит, — предпочесть понаслышке
известных —
Зримым воочью богам? Почему алтарями Латону
Чтут, а мое божество — без курений? Родитель мой — Тантал,
Он же единственным был допущен до трапезы Вышних.
Мать — Плеядам сестра; мне дед Атлант величайший,
175 Что на могучем хребте равновесье небесное держит,

Сам Юпитер мне дед. Но им я горжусь и как свекром.
Фригии все племена предо мною трепещут; держава
Кажда под властью моей; возведенная струнами крепость
Мужа, с народом ее, — в его и в моем управленьи.
180 В доме, куда бы я взор ни направила, всюду встречаю
Всяких обиле богатств. К тому же достойна богини
Прелесть лица моего. Семерых дочерей ты причисли,
Юношей столько ж, а там и зятьев и невесток не меньше.
Так вопрошайте ж, на чем моя утверждается гордость!
185 Не понимаю, как вы порожденную Кеем-титаном
Смеете мне предпочесть — Латону, которой для рёдов
Даже великой землей в ничтожном отказано месте.
Небо, земля и вода — всё вашу отвергло богиню.
В мире скиталась, пока над блуждавшей не сжалился Делос:
190 «Страницей ты по земле блуждаешь, я же — по морю», —
Остров сказал и приют неустойчивый ей предоставил.
Стала там матерью двух: то детей моих часть лишь седьмая!
Счастлива я: кто бы стал отрицать? И счастливой останусь.
Кто усомнится? Меня обеспечило чад изобилье.
195 Так я могуча, что мне повредить не в силах Фортуна.
Если и много возьмет, то более всё же оставит.
Так я богата, что страх мне уже неизвестен. Представьте,
Что из толпы своих чад кого-нибудь я и лишилась;
Но, обездолена так, до двоих я не снижусь, — а двое —
200 Вся у Латоны толпа; не почти ли бездетна Латона?
Прочь разойдитесь! Алтарь покиньте! С волос снимайте
Лавры!» Снимают венки, покидают жертвы, не кончив,
И — то дозволено им! — небожителей шепотом славят.
Возмущена тут богиня была и с высокой вершины
205 Кинфской с речью такой к своим близнецам обратилась:
«Вот я, родившая вас, появлением гордая вашим, —
Кроме Юноны, других не ниже богиня, — сомненье
Вижу, богиня ли я?! Алтари у меня отнимают,
Чтимые веки веков, — от вас жду помощи, дети!
210 Это не все еще зло. Танталида к печальному делу
Брань добавила: вас поставить осмелилась ниже
Собственных чад; и меня — то с нею да будет! — бездетной
Смела назвать, — ведь язык у нее от отца негодя!»
Намеревалась мольбы тут добавить Латона, но молвил
215 Феб: «Перестань говорить! замедляешь ты жалобой кару»,

То же и Феба рекла, и, быстро по воздуху спрянув,
 Кадмова града они, под облаком скрыты, достигли.
 Гладкое было у стен широкое поле. Всчасно
 Кони топтали его Колесницы во множестве также.
 220 Твердых удары копыт размягчали на поприще почву.
 Вот из могучих сынов Амфиона иные садятся
 На горделивых коней, чьи спины алеют багрянцем
 Тирским, и в руки берут отягченные златом поводья.
 Вот между ними Исмен,— что первой матери мукой
 225 Некогда был,— меж тем, как он правит по кругу привычным
 Бегом коня своего и смирляет вспененную морду,—
 «Горе мне!» — вскрикнул: уже впилась стрела в середину
 Груды его, и, рукой умирающей повод покинув,
 Сник постепенно Исмен с плеча лошадиного на бок.
 230 Рядом с ним ехавший, стрел услышав бряцанье в колчане,
 Вмиг натянул поводья Сипил,— так кормчий пред бурей,
 Тучу завидя, спешит; наставляет полотна, бессильно
 Свисшие, чтобы поймать малейшие воздуха струи.
 Вмиг натянул... но едва натянул он поводья, настигнут
 235 Был неминуемой стрелой; трепеща, она сзади вонзилась
 В шею ему, и торчит наконечник железный из горла.
 Сам он, как был, наклонясь через шею крутую и гриву,
 Наземь скатился, и кровь запятнала горячая землю.
 Вот и несчастный Федим, и, названный именем деда,
 240 Тавтал, обычный свой труд завершив и тело натерши
 Маслом, вступили в борьбу,— подходящее юности дело.
 И уж сплетались они, борясь друг с другом, грудь с грудью,
 Тесным узлом; как вдруг, с натянутой пущена жилы,
 Братьев пронзила стрела сплетенными, так, как стояли.
 245 И застонали зараз и зараз согбенные мукой
 Наземь сложили тела; зараз и последние взоры
 Вскинули, лежа уже, и вместе дух испустили.
 То увидал Алфенор; и, до крови в грудь ударяя,
 К ним поспешает,— облив, их к жизни вернуть, охладевших.
 250 Но упадает и сам при свершении долга: Делиец
 В грудь глубоко его смертоносным пронзает железом.
 А как стрелу извлекли, на конце крючковатом достали
 Легкого часть, а душа излетела с кровавой струею.
 Отрок меж тем Дамасихтон двойной был раню ранен,
 255 А не одной. Удар под самой икрою пришелся

В месте, где мягким узлом под коленом сплетаются жилы.
Но, между тем как стрелу он пытался смертельную вырвать,
В горло вторая ему вонзилась по самые перья.
Вытолкнул крови напор стрелу, и кверху из раны
260 Прянула и, далеко полетев, прорезала воздух.
Илионей, оставшись один, напрасно с мольбою
Руки меж тем воздевал: «О боги, о все без различья!» —
Молвил, не зная о том, что молиться не всем надлежало, —
«Сжальтесь!» — и тронут был Феб-луконосец, хотя невозможно
265 Было стрелу возвратить. Погиб он, однако, от раны
Легкой: в сердце его стрела не глубоко вонзилась.
Слух о беде, и народная скорбь, и домашних рыданья
Вскоре уверили мать в нежданно постигшем крушенье,
И удивляться смогла и гневаться, как же дерзнули
270 Боги такое свершить — что столь права их велики!
Вот и отец Амфион, грудь острым железом пронзивши,
Умер, горе свое одновременно с жизнью окончив.
О, как Ниоба теперь отличалась от прежней Ниобы,
Что от Латониных жертв недавно народ отвращала
275 Или когда среди города шла, выступая надменно,
Всем на зависть своим! А теперь ее враг пожалел бы.
К хладным припала телам; без порядка она расточала
Всем семерым сыновьям на прощанье свои поцелуи.
К небу от них подняла посиневшие руки и молвит:
280 «Горем питайся и гнев насыщай слезами моими.
Зверское сердце насыть! И меня на семи погребеньях
Мертвой несут. Победив, торжествуй надо мною, врагиня!
Но почему — победив? У несчастной больше осталось,
285 Чем у счастливой тебя. Семерых схоронив — побеждаю»,
Молвила, но уж звенит тетива на натянутом луке:
Кроме Ниобы одной, окружающих всех устрасила.
Та же от горя смела. Стояли в одеждах печали
Около братских одров распутившие волосы сестры,
290 Вот из толпы их одна, стрелу извлекая из тела,
К брату своим побледневшим лицом, умирая, склонилась.
Вот, несчастливицу мать пытаюсь утешить, другая
Смокля внезапно и смерть приняла от невидимой раны,
Губы тогда лишь сомкнув, когда испустила дыханье.
295 Эта, пытаюсь спастись, вдруг падает; та умирает,
Пав на сестру; та бежит, а эта стоит и трепещет.

Смерть шестерых отняла, — от разных погибли ранений,
Лишь оставалась одна: и мать, ее всем своим телом,
Всею одеждой прикрыв, — «Одну лишь оставь мне, меньшую!»
300 Только меньшую из всех прошу! — восклицает. — Одну лишь!»
Молит она: а уж та, о ком она молит, — погибла...
Сирой сидит, между тел сыновей, дочерей и супруга,
Оцепенев от бед. Волос не шевелит ей ветер,
Нет ни кровинки в щеках; на лице ее скорбном недвижно
305 Очи стоят; ничего не осталось в Ниобе живого.
Вот у нее и язык с отвердевшим смерзается небом;
Вот уже в мышцах ее к напряженью пропала способность,
Шея не гнется уже, не в силах двинуться руки,
Ноги не могут ступить, и нутро ее все каменеет.
310 Плачет, однако, и вот, окутана вихрем могучим,
Унесена в свой отеческий край. На горной вершине
Плачет: поныне еще источаются мрамором слезы.

Тут устрашаются все очевидностью божьего гнева, —
Жены, равно и мужи; и все почитают, щедрее
315 Жертвы неся на алтарь разрешившейся двойней богини.
И, как всегда, о былом вспоминают в связи с настоящим.
Молвил один: «Полей плодородных ликийских насельцы
Тоже, Латону презрев, не остались когда-то без кары.
320 Мало известно о том, — они были незнатные люди, —
Но удивительно все ж. Я озеро видел и место,
Чудом известное тем. Меня мой отец престарелый, —
Сам уж ходить он не мог, — послал отвести туда стадо
Лучших отборных коров, в провожатые дав мне ликийца,
325 Местного жителя. С ним выбираем мы пастбище вместе;
Видим меж тем: посреди озера, почерневший от угля
Жертв, выступает алтарь, тростником окруженный дрожащим.
Стал и шепотом: «Будь ко мне благосклонна!» — промолвил
Мой провожатый, и я: «Будь ко мне благосклонна!» —

промолвил.

Спрашивал я между тем, чей жертвенник — Фавна, найд ли,
330 Местного ль бога, — и вот что тамошний передал житель:
«Юноша, этот алтарь — не горного бога обитель.
Жертвенник той посвящен, которой царица супруга
Все заказала моря; лишь Делос блуждающий принял
Странницу, — в те времена сам плавал он, остров подвижный.

335 Там-то Латона легла под Палладиным древом и пальмой
И породила на свет неугодную мачехе двойню.
И побежала опять от Юноны родильница, моля,
К груди прижавши, детей — бессмертных чету! — уносила.
340 В Ликий вскоре придя, — где явилась Химера, — под тяжким
Зноем, палившим поля, трудом утомленная долгим,
Солнцем сожженная, пить захотела беглянка-богиня, —
Жадно меж тем молоко из грудей сосали младенцы.
Вдруг озерко с необильной водой в глубине увидала
Дола; жители сел ветвистую там добывали
345 Вербу и гибкий тростник с любезной болотам осокой.
Вот подошла и, колена согнув, опустилась Латона
Наземь, стремясь почерпнуть студеной струи и напиться.
Сельский народ не велит. К ним так обратилась богиня:
«Как же воды не давать? Достояние общее — воды.
350 В собственность воздух не дан никому от природы, ни солнце,
Ни водяные струи; у народного я достоянья!
Все же дать мне воды на коленях прошу; не пришла я
Этой водой омыwać свое истомленное тело, —
Только напиться хочу. Нет влаги в устах говорящей,
355 И пересохла гортань, в ней голос насилу проходит.
Нектаром будет глоток мне воды; я уверена, жизнь он
Мне возвратит: озерной струей вы мне жизнь даровали б.
Вы пожалейте и их, которые тянут ручонки
С груди моей!» И как раз тянулись ручонками дети.
360 Тронуть кого б не могли богинины кроткие речи?
Все же молящей они запрещать продолжают, к тому же —
Ежели прочь не уйдет — угрожают, ругаясь вдобавок.
Мало того: ногами они и руками взмутили
Озеро, с самого дна они подняли тину, нарочно
365 В воду туда и сюда с намереньем прыгая зlostным.
Жажду гнев одолел: дочь Кея теперь уж не молит
Их, недостойных, и слов, для богини чрезмерно смиренных,
Не повторяет уже. Вот, к звездам руки подъяла,
Молвит: «Будете жить вы вечно в озере этом!»
370 Воля богини сбылась; им нравится быть под водою,
То в глубину озерка всем телом своим погружаться,
То выступать головой; то по водной поверхности плавать,
Или сидеть иногда на побережьи озера, или
В омут студеной нырять. Доныне они упражняют

375 В брани свой гнусный язык и, всякую совесть откинув,
Хоть и сидят под водой, и там все тшятся злословить.
Хриплым голос их стал: надувается вспухшая шея;
Сроду широкие рты от брани еще растянулись;
Головы с телом слились, а шея как будто исчезла;
380 Спинка у них зелена, а живот — часть главная — белый.
В тинистом омуте, — род новоявленный, — скачут лягушки!»

Только один рассказал, как ликийского племени люди
Жизнь скончали, другой о Сатире припомнил, который,
Сыном Латоны в игре побежден на Палладиной флейте,
385 Был им наказан. «За что с меня ты меня же сдираешь?» —
Молвит. «Эх, правда, — кричит, — не стоило с флейтою
знаться!»

Так он взывал, но уж с рук и с плеч его содрана кожа.
Ранюю стал он сплошной. Кровь льется по телу струями,
Мышцы открыты, видны; без всяких покровов трепещут
390 Жилы, биясь; сосчитать нутряные все части возможно,
И обнажились в груди перепонок прозрачные пленки.
Пролили слезы о нем деревенские жители, фавны —
Боги лесов, — и Олимп, знаменитый уже, и сатиры-
Братья, и нимфы, и все, кто тогда по соседним нагорьям
395 Пас рудоносных овец иль скотины стада круторогой,
Залили вовсе его, а земля увлажненная слезы
Тотчас в себя вобрала и впитала в глубинные жилы;
В воды потом превратив, на вольный их вывела воздух.
Вот он, в крутых берегах устремляясь к жадному морю,
400 Марсия имя хранит, из фригийских потоков светлейший.

После рассказов таких народ возвращается снова
К только что бывшему; все об Амфионе плачут и детях.
Все негодуют на мать. По преданью, один лишь оплакал
Пелоп ее, — и на левом плече, когда он одежды
405 С груди в печали совлек, слоновою кость показалась.
С правым плечом при рожденье оно одинаково было
Цветом, из плоти, как то; но руками отцовскими члены
Были разрублены; вновь, говорят, их составили боги.
Все их нашли, и лишь там, где сходится с краем ключицы
410 Шея, была пустота; взамен нехватящей части
Вставили кость; и опять оказался в целости Пелоп.

Знатные люди — родня — собираются; ближние грады
Дали своим порученье царям — с утешеньем явиться, —
Аргос и Спарта, а там Пелопидов столица — Микены,
415 И Калидон, до тех пор еще гневной Диане противный,
Медью богатый Коринф, плодородный предел — Орхомены,
Патры и град небольшой — Клеоны с Мессею гордой,
Пилос Нелеев; в те дни не Питфеево царство — Трезены,
Много других городов, двуморским замкнутых Истомом,
420 И в стороне от него, обращенных к двуморскому Истму.
Кто бы поверил тому? Вы одни не явились, Афины!
Долг помешала свершить им война: подвезенные с моря
Варваров диких войска мопсопийским стенам угрожали.
Царь фракийский Терей с приведенным на помощь отрядом
425 Их разгромил и победой обрел себе славное имя.
С ним, изобильным землей, и богатством, и силой живою,
Происходящим к тому ж от Градива, тогда породнился
Царь Пандион, ему Прокну отдав; но ни брачной Юноны,
Ни Гименей, увы, не видали у ложа, ни Граций.
430 Нет, Эвмениды для них погребальное пламя держали,
Нет, Эвмениды постель постилали для них, и, зловеща,
К кровле припала сова и над брачным сидела покоем.
Через ту птицу Терей и Прокна супругами стали,
Через ту птицу — отцом и матерью. Их поздравляла
435 Фракия, да и они воссылали богам благодарность.
В дни же, когда отдана была дочь Пандиона владыке
Славному и родился сын Ётис — объявлен был праздник.
Не угадать, что на пользу пойдет! И год уже пятый
В вечной смене Титан довел до осеннего срока.
440 К мужу ласкаясь, тогда промолвила Прокна: «О, если
Только мила я тебе, отпусти повидаться с сестрою,
Иль пусть приедет сестра! Что скоро домой возвратится,
Тестю в том слово ты дай, — мне ценным будет подарком,
Ежели дашь мне сестру повидать». Он дает повеленье
445 В море спустить корабли, с парусами и веслами, в гавань
Кекропа входит Терей, к берегам уж причалил Пирей.
Вот повстречались они, и тесть ему правой рукою
Правую жмет; при знаках благих вступают в беседу.
Стал излагать он прибытия цель, порученье супруги,
450 Он обещанье дает, что гостя воротится скоро.
Вот Филомела вошла, блистая роскошным нарядом,

Больше блистая красой. Обычно мы слышим: такие
 В чаще глубоких лесов наяды с дриадами ходят,
 Если им только придать подобный убор и одежды.
 455 И загорелся Терей, увидевши деву, пылает,—
 Словно бы кто подложил огня под седые колосья
 Или же лист подпалил и сено сухое в сенище.
 Дева прекрасна лицом. Но царя прирожденная мучит
 Похоть; в тех областях население склонно к Венере.
 480 Он сладострастьем горит, и ему и народу присущим.
 Страстно стремится Терей подкупить попечение служанок,
 Верность кормилицы; он прельстить дорогими дарами
 Хочет ее самое, хоть целым пожертвовать царством,
 Силой похитить ее и отстаивать после войною.
 465 Кажется, нет ничего, на что бы захваченный страстью
 Царь не решился. В груди сдержать он не может пыланья.
 Медлить уж нет ему сил, возвращается жадной он речью
 К Прокниным просьбам, меж тем о своих лишь печется
 желаньях,—
 Красноречивым он стал от любви, когда неотступно
 470 Больше, чем должно, просил, повторяя: так Прокна желает!
 Даже и плакал порой,— так будто б она поручала!
 Вышние боги, увы,— как много в груди человека
 Тьмы беспросветной! Терей, трудясь над своим злодеяньем,
 Все же как честный почтен и хвалим за свое преступленье.
 475 Хочет того ж Филомела сама и, отцовские плечи
 Нежно руками обняв, поехать с сестрой повидаться
 Счастьем молит своим, но себе не на счастье молит!
 Смотрит Терей на нее и заране в объятьях сжимает.
 Видя лобзанья ее и руки вокруг шеи отцовой,—
 480 Всё как огонь смоляной, как пищу для страсти безумной
 Воспринимает; едва родителя дева обнимет,
 Хочет родителем быть,— и тогда он честнее не стал бы!
 Просьбой двойной был отец побежден. Довольна девица,
 Бедная, благодарит, не зная о том, что обоим
 485 Радостный ныне успех погибелен будет,— обоим!
 Фебу немного трудов еще оставалось, и кони
 Стали уже попираť пространство наклонного неба.
 Царские яства на стол и Вакхову в золоте влагу
 Ставят; мирному сну предают утомленное тело.
 490 Царь одризийский меж тем, хоть она удалилась, пылает

К ней; представляет себе и лицо, и движенья, и руки,
Воображает и то, что не видел,— во власти желаний
Сам свой питает огонь, отгоняя волненьем дремоту.
День наступил; и, пожав отъезжавшего зятя десницу,
495 Девушку царь Пандион поручает ему со слезами.
«Дочь свою, зять дорогой,— побуждаем благою причиной,
Раз таково дочерей и твое, о Терей, пожеланье,—
Ныне тебе отдаю. И верностью, и материнской
Грудью молю, и богами: о ней позаботься с любовью
500 Отчей и мне возврати усладу моей беспокойной
Старости в срок: для меня — промедление всякое длинно;
Ты поскорей и сама,— довольно с Прокной разлуки! —
Если ты сердцем добра, ко мне возвратись, Филомела!»
Так поручал он ее и дочь целовал на прощанье,
505 И порученьям вослед обильные капали слезы.
Верности брал с них залог: потребовал правые руки,
Соединил их, просил его дочери дальней и внуку
Отчий привет передать и сказать, что крепко их помнит.
Еле последнее смог он «прости» промолвить, со словом
510 Всхлипы смешавши, боясь души своей темных предчувствий.
Лишь Филомела взошла на корабль расписной, и от весел
Море в движенье пришло, и земли отодвинулся берег,
Крикнул Терей: «Победил! со мною желанная едет!»
В сердце ликует, уже наслажденья не может дожидаться
515 Варвар, взоров своих с Филомелы на миг не спускает:
Так похититель орел, Юпитера птица, уносит,
В согнутых лапах держа, в гнездо свое горное — зайца;
Пленник не может бежать,— добычей любитесь хищник.
Вот и закончился путь; суда утомленные снова
520 На побережье своем. Но царь вдруг дочь Пандиона
В хлев высокий влечет, затененный лесом дремучим.
Там, уstraшенную всем, дрожащую бледную деву,
В горьких слезах о сестре вопрошавшую, запер и тут же,
Ей злодеянье раскрыв,— одну и невинную,— силой
525 Одолевает ее, родителя звавшую тщетно,
Звавшую тщетно сестру и великих богов особливо.
Дева дрожит, как овца, что, из пасти волка седого
Вырвана, в страхе еще и себя безопасной не чувствует.
Иль как голубка, своей увлажнившая перышки кровью,
530 Жадных страшится когтей, в которых недавно висела.

Только очнулась, — и рвать разметенные волосы стала;
 Точно над мертвым, она себе руки ломала со стоном;
 Длапи к нему протянув, — «О варвар, в деяньях жестокий!
 О бессердечный! Тебя, — говорит, — ни отда порученья,
 535 Ни доброты его слез, ни чувство к сестре, ни девичья
 Даже невинность моя не смягчили, ни брака законы!
 Все ты нарушил. Сестры я отныне соперницей стала,
 Ты же — обеим супруг. Не заслужена мной эта мука.
 Что ты не вырвал души у меня, чтоб тебе, вероломный,
 540 Злоумышленье свершить? Что меня не убил до ужасных
 Наших соитий? Тогда была б моя тень не повипна.
 Все ж, если Вышние зрят, что сталося, коль что-нибудь зпачат
 Чтимые боги и все не погигло со мною, заплатишь
 Карой когда-нибудь мне! Сама я, стыдливость откинув,
 545 Дело твое оглашу: о, только нашлась бы возможность!
 В толпы народа пойду; и, даже в лесах запертая,
 Речью наполню леса, пробужу сочувствие в скалах!
 То да услышит Эфир и бог, коль есть он в Эфире!»
 Тут от подобных речей возбудился в жестоком владыке
 550 Гнев, и не меньше был страх. Двойной побуждаем причипой,
 Высвобождает он меч из висящих у пояса ножен.
 Волосы девы схватив, загнув ей за спину руки,
 Узы заставил терпеть. Филомела подставила горло, —
 Только увидела меч, на кончину надеяться стала.
 555 Но иступленный язык, напрасно отца призывавший,
 Тщившийся что-то сказать, насильник, стиснув щипцами,
 Зверски отрезал мечом. Языка лишь остаток тренешет,
 Сам же он черной земле продолжает шептать свои песни.
 Как извивается хвост у змеи перерубленной — бьется
 560 И, умирая, следов госпожи своей ищет напрасно.
 Страшное дело свершив, говорят, — не решишься поверить! —
 Долго еще припадал в сладострастье к истерзанной плоти.
 Силы достало ему после этого к Прокне вернуться, —
 Та же, увидев его, о сестре вопрошала. Но стоны
 565 Лживые он издает и сестры измышляет кончину.
 Было нельзя не поверить слезам. И Прокна срывает
 С плеч свой блестящий наряд с золотою широкой каймою.
 Черное платье она надевает, пустую гробницу
 Ставит и, мнимой душе вознося искупления жертву,
 570 Плачет о смерти сестры, не такого бы плача достойной.

Год завершая, уж бог двенадцать знаков объехал.
 Но Филомеле как быть? Побегу препятствует стража.
 Стены стоят высоки, из крепкого строены камня.
 О злодеянь немым не промолвить устам. Но у горя
 575 Выдумки много, всегда находчивость в бедах приходит.
 Вот по-дикарски она повесила ткани основу
 И в белоснежную ткань пурпурные нити воткала,—
 О преступленье донос. Доткав, одному человеку
 Передала и без слов отнести госпоже попросила.
 580 Этот же Прокне отнес, не узнав, что таит порученье.
 Вот полотно развернула жена государя-злодея,
 И Филомелы сестра прочитала злосчастную повесть,
 И — удивительно все ж! — смолчала. Скована болью
 Речь, языку негодующих слов не достало для жалоб.
 585 Плакать себе не дает; безбожное с благочестивым
 Перемешав, целиком погружается в умысел мести.
 Время настало, когда тригодичные таинства Вакха
 Славят ситонки толпой; и ночь — соучастница таинств;
 Ночью Родопа звучит бряцанием меди звенящей.
 590 Ночью покинула дом свой царица, готовится богу
 Честь по обряду воздать; при ней — орудья радений.
 На голове — виноград, свисает с левого бока
 Шкура оленя, к плечу прислоняется тирс легковесный.
 Вот устремилась в леса, толпой окруженная женщин,
 595 Страшная Прокна с душой, неступленными муками полной,—
 Будто твоими, о Вакх! Сквозь чашу достигла до хлеба,
 И, завывая, вопит «эвбó!»; врывается в двери,
 И похищает сестру; похищенной, Вакховы знаки
 Ей надевает, лицо плющом ей закрыла зеленым
 600 И, изумленную, внутрь дворца своего увлекает.
 Лишь поняла Филомела, что в дом нечестивый вступила,
 Бедную ужас объял, и страшно лицо побледнело.
 Прокна же, место найдя, снимает служения знаки
 И злополучной сестры застыдившийся лик открывает.
 605 Хочет в объятиях сжать. Но поднять Филомела не смеет
 Взора навстречу, в себе соперницу сестрину видя.
 Лик опустила к земле и, призвав во свидетели Вышних,
 Клятву хотела принесть, что насилье виною позора,
 Но лишь рука у нее,— нет голоса. И запылала
 610 Прокна, и гнева в себе уж не в силах сдержать. Порицая

Слезы сестры, говорит: «Не слезами тут действовать надо,
Нужен тут меч, иль иное найдем, что меча посильнее.
Видишь, сама я на все преступленья готова, родная!
Факелы я разожгу, дворец запалю государев,
615 В самое пламя, в пожар искусника брошу Теряя,
Я и язык, и глаза, и члены, какими он отнял
Стыд у тебя, мечом иссеку, и преступную душу
Тысячью ран изгоню! Я великое сделать готова,—
И лишь в сомнении — что?» Пока она так говорила,
620 Итис к матери льнул — и ее надоумил, что может
Сделать она. Глядит та взором суровым и молвит:
«Как ты похож на отца!» И уже не прибавив ни слова,
Черное дело вершит, молчаливой сжигается злобой.
Но лишь приблизился сын, едва обратился с приветом
625 К матери, шею ее ручонками только нагнул он,
Стал лишь ее целовать и к ней по-ребячьи ласкаться,
Все же растрогалась мать, и гнев перебитый прервался,
И поневоле глаза увлажнились у Прокны слезами.
Но, лишь почуяв, что дух от прилившего чувства слабеет,
630 Снова от сына она на сестру свой взор переводит.
И на обоих смотря очередно: «О, тронет ли лаской
Он,— говорит,— коль она молчит, языка не имея?
«Мать» — называет меня, но ты назовешь ли «сестрою»?
В браке с супругом каким, посмотри ты, дочь Пандиона!
635 Ты унижаешь свой род: преступленье — быть доброй к Терю!»
Миг — и сына влечет, как гигантская тащит тигрица
Нежный оленихи плод и в темные чаши уносит.
В доме высоком найдя отдаленное место,— меж тем как
Ручки протягивал он и, уже свою гибель предвидя,—
640 «Мама! Мама!» — кричал и хватал материнскую шею,—
Прокна ударом меча поразила младенца под ребра,
Не отвратив и лица. Для него хоть достаточно было
Раны одной,— Филомела мечом ему горло вспорала.
Члены, живые еще, где души сохранялась толика,
645 Режут они. Вот часть в котлах закипает, другая
На вертелах уж шипит: и в сгустках крови покои.
Вот к какому столу жена пригласила Теряя!
И, сочинив, что таков обряд ее родины, в коем
Муж лишь участник один, удалила рабов и придворных,
650 Сам же Терей, высоко восседаая на дедовском кресле,

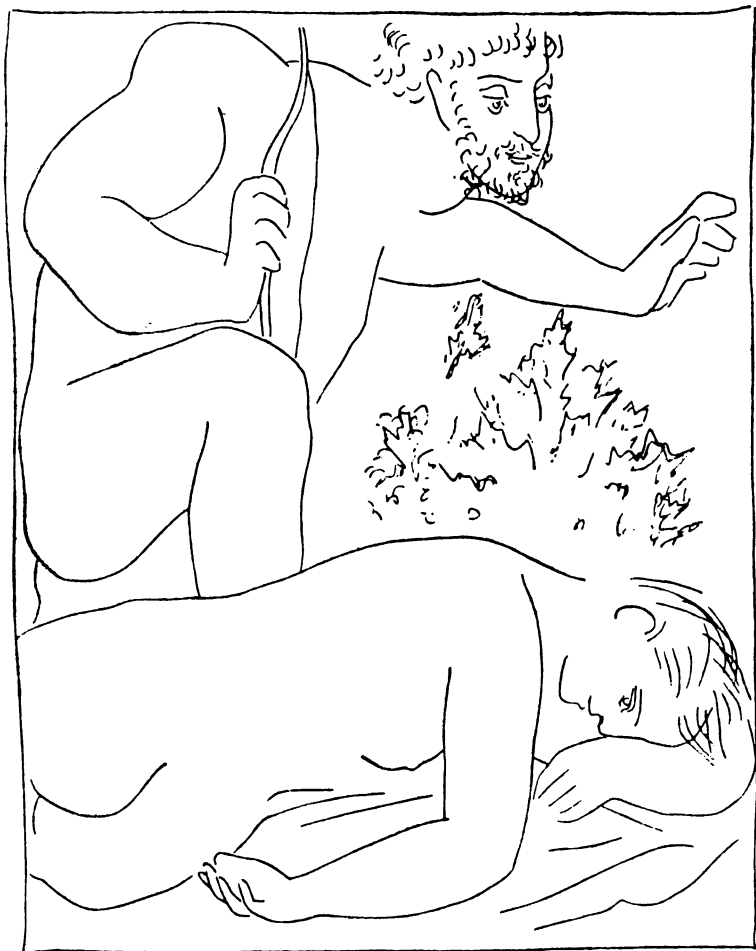
Ест с удовольствием, сам свою плоть набивая в утробу.
 Ночь души такова, что, — «Пошлите за Итисом!» — молвит.
 Доле не в силах скрывать ликованья жестокого Прокна, —
 Вестницей жаждет она объявиться своей же утраты, —
 655 «То, что зовешь ты, внутри у тебя!» — говорит. Огляделся
 Царь, вопрошает, где он. Вновь кличет и вновь вопрошает.
 Но, как была, — волоса разметав, — при безумном убийстве,
 Вдруг Филомела внеслась и кровавую голову сына
 Кинула зятю в лицо: вовек она так не хотела
 660 Заговорить и раскрыть ликованье достойною речью!
 И отодвинул свой стол с ужасающим криком фракийец.
 И змеевласых сестер зовет из стигийского дола.
 Он из наполненных недр — о, ежели мог бы он! — тшится
 Выгнать ужасную снедь, там скрытое мясо, и плачет,
 665 И называет себя злополучной сына могилой!
 Меч обнажив, он преследовать стал дочерей Пандиона.
 Но Кекропиды меж тем как будто на крыльях повисли.
 Вправду — крылаты они! Одна устремляется в рощи,
 В дом другая, — под кров. И поныне знаки убийства
 670 С грудки не стерлись ее: отмечены перышки кровью.
 Он же и в скорби своей, и в жажде возмездия быстрой
 Птицею стал, у которой стоит гребешок на макушке,
 Клюв же, чрезмерной длины, торчит как длинное древко;
 Птицы название — удад. Он выглядит вооруженным.

675 Это несчастье, не дав Пандиону познать долголетье,
 Раньше срока свело несчастливца к айдовым теням.
 Принял тогда Эрехтей управление делами и скипетр.
 И неизвестно, — славней справедливостью был он иль войском.
 Он четырех породил сыновей и столько же рода
 680 Женского; были из них две дочери равны красую.
 Кефал Золов, тебя, о Прокрида, назвавши супругой,
 Счастье узнал. А Борею — Терей и фракийцы мешали;
 Бог был долго лишен любезной ему Орифийи,
 Просьбам пока предпочесть не желал применение силы.
 685 Но, как ни в чем не успел, надеясь на ямкость, в ужасный
 Гнев пришел, что и так чрезмерно свойствен Борею.
 «И поделом! — он сказал, — для чего отложил я оружие,
 Ярость и силы свои, и гнев и лихие угрозы,
 К просьбам прибег для чего, когда не пристали мне просьбы?

690 Сила под стать мне. Гоню облака я унылые — силой,
Силой колеблю моря и кручу узловатые дубы,
И укрепляю снега, и градом поля побиваю.
Тот же я, если своих настигну братьев под небом, —
Ибо там поприще мне, — с таким побораю усильем,
695 Что небеса до глубин от наших грохочут сражений
И грозные огни из туч исторгаются полых.
Тот же, когда я вношусь в подземные узкие щели,
В ярости спину свою под своды пещер подставляю,
Мир весь земной и Аид тревожу великим трясеньем.
700 Вот чем должен я был домогаться невесты и тестя,
Не умоляя, склонять, но заставить силком Эрехтея!»
Так сказал — нет, пуще того! — Борей и раскинул
Мощные крылья свои, и их леденящие взмахи
Землю овеяли всю, взбушевалось пространное море.
705 Вот, по вершинам влача покрывало из пыли, метет он
Почву; мраком покрыт, приведенную в ужас и трепет,
Темными крыльями он Орифию свою обнимает.
Так он летел, и сильней от движенья огонь разгорался.
И лишь тогда задержал он ристанья воздушного вожжи,
710 Как до твердынь, где киконы живут, долетел похититель.
Стала актеянка там ледяного владыки супругой.
Стала и матерью двух, — разродилась она близнецами.
Всем они выдались в мать, от отца унаследовав крылья.
Все же у них, говорят, не с рождения крылья явились:
715 Но до тех пор, как у них не росло бороды ржавевой,
Братья Калáид и Зет оставались бесперыми вовсе,
После же оба плеча, как бывает у птиц, охватили
Мальчикам крылья, — тогда и щеки у них зарыжели.
А как года утекли и сменилось юностью детство,
720 Оба, к минийцам примкнув, за руном, что сияло лучисто,
В путь устремились они на судах по неизвестному морю,

КНИГА СЕДЬМАЯ

LIBER SEPTIMUS

Море мипийцы уже кораблем пагасейским браздили,
Скудную старость свою влачащий в темени вечной,
Встречен был ими Финей, и молодые сыны Аквилона
Птиц-полудев от лица злополучного старца прогнали.
5 Вынесли много они, предводимые славным Ясоном,
Быстрого Фасиса волн иловатых доколь не достигли.
Вот явились к царю и руно им Фриксово выдать
Требуют, множеством дел превеликих ему похваляясь;
Ээтиада меж тем могучим огнем загорелась
10 После упорной борьбы, когда одолеть уж рассудком
Страсти своей не могла, — «Ты борешься тщетно, Медея, —
Молвит, — не знаю какой, но препятствует бог, и едва ли
Это не тот, — или сходственный с ним, — что любовью зовется.
Что же наказы отца мне кажутся слишком суровы?
15 Да и суровы они! Что боюсь, не погиб бы пришелец,
Мельком лишь виденный мной? Где столь сильной причина
боязни?

Вырви из груди своей, несчастная, ежели сможешь,
Этот огонь! О, если б могла, я разумней была бы!
Но против воли гнетет меня новая сила. Желая
20 Я одного, но другое твердит мне мой разум. Благое
Вижу, хвалю, но к дурному влекусь. Что пылаешь ты к гостю,
Царская дочь, устремясь к чужедальному ложу? И отчий
Край тебе милого даст! А он умрет ли иль будет
Жив — то во власти богов. О, лишь бы он жил! Ведь об этом
25 Можно молить, не любя. А деяния малы ль Ясона?
Тронуть кого бы не мог — бездушного разве! — Ясонов
Возраст, и доблесть, и род? И даже без этого, кто же
Не был бы тронут лицом? Вот и тронута им мое сердце.
Помощь ему не подам, — и быков он спалится дыханьем;
30 Вступит с врагами он в бой, из его же взошедшими сева,
Или добычею дан ненасытному будет дракону.
Если я это стерплю, признаю тогда, что тигрицей
Я рождена, что ношу железо в сердце и камни!
Но почему не гляжу на гибель его, наблюденьем
35 Не оскверняю глаза? Что быков на него не направлю,
И порожденных землей дикарей, и бессонного змея?..
Боги пусть благо свершат. Не просить мне должно, однако, —
Действовать надо! Но как предам я царство отцово?
А неизвестный пришелец, которому помощь подам я,
40 Мною спасен, без меня свой парус распустит по ветру,
Чтобы стать мужем другой и на муки оставить Медею?
Пусть, коль это свершит, — предпочесть мне сможет другую, —
Неблагодарный умрет! Но лицо у него не такое,
И таковы благородство души и наружности прелесть,
45 Что не пугает меня ни обман, ни забвенье услуги.
Пусть поклянется вперед! Договора в свидетели Вышних
Я призову. Что страшиться тебе? Поспешай, промедленья
Все отложи! И себе навсегда ты обяжешь Ясона,
Он соединится с тобой при торжественных светочах; будут
50 Женщины славить тебя за добро в городах пеласгийских!
Что же я — брата, сестру, и отца, и богов своих брошу?
Землю родную свою, унесенная по морю ветром?
Правда, сердит мой отец, и родина, правда, сурова,
Брат — младенец, сестры совпадают с моими желанья.
55 Бог величайший во мне! Я меньше на родине брошу,
Чем обрету: почтут меня спасшей ахейскую юность.

Лучше узнаю я край, города, о которых доходит
Слава и в этот предел, обычай тех стран и искусства.
Станет супругом моим Эсонид, — а его не сменила б
60 Я ни на что, чем богата земля, — и счастлива буду,
Милостью Вечных горда, и звезд коснусь головою.
Пусть, как слышала я, там сходятся будто бы горы
Посередине воды, где, с судами враждуя, Харибда
Хлябь то вберет, то отдаст; опоясана злобными псами,
65 Из сицилийских глубин пусть лает жадная Скилла!
Нет, Ясона обняв, прижимаясь к возлюбленной груди,
В дали морские помчусь. С ним рядом бояться не буду.
Если ж чего забоюсь, — забоюсь лишь за милого мужа.
Брак не задумала ль ты, не словами ль красивыми хочешь
70 Грех свой, Медея, прикрыть? Погляди, пред каким злодеяньем
Ты очутилась? Пока еще можешь, беги преступленья!» —
Молвила так. И тотчас справедливость, почтенье, стыдливость
Взору предстали ее, — бежал Купидон побежденный.
К древним Медея пошла алтарям Персеиды Гекаты,
75 Что в потаенном лесу были скрыты, в дубраве тенистой.
Овладевает собой; отверженный пыл умирился.
Но увидала его, — и потухшее вспыхнуло пламя,
Щеки зарделись опять, лицо ее все загорелось.
Как — если ветер подул — им питается малая искра,
80 Что, незаметна, еще под тлеющим пеплом таилась,
Снова растет и опять, расшевелена, мощь обретает,
Так и затихшая страсть, что, казалось, уже ослабела, —
Лишь появился Ясон, от его красоты разгорелась.
И приключилось как раз, что еще был красивей собою
85 Сын Эсонов в тот день: извинил бы влюбленную каждый!
Смотрит, и будто его увидала впервые, не сводит
Остановившихся глаз и в безумии мнит, что не смертный
Перед очами ее, от него оторваться не в силах.
Но лишь в беседу вступил и за правую взял ее руку
90 Гость и о помощи стал просить ее голосом тихим,
Мужем ей стать обещал, — сказала она со слезами:
«Вижу, чтó делаю, — нет, меня не незнание правды
Вводит в обман, но любовь. Тебя я спасу своим даром,
Ты же — спасенный — клянись!» И святыней богини триликой,
95 Темной дубравой той, где ее божество почиталось,
Вечно всезрящим отцом своего нареченного тестя,

Благополучьем своим и деяньями всеми клянется.
Верила дева — тотчас получил он волшебные травы;
Как применить их, узнал и довольный домой возвратился.
100 Нового утра заря согнала лучезарные звезды,
Стал собираться народ на священное Марсово поле;
Вот уж стоят по холмам. В середине сам царь восседает
В пурпуре, скипетром он из кости слоновой отличен.
Вот вылетает уже из ноздрей адамантовых пламя
105 У медноногих быков,— и, дыхом их тронуты, травы
Тлеют. Как слышится шум из полного пламени горна
Иль в печи земляной раскаленные пышут каменья
Ярким огнем, если их водяные обрызгают капли,—
Так же и грудь их шумит, где клубится стесненное пламя,
110 И огневая гортань. Но навстречу идет им Эсонов
Сын. Обратили они в лицо подходившего храбро
Страшные морды свои и рога с острием из железа;
Пыльную землю разят раздвоенным копытом и местность
Всю наполняют вокруг мычаньем своим дымоносным.
115 Ужас минийцев сковал. Ясон же подходит, не чуя
Дыха палящего,— вот какова чародейная сила! —
Смело он правой рукой подгрудки отвисшие треплет
И, подведя под ярмо, заставляет быков тяжеленный
Плуг волочить и взрезать непривычную землю железом.
120 Колхи — диву дались. А минийцы кричат, возбуждая
Храбрость его. Тут Ясон достает из медного шлема
Зубы дракона и их рассеивает по вспаханной ниве.
Почва мягчит семена, напоенные ядом могучим,—
Зубы растут, и из них небывалые люди выходят.
125 Как принимает дитя человеческий образ во чреве
Матери и в глубине из частей свой состав образует
И на всеобщий простор не выходит, пока не созреет,—
Так, лишь когда развился в утробе беременной почвы
Образ людей из семян,— показались из нивы чреватой.
130 Но удивительней то, что уже потрясали оружием!
Лишь увидают, что те свои заостренные копыта
Приготовляют уже в гемонийского юношу кинуть,
В страхе поникли зараз головою и духом пеласги.
Тут устрашилась и та, кем юноша был безопасен,
135 Видя, как вдруг на него столь много врагов ополчилось,
Стала бледна, холодна, без кровинки в лице опустилась

И, чтобы силы у трав достаточно было, в подмогу
Шепчет заклятий слова и к тайной взывает науке.
Камень тяжелый меж тем бросает он в их середину,—
140 Бой отвратив от себя, меж собой заставляет их биться.
Гибнут, друг друга разя, землей порожденные братья,
Междуусобным мечом сражены. Веселятся ахейцы
И, победителя сжав, теснят его в жадных объятьях.
Сжать в объятьях его ты, варварка, тоже хотела,—
145 Стыд лишь помехой тебе. Иначе его обняла бы!
Да удержало тебя попеченье об имени добром.
Молча — дозволено то! — веселишься душой, превозносишь
Чары заклятий своих и богов, создающих заклятья.
Но оставалось еще усыпить бессонного змея.
150 С гребнем, о трех языках, с искривленными был он зубами,
Страх нагоняющий страж, золотого блюститель барана.
Только его окропил он травами с соком летейским,
Трижды слова произнес, что сладостный сон нагоняют,
Что бушеванье морей умирляют и бурные реки,—
155 Сон к бессонным очам подошел, и герой пеласгийский
Золотом тем завладел. Доволен добычей, с собою
Он и другую увез,— виновницу первой,— и вскоре
В порт Иолкский вошел победителем с юной супругой.
Ради возврата сынов, отцы-старики с матерями
160 В дар приношенья несут; растоплено пламенем жарким,
Сало стекает, и бык молодой с золотыми рогами
В жертву богам принесен. Лишь Эсон не участник веселья,
Близкий к кончине уже, от лет своих долгих усталый.
Молвит тогда Эсонид: «О супруга, кому я обязан
165 Подлинно счастьем своим! Хоть ты мне и все даровала,
Благодеянья твои хоть уже превзошли вероятье,—
Если возможно,— но что для чар невозможно волшебных? —
Часть годов у меня отними и отцу передай их».
Слез не сдержала она, сыновним тронута чувством,
170 Вспомнила чувства свои, отца, что ею покинут.
Сердца, однако, она не раскрыла и молвила: «Муж мой,
Что за нечестье твои осквернило уста? Как могу я
Переписать часть жизни твоей на другого? Гекаты
Соизволенья не чай, не должного просишь. Однако
175 Больше, чем ты попросил, подарить, о Ясон, попытаюсь,
Свекра длительный век обновить я попробую, вовсе

Лет не отняв у тебя,— троеликая лишь бы богиня
Мне помогла и к моим чрезвычайным склонилась деаньям!»
Трех не хватало ночей, чтоб рога у луны съединились
180 И завершили бы круг. Но лишь полной она засияла,
Только на землю взирать начала округлившимся ликом,
Вышла Медея, одна, в распоясанном платье, босая,
Пышные волосы вдоль по плечам распустив без убора.
Шагом неверным, в немом молчании ночи глубокой,
185 Без провожатых идет. И люди, и звери, и птицы
Полный вкушают покой. Не шепчет кустарник, недвижим;
Леса безмолвна листва, туманный безмолвствует воздух.
Звезды мерцают одни. И она простерла к ним руки,
Трижды назад обернулась, воды зачерпнула в потоке
190 И омочила власы и трижды уста разрешила
Воем; потом, опершись коленом о твердую землю,
Молвила: «Ночь! Наперсница тайн, что луной золотою
Свету преемствуешь дня! Вы, звезды! Геката с главою
Троичной, ты, что ко мне сообщницей дела нисходишь
195 Мне помогать! Искусство волшбы и заклятия магов!
Ты, о Земля, что магам даешь трав знанье могучих,
Воздух и ветры, и вы, о озера и реки, и горы,
Вы все, боги лесов, все боги почные, явитесь!
Вами, по воле моей, возвращаются реки к истокам
200 На удивленье берегам; заклинаньями я умиряю
Бурного моря волну и волную безбурное море;
Ветры зову и гоню, облака навожу и свожу я;
Лопаться зевы у змей заставляю я словом заклятья;
Дикие камни, дубы, что исторгнуты с корнем из почвы,
205 Двигаю я и леса; велю — содрогаются горы,
И завывает земля, и выходят могильные тени.
Силой влеку и тебя, луна, хоть медью темесской
Твой сокращаю ущерб. От заклятий моих колесница
Деда бледнее; мой яд бледнеть заставляет Аврору.
210 Вы мне и пламя быков притупили, изогнутым плугом
Вы пожелали сдавить их, груза не знавшую, выю;
В яростный бой меж собой вы бросили змеерожденных,
Стража, не знавшего сна, усыпили,— руно ж золотое,
Змея хитро обеда, переправили в гавани греков.
215 Ныне мне нужен состав, от которого стала бы старость
Вновь, освежившись, цвести и вернулись бы юные годы.

Вы не откажете мне. Не напрасно сверкали созвездья,
И не напрасно, хребтом влекома крылатых драконов,
Вот колесница летит». И спустилась с небес колесница.
220 Только Медея взошла, лишь погладила шею драконам
Взнузданным, только встряхнуть успела послушные вожжи,
Как вознеслась в высоту, и уже фессалийскую Темпе
Зрит пред собою, и змей в пределы знакомые правит.
Травы, что Осса родит с Пелионом высоким, какие
225 Офрис возвращает и Пинд, и Олимп, что возвышенной Пинда,
Явственно видит — и те, которые рвет она с корнем
Или же режет своим медяным серпом искривленным.
Много она набрала растений с берегов Апидана,
Много — с Амфриса; и ты, Энипей, не остался нетронут
230 Тоже; Пеней и Сперхия ток ей что-нибудь каждый
В дань принесли, и берега тростниками поросшие Беба,
И с Антедоны траву животворную рвет, на Эвбее, —
Люди не знали о ней, превращенья не ведая Главка.
Девять дней и ночей ее видели, как, в колеснице
235 Мчась на змеиных крылах, она озидала равнины —
И возвратилась. И вот, — хоть запах один их коснулся, —
Сбросили змеи свою долголетнюю старую кожу.
Остановилась, прибыв, у порога стоит, за дверями.
Кровлей одни были ей небеса. Избегала касаний
240 Мужа. Два алтаря сложила из дерна Медея,
Справа — Гекаты алтарь и жертвенник Юности — слева.
Дикой листвою оплела и ветвями священными оба.
Недалеко откидав из ям двух землю, свершает
Таинство; в горло овцы чернорунной вонзает Медея
245 Нож и кровью ее обливает широкие ямы,
Чистого чашу вина сверх крови она возливала,
Медную чашу брала, молока возливала парного;
Льются меж тем и слова, — богов призывает подземных,
Молит владыку теней с похищенной вместе супругой,
250 Чтоб не спешили отнять у тела дряхлого душу.
Милость обоих снискав молитвенным шепотом долгим,
Хилого старца она приказала из дома наружу
Вынести и, погрузив его в сон непробудный заклятьем,
Словно безжизненный труп на подстил травяной положила.
255 Вот приказала она отойти и Ясону и слугам,
Непосвященный их взор отвести повелела от тайны.

И удаляются все. Волоса распустивши, Медея
Рдеющих два алтаря обошла по обряду вакханок.
В черной крови намочив расщепленные факелы, держит
260 Их на обоих огнях и вершит очищение старца
Трижды огнем, и трижды водой, и серою трижды.
В медном котле между тем могучее средство вскипает
И подымается вверх и вздувшейся пеной белеет.
Варит и корни она, в гемонийском найденные доле,
265 И семена, и цветы, и горькие соки растений;
В них добавляет еще каменья с окраин Востока,
Чистый песок, что омыт при отливе водой океана,
Вот подливает росы, что ночью собрана лунной;
С мясом туда же кладет и поганые филина крылья,
270 Оборотня потроха, что волчий образ звериный
В вид изменяет людской; положила в варево также
И кинифийской змеи чешуйчатой тонкую кожу;
Печень оленя-самца; в состав опустила вдобавок
Голову с клювом кривым вековухи столетней — вороны.
275 Тысячи к этим вещам прибавив еще безымянных,
Варварка, смертному в дар потребный состав приготавив,
Кроткой оливы седой давно уже высохшей ветвью
Варево стала мешать от дна и до верхнего слоя.
Вдруг этот старый сучок, вращаемый в меди горячей,
280 Зазеленел, а потом чрез короткое время оделся
В листья и вдруг отягчен стал грузом тяжелых оливок.
Всякий же раз, как огонь из бронзовой брызгал купели
Пеной и капли ее упали горящие наземь,
Зелень являлась, цветы и густая трава луговая.
285 Только увидела то, Медея свой меч обнажила,
Вскрыла им грудь старика и, прежней вылиться крови
Дав, составом его наполняет. Лишь Эсон напился,
Раной и ртом то зелье впитав, седину свою сбросил;
Волосы и борода вмиг сделались черными снова,
290 Выгнана вновь худоба, исчезают бледность и хилость,
И надуваются вновь от крови прибавленной жилы,
Члены опять расцвели. Удивляется Эсон и прежний —
Сорокалетье назад — свой возраст молодой вспоминает.
Вот увидал с высоты чудеса столь великой колдуньи
295 Либер и вздумал тогда, что его бы кормилицам можно
Юные годы вернуть, — и дар получил от колхидки.

Чтобы злодейств не прервать, с супругом притворную ссору
Изображает она и, молещщицей, к Пелия дому
Быстро бежит: ее, — ибо сам он уж старец глубокий, —
300 Дочери царские там принимают. Вскоре колхидка
Хитрая их оплела, обольстила их ложною дружбой.
Вот о заслугах своих рассказ им ведет, — как избавлен
Эсон от старости был, — и рассказ замедляет на этом.
И возникает в сердцах у Пелиевых дев упование,
305 Что от искусства ее и отец их вернет себе юность.
Вот уже просят и ей обещают любую награду.
Та помолчала чуть-чуть, колеблясь будто в решение,
Ждать заставляет себя, напускною их важностью муча.
Все ж обещает, сказав: «Чтоб больше доверия было
310 К дару у вас моему, пусть вашего овчьего стада
Старший вожак от составов моих превратится в ягненка».
Вот уж притащен баран, от бесчисленных лет истощенный,
Около полых висков крутыми украшен рогами.
Только вонзила она свой нож гемонийский в сухое
315 Горло, едва лезвие запяtnалось скудною кровью,
Тушу барана в котел погружает колдунья и тут же
Мощный вливает состав, — и уже уменьшаются члены,
И исчезают рога, а вместе с рогами и годы,
Блеянье нежное вдруг из медного слышится чана.
320 Все в изумленье кругом, — меж тем из сосуда ягненок
Выпрыгнул; резво бежит и молочного вымени ищет.
В оцепененье стоят все дочери Пелия; так как
Правда доказала им, они лишь настойчивей просят.
Трижды Феб распрягал погруженных в Иберскую реку
325 Кóней, четвертую ночь засияли лучистые в небе
Звезды, — и вот на огонь Этова дочь, лиходейка,
Чистой ставит воды с травой, не имеющей силы.
Вот, как убитый, заснул сам царь, предавши покою
Тело свое, а с царем и стражи спокойно заснули, —
330 Сон навело колдовство и могущество речи волшебной.
Дочери в отчий покой по приказу колхидки проникли,
Стали вокруг ложа его. «Что колеблетесь, что нерадивы?
Вынйте мечи, — говорит, — престарелую кровь извлеките, —
Жилы пустые его наполню я новою кровью.
335 В ваших отныне руках и жизнь, и возраст отцовский.
Ежели есть в вас любовь и не зря предались вы надежде,

Так услужите отцу, оружием исторгните старость,
Кровь дурную его, железо вонзив, удалите!»
Та, в ком чувство сильней, бесчувственной первая стала:
340 Вот преступленье творит, не преступная; сестры не в силах
Видеть ударов ее и, взор от отца отвращая,
Раны ему наугад десницей дикой наносят.
Кровью меж тем истекая, он все ж подымается с ложа,
345 Полурастерзанный встать с постели пытаюсь, и между
Стольких взнесенных мечей протянул побелевшие руки.
«Дочери, что вы? — сказал, — что вас против жизни отцовой
Вооружает?» — у них — и души упали и руки.
Молвить хотел он еще, но вместе с гортанью колхидка
Речь отняла и растерзанный прах в кипяток опустила.
350 Если б она в небеса не умчалась на змеях крылатых,
Кары избегла б едва ль. Высоко несется, минуя
В рощах густых Пелион и кровли Филиры, минуя
Офрис и дальше места, что прославлены древним Керамбом:
355 Подали помощь ему и на крыльях приподняли в воздух
Нимфы, когда разлилось и обрушилось море на сушу, —
Девкалионовых вод оттого он избег, не потоплен.
Вот оставляет она Эолийскую слева Питану,
Изображенье из скал как будто бы длинного змея,
Иду и рошу ее, где сведенного сыном теленка
360 Некогда Либер укрыл под обличием ложным оленя;
Где над Корита отцом возвышается холмик печальный.
Также поля, уstraшенные вдруг завыванием Меры;
Град Эврипила, где вмиг хвастливые женщины Коса
Стали рогаты, в тот день как отряд отошел Геркулеса.
365 Фебом любимый Родос, и народ иализских телхинов,
Глаз которых все портил кругом, — на что ни посмотрят.
Возненавидел и скрыл их под братнины воды Юпитер.
Кеи старинной она миновала Картейскую крепость,
Где через много годов удивиться отцу предстояло
370 Акидаманту, что дочь обернулася мирной голубкой.
Озеро видит она Гириэи и Кикнову Темпе,
Те, что прославил своим появлением лебедь. Там Филлий
Мальчику отдал во власть прирученных пернатых, а также
Дикого льва. Приказанье быка одолеть получил он
375 И победил; но, сердясь, что любовь его презрена снова,
Филлий, как тот ни просил, быка ему не дал в награду.

Кикн возмущенный сказал: «Пожелаешь отдать!» И с высокой
 Спрыгнул скалы. Вокруг все подумали: мальчик разбился,—
 На белоснежных крылах повисал новоявленный лебедь!
 390 А Гириэя меж тем, не зная, что спасся он, плачем
 Вся излилась и дала возникшему озеру имя.
 Рядом лежит и Плеврон, в котором, на трепетных крыльях,
 Комба, Офия дочь, от детей избежала ранений.
 Видит Медея поля Калавреи, Латониду милой,
 385 Помнящей, как государь с супругою в птиц обратились.
 Справа Киллена лежит, на которой пришлось Менефрону
 С матерью ложе делить наподобие дикого зверя.
 Видит Кефиса вдали, который над участью плачет
 Внука, что некогда был обращен Аполлоном в тюленя;
 390 Дом и Эвмела царя, что оплакивал в воздухе сына.
 Вот на змеинных крылах, наконец, в Эфирее Пиренской
 Снизилась. Древних людей при начале веков тут явилось
 Смертное племя,— его дождевые грибы породили.
 Лишь молодая жена сгорела от ядов колхидских,
 395 И пламеневший дворец два моря увидели разом,
 Кровью детей заливается меч нечестивый, и мчится
 Гнусно отмстившая мать, от оружия спасаясь Ясона.
 Вот, на Титановых мчась драконах, вступает Медея
 В крепость Паллады. Тебя там, Фенея вернейшая, зрели;
 400 Зрели, Периф, и тебя,— как по воздуху вместе летели;
 Также на новых крылах Полинемона видели внучку.
 Принял колдунью Эгей — в одном осудимый деянье;
 Мало что принял ее,— съединился с ней узами брака;
 Вот появился Тезей — отцу незнакомое чадю —
 405 Доблести полный герой, усмиритель двуморского Истма.
 Чтобы его извести, аконит заварила Медея,—
 Ею он был привезен когда-то со скифских побережий.
 Произвели же его, как о том говорится в преданье,
 Зубы Ехиднина пса. Пещера с отверстием черным
 410 Есть при дороге крутой, по которой тиринфянин храбрый
 Цербера-пса, что идти упирался, глаза от сверкавших
 Солнца лучей отвратив, на цепи адамантовой к свету
 Вывел. А тот, разъярясь, возбуждаемый бешеной злобой,
 Громким лаем тройным одновременно воздух наполнил
 415 И по зеленым лугам разбросал белесую пену.
 Пена пустила ростки, говорят, и, влагу впивая

Из плодоносной земли, получила зловредную силу.
Этот живучий цветок, растущий на твердых утесах,
Жители сел аконитом зовут. По коварству супруги
420 Сыну родитель Эгей его, как врагу, преподносит,
Правой рукою Тезей в неведение взялся за чашу,—
Но применяет отец на меча костяной рукояти
Знак родовой и от уст сыновних отводит злодейство.
Смерти избегла она, облака заклинаньями сдвинув.

425 Царь же отец, хоть и был спасеньем обрадован сына,
В ужас великий пришел, что столь безбожное дело
Чуть не свершилось. Огни он не медля алтарные теплит
И для богов не жалеет даров; поражают секиры
Выи тугие быков с рогами в священных повязках.
430 Для Эрехтидов вовек, говорят, не вставал лучезарно
Более праздничный день. Пируют и знатные люди,
И небогатый народ. За вином, возбуждающим души,
Песни запели: «Тобой, великий Тезей, восхищенья
Полн Марафон,— что быка обагрился критского ты кровью!
435 То, что спокойно теперь кромионский пашет селянин,—
Дар и заслуга твои. Чрез тебя и предел Эпидавра
Видел, как мертвым упал жезлоносный потомок Вулкана;
Видел Кефиса поток бессердечного гибель Прокруста;
Как был убит Керкион, Элевсин то видел Церерин;
440 Мертв и Синис, во зло применявший великую силу,—
Перегибавший стволы, до земли наклоняющий сосны,
Чтоб, разорвав, разметать широко тела человека.
До Алкатои, до стен лелегийских дорога спокойна,—
С самой поры, как Скирон усмирен. Разъятые кости
445 Тата земля отказалась принять и вода отказалась.
Долго носились они, говорят, и, состарившись, стали
Скалами; скалы хранят и донныне Скироново имя.
Если заслуги твои и года захотим мы исчислить,
Дел будет больше, чем лет. Пожеланья свои, о храбрейший,
450 Мы всенародно гласим, за тебя испиваем мы чаши!»
Был одобреньем дворец оглашен и мольбами желавших
Блага. В городе всем не нашлось бы печального места!
Все же — настолько земля чужда наслаждений всецелых,
И проникает всегда в веселье забота! — спокойно
455 Не веселился Эгей, возвращение празднуя сына.

Войско готовил Минос. Хоть был он силен ополчением
И кораблями силен, но гневом отцовским сильнее.
Намеревался отместить по праву за смерть Андрогеея.
Но пред началом войны собирает союзные силы.
460 Всюду, где доступен ему, с окрыленным рыскает флотом:
Он уж Анафу привлек и Астипалейское царство,
Взял он Анафу — прельстив, а Астипалею — войною.
Низменный взял он Микон и поля меловые Кимвола,
Взял и цветущий Сирон, и Кити с Серифом равнинным,
465 Мраморный взял он Парос и безбожной проданный Арной
Сифн, — скупая, она, получив по условию злато,
Птицею стала, у ней и доныне пристрастие к злату, —
Ходит на черных ногах и черна оперением — галка.
Но Олиар, и Дидимы, и Тен, и Андр с Гиаром,
470 И Пепарет, где богат урожай глянцевитой оливы,
Кносским судам помогать не пошли. И Минос обратился
Влево, в Энопию ту, где была Эакидов держава.
Эту Энопию так в старину называли. Эак же
Острову, матери в честь, дал новое имя: Эгина.
475 Валит толпа и узнать человека с толикою славой
Жаждет. Бежит Теламон, за ним, Теламона моложе,
Брат его средний, Пелей, и Фок — брат третий и младший,
Вскоре выходит и царь, неспешно, по-старчески важно;
Их вопрошает Эак, какова их приезда причина.
480 Горе отцово узнав, вздыхает; ему же правитель
Ста городов говорит, отвечая такими словами:
«Просьба моя: помоги за сына предпринятой брани,
Встань в ополчение любви: за могилу ишу возмещенья!»
Асопиад же ему: «Понапрасну ты просишь, не должен
485 Город мой так поступать. Земля Кекропова с нашей
Связана, как ни одна. Таков договор между нами».
Тот, опечалясь, ушел, — «Договор тебе дорого станет!» —
Молвил. Полезнее он угрожать почитает войною,
Нежель ее затевать и свои в ней расходовать силы.
490 Флот был ликтийский еще с Энопийской крепости виден,
Как появился уже, под надутыми мчась парусами,
Аттики быстрый корабль и вошел в дружелюбную гавань, —
Кефала вез на себе и отчества с ним порученья.
Тотчас Эака сыны, хоть давно не встречался им Кефал,
495 Все же узнали его и, подав ему правые руки,

В отчий дом повели. Герой, представительный с виду
И сохранивший еще красоты доказательства прежней,
Входит: в руках его ветвь любимой народом оливы,
С правой и с левой руки близ старшего — младшие двое:
500 Прибыли Клит и Бутей с ним вместе, Паллантовы дети.
После того, как они обменялись приветствием первым,
Передает им посол порученье афинян и просит
Помощи, на договор и семейные связи ссылаясь,
И что намерен Минос всю Ахайю забрать, добавляет.
505 Он красноречьем помог порученья успеху, и молвил
Старый Эак, опершись на жезл своей левой рукою:
«Помощи вы не просите, ее получайте, Афины!
Острова этого все считайте вы силы своими.
Смело введите их в строй. Таково положение наше:
510 Силы достанет у нас; от врага отстоит меня воин.
Слава богам. Времена хороши, — извиняться не надо».
Кефал отвечив: «Так да пребудет и впредь! Да умножит
Град твой граждан своих! Я обрадован был, что навстречу
Вышла ко мне молодежь, такая красивая, — все-то
515 Юноши в годах одни. Однако же нет между ними
Многих, виденных мной, когда принимал меня город».
И застонал тут Эак и голосом молвил печальным:
«Лучшее время вослед за началом плачевным настало.
Если бы мог я о нем говорить, о начале не вспомнив!
520 Все расскажу я подряд, не замедлив на приступе долгом.
Прахом лежат и костями, кого воспоминаешь и ищешь.
Ах, сколь великая часть моего достоянья погибла!
Грозный был мор в города ниспослан по злобе Юноны,
Возненавидевшей край, хранящий соперницы имя.
525 С бедствием этим, пока почитали его за людское,
Тайных не зная причин, искусством боролись врачебным.
Гибель сильнее была, побежденною помощь лежала.
Тьмою сначала густой тяжело надавило на землю
Небо, меж тем по ночам расслабляющий жар разливался.
530 И уж успела луна четырежды сделаться полной,
Сливши рога, и, опять утончаясь, нарушить окружность;
Начали жарко дышать смертоносным дыханием австры.
Ведомо, что и в ключи и в озера зараза проникла,
А по полям, в тот год не паханным, ползали всюду
535 Многие тысячи змей и ядом реки сквернили.

Гибель собак, и овец, и коров, и зверей, и пернатых
Признаком первым была неожиданно постигшего мора.
Видя, как падает бык посредине работы, здоровый,
И среди пашни лежит, изумляется пахарь несчастный.
540 У шерстоносных же стад, болезненно блеющих, стала
Шерсть сама выпадать, и хиреет иссохшее тело.
Резвый некогда конь, на пыльных ристалищах славный,
Стал не достоин наград, забыл о бывалом почете,
Стонет в конюшне своей, умирая бесславною смертью.
545 Ярость вепрь потерял; уже не доверится бегу
Лань, перестал и медведь совершать на скотину набеги.
Все одолела болезнь: по лесам, по полям, по дорогам
Мерзкая падаль лежит, и воздух испорчен зловоньем.
Странную выскажу вещь: ни собака, ни жадная птица
550 Их не касались, ни волк седошерстый. Гниют, разлагаясь,
Смрадным духом вредят и широко разносят заразу.
Бедствием большим чума к несчастным пришла поселянам
И утвердила свое в великой столице господство.
Раньше сгорало нутро. Потаенного пламени первым
555 Знаком была краснота с затрудненным частым дыханьем,
Спекшийся пухнет язык; открыт, изнутри опаленный,
Высохший рот, и ему не отраден вдыхаемый воздух.
Тело не может терпеть ни подстилки, ни даже покрова,—
Грудью к твердой земле прижимаются. И не бывает
560 Тело свежей от земли, но земля горячеет от тела.
И врачевателя нет, на самих нападает лечащих
Неумолимая хворь, во вред им их же искусство.
Кто постоянно с больным, кто верно ему услужает,
Тот умирает скорей. Поскольку исчезла надежда
565 Быть исцеленным и смерть лишь одна избавленье сулила,
Стали беспечны душой, о пользе пропала забота.
Пользы и быть не могло. Везде, без стыда, обнаженны,
И к родникам, и к рекам припадают, к глубоким колодцам,
И не напьются никак,— жизнь гаснет с жаждою вместе.
570 Многие, вовсе без сил, не могут уж выбраться: тут же
И умирают в воде. А иной все ж черпает воду!
Так велико у больных отвращенье к несносной постели,
Что убегают, вскочив: когда и подняться нет силы,
Катятся на пол — своих покидают каждый пенатов,—
575 Каждому собственный дом начинает казаться зловещим:

Так как причина темна, обвиняют в бедствии место.
Видели их, как они, полуживы, бредут по дорогам,—
Ежели в силах идти,— иль лежат на земле со слезами
И истомившийся взор обращают последним усилием,
580 Свисшие руки воздеть пытаюсь к созвездиям неба,
Там или здесь и везде, где застанет их смерть, издыхают.
Что совершалось в душе у меня? Что чувствовать мог я,—
Если не жизнь разлюбить, не завидовать участи близких!
И повсеместно, куда б ни направил ты взора,— повсюду
585 Толпы валялись людей: так с веток колеблемых наземь
Падают яблоки-гниль, так валятся желуды с дуба.
Видишь ты храм пред собой высокий и с лестницею длинною:
Это — Юпитера храм. О, кто в святилище этом
Ладана тщетно не жег? Как часто супруг за супругу
590 Или же сын за отца обращался с горячей мольбою,—
Но расставались с душой пред святыней, молению чуждой!
И находили в руке — не истраченной часть фимиама!
Часто, бывало, быки, когда приведут их ко храму
И уж помолится жрец и вино меж рогов возливает,
595 Падали вдруг, словно их поражали неожиданным ударом!
Раз за себя и за край приносил я Юпитеру жертву
И за троих сыновей,— но животное вдруг замычало
И, неожиданно пав, не дождавшись ударов смертельных,
Скудною кровью слегка подставленный нож обагрило.
600 Даже больное нутро утратило истины знаки
И откровенья богов: и туда проникла зараза.
Возле священных дверей распростертые видел я трупы,
Возле самих алтарей,— чтоб смерть ненавистней казалась!
Петлей иные себе запирают дыханье и гонят
605 Смертью свой смертный страх, торопят грозящую гибель.
Мертвых выносят тела без обычных торжеств погребальных
Из дому. Да и врата погребений уже не вмещали.
То, не зарыты, лежат на земле, то без дара слагают
Их на высокий костер; столь почтения нет, что дерутся
610 Из-за костров, и сгорает мертвец на огне у соседа.
Нет никого, кто бы слезы пролил; неоплаканы бродят
Души детей, матерей, и юношей души, и старцев.
Места в могилах уж нет, на костры не хватает поленьев.
И, пораженный таким изобилием несчастий,— «Юпитер! —
615 Я произнес,— о, если не лгут о тебе, что когда-то

К нашей Эгине сходил ты в объятья, к Асоповой дщери,
Если, великий отец, нам родителем быть не стыдишься,
Иль верни мне моих, иль скрой и меня под землею!»
Молнией знаменье дал он и громом своим благовещим.
620 «Я разумею, и пусть счастливым будет то знаком
Расположений твоих! — я сказал, — и залогом да будет!»
Рядом случайно был дуб, редчайший, раскидист ветвями —
Взрос от додонских семян и Юпитера был он святыней.
Длинный строй увидали мы там муравьев, собиравших
625 Зерна, маленьким ртом таскавших великие грузы
И по морщинам коры проходивших единою тропкой.
Их подивившись числу, — «О отец благодатный! — сказал я, —
Столько же граждан мне дай и пустынные стены восполни!»
Дуб задрожал, и в ветвях, без ветра в движение пришедших,
630 Некий слышался шум. Содрогнулись от жуткого страха
Члены мои, поднялись волосы. Однако же землю
Облобызал я и дуб: не смея признаться в надежде,
Все же надеялся я и в душе упованье лелеял.
Ночь наступила, и сон утомленным тревогами телом
635 Овладевает. И дуб мне привиделся тот же, и столько ж
Было ветвей у него, и столько ж в ветвях насекомых
Было на дубе, и сам задрожал он таким же движеньем
И зерноносный их строй раскидал по полям под собою.
Будто бы стали они возрастать все больше и больше,
640 Приподыматься с земли и станом своим выпрямляться,
Стали терять худобу, и множество ножек, и черный
Цвет и уже принимать человеческий начали облик.
Сон отлетел. И клянущ я свои сновиденья, тоскую,
Что от богов вспоможения нет. Во дворце же великий
645 Гомон стоял, и как будто бы там голоса я мужские
Слышу, — от них я отвык! Но все я почел сновиденьем.
Только идет Теламон, поспешая, и, двери раскрывши,
Молвит: «Увидишь ты сам, что и веры и чаяний больше!
Выйди!» Я выхожу. Какие в видении сонном
650 Мужа привиделись мне, таких я, в том же порядке,
Вижу и их узнаю. К государю подходят с поклоном.
Зевсу мольбы возношу и меж новым моим населеньем
Грады делю и поля, где былых хлебопашцев не стало.
Их «мирмидоны» зову, на породу их тем намекая.
655 Внешность видел ты их. Какие обычаи были,

Те же у них и сейчас; скромны, выносливы в деле,
Крепки добро добывать и хранить добытое умеют.
Биться с тобою пойдут, и духом и возрастом равны,
Только лишь Эвр, счастливо тебя в предел наш принесший —
660 Ибо принес тебя Эвр — полуденным сменится Австром». —
Так меж собой говоря и о разных толку предметах,
Длинный наполнили день. Вечернее отдано время
Было столу, ночь — сну. Взошло златоликое солнце.
Эвр, однако, все дул и мешал кораблей возвращенью.

665 К Кефалу утром пришли Паллантовы дети, поскольку
Старше он возрастом был; а Кефал с сынами Палланта
Вместе явились к царю. Но еще почивал повелитель.
Приняты были они на пороге царевичем Фоком, —
670 Брат с Теламоном как раз набирали людей в ополчение.
В недра царевич дворца, в прекрасные дома покои
Кекропа внуков ведет и вместе с гостями садится.
И увидал Эакид в руке у потомка Эола
С острым концом золотым неизвестного дерева дротик.
Несколько вымолвив слов для участия в общей беседе,
675 Он говорит: «Я — любитель лесов и охоты на зверя.
Но из какого ствола твой вырезан дротик, об этом
Не догадаюсь никак: когда бы из ясеня был он,
Цветом был бы желтей; из терна — был бы с узлами.
Вырезан он из чего, не знаю; но только красивей
680 Очи мои никогда не видали метательных копий». —
И отвечает один из братьев Актейских: «Но больше
Употребленью еще удивишься ты этого дрота:
Прوماха он не дает, не случаем он управляем,
Окровавленный назад возвращается он сам собою». —
685 И продолжает еще расспрашивать отрок Нереев,
Да для чего, да откуда тот дрот, да чей он подарок.
Гость отвечает на все, лишь стыдится поведать, какую
Дрот обретен был ценой. Молчит, но, тронутый горем,
Милую вспомнив жену, начинает он так со слезами:
690 «Дрот мой, богини дитя, — не поверишь! — меня заставляет
Плакать, и долго еще я проплачу над ним, если долго
Жить мне дарует судьба. И меня с супругою вместе
Он погубил. О, когда б не иметь его было возможно!
Звали Прокридой ее. Была же — ты слышал, быть может,

695 Об Орифйи? — сестрой похищенной той Орифии.
 Если ты внешность и нрав их обеих сравнишь, то скорее
 Надо б ее похищать. Эрехтей съединил меня с нею,
 Нас съединила любовь. Почитался и был я счастливым.
 Боги судили не так, — иль был бы я счастлив и ныне!
 700 Шел уже месяц второй по свершении брачных обрядов, —
 Я для оленей тогда рогоносных протягивал сети, —
 Тут, над Гиметом взойдя, с постоянно цветущей вершины,
 Тьму отогнав, золотая меня вдруг видит Аврора
 И увлекает к себе. О пусть, не обидев богини,
 705 Правду скажу: хоть она и прельстительна розовым ликом,
 Пусть пределом и дня и ночи владеет пределом,
 Пусть ее нектар пойт, — любил я одну лишь Прокриду!
 В сердце Прокрида одна, на устах пребывала Прокрида.
 Ложа святые права, новобрачные наши соитя
 710 Доводом я привожу и покинутой спальни обеты.
 Этим я тронул ее; и промолвила: «Неблагодарный,
 Жалобы брось и Прокридой владей! Но коль дух мой провидчив,
 Будешь об этом жалеть!» — и меня ей, сердясь, возвратила.
 По возвращенье, пока вспоминал я угрозы Авроры,
 715 Вдруг охватил меня страх, не худо ль жена соблюдала
 Долг супружеский свой. Побуждали и внешность и возраст
 Верить измене ее; поведенье же верить мешало.
 Но ведь отсутствовал я; а та, от которой вернулся,
 Грешный являла пример; ведь любящих все устрашает.
 720 Муки своей решил я искать и стыдливую верность
 Силой даров соблазнить. Мой страх поощряет Аврора.
 Внешность меняет мою, — мне казалось, я чувствовал это!
 Вот я, не узнан, вхожу в Афины, твердыню Паллады,
 И проникаю в свой дом. Но вины не показывал дом мой, —
 725 Он целомудрия полн, тосковал, что похищен хозяин.
 Лишь к Эрехтиде проник я при помощи тысяч уловов,
 Остолбенел, увидав, и готов был оставить попытку
 Верность проверить ее. Едва я признать удержался
 Правду, едва целовать, как было бы должно, не начал.
 730 Грустной была. Но ничто не могло быть, однако, прекрасней,
 Нежели в грусти она. К отнятому супругу пылала
 Страстным желаньем. Теперь представь ты себе, какова же,
 Фок, была в ней краса, раз ее и печаль украшала!
 Что излагать, сколько раз отвергались душою стыдливой

735 Поползновенья мои? Сколько раз, — «Себя, — говорила, —
 Для одного берегу; одному — наслаждение мною», —
 И не довольно ль таких испытаний невинности было, —
 Если кто разумом здрав? Но я недоволен, борюсь я
 Сам на погибель свою и плату за ночь предлагаю.
 740 Множа дары, наконец я принудил ее колебаться.
 «Побеждена, — я вскричал, — преступница! Я, —
 соблазнитель, —
 Твой настоящий супруг. Свидетель я сам вероломства!»
 Та — ничего. Молчаливым стыдом побежденная, только,
 Кинув злокозненный дом и недоброго мужа, — бежала.
 745 И, оскорбленная мной, отворотившись от рода мужского,
 Стала бродить по горам, служенью причастна Диане.
 Я же, оставшись один, почувствовал жгучее пламя
 В жилах. Прощенья просил, — в согрешенье своем сознавался,
 В том, что, дарами прельстясь, я и сам в проступок подобный
 750 Впал бы, когда б и не столько даров предлагалось. Прокрида
 После признаний моих, за стыд отплатив оскорбленный,
 Вновь возвратилась ко мне, и сладко мы жили в согласье.
 Кроме того мне дарит — как будто сама не была мне
 Даром достаточным — пса, — его же Прокриде вручила
 755 Кинтия, молвив: «Из всех он в беге окажется первым».
 Тут же дала мне и дрот, который в руке моей видишь.
 Но про второй этот дар и судьбу его знать ты желаешь?
 Слушай тогда и дивись, — поразишься неслыханным делом.
 Лайя сын разгадал те реченья, что были дотоле
 760 Непостижимы другим, и, низвергшись, лежала вещунья
 Темная и о своих позабыла двусмысленных кознях.
 Дел без возмездья таких никогда не оставит Фемида:
 Тотчас другая напасть Аонийские вдруг постигает
 Фивы: селяне дрожат перед хищником диким, погибель
 765 Видя скота и людей. Тут мы, молодежь из соседей,
 Сходимся и широко окружаем тенетами поле.
 Но перескакивал зверь прыжком их легким проворно,
 Выше скача полотняных краев расставленной сети.
 Своры спускаю собак, но хищник от них убегает
 770 Прочь и несется, резвясь, быстрокрылой не медленней птицы.
 Единодушно тогда все Лэлапа требуют, — имя
 То было пса моего. Он сам давно уж старался
 Освободиться, ремень в нетерпенье натягивал шеей,

775 Только спустили его, — сказать мы уж были не в силах,
 Где он. Следы его лап на песке раскаленном виднелись.
 Сам же из глаз он исчез. Копье не быстрее несется
 И не быстрее свинец, вращаемой брошен пращой,
 Или же легкая трость, что с гортинского лука слетает.
 Холм поднимался крутой, над полями окружными высясь.
 780 Встав на него, я слежу небывалого зрелище бега, —
 Вот уже схвачен почти, вот будто едва ускользает
 Зверь из-под самых зубов; бежит не прямою дорогой,
 Не устремляется вдаль, но, по кругу назад возвращаясь,
 Вводит собаку в обман, — не предпринял бы враг нападения.
 785 Та угрожает ему и вровень преследует, будто
 Держит уже, — но не держит еще и лишь воздух кусает.
 К дроту я обратился тогда. Но едва лишь рукою
 Правой раскачивать стал, в ремни вдеть пальцы пытаюсь,
 790 Взор отвратил я; потом направил обратно на то же
 Место: и — вот чудеса! — два мрамора на поле вижу:
 Тот как будто бежит, а этот как будто бы лает.
 Стало быть, так захотел — чтобы в беге оба остались
 Непобежденными — бог, коль бог им содействовал некий.
 Так он сказал и замолк. «Но в чем же дрот тут
 повинен?» —
 795 Фок спросил, и тогда про дрота вину рассказал он.
 «Радость сделалась, Фок, причину нашего горя.
 Молвлю сначала о ней. О, сладко блаженное вспомнить
 Время, когда, Эакид, в те первые годы, законно,
 Счастлив с женою я был, и она была счастлива с мужем.
 800 Нежность взаимных забот нас брачной связала любовью.
 Мужа любовь предпочла бы она и Юпитеру даже.
 Да и меня ни одна не пленила б, когда бы самую
 Даже Венерой была. Равно мы сердцами пылали.
 Только лишь солнца лучи поутру озаряли вершины,
 805 Я, молодой, на охоту в леса направлялся, бывало.
 И ни рабов, ни коней не брал с собою, ни с чутким
 Ньюхом собак; сетей не захватывал я узловатых.
 Дрот обеспечивал все. Когда же рука моя вдосталь
 Понабивала зверей, стремился я в тень и прохладу,
 810 Где ветерок из долин доносится струйкою свежей;
 Струйки я нежной искал, облегченья полдневного зноя,
 Струйки воздушной я ждал, и она оведала мой отдых.

«Струйка! — помнится мне, — приходи! — призывал я
обычно, —

815 Дай облегченье и в грудь, о желанная, снова проникни, —
Если бы зной, сжигающий нас, могла ты умерить!»
Может быть, я добавлял, — так жребий мой был вероломен! —
Нежных несколько слов. «Ты великое мне наслаждение! —
Ей говорить я привык, — облегчаешь меня и лелеешь:
820 Из-за тебя мне леса и пустынные милы приюты,
Жадно устами твое постоянно вбираю дыханье!»
Возгласа смыслом двойным было чье-то обмануто ухо,
Кто-то решил, что, зовя, повторяю я имя, что будто
«Струйкой» нимфу зовут, и подумал, что нимфу люблю я.
Тотчас, спеша донести на то, чего не было, наглый
825 В дом к Прокриде идет и о слышанном тихо ей шепчет.
Склонна к доверью любовь. Пораженная горем неожиданным,
Выслушав все, повалилась она и, не скоро оправясь,
Все несчастливой себя называла и жребий свой — горьким,
Все укоряла меня, и, смущенная мнимым проступком,
830 В страхе была пред ничем, перед именем, плоти лишенным!
Словно соперница впрямь у несчастной была, горевала.
Но сомневается все ж и, злосчастная, чает ошибки,
Верить не хочет в донос, и доколе сама не видала,
Не разрешает себе осуждать прегрешенье супруга.
835 Утра другого лучи темноту отгоняли ночную.
Я выхожу; хорошо наохотился и, отдыхая, —
«Струйка! — шепчу, — приди! Будь, усталому, мне
врачеваньем!»

И неожиданно стон меж своими словами как будто
Некий слышал. «Приди, — однако, — всех лучшая!» — молвил.
840 Но как тихонько опять зашумели упавшие листья,
Зверь мне почудился там, и дротик метнул я летучий.
Это Прокрида была. С глубоко уязвленной грудью, —
«Горе, — воскликнула, — мне!» И только лишь верной супруги
Голос узнал я, стремглав на голос помчался, безумен.
845 Полуживую ее и пятнающей кровью одежду
Вижу, из груди, увы! — вынимающей собственный дар свой,
Вижу и тело, что мне моего драгоценнее тела,
На руки мягко беру; разорвав на груди ее платье,
Ей перевязку кладу на жестокую рану, стараюсь
850 Кровь удержать и молю, чтоб в убийстве меня не винули.

Та, уже силы лишась, умирая, себя принуждает
Вымолвить несколько слов: «О, нашего ради союза,
Вышних ради богов и моих, умоляю покорно:
855 Если чего-нибудь я заслужила, — ради любви той,
Что причинила мне смерть, но длится, хоть я погибаю, —
Да не займет, кого «Струйкой» зовешь, наше брачное ложе».
Молвила. И наконец ошибку, где имя виною,
860 Я услышал и постиг. Но что было пользы постигнуть?
Падает; с кровью лиясь, утекают и слабые силы.
Может доколе смотреть, на меня все смотрит и тут же
Прямо ко мне на уста выдыхает скорбящую душу.
Все же со светлым лицом умерла, успокоившись будто».
Плачущим, слезы лия, так герой повествует, но входит
865 К ним в это время Эак с двумя сыновьями и новой
Ратью, — и принял ее и оружие мощное Кефал.

КНИГА ВОСЬМАЯ

LIBER OCTAVUS

День лучезарный уже растворила Денница, ночное
Время прогнав, успокоился Эвр, облака закружились
Влажные. С юга подув, Эакидов и Кефала к дому
Мягкие австры несут — и под их дуновеньем счастливым
5 Ранее срока пришли мореходы в желанную гавань.
Опустошал в то время Минос побережья делегов,
Бранное счастье свое в Алкатоевом пробовал граде,
Где государем был Нис, у которого, рдея багрянцем,
Между почетных седин, посредине, на темени самом
10 Волос пурпуровый рос — упование великого царства.
Шесть уже раз возникали рога у луны восходящей,
Бранное счастье еще колебалось, однако же. Долго
Дева Победа меж них на крылах нерешительных реет.
Царские башни в упор примыкали к стенам звонкозвучным,
15 Где, по преданью, была золотая приставлена лира
Сыном Латониным. Звук той лиры был в камне сохранен.
Часто любила всходить дочь Ниса на царскую башню,

В звучную стену, доколь был мир, небольшие каменья
Сверху кидать. А во время войны постоянно ходила
20 С верха той башни смотреть на боренья сурового Марса.
С долгой войной она имена изучила старейшин,
Знала оружие, коней, и обличье критян, и колчаны,
Знала всех лучше лицо предводителя — сына Европы —
Больше, чем надо бы знать. Минос, в рассужденье царевны,
25 С гребнем ли перистым шлем на голову молодую наденет, —
Был и при шлеме красив. Возьмет ли он в руки блестящий
Золотом щит, — и щит ему украшением служит.
Если, готовясь метнуть, он раскачивал тяжкие копья,
В нем восхваляла она согласие искусства и силы.
30 Если, стрелу наложив, он натягивал лук свой широкий,
Дева божилась, что он стрелonosцу Фебу подобен.
Если же он и лицо открывал, сняв шлем свой медяный,
Иль, облаченный в багрец, сжимал под попоною пестрой
Белого ребра коня и устами вспененными правил,
35 Нисова дочь, сама не своя, обладанье теряла
Здравым рассудком. Она называла и дротик счастливым,
Тронутый им, и рукою его направляемый повод.
Страстно стремится она — если б было возможно! — во вражий
Стан девичьи стопы через поле направить, стремится
40 С башни высокой сама в кносийский ринуться лагерь
Или врагу отпереть обитые медью ворота, —
Словом, все совершить, что угодно Миносу. Сидела
Так и смотрела она на шатер белоснежный Диктейца,
Так говоря: «Горевать, веселиться ль мне брани плачевной,
45 И не пойму. Что Минос мне, влюбленной, враждебен, — печалюсь,
Но, не начнись эта брань, как иначе его я узнала б?
Все-таки мог он войну прекратить и, назвав меня верной
Спутницей, тем обрести надежного мира поруку.
Если тебя породившая мать, о красой несравненный,
50 Схожа с тобою была, то недаром к ней бог возгорелся.
Как я блаженна была б, когда бы, поднявшись на крыльях,
Я очутилась бы там, у владыки кносийского в стане!
Я объявила б себя и свой пыл, спросила б, какого
Хочет приданого он: не просил бы твердынь лишь отцовских!
55 Пусть пропадет и желаемый брак, лишь бы мне не изменой
Счастья достичь своего! — хоть быть побежденным нередко
Выгодно людям, когда победитель и мягок и кроток.

Правда, знаю — ведет он войну за убитого сына,
Силен и правдою он, и его защищающим войском.
60 Думаю, нас победят. Но коль ждать пам такого исхода,
То почему ж эти стены мои для Миноса откроет
Марс, а не чувство мое? Без убийства и без промедленья
Лучше ему одолеть, не потратив собственной крови.
Не уstraшусь я тогда, что кто-нибудь неосторожно
65 Грудь твою ранит, Минос. Да кто же свирепый решился б
Полное злобы копьe в тебя нарочито направить?
Замысел мне по душе и намеренье: вместе с собою
Царство в приданое дать и войне положить окончанье.
Мало, однако, желать. Охраняются стражами входы.
70 Сам врата запирает отец. Его одного лишь,
Бедная, ныне боюсь; один он — желаньям помеха.
Если б по воле богов не иметь мне отца! Но ведь каждый —
Бог для себя. Судьбой отвергаются слабого просьбы.
Верно, другая давно, столь сильной зажженная страстью,
75 Уж погубила бы все, что доступ к любви преграждает.
Чем я слабее других? Решилась бы я через пламя
И меж мечами пройти: но пламя ни в чем не поможет
И не помогут мечи, — один только волос отцовский.
Золота он драгоценнее мне. Блаженной бы сделал
80 Волос пурпурный меня, смогла б я желанья исполнить».
Так говорила она, и, забот многочисленных мамка,
Ночь подошла между тем, и тьма увеличила смелость.
Час был первого сна, когда утомленное за день
Тело вкушает покой. Безмолвная в спальню отцову
85 Входит. Дочь у отца похищает — о страшное дело! —
Волос его роковой; совершив нечестивую кражу,
С дерзкой добычей своей проникает в ворота и вскоре
В самую гущу врагов, — так верила сильно в заслугу! —
Входит, достигла царя и ему, уstraшенному, молвит:
90 «Грех мне внушила любовь, я — Нисова дочь и царевна
Скилла; тебе предаю я своих и отцовских пенатов.
Я ничего не прошу, — тебя лишь. Любовным залогом
Волос пурпурный прими и поверь, что вручаю не волос,
Голову также отца моего!» И рукою преступной
95 Дар протянула. Минос от дарящей руки отшатнулся
И отвечал ей, смущен совершенным неслыханным делом:
«Боги да сгонят тебя, о бесчестие нашего века,

С круга земного, тебя пусть суша и море отвергнут!
 Я же, клянусь, не стерплю, чтоб Крит, колыбель Громовержца
 100 И достоянье мое, — стал такого чудовища домом», —
 И покоренным врагам — ибо истинный был справедливец, —
 Мира условия дав, кораблям велел он причалы
 Снять и наполнить суда, обитые медью, гребцами.
 Скилла, едва увидав, что суда уже в море выводят
 105 И что Минос отказал в награде ее преступленью,
 Вдруг, умолять перестав, предалась неистово гневу,
 Руки вперед, растрепав себе волосы, в бешенстве взывала:
 «Мчишься куда, на берегу оставляя виновницу блага,
 Ты, и родимой земле, и родителю мной предпочтенный?
 110 Мчишься, жестокий, куда, чья победа — мое преступленье,
 Но и заслуга моя? Тебя мой подарок не тронул
 И не смягчила любовь, не смягчило и то, что надежды
 Все мои были в тебе? О, куда обратиться мне, сирой?
 В край ли родной? Он плененный лежит, но представь,
 что он волен, —
 115 Из-за измены моей он мне недоступен. К отцу ли?
 Мною он предан тебе. Ненавидят меня по заслугам:
 Страшен соседям пример. Я от мира всего отказалась
 Только затем, чтобы Крит мне один оставался открытым.
 Неблагодарный, туда коль непустишь меня и покинешь,
 120 Мать не Европа тебе, но Сиртов негостеприимных,
 Тигров армянских ты сын иль движимой Австром Харибды,
 Ты не Юпитера плод, не пленилась обличем бычьим
 Мать твоя. Этот рассказ про род ваш ложью подсказан.
 Был настоящим быком, никакой не любившим девицы,
 125 Тот, породивший тебя. Совершай же свое наказание,
 Нис, мой отец! Вы, изменой моей посрамленные стены,
 Ныне ликуйте! Клянусь: погибели я заслужила.
 Пусть из тех кто-нибудь, кто мною был предан безбожно,
 Сгубит меня: ты сам победил преступленьем, тебе ли
 130 Ныне преступницу гнать? Мое пред отцом и отчизной
 Зло да воздастся тебе! Быть супругой твоею достойна
 Та, что, тебе изменив и быка обманувши подделкой,
 Двух в одном родила! Но мои достигают ли речи
 Слуха, увы, твоего? Иль ветры, быть может, уносят
 135 Звук лишь пустой, как суда твои по морю, неблагодарный?
 Не удивительно, нет, что тебе предпочла Пасифая

Мужа-быка: у тебя свирепости более было.
Горе мне! Надо спешить: разъяты ударами весел,
Воды шумят, а со мной и земля моя — ах! — отступает.
140 Но не успеешь ни в чем, о заслуги мои позабывший!
Вслед за тобою помчусь, руками корму обнимаю.
В дали морей повлекусь!» — сказала — и кинулась в воду.
За кораблем поплыла, ей страсть приданы силы.
Долго на кносской корме ненавистною спутницей виснет.
145 То лишь увидел отец, — на воздухе он уж держался,
Только что преображен в орла желтокрылого, — тотчас
К ней полетел — растерзать повисшую загнутым клювом.
В страхе она выпускает корму; но чувствует: легкий
Держит ее ветерок, чтоб поверхности вод не коснулась.
150 Были то перья; она превратилась в пернатую, зваться
Киридой стала: ей дал тот остриженный волос прозвание.

Сотню быков заколол по обету Юпитеру в жертву
Славный Минос, лишь достиг с кораблями земли куретидов,
Свой разукрасил дворец, побед развесил трофеи.
155 Рода позор между тем возрастал. Пасифаи измену
Гнусную всем раскрывал двуединого образ уroda.
Принял решение Минос свой стыд удалить из покоев
И поместить в многосложном дому, в безвыходном зданье.
Дедал, талантом своим в строительном славен искусстве,
160 Зданье воздвиг; перепутал значки и глаза в заблужденье
Ввел кривизною его, закоулками всяких проходов.
Так по фригийским полям Меандр ясноводный, играя,
Льется, неверный поток и вперед и назад устремляет;
В беге встречая своим супротивно бегущие волны,
165 То он к истокам своим, то к открытому морю стремится
Непостоянной волной: так Дедал в смущение вводит
Сетью путей без числа; он сам возвратиться обратно
К выходу вряд ли бы мог: столь было запутано зданье!
После того как туда полубык-полуоюноша заперт
170 Был, и два раза уже напился актейскою кровью,
В третий же был усмирен, через новое девятилетье.
С помощью девы та дверь, никому не отверстая дважды,
Снова была найдена показаньем распушенной нити;
И не замедлил Эгид: Миноиду похитив, направил
175 К Дии свои паруса, где спутницу-деву, жестокий,

Бросил на бреге, но к ней, покинутой, слезно молящей,
Вакх снизошел и обнял ее, чтобы вечные веки
Славились в небе она, он снял с чела ее венчик
И до созвездий метнул; полетел он воздушным пространством,
180 И на лету в пламена обращались его самоцветы.
Остановились в выси, сохраняя венца очертанье,
Близ Геркулеса со змеем в руке и с согбенным коленом.
Дедал, наскучив меж тем изгнанием долгим на Крите,
Страстно влекомый назад любовью к родимым пределам,
185 Замкнутый морем, сказал: «Пусть земли и воды преградой
Встали, зато небеса — свободны, по ним понесемся!
Всем пусть владеет Минос, но воздухом он не владеет!»
Молвил — и всею душой предался незнакомому делу.
Новое нечто творит, подбирает он перья рядами,
190 С малых начав, чтоб за каждым пером шло другое, длиннее,—
Будто неровно росли: все меньше и меньше длиною,—
Рядом подобным стоят стволы деревенской цевницы;
Ниткой средину у них, основания воском скрепляет.
Перья друг с другом связав, кривизны незаметной им придал
195 Так, чтобы были они как у птицы. Присутствовал рядом
Мальчик Икар; он не знал, что касается гибели верной,—
То, улыбаясь лицом, относимые веющим ветром
Перья рукою хватал; то пальцем большим размягчал он
Желтого воска куски, ребячьей мешая забавой
200 Дивному делу отца. Когда ж до конца довершили
Дедала руки свой труд, привесил к крылам их создатель
Тело свое, и его удержал волновавшийся воздух.
Дедал и сына учил: «Полетишь серединой пространства!
Будь мне послушен, Икар: коль ниже ты путь свой направишь,
205 Крылья вода отягчит; коль выше — огонь обожжет их.
Посередине лети! Запрещаю тебе на Боота
Или Гелику смотреть и на вынутый меч Ориона.
Следуй за мною в пути». Его он летать обучает,
Тут же к юным плечам незнакомые крылья приладив.
210 Между советов и дел у отца увлажнялись ланиты,
Руки дрожали; старик осыпал поцелуями сына.
Их повторить уж отцу не пришлось! На крыльях поднявшись,
Он впереди полетел и боится за спутника, словно
Птица, что малых птенцов из гнезда выпускает на волю.
215 Следовать сыну велит, наставляет в опасном искусстве,

Крыльями машет и сам и на крылья сыновние смотрит.
Каждый, увидевший их, рыбак ли с дрожащей удою,
Или с дубиной пастух, иль пахарь, на плуг приналегший,—
Все столбенели и их, проносящихся вольно по небу,
220 За неземных принимали богов. По левую руку
Самос Юнонин уже, и Делос остался, и Парос;
Справа остался Лебинт и обильная медом Калимна.
Начал тут отрок Икар веселиться отважным полетом,
От вожака отлетел; стремлением к небу влекомый,
225 Выше все правит свой путь. Соседство палящего Солнца
Крыльев скрепление — воск благовонный — огнем размягчило;
Воск, растопившись, потек; и голыми машет руками
Юноша, крыльев лишен, не может захватывать воздух.
Приняты были уста, что отца призывали на помощь,
230 Морем лазурным, с тех пор от него получившим название.
В горе отец — уже не отец! — повторяет: «Икар мой!
Где ты, Икар? — говорит, — в каком я найду тебя крае?»
Все повторял он: «Икар!» — но перья увидел на водах;
Проклял искусство свое, погребенью сыновнее тело
235 Предал, и оный предел сохранил погребенного имя.

Но увидала тогда, как несчастного сына останки
Скорбный хоронит отец, куропатка-болтуня в болоте,
Крыльями бить начала, выражая кудахтаньем радость,—
Птица, — в то время одна из невиданной этой породы,—
240 Ставшая птицей едва, постоянный укор тебе, Дедал!
Судеб не зная, сестра ему поручила наукам
Сына учить своего — двенадцать исполнилось только
Мальчику лет, и умом способен он был к обученью.
Как-то спинного хребта рассмотрев у рыбы приметы,
245 Взял он его образцом и нарезал на остром железе
Ряд непрерывный зубцов: открыл пилы применение.
Первый единым узлом связал он две ножки железных,
Чтобы, когда друг от друга они в расстоянии равном,
Твердо стояла одна, другая же круг обводила.
250 Дедал завидовать стал; со священной твердыни Минервы
Сбросил питомца стремглав и солгал, что упал он. Но мальчик
Принят Палладою был, благосклонной к талантам; он в птицу
Был обращен и летел по воздуху, в перья одетый.
Сила, однако, ума столь быстрого в крылья и лапы

255 Вся перешла; а прозвание при нем остается бывшее.
Все-таки в воздух взлететь куропатка высоко не может,
Гнезд не свивает себе на ветвях и высоких вершинах;
Низко летает она и кладет по кустарникам яйца:
Высей страшится она, о падении помня давнишнем.

260 Был утомленный уже Этнейскою принят землею
Дедал; защиты молил,— и мечом оградил его Кокал:
Милостив к Дедалу был. Уже перестали Афины
Криту плачевную дань выплачивать,— слава Тезею!
Храмы — в венках, и народ к ратоборной взывает Минерве,
265 И Громовержцу-отцу, и к прочим богам, почитая
Кровью обетную их, дарами и дымом курильниц.
Распространила молва перелетная имя Тезея
По Арголиде по всей, и богатой Ахайи народы
Помощи стали молить у него в их бедствии тяжком.
270 Помощи стал Калидон умолять, хоть имел Мелеагра.
Полный тревоги, просил смиренно: причиной же просьбы
Вебрь был,— Дианы слуга и ее оскорбления мститель.
Царь Оэней, говорят, урожайного года начатки
Вышним принес: Церере плоды, вино же Лию,
275 Сок он Палладин возлил белокурой богине Минерве.
Эта завидная честь, начиная от сельских, досталась
Всем олимпийским богам; одни без курений остались,
Как говорят, алтари обойденной Латониной дщери.
Свойственен гнев и богам. «Безнаказанно мы не потерпим!
280 Пусть нам почтения нет,— не скажут, что нет нам отмщенья!» —
Молвит она и в обиде своей на поля Оэнея
Вепря-мстителя шлет: быков столь крупных в Эпире
Нет луговом, не увидишь таких и в полях сицилийских.
Кровью сверкают глаза и пламенем; шея крутая;
285 Часто щетина торчит, наконечникам копий подобно,—
Целой оградой стоит, как высокие копыя, щетина.
Хрюкает хрипло кабан, и, кипя, по бокам его мощным
Пена бежит, а клыки — клыкам подобны индийским,
Молния пышет из уст: листва от дыхания сгорает.
290 То в зеленях он потопчет посев молодой, то надежду
Пахаря — зрелый посев на горе хозяину срежет.
Губит хлеба на корню,— Церерину ниву. Напрасно
Токи и житницы ждут обещанных им урожаяв.

295 С длинною вместе лозой тяжелые валятся гроздьи,
Ягоды с веткой лежат зеленеющей вечно маслины.
Буйствует он и в стадах; уже ни пастух, ни собака,
Лютые даже быки защитить скотину не могут.
Люди бегут и себя в безопасности чувствуют только
300 За городской стеной. Но вот Мелеагр и отборных
Юношей местных отряд собираются в чайные славы:
Два близнеца, Тиндарея сыны, тот — славный наездник,
Этот — кулачный боец; Ясон, мореплаватель первый,
И с Пирифоем Тезей, — сама безупречная дружба, —
305 Два Фестиада, Линкей, Афарея потомок, его же
Семя — проворный Идас и Кеней, тогда уж не дева,
Нравом жестокий Левкипп и Акаст, прославленный дротом,
И Гиппотой, и Дриант, и рожденный Аминтором Феникс,
Актора ровни-сыны и Филей, из Элиды посланец,
И Теламон, и отец Ахилла великого был там,
310 С Феретиадом там был Иолай, гигантиец по роду,
Доблестный Эвритион, Эхион, бегун необорный,
И парикиец Мелег, Панопей и Гилей, и свирепый
Гиппас, и в те времена совсем еще юноша — Нестор;
Те, что из древних Амикл отправлены Гиппокоонтом;
315 И паррасиец Анкей с Пенелопиным свекром Лаэртом;
Мудрый пришел Ампикид, супругой еще не погублен,
Эквид и — рош ликейских краса — тегеянка-дева;
Сверху одежда ее скреплялась гладкою пряжкой,
Волосы просто легли, в единственный собраны узел;
320 И, повисая с плеча, позванивал кости слоновой
Стрел хранитель — колчан; свой лук она левой держала.
Девы таков был убор; о лице я сказал бы: для девы
Отрочье слишком лицо, и слишком для отрока девье.
Только ее увидел герой Калидонский, сейчас же
325 И пожелал, но в себе подавил неуютное богу
Пламя и только сказал: «О, счастлив, кого удостоит
Мужем назвать!» Но время и стыд не позволили больше
Молвить: им бой предстоял превеликий, — важнейшее дело,
Частый никем никогда не рубленный лес начинался
330 С ровного места; под ним расстилались поля по наклону.
Леса достигли мужи, — одни наставляют тенета,
Те уж успели собак отвязать; поспешают другие
Вепря высматривать след, — своей же погибели ищут!

335 Дол уходил в глубину; обычно вода дождевая
 Вся устремлялась туда; озерко порастало по краю
 Гибкою ивой, ольхой малорослой, болотной травой,
 Всякой лозой и густым камышом, и высоким и низким.
 Выгнан из зарослей вебрь в середину врагов; разъяренный,
 340 Мчится, подобно огню, что из туч громовых упадет,
 Валит он в беге своем дерева, и трещит пораженный
 Лес; восклицают бойцы, могучею правой рукою
 Держат копьё на весу, и широкий дрожит наконечник.
 Мчит напролом; разгоняет собак,— какую ни встретит,
 Мигом ударами вкось их, лающих, врозь рассыпает.
 345 Дрот, Эхиона рукой для начала направленный в зверя,
 Даром пропал: слегка лишь ствол поранил кленовый.
 Брошенный следом другой, будь верно рассчитана сила,
 В цель бы наверно попал, в хребте он у вебря застрял бы,
 Но далеко пролетел: пагасейцем был кинут Ясоном.
 350 Молвил тогда Ампикид: «О чтившийся мною и чтимый
 Феб! Пошли, что прошу,— настичь его верным ударом!»
 Бог снизошел сколько мог до молений: оружием тронут,
 Но не поранен был вебрь,— наконечник железный Диана
 Сбила у древка; одним был древком тупым он достигнут.
 355 Пуще взбесился кабан; запылал подобен перуну,
 Свет сверкает из глаз, из груди выдыхает он пламя,
 И как несется ядро, натянутой пушено жилой,
 К стенам летя крепостным иль башням, воинства полным,—
 К сборищу юношей так, нанося во все стороны раны,
 360 Мчится,— и Эвиалан с Пелагоном, что край охраняли
 Правый, простерты уже: друзья подхватили лежащих.
 Также не смог упасть Энизим, сын Гиппокоонта,
 От смертоносных клыков; трепетал, бежать порывался,
 Но ослабели уже, под коленом подсечены, жилы.
 365 Может быть, здесь свою гибель нашел бы и Нестор-пилосец
 Раньше троянских времен, но успел, на копьё оперевшись,
 Прыгнуть на дерево, тут же стоявшее, в ветви густые.
 Вниз на врага он глядел с безопасного места, спасенный.
 Тот же, свирепый, клыки наточив о дубовые корни,
 370 Смертью грозил, своим скрежеща обновленным оружием,
 Гнутым клыком он задел Эвритида огромного лажку.
 Братья меж тем близнецы,— еще не созвездие в небе,—
 Видные оба собой, верхом на конях белоснежных

Ехали; оба они потрясали в воздухе дружно
 375 Остроконечья своих беспрерывно трепещущих копий.
 Ранили б зверя они, да только щетинистый скрылся
 В темной дубраве, куда ни коню не проникнуть, ни дроту.
 Следом бежит Теламон, но, неосмотрительный в беге,
 Назем упал он ничком, о корень споткнувшись древесный.
 380 Вот, между тем как его поднимает Пелей, наложила
 Дева-тегейка стрелу и пустила из гнутаго лука.
 Около уха вонзаясь, стрела подарапала кожу
 Зверя и кровью слегка обагрила густую щетину.
 Дева, однако, не так веселилась удара успеху,
 385 Как Мелеагр: говорят, он первый увидел и первый
 Зверя багрящую кровь показал сотоварищам юным.
 «Ты по заслугам,— сказал,— удостоена чести за доблесть!»
 И покраснели мужи, поощряют друг друга и криком
 Дух возбуждают, меж тем беспорядочно мечут оружие.
 390 Дротам преградой тела, и стрелы препятствуют стрелам.
 Тут взбешенный Аркад, на свою же погибель с секирой,—
 «Эй, молодцы! Теперь предоставьте мне действовать! —
 крикнул,—
 Знайте, сколь у мужчин оружие сильнее, чем у женщин!
 Дочь пусть Латоны его своим защищает оружием,—
 395 Зверя я правой рукой погублю против воли Дианы!»
 Велеречивыми так говорит спесивец устами.
 Молвил и, руки сцепив, замахнулся двуострой секирой,
 Вот и на цыпочки встал, приподнялся на кончиках пальцев,—
 Но поразил смельчака в смертельно опасное место
 400 Зверь: он оба клыка направил Аркаду в подбрюшье.
 Вот повалился Анкей, набухшие кровью обильно,
 Выпав, кишки растеклись, и мокра обагренная почва.
 Прямо пошел на врага Пирифой, Иксиона потомок:
 Мощною он потрясал рогатину правой рукою.
 405 Сын же Эгея ему: «Стань дальше, о ты, что дороже
 Мне и меня самого, души моей часть! В отдаленье
 Может и храбрый стоять: погубила Анкея отвага».
 Молвил и бросил копьё с наконечником меди тяжелой.
 Ладно метнул, и могло бы желаемой цели достигнуть,
 410 Только дубовая ветвь его задержала листовою.
 Бросил свой дрот и Ясон, но отвел его Случай от зверя;
 Дрот неповинному псу обратил на погибель: попал он

В брюхо его и, кишки пронизав, сам в землю вонзился.
Дважды ударил Ойнид: из двух им брошенных копий
415 Первое медью в земле, второе в хребте застревае.
Медлито не время; меж тем свирепствует зверь и всем телом
Вертитс, пастью опять разливае шипящую пену.
Раны виновник — пред ним, и свирепость врага раздражае;
И под лопатки ему вонзае сверкнувшую пику.
420 Криками дружными тут выражают товарищи радость,
И поспешают пожать победившую руку рукою.
Вот на чудовищный труп, на немалом пространстве простерты
Диву дивуясь, глядят, все мнится им небезопасным
Тронуть врага, — все ж каждый копье в кровь зверя макае.
425 А победитель, поправ грозивший гибелью череп,
Молвил: «По праву мою ты возьми, онакрийская дева,
Эту добычу: с тобою мы славу по чести разделим».
Тотчас он дева дарит торчащие жесткой щетиной
Шкуру и морду его с торчащими страшно клыками, —
430 Ей же приятен и дар, и сам приятен даритель.
Зависть почуяли все; послышался ропот в отряде.
Вот, из толпы протянув, с громогласными криками, руки, —
«Эй, перестань! Ты у нас не захватывай чести! — кричали
Так Фестиады, — тебя красота твоя не подвела бы,
435 Как бы не стал отдален от тебя победитель влюбленный!»
Дара лишают ее, его же — права даренья.
Марса внук не стерпел; исполнившись ярого гнева, —
«Знайте же вы, — закричал, — о чужой похитители чести,
Близки ль дела от угроз!» — и пронзил нечестивым железом
440 Грудь Плексиппа, — а тот и не чаял гибели скорой!
Был в колебанье Токсей: одинаково жаждавший в миг тот
Брата отмстить своего и боявшийся участи брата, —
Не дал ему Мелеагр сомневаться: согретое прежним
Смертоубийством копье вновь согрел он братскою кровью.
445 Сын победил, и несла благодарные жертвы Алтея
В храмы, но вдруг увидала: несут двух братьев убитых.
В грудь ударяе она и печальными воплями город
Полнит, сменив золотое свое на скорбное платье.
Но лишь узнала она, кто убийца, вмиг прекратилс
450 Плач, и слезы ее перешли в вожделение мести.
Было полено: его — когда после родов лежала
Фестия дочь — положили в огонь триединые сестры.

Нить роковую суча и перстом прижимая, младенцу
Молвили: «Срок одинаковый мы и тебе и полену,
455 Новорожденный, даем». Провещав прорицанье такое,
Вышли богини; а мать головню полыхавшую тотчас
Вынула вон из огня и струею воды окатила.
Долго полено потом в потаенном месте лежало
И сохранялось, — твои сохраняло, о юноша, годы!
460 Вот извлекла его мать и велела лучинок и щепок
В кучу сложить; потом подносит враждебное пламя.
В пламя древесный пенек пыталась четырежды бросить,
Бросить же все не могла: в ней мать с сестрою боролись, —
В разные стороны, врозь, влекут два имени сердце.
465 Щеки бледнели не раз, ужасаясь такому злодейству,
Очи краснели не раз, распаленным окрашены гневом,
И выражало лицо то будто угрозу, в которой
Страшное чудилось, то возбуждало как будто бы жалость.
Только лишь слезы ее высыхали от гневного пыла,
470 Новые слезы лились: так судно, которое гонит
Ветер, а тут же влечет супротивное ветру течение,
Чует две силы зараз и, колеблясь, обоим покорно, —
Так вот и Фестия дочь, в нерешительных чувствах блуждая,
То отлагает свой гнев, то, едва отложив, воскрешает.
475 Преобладать начинает сестра над матерью все же, —
И чтобы кровью смягчить по крови родные ей тени,
Благочестиво творит нечестивое. Лишь разгорелся
Злостный огонь: «Моя да истлеет утроба!» — сказала —
И беспощадной рукой роковое подымлет полено.
480 Остановилась в тоске пред своей погребальною жертвой.
«О Эвмениды, — зовет, — тройные богини возмездий!
Вы обратитесь лицом к заклинательным жертвам ужасным!
Мшу и нечестье творю: искупить смерть смертию должно,
Должно злодейство придать к злодейству, к могиле могилу.
485 В нагромождение скорбей пусть дом окаянный погибнет!
Будет счастливец Ойней наслаждаться победою сына?
Фестий — сиротствовать? Нет, пусть лучше восплачутся оба!
Вы же, о тени моих двух братьев, недавние тени,
Помощь почуйте мою! Немалым деяньем сочтите
490 Жертву смертную, дар материнской утробы несчастный.
Горе! Куда я влекусь? Простите же матери, братья!
Руки не в силах свершить начатого — конечно, всецело

Гибели он заслужил. Ненавистен мне смерти виновник.
Кары ль не будет ему? Он, живой, победитель, надменный
495 Самым успехом своим, Калидонскую примет державу?
Вам же — пеплом лежать, вы — навеки холодные тени?
Этого я не стерплю: пусть погибнет проклятый; с собою
Пусть упованья отца, и царство, и родину сгубит!
Матери ль чувствовать так? Родителей где же обеты?
500 Десятимесячный труд материнский, — иль мною забыт он?
О, если б в пламени том тогда же сгорел ты младенцем!
Это стерпела бы я! В живых ты — моим попеченьем
Ныне умрешь по заслугам своим: поделом и награда.
Данную дважды тебе — рожденьем и той головнею —
505 Душу верни или дай мне с братскими тенями слиться.
Жажду, в самой же нет сил. Что делать? То братские раны
Перед очами стоят, убийства жестокого образ,
То сокрушаюсь душой, материнскою мучась любовью, —
Горе! Победа плоха, но все ж побеждайте, о братья!
510 Лишь бы и мне, даровав утешение вам, удалиться
Следом за вами!» Сказав, дрожащей рукой, отвернувшись,
В самое пламя она головню роковую метнула.
И застонало — иль ей показалось, что вдруг застонало, —
Дерево и, запыхав, в огне против воли сгорело.
515 Был далеко Мелеагр и не знал, — но жжет его тайно
Этот огонь! Нутро в нем — чувствует — все загорелось.
Мужеством он подавить нестерпимые тшится мученья.
Сам же душою скорбит, что без крови, бесславною смертью
Гибнет; счастливыми он называет Анкеевы раны.
520 Вот он со стоном отца-старика призывает и братьев,
Кличет любимых сестер и последней — подругу по ложу.
Может быть, также и мать! Возрастают и пламя и муки —
И затихают опять, наконец одновременно гаснут.
Мало-помалу душа превратилась в воздух легчайший,
525 Мало-помалу зола убелила остывшие угли.
Гордый простерт Калидон; и юноши плачут и старцы,
Стонут и знать и народ; распутившие волосы с горя
В грудь ударяют себя калидонские матери с воплем.
Пылью сквернит седину и лицо престарелый родитель,
Сам распростерт на земле, продолжительный век свой поносит.
530 Мать же своею рукой, — лишь сознала жестокое дело, —
Казни себя предала, железо нутро ей пронзило.

Если б мне бог даровал сто уст с языком звонкозвучным,
Воображенья полет или весь Геликон,— я не мог бы
Пересказать, как над ней голосили печальные сестры.
535 О красоте позабыв, посинелые груди колотят.
Тело, пока оно здесь, ласкают и снова ласкают,
Нежно целуют его, принесенное ложе целуют.
Пеплом лишь стала она, к груди прижимают и пепел,
540 Пав на могилу, лежат и, означенный именем камень
Скорбно руками обняв, проливают над именем слезы.
Но утолясь наконец Парфаонова дома несчастьем,
Всех их Латонина дочь,— исключая Горгею с невесткой
Знатной Алкмены,— взрастив на теле их перья, подымлет
545 В воздух и вдоль по рукам простирает им длинные крылья,
Делает рот роговым и пускает летать — превращенных.

Тою порой Тезей, часть выполнив подвигов славных,
Шел в Эрехтеев предел, в твердыню Тритони́ды Девы.
Тут преградил ему путь и медлить заставил набухший
550 Из-за дождей Ахелой. «Взойди под кров мой,— сказал он,—
О Кекропид! Себя не вручай увлекающим волнам.
Крепкие бревна нести приобыкли они иль, бушуя,
С грохотом камни крутить; я видел: прибрежные хлевы
Бурный уносит поток; и нет уже проку коровам
555 В том, что могучи они, ни коням,— что бегают быстро.
Ярый поток, наводнясь из-за таянья снега, немало
В водовороте своем утопил молодого народу.
Лучше тебе отдохнуть до поры, когда возвратится
В русло река и опять заструит неглубокие воды».
560 И согласился Эгид. «Ахелой, я воспользуюсь домом
И увещаньем твоим»,— отвечив; так и исполнил.
В атрий вошел он, что выстроен был из шершавого туфа
С пористой пемзой; земля покрывалась влажная мохом,
Выложив был потолок пурпуровых раковин строем.
565 Гиперион между тем две трети уж света отмерил,
Вот возлегли и Тезей, и соратники рядом на ложах;
Сын Иксиона возлег по одной стороне, по другой же
Славный трезенец Лелег, с приметной в висках сединою.
Также почтил и других одинаковым гостеприимством
570 Бог Акарнанской реки, посещеньем таким осчастливлен.
Стали готовить столы, с обнаженными стопами нимфы

Разные яства несут. Когда угощенья убрали,
 Стали в сосуды вино разливать. И герой знаменитый,
 Взором окинув простор перед ними лежащего моря,
 575 «Что там за место? — спросил и перстом указал, — как зовется
 Этот вон остров, скажи: но будто их несколько видно?»
 Бог же речной отвечал: «Что видим мы, то не едино,
 Пять островов там лежит: различить их мешает пространство.
 Знайте же: так не одна поступала в обиде Диана!
 580 Были наядами те острова: закололи однажды
 Десять тельцов — и богов деревенских к тем жертвам призвали;
 Но позабыли меня, поведя хороводы по чину.
 Воды я вздул и несусь, я сроду таким полноводным
 Не был. Ужасен равно и волной, и душевным порывом,
 585 Мчался, леса от лесов, берега от берегов отделяя.
 Вместе с землею и нимф, наконец-то меня вспомянувших,
 Вплоть я до моря довлек. Тут море и я совокупно
 Землю сплошную, разъяв, на столько частей разделили,
 Сколько сейчас посредине воды Эхинад созерцаешь.
 590 Там, как видишь, вдали, вон там подымается остров,
 Мне драгоценный. Его называет моряк Перимелой.
 Деву избрав, у нее я похитил девичью невинность.
 А Гипподаму отцу нестерпимо то было, и в море
 Дочь он столкнул со скалы, в утробе носившую чадо.
 595 Плывшую я подхватил и сказал: «О держатель трезубца,
 Царство зыбей получивший в удел ближайшее к небу,
 Где нам скончанье, куда мы сбегаем, священные реки, —
 Встань и молящему мне, Нептун, снисходительно внемли!
 Ту, с которой несусь, погубил я; когда б справедливей
 600 Был и добрей Гипподам, когда бы не столь был безбожен,
 Должен он был бы ее пожалеть, простить нас обоих.
 О, помоги! Ей, молю, от отцовского гнева бежавшей,
 Дай, о владыка, приют, — иль сама пусть станет приютом! —
 Буду ее и тогда обнимать». Кивнул головою
 605 Царь морской и потряс ему подчиненные воды.
 Затрепетала она — но плыла. Меж тем у плывущей
 Трогал я грудь, — она под рукою, волнуясь, дрожала.
 Но, обнимая ее, вдруг чувствую: отвердевает
 Тело, и девушки грудь земляным покрывается слоем.
 610 Я говорю, — а земля облекает плывущие члены:
 Тело, свой вид изменив, разрастается в остров тяжелый».

Бог речной замолчал. Удивленья достойное дело
 Тронуло всех. Но один над доверием их посмеялся, —
 Иксионид, — презритель богов, необузданный мыслью:
 615 «Выдумки — весь твой рассказ, Ахелой, ты не в меру могучей
 Силу считаешь богов, — будто вид и дают и отъемлют!»
 И поразился все, и словам не поверили дерзким.
 Первый меж ними Лелег, созревший умом и годами,
 Так говорит: «Велико всемогущество неба, пределов
 620 Нет ему: что захотят небожители, то и свершится.
 А чтобы вас убедить, расскажу: дуб с липою рядом
 Есть на фригийских холмах, обнесенные скромной стеною.
 Сам те места я видал: на равнины Пелоповы послан
 Был я Питфеем, туда, где отец его ранее правил.
 625 Есть там болото вблизи, — обитаемый прежде участок;
 Ныне — желанный приют для нырка и лысухи болотной.
 В смертном обличье туда сам Юпитер пришел, при отце же
 Был отвязавший крыла жезлоносец, Атлантов потомок.
 Сотни домов обошли, о приюте прося и покое,
 630 Сотни к дверям приткнули колы; единственный — принял,
 Малый, однако же, дом, тростником и соломой крытый.
 Благочестивая в нем Бавкида жила с Филемоном,
 Два старика: тут они съединились в юности браком.
 В хижине той же вдвоем и состарились. Легкою стала
 635 Бедность смиренная им, и сносили ее безмятежно.
 Было б напрасно искать в том доме господ и прислугу,
 Все-то хозяйство — в двоих; всё сами: прикажут — исполнят.
 Лишь подошли божества под кров неприметных пенатов,
 Только успели главой под притолкой низкой склониться,
 640 Старец придвинул скамью, отдохнуть предлагая пришельцам.
 Грубую ткань на нее поспешила накинуть Бавкида.
 Теплую тотчас золу в очаге отгребла и вечерний
 Вновь оживила огонь, листья ему с сохлой корою
 В пищу дала и вздувать его старческим стала дыханьем.
 645 Связки из прутьев она и сухие сучки собирает
 С кровли, ломает в куски, — котелочек поставила медный.
 Вот с овощей, стариком в огороде собранных влажном,
 Листья счищает ножом; супруг же двузубою вилою
 Спинку свиньи достает, что коптилась, подвешена к балке.
 650 Долго ее берегли, — от нее отрывает кусочек
 Тонкий; отрезав, его в закипевшей воде размягчает.

Длинное время меж тем коротают они в разговорах,—
Времени и не видать. Находилась кленовая шайка
В хижине их, на гвозде за кривую подвешена ручку.
655 Теплой водой наполняют ее, утомленные ноги
В ней отдохнут. Посредине — кровать, у нее ивяные
Рама и ножки, на ней — камышовое мягкое ложе.
Тканью покрыла его, которую разве лишь в праздник
660 Им приводилось стелить, но была и стара, и потерта
Ткань,— не могла бы она ивяной погнушаться кроватью.
И возлегли божества. Подоткнувшись, дрожащая, ставит
Столик старуха, но он покороче на третью был ногу.
Выравниал их черепок. Лишь быть перестал он покатым —
Ровную доску его они свежее мятой натерли.
665 Ставят плоды, двух разных цветов, непорочной Минервы,
Осенью сорванный тёрн, заготовленный в винном отстое,
Редьку, индивий-салат, молоко, загустевшее в творог,
Яйца, легко на нежарком огне испеченные, ставят.
В утвари глиняной все. После этого ставят узорный,
670 Тоже из глины, кратер и простые из бука резного
Чаши, которых нутро желтоватым промазано воском.
Тотчас за этим очаг предлагает горячие блюда.
Вскоре приносят еще, хоть не больно-то старые, вина;
Их отодвинув, дают местечко второй перемене.
675 Тут и орехи, и пальм сушеные ягоды, смоквы,
Сливы,— немало плодов благовонных в разлтых корзинах,
И золотой виноград, на багряных оборванный лозах.
Свежий сотовый мед посередке; над всем же — радушье
Лиц, и к приему гостей не худая, не бедная воля.
680 А между тем, что ни раз, опорбжненный вновь сам собою,—
Видят,— наполнен кратер, вино подливается кем-то!
Диву дивятся они, уstraшились и, руки подъямля,
Стали молитву творить Филемон оробелый с Бавкидой.
Молят простить их за стол, за убогое пира убранство.
685 Гусь был в хозяйстве один, поместье их малого сторож,—
Гостеприимным богам принести его в жертву решили.
Резов крылом, он уже притомил отягченных летами,—
Все ускользает от них; наконец случилось, что к самым
Он подбегает богам. Те птицу убить запретили.
690 «Боги мы оба. Пускай упадет на безбожных соседей
Кара,— сказали они,— но даруется, в бедствии этом,

Быть невредимыми вам; свое лишь покиньте жилище.
Следом за нами теперь отправляйтесь. На горные кручи
Вместе идите». Они повинуются, с помощью палок
695 Силится оба ступать, подымаясь по длинному склону.
Были они от вершины горы в расстоянье полета
Пущенной с лука стрелы, назад обернулись и видят:
Все затопила вода, один выдается их домик.
И, меж тем как дивятся они и скорбят о соседях,
700 Ветхая хижина их, для двоих тесноватая даже,
Вдруг превращается в храм; на месте подпорок — колонны,
Золотом крыша блестит, земля одевается в мрамор,
Двери резные висят, золоченым становится зданье.
Ласковой речью тогда говорит им потомок Сатурна:
705 «Праведный, молви, старик и достойная мужа супруга,
Молви, чего вы желали б?» — и так, перемолвясь с Бавкидой,
Общее их пожеланье открыл Филемон Всемогушим:
«Вашими быть мы жрецами хотим, при святилищах ваших
Службу нести, и, поскольку ведем мы в согласии годы,
710 Час пусть один унесет нас обоих, чтоб мне не увидеть,
Как сожигают жену, и не быть похороненным ею».
Их пожеланья сбылись: оставались стражами храма
Жизнь остальную свою. Отягченные годами, как-то
Став у святых ступеней, вспоминать они стали события.
715 Вдруг увидал Филемон: одевается в зелень Бавкида;
Видит Бавкида: старик Филемон одевается в зелень.
Похолодевшие их увенчались вершинами лица.
Тихо успели они обменяться приветом. «Прощай же,
Муж мой!» — «Прощай, о жена!» — так вместе сказали, и сразу
720 Рот им покрыла листва. И теперь обитатель Тианы
Два вам покажет ствола, от единого корня возросших.
Это не вздорный рассказ, веденный не с целью обмана,
От стариков я слышал, да и сам я висящие видел
Там на деревьях венки; сам свежих принес и промолвил:
725 «Праведных боги хранят: почитающий — сам почитаем».

Ковчил, и тронуты все и событиями и рассказавшим,
Всех же сильнее — Тезей. Вновь хочет он слушать о чудных
Божьих делах, — и, на ложе склонясь, обратился к Тезею
Бог калидонской реки: «О храбрый! Бывают предметы:
730 Если их вид изменен, — остаются при новом обличье;

Есть же, которым дано обращаться в различные виды,—
Ты, например, о Протей, обитатель обнявшего землю
Моря! То юношей ты, то львом на глаза появлялся,
Вепрем свирепым бывал, змеей, прикоснуться к которой
735 Боязно, а иногда ты рогатым быком становился.
Каменем порою ты был, порою и деревом был ты.
А иногда, текучей воды подражая обличью,
Был ты рекой; иногда же огнем, для воды ненавистным.
И Автолика жена, Эрисихтона дочь, обладает
740 Даром таким же. Отец, презирая божественность Вышних,
На алтарях никогда в их честь не курил фимиама.
Он топором — говорят — оскорбил Церерину рошу,
Будто железом нанес бесчестье древней дубраве.
Дуб в той роше стоял, с долголетним стволом, преогромный,
745 С целую рошу один, — весь в лентах, в дощечках на память,
В благочестивых венках, свидетельствах просьб не напрасных
Часто дриады под ним хороводы в праздник водили,
Часто, руками сплетаясь по порядку, они окружали
Дерева ствол; толщина того дуба в обхват составляла
750 Целых пятнадцать локтей. Остальная же роща лежала
Низменно так перед ним, как трава перед рощею всею.
Но, несмотря ни на что, Триопей топора рокового
Не отвратил от него; приказал рабам, чтоб рубили
Дуб. Но, как медлили те, он топор из рук у них вырвал.
755 «Будь он не только любим богиней, будь ею самою,
Он бы коснулся земли зеленою все же вершиной!» —
Молвил. И только разить топором он наискось начал,
Дуб содрогнулся, и стон испустило богинино древо.
В то же мгновенье бледнеть и листва, и желуди дуба
760 Стали; бледностью вдруг его длинные ветви покрылись.
А лишь поранили ствол нечестивые руки, как тотчас
Из рассеченной коры заструилась кровь, как струится
Пред алтарями, когда повергается тучная жертва,
Бык, — из шеи крутой поток изливается алый.
765 Остолбенели кругом; решился один святотатство
Предотвратить, отвести беспощадный топор фессалийца.
Тот поглядел, — «За свое благочестье прими же награду!» —
Молвил и, вместо ствола в человека направив оружие,
Голову снес — и рубить стал снова с удвоенной силой.
770 Вдруг такие слова из середины слышались дуба:

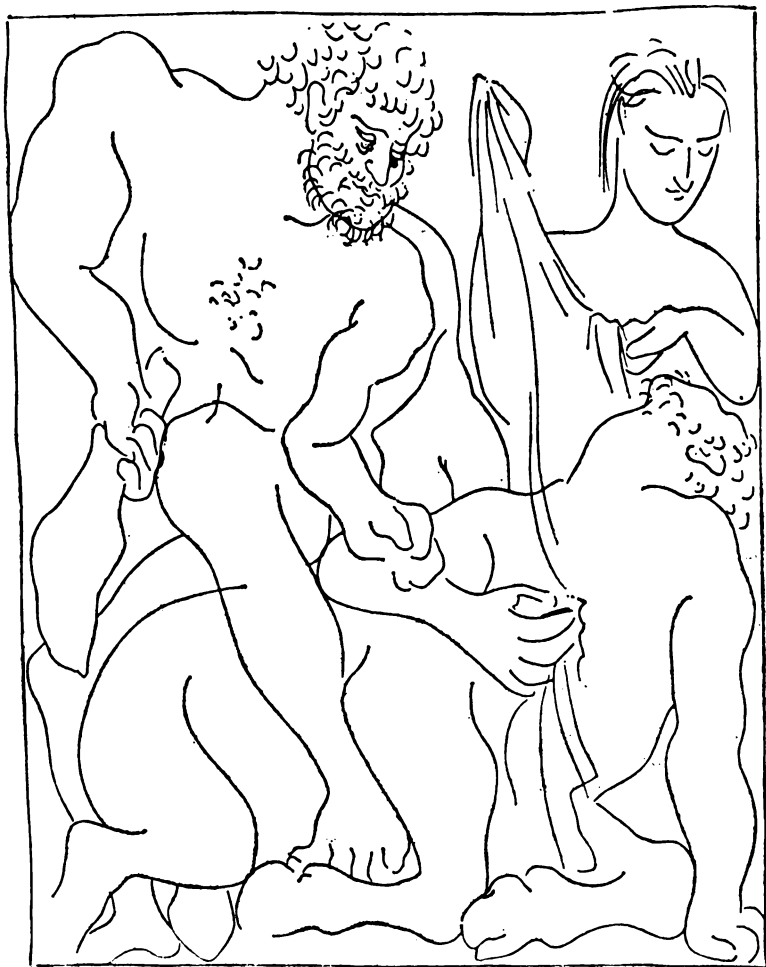
«В дереве я здесь живу, Церере любезная нимфа,
 Я предрекаю тебе, умирая: получишь возмездье
 Ты за деянья свои, за нашу ответишь погибель!»
 Но продолжает злодей; наконец от бесчисленных ударов
 775 Заколебавшись и вниз бечевами притянута, с шумом
 Дерево пало и лес широко придавило собою.
 Сестры Дриады, своим потрясенные горем — и горем
 Рожи священной, пошли и предстали в одеждах печали
 Перед Церерой толпой: покарать Эрисихтона молят.
 780 И согласилась она и, прекрасной кивнув головою,
 Злачные нивы земли сотрясла, отягченные хлебом.
 Мужа решила обречь на достойную жалости муку, —
 Если жалости он при деяньях достоин подобных:
 Голодом смертным томить. Но поскольку ко Гладной богине
 785 Не было доступа ей, ибо волею судеб не могут
 Голод с Церерой сойтись, обратилась она к Ореаде
 Сельской, одной из нагорных богинь, с такими словами:
 «Некое место лежит на окраине Скифии льдистой,
 790 Край безотрадный, земля, где нет ни плодов, ни деревьев;
 Холод коснеющий там обитает и Немочь и Ужас,
 Тощий там Голод живет. Войдет пусть Глада богиня
 В гнусную грудь святотатца; и пусть никакое обилье
 Не одолеет ее. Пусть даже меня превозможет.
 А чтоб тебя не страшил путь дальний, вот колесница,
 795 Вот и драконы тебе. Правь ими в высоком полете».
 Тотчас дала их. И вот, на Церериной мчась колеснице,
 В Скифию та прибыла. На мерзлой горе, на Кавказе
 Остановилась она и змей распрягла и сейчас же
 Глада богиню нашла на покрытом камнями поле, —
 800 Ногтем и зубом трудясь, рвала она скудные травы.
 Волос взъерошен, глаза провалились, лицо без кровинки,
 Белы от жажды уста, изъедены порчею зубы,
 Высохла кожа, под ней разглядеть всю внутренность можно.
 Кости у ней, истончась, выступали из лядвей скривленных.
 805 Был у нее не живот, а лишь место его, и отвисли
 Груды, — казалось, они к спинному хребту прикреплялись.
 От худобы у нее вылезали суставы узлами,
 Чашек коленных и пят желваки безобразно торчали.
 Издали видя ее, подойти не решаясь, однако,
 810 Передает ей богини слова; но лишь малость помедлив, —

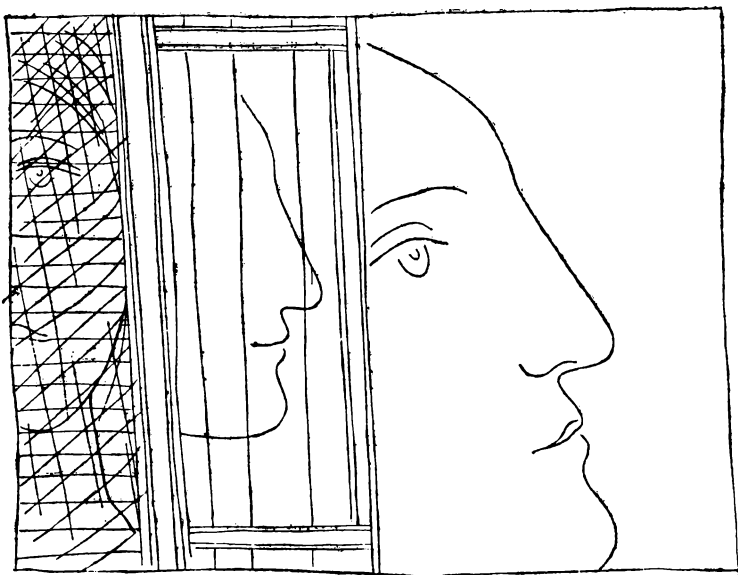
Хотя и была далеко, хоть едва лишь туда появилась, —
 Голод почуяла вдруг, — и гонит обратно драконов!
 В край Гемонийский спешит, в выси натянув свои вожжи.
 Глада богиня тотчас — хоть обычно она и враждебна
 815 Делу Цереры — спешит ее волю исполнить. Уж ветер
 К дому ее перенес Эрисихтона; вот к святотатцу
 В спальню богиня вошла и немедленно спящего крепко, —
 Ночью то было, — его обхватила своими руками;
 В недра вдохнула себя; наполняет дыханием горло,
 820 Рот и по жилам пустым разливает голода муку.
 Сделала дело свое и покинула мир изобильный
 И воротилась к себе, в дом скудный, к пещерам привычным.
 Сладостный сон между тем Эрисихтона нежил крылами
 Мягкими: тянется он к соблазнительно снящимся яствам,
 825 Тщетно работает ртом; изнуряет челюсть о челюсть,
 Мнимую пищу глотать обольщенной старается глоткой.
 Но не роскошную снедь, а лишь воздух пустой пожирает.
 Только лишь сон отошел, разгорается буйная алчность,
 В жадной гортани царит и в утробе, отныне бездонной.
 830 Тотчас всего, что земля производит, и море, и воздух,
 Требуется; блюда стоят, но на голод он сетует горько.
 Требуется яств среди яств. Чем целый возможно бы город,
 Целый народ напитать, — для него одного не довольно.
 Алчет все большего он, чем больше нутро наполняет.
 835 Морю подобно, что все принимает земные потоки,
 Не утоляясь водой, выпивает и дальние реки,
 Или, как жадный огонь постоянно питания алчет
 И без числа сожигает полен, и чем больше получит,
 Просит тем больше еще и становится все ненасытней, —
 840 Так нечестивого рот Эрисихтона множество разных
 Блюд принимает и требует вновь: в нем пища любая
 К новой лишь пище влечет. Он ест, но утроба пустует.
 Вот истощает уже, голодая пустою утробой,
 Средства отцовские. Ты лишь один, о безжалостный голод,
 845 Не притуплялся внутри; не смиренное пламя пылало
 В глотке его. Наконец все имущество кануло в чрево.
 Дочь оставалась одна, — не такой подобал ей родитель!
 Нищий, он продал и дочь. Но та господина отвергла,
 К морю она подошла и, простерши ладони, сказала:
 850 «У господина меня отними, о Ты, что похитил

Девства дары моего!» Нептун овладел ее девством.
И не отверг он мольбы: когда увидел ее шедший
Следом владелец ее, изменил ее бог, и в мужское
Деву обличье облек, и снаряды ей дал рыболова.
855 Видит ее господин, — «О ты, что крючочек из меди
Малой приманкой закрыл и следишь за удой, — говорит он, —
Море да будет всегда для тебя безмятежно и рыба
Вечно доверчива, пусть, заглотнув лишь, крючок твой почует!
860 Девушка в платье простым, что стояла, растрепана, рядом,
Здесь на морском берегу, — ибо видел я сам, что стояла, —
Где она, делась куда? Тут сразу следы пропадают».
Внятен ей дар божества, что ставят вопрос ей о ней же, —
Девушка рада душой и спросившему так отвечает:
«Кто бы ты ни был, скажу: ты ошибся; с волны я ни разу
865 Глаз не сводил, целиком своим был занят я делом.
Не сомневайся, поверь, — о, пусть мне подмогою будет
В этом искусстве Нептун! — за время, пока тут сижу я,
Не появлялся никто, и женщина здесь не стояла».
Он не поверить не мог и назад по песку удалился.
870 Так он, обманут, ушел; а к ней вид прежний вернулся.
Но, убедившись, что дочь принимает различные виды,
После отец продавал Триопéиду часто, — и дева
То кобылицей была, то оленем, коровой и птицей
И доставляла отцу беззаконное тем пропитанье.
875 После того, как алчба достойные все истощила,
Снова и снова еду доставляя лихому недугу,
Члены свои раздирать, зубами грызть Эрисíхтон
Начал: тело питал, убавляясь телом, — несчастный!
Что о других говорю? У меня самого же способность,
880 Юноши, тело мое изменять в ограниченной мере:
То я таков, как сейчас, иногда же в змею обращаюсь,
То вожаком перед стадом иду, и в рогах — моя сила.
Были когда-то рога... А теперь одного из оружий
Лоб мой, как видишь, лишен...» — и за речь послышались
вздохи.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

LIBER NONUS

Что за причина вздыхать и как рог обломился у бога,
Просит Нептунов герой рассказать; и Поток Калидонский,
Под тростниковый венок подобрав свои волосы, начал:
«Просьба твоя тяжела, ибо кто, побежденный, захочет
5 Битвы свои вспоминать? Расскажу по порядку, однако:
Меньше в моем пораженье стыда, чем в боренье — почета,
И победителем я столь великим утешен немало.
Может быть, издалека до тебя и дошло Деяниры
Имя; когда-то была она дивнопрекрасною девой,
10 Многих влюбленных в нее домогателей целью завидной.
С ними, ее испросить, в дом тестя явился я тоже.
«Зятем меня назови, — я сказал ему, — сын Парфаона!»
Так же сказал и Алкид. Остальные нам двум уступили.
Тот похвалялся, что даст им Юпитера в свекры, и славу
15 Подвигов трудных, и все, что по воле он мачехи вынес.
Я возражал, что позор, если бог человеку уступит, —
Богом он не был тогда: «Пред собою ты видишь владыку

Вод, что, наклонно катясь, по владеньям твоим протекают.
Нет, не из чуждых краев постояльцем зять тебе прислан,—
20 Буду я — свой человек и часть твоего достоянья.
Не повредило бы мне лишь одно, что царицей Юноной
Я не гоним, не несу никакой подневольной работы!
Ежели хвалишься ты, что Алкменой рожден, то Юпитер
Ложный родитель тебе, а коль подлинный,— значит, преступный.
25 Матери блудом себе приобрел ты отца: выбирай же,
Иль не Юпитер родитель тебе, иль рожден ты постыдно?»
На говорящего так он давно уже скошенным глазом
Смотрит, не в силах уже управлять распалившимся гневом,
И возражает в ответ: «Не язык, а рука — моя сила.
30 Лишь бы в борьбе одолеть,— побеждай в разговорах, пожалуй!»
Грозный ко мне подступил. После речи такой уж не мог я
Пятиться: тотчас с себя я зеленую сбросил одежду,
Выставил руки вперед и держал кулаки перед грудью,
Став в положение бойца, все члены к борьбе приготовил.
85 Пригоршню пыли набрав, меня он той пылью осыпал;
Тотчас и сам пожелтел, песком занесенный сыпучим.
То за зашеек меня, то за ноги проворные схватит,—
Правда, иль чудится так,— но со всех он сторон нападает.
Тяжесть моя защищала меня, он насккивал тщетно.
40 Так неподвижна скала, на которую с шумом великим
Приступом волны идут: стоит, обеспечена грузом.
Вот мы чуть-чуть отошли и уж снова сходимся биться.
Крепко стоим на земле, порешив не сдаваться. Прижались
Крепко ногою к ноге. Всей грудью вперед наклонившись,
45 Пальцами пальцы давлю и на лоб его лбом нажимаю.
Видел я, сходятся так два могучих быка, состязаясь,
Если награда борьбы, красавица первая паствы,
Самка кидает их в бой, а скотина глядит и страшится,
В недоумении, кто завоюет такую державу.
50 Трижды отбросить хотел от себя сын грозный Алкея
Грудь мою в этой борьбе. По четвертому разу объятий
Все ж он избег и сумел свои вызволить руки, отвел их;
Тут же он руку напруг,— это чистая правда! — и сразу
Перевернул меня вдруг и налег всей тяжестью сзади.
55 Верите ль, нет ли,— но я не стремлюсь неправдивым рассказом
Славу снискать! — почудилось мне, что горой я придавлен.
Еле я вытащить мог увлажненные потом обильным

Руки, едва разорвав вокруг груди тугое объятие.
Я задыхался, но он не позволил мне с силой собраться.
60 Шею мою захватил. Наконец, уж не мог я не тронуть
Землю коленом своим и песок закусил, побежденный.
Силой слабее его, прибегаю к своим ухищрениям
И ускользаю из рук, превратившись в длинного змея.
Но между тем как я полз, образуя извивы и кольца,
65 Страшно свистя и притом шевеля языком раздвоенным,
Захохотал лишь тиринфский герой на мои ухищрения,—
Молвив: «Змей укрощать,— то подвиг моей колыбели!
Если драконов других победить, Ахелой, ты и можешь,
Все ж не ничтожная ль часть ты, змей, Лернейской Ехидны?
70 Та размножалась от ран; из сотни голов ни единой
Было нельзя у нее безнаказанно срезать, чтоб тотчас,
Две обретя головы, ее выя не стала сильнее;
Отпрыски новых гадюк появлялись в погибели, убывь
Впрок ей была, я ее одолел и пленил, одолевши.
75 Кто же ты после того,— змеей обернувшийся лживо,
Воин с оружием чужим, облищем прикрытый заёмным?»
Так он сказал; и схватил, как узлом, меня сверху за горло
Пальцами. Дух занялся, был я сдавлен словно клещами:
Освободить лишь гортань я большими перстами пытался.
80 После того, побежденному, мне оставался лишь третий
Образ — быка; и, в быка обратясь, вновь в битву ступаю.
С левой тогда стороны он на шею закинул мне руки,
Тащит меня за собой,— побежавшего было,— крутые
В землю вставляет рога и меня на песок простирает.
85 Мало того: беспощадной рукой он ломает мой крепкий
Рог, захваченный им, и срывает, чело искажая.
Нимфы плодами мой рог и цветами душистыми полнят
И освящают,— и он превращается в Рог изобилия»,—
Молвил. Наяда тогда, подбравшись, подобно Диане,—
90 Из услужавших одна,— с волосами, упавшими вольно,
Входит, с собою неся в том самом роскошнейшем роге
Целую осень — плодов урожай в завершение пира.

Лишь рассвело и едва по вершинам ударило солнце,
Юноши, встав, разошлись; дожидаться не стали, чтоб волны
95 Снова покой обрели и текли безмятежно, чтоб воды
Бурные вновь улеглись. Ахелой же свой лик деревенский,

Свой обездоленный лоб — в глубокую спрятал пучину.
 Но не вредила ему украшенья былого утрата.
 Рог был другой невредим. К тому же ветловой листвою
 100 Мог он позор головы прикрывать иль венком камышовым.
 Но для тебя, Несс лютый, любовь к той деве причиной
 Гибели стала,— ты пал, пронзенный крылатой стрелой.
 Древле Юпитера сын, с молодой возвращаясь супругой
 К отчим стенам, подошел к стремительным водам Эвена;
 105 Больше обычного вздут был поток непогодю зимней,
 В водоворотах был весь, прервалась по нему переправа.
 Неустрашим за себя, за супругу Геракл опасался.
 Тут подошел к нему Несс — и могучий, и знающий броды.
 «Пусть, доверившись мне,— говорит,— на брег супротивный
 110 Ступит она, о Алкид! Ты же — сильный — вплавь переправься».
 Бледную, перед рекой и кентавром дрожавшую в страхе,
 Взял калидонку герой-аониец и передал Нессу.
 Сам же,— как был, отягчен колчаном и шкурою львиной,—
 Палицу, также и лук, на берег другой перекинул,—
 115 «Раз уж пустился я вплавь,— одолею течение!» — молвил.
 Смело поплыл; где тише места на реке, и не спросит!
 Даже не хочет, плывя, забирать по теченью потока.
 Только он берега достиг и лук переброшенный поднял,
 Как услышал вдруг голос жены и увидел, что с ношей
 120 Хочет кентавр ускользнуть. «На ноги падеясь напрасно,
 Мчишься ты, дерзкий, куда? — воскликнул он.— Несс
 двоевидный,
 Слушай, тебе говорю,— себе не присваивай наше!
 Если ты вовсе ко мне не питаешь почтения, припомнить
 Мог бы отца колесо и любви избегать запрещенной.
 125 Но от меня не уйдешь, хоть на конскую мощь положился.
 Раной настигну тебя, не ногами!» Последнее слово
 Действием он подтвердил: пронзил убежавшего спину
 Острой вдогонку стрелой,— и конец ее вышел из груди.
 Только он вырвал стрелу, как кровь из обоих отверстий
 130 Хлынула, с ядом смешаась смертоносным желчи лернейской.
 Несс же ту кровь подобрал: «Нет, я не умру неотмщенным!» —
 Проговорил про себя и залитую кровью одежду
 Отдал добыче своей,— как любовного приговорот чувства.
 Времени много прошло, и великого слава Геракла
 135 Землю наполнила всю и насытила мачехи злобу.

Помня обет, Эхалию взяв, победитель собрался
 Жертвы Кенейскому жечь Юпитеру. Вскоре донесся
 Слух, Деянира, к тебе — молва говорливая рада
 К истине ложь примешать и от собственной лжи вырастает,—
 140 Слышит и верит жена, что Амфитрионида пленила
 Дева Иола вдали. Потрясенная новой изменой,
 Плакать сперва начала; растопила несчастная муку
 Горькой слезой; но потом,— «Зачем я, однако,— сказала,—
 Плачу? Слезы мои лишь усладой сопернице будут.
 145 Скоро прибудет она: мне что-нибудь надо придумать
 Спешно, чтоб ложем моим завладеть не успела другая.
 Плакать ли мне иль молчать? В Калидон ли вернуться,
 остаться ль?
 Бросить ли дом? Иль противиться, средств иных не имея?
 Что, если я, Мелеагр, не забыв, что твоею сestroю
 150 Я рождена, преступленье свершу и соперницы смертью
 Всем докажу, какова оскорбленной женщины сила!»
 В разные стороны мысль ее мечется! Все же решение
 Принято: мужу послать напоенную Нессовой кровью
 Тунику, чтобы вернуть вновь силу любви ослабевшей.
 155 Лихасу дар, неизвестный ему, снести поручает,—
 Будущих бедствий залог! Несчастная ласково просит
 Мужу его передать. Герой принимает, не зная;
 Вот уж он плечи облек тем ядом Лернейской Ехидны.
 Первый огонь разведя и с мольбой фимиам воскуряя,
 160 Сам он из чаши вино возливал на мрамор алтарный.
 Яд разогрелся и вот, растворившись от жара, широко
 В тело Геракла проник и по всем его членам разлился.
 Сколько он мог, подавлял привычным мужеством стоны,—
 Боль победила его наконец, и алтарь оттолкнул он
 165 И восклицаньями всю оглашает дубравную Эту.
 Медлить нельзя: разорвать смертоносную тщится рубаху,
 Но, отдираясь сама, отдирает и кожу. Противно
 Молвить! То к телу она прилипает — сорвать невозможно! —
 Или же мяса клоки обнажает и мощные кости.
 170 Словно железо, когда погрузишь раскаленное в воду,
 Кровь у страдальца шипит и вскипает от ярого яда.
 Меры страданию нет. Вся грудь пожирается жадным
 Пламенем. С тела всего кровяная испарина льется.
 Жилы, сгорая, трещат. И, почувствовав, что разъедает

175 Тайное тленье нутро, простер к небесам он ладони.
«Гибелью нашей,— вскричал,— утоляйся, Сатурния, ныне!
О, утоляйся! С небес, о жестокая, мукой любуйся!
Зверское сердце насыть! Но если меня пожалел бы
Даже и враг,— ибо враг я тебе,— удрученную пыткой
180 Горькую душу мою, для трудов порожденную, вырви!
Смерть мне будет — как дар, и для мачехи — дар подходящий!
Некогда храмы богов сквернившего путников кровью,
Я Бузирида смирил; у Антея свирепого отнял
Я материнскую мощь; не смутил меня пастырь иберский
185 Тройственным видом, ни ты своим тройственным видом,
о Цербер!

Руки мои, вы ль рогов не пригнули могучего тура?
Ведомы ваши дела и Элиде, и водам Стимфалы,
И Партенийским лесам. Был доблестью вашей похищен
Воинский пояс с резьбой, фермодонтского золота; вами
190 Взятые плоды Гесперид, береженные худо Драконом.
Противостать не могли мне кентавры, не мог разоритель
Горной Аркадии — вепрь, проку в том не было Гидре,
Что от ударов росла, что мощь обретала двойную.
Разве фракийских коней, человечесьей насыщенных кровью,
195 Я, подойдя, не узрел у наполненных трупами яслей,
Не разметал их, узрев, не пленил и коней и владельца?
В этих задохшихся руках, и Немейская пала громада.
Выей держал небеса. Утомилась давать приказанья
В гнев Юнона; лишь я утомленья не знаю в деяньях!
200 Новая ныне напасть,— одолеть ее доблесть бессильна,
Слабы копье и броня; в глубине уж по легким блуждает,
Плоть разъедаая, огонь и по всем разливается членам.
Счастлив меж тем Эврисфей! И есть же, которые верят,
В существованье богов!» — сказал, и по́верху Эты
205 Вот уже шествует он, как тур, за собою влачащий
В тело вонзившийся дрот,— а метавший спасается бегством.
Ты увидел бы его то стенающим, то разъяренным,
Или стремящимся вновь изорвать всю в клочья одежду,
Или валяющим стволы, иль исполненным гнева на горы,
210 Или же руки свои простирающим к отчему небу.
Лихаса он увидел трепетавшего, рядом в пещере
Скрытого. Мука в тот миг все неистовство в нем пробудила.
«Лихас, не ты ли,— вскричал,— мне передал дар погребальный?

Смерти не ты ли виновник моей?» — а тот испугался,
215 Бледный, дрожит и слова извинения молвит смиренно.
Вот уж хотел он колена обнять, но схватил его тут же
Гневный Алкид и сильней, чем баллистой, и три и четыре
Раза крутил над собой и забросил в Эвбейские воды.
Между небес и земли отвердел он в воздушном пространстве,—
220 Так дожди — говорят — под холодным сгущаются ветром,
И образуется снег, сжимается он от вращения
Плавного, и, округлясь, превращаются в градины хлопья.
Так вот и он: в пустоту исполинскими брошен руками,
Белым от ужаса стал, вся влажность из тела исчезла,
225 И — по преданью веков — превратился в утес он бездушный.
Ныне еще из Эвбейских пучин выступает высоко
Стройной скалой и как будто хранит человеческий облик.
Как за живого — задеть за него опасается кормщик,—
Лихасом так и зовут. Ты же, сын Юпитера славный,
230 Древ наломав, что на Эте крутой взрасли, воздвигаешь
Сам погребальный костер, а лук и в уместом туле
Стрелы, которым опять увидеть Илион предстояло,
Сыну Пеанта дасшь. Как только подбросил помощник
Пищи огню и костер уже весь запылал, на вершину
235 Груды древесной ты сам немедля немейскую пскуру
Стелешь; на палицу лег головой и на шкуре простерся.
Был же ты ликом таков, как будто возлег и пируешь
Между наполненных чаш, венками цветов разукрашен!
Стало сильней между тем и по всем сторонам зашумело
240 Пламя, уже подошло к его телу спокойному, он же
Силу огня презирал. Устрашились тут боги, что гибнет
Освободитель земли; и Юпитер с сияющим ликом
Так обратился к богам: «Ваш страх — для меня утешенье,
О небожители! Днесь восхвалять себя не устану,
245 Что благородного я и отец и правитель народа,
Что обеспечен мой сын благосклонностью также и вашей.
Хоть воздасте ему по его непомерным деяньям,
Сам я, однако, в долгу. Но пусть перестанут бояться
Верные ваши сердца: презрите этейское пламя!
250 Все победив, победит он огонь, созерцаемый вами.
Частью одной, что от матери в нем, он почувствует силу
Пламени. Что ж от меня — вековечно, то власти не знает
Смерти, и ей непричастно, огнем никаким не смиримо.

Ныне его, лишь умрет, восприму я в пределах небесных
И уповаю: богам всем будет подобный поступок
По сердцу. Если же кто огорчится, пожалуй, что богом
Станет Геракл, то и те, хоть его награждать не желали б,
Зная заслуги его, поневоле со мной согласятся».
Боги одобрили речь, и супруга державная даже
Не омрачилась лицом, — омрачилась она, лишь услышав
Самый конец его слов, и на мужнин намек осердилась.
А между тем что могло обратиться под пламенем в пепел,
Мультибер все отрешил, и обличье Гераклово стало
Неузнаваемо. В нем ничего материнского боле
Не оставалось. Черты Юпитера в нем сохранились.
Так змея, обновясь, вместе с кожей сбросив и старость,
В полной являсь красоте, чешуей молодою сверкает.
Только тиринфский герой отрешился от смертного тела,
Лучшею частью своей расцвел, стал ростом казаться
Выше и страх возбуждать величием и важностью новой.
И всемогущий отец в колеснице четверкой восхитил
Сына среди облаков и вместил меж лучистых созвездий.
Тяжесть почуял Атлант. И тогда Эврисфея, однако,
Все еще гнев не утих. Он, отца ненавидя, потомство,
Лютый, преследовать стал. С аргонидской Алкменой,
печальной

Вечно, Иола была, и лишь ей поверяла старуха
Жалобы или рассказ о всесветно известных деяньях
Сына и беды свои. А с Иолой, веленьем Геракла,
Юноша Гилл разделял и любовное ложе и душу;
Ей благородным плодом он наполнил утробу. Алкмена
Так обратилась к ней: «Да хранят тебя боги всечасно!
Пусть они срок сократят неизбежный, когда ты, созревши,
Будешь Илйфию звать, — попечение робких родильниц, —
Что не хотела помочь мне по милости гневной Юноны.
День приближался, на свет нарождался Геракл, совершитель
Подвигов, солнце меж тем до десятого знака достигло.
Тяжесть чрево мое напрягла, и плод мой созревший
Столь оказался велик, что в виновнике скрытого груза
Всякий Юпитера мог угадать. Выносить свои муки
Долее я не могла. И ныне от ужаса тело
Все холодеет, когда говорю; лишь вспомню, — страдаю.
Семь я терзалась ночей, дней столько же, и утомилась

От нескончаемых мук, и к небу простерла я руки,
С громким криком звала я Луцину и Никсов двойничных.
295 И появилась она, но настроена гневом Юоны
Злобной, готовая ей принести мою голову в жертву.
Только лишь стоны мои услышала, на жертвенник села
Возле дверей и, колено одно положив на другое,
Между собою персты сплетя наподобие гребня,
300 Мне не давала родить. Заклинания тихо шептала,
Ими мешала она завершиться начавшимся родам.
Силюсь, в безумье хулой Олимпийца напрасно порочу
Неблагодарного. Смерть призываю. Могла бы и камни
Жалобой сдвинуть! Со мной пребывают кадмейские жены,
305 К небу возносят мольбы, утешают болящую словом.
Тут Галантида была, из простого народа, служанка,
Златоволосая, все исполнять приказанья проворна,
Первая в службе своей. Почудилось ей, что Юона
Гневная что-то творит. Выходя и входя постоянно
310 В двери, она и алтарь, и воссевшую видит богиню, —
Как на коленях персты меж собою сплетенные держит.
«Кто б ни была ты, поздравь госпожу! — говорит, —
разрешилась
И родила наконец, — совершилось желанье Алкмены».
Та привскочила, и вдруг развела в изумленье руками
315 Родов богиня, — и я облегчилась, лишь узел расторгся.
Тут, обманув божество, хохотать начала Галантида.
Но хохотавшую вмиг схватила в гневe богиня
За волосы, не дала ей с земли приподняться и руки
В первую очередь ей превратила в звериные лапы.
320 Так же проворна она, как и прежде, и не изменила
Цвета спина. В остальном же от прежнего облик отличен.
Так как, устами солгав, помогла роженице, — устами
Ныне родит; и у нас, как прежде, в домах обитает».
Молвила так и, былую слугу вспомянув, застонала,
325 Тронута; на ухо ей, застонавшей, невестка шепнула:

«Тем ли растрогана ты, что утратила облик служанка,
Чуждая крови твоей. Что, если тебе расскажу я
Дивную участь сестры? — хоть и слезы и горе мешают
И не дают говорить. Единой у матери дочкой —
330 Я от другой рождена — и красую в Эхалии первой

Наша Дриопа была. Она ранее девства лишилась,
Бога насилье познав, в чьей власти и Дельфы и Делос.
Взял же ее Андремон — и счастливым считался супругом.
Озеро есть. Берега у него опускаются словно
335 Берег пологий морской и увенчаны по верху миртой.
Как-то к нему подошла, его судеб не зная, Дриопа.
И возмутительней то, что венки принесла она нимфам!
Мальчика, — сладостный груз! — еще не достигшего года,
Нежно несла на руках, молоком его теплым питая.
340 Недалеко от воды, подражая тирийской окраске,
Лотос там рос водяной, в уповании ягод расцветший.
Стала Дриопа цветы обрывать и совать их младенцу,
Чтоб позабавить его; собиралась сделать я то же, —
Ибо с сестрою была, — но увидела вдруг: упадают
345 Капельки крови с цветов и колеблются трепетно ветки.
Тут, наконец, — опоздав, — нам сказали селяне, что нимфа
Именем Лотос, стыда избегая с Приапом, когда-то
С деревом лик измененный слила, — сохранилось лишь имя,
Было неведомо то для сестры. Устрашенная, хочет
350 Выйти обратно и, нимф приношеньем почтив, удалиться, —
Ноги корнями вросли; их силой пытается вырвать,
Может лишь верхнюю часть шевельнуть; растущая снизу,
Мягкие члены ее постепенно кора облекает.
Это увидев, она попыталась волосы дернуть, —
355 Листья наполнили горсть: голова покрывалась листвою.
А малолетний Амфис — ибо имя от Эврита деда
Он унаследовал — вдруг ощущает, что грудь затвердела
Матери, что молоко не струится в сосущие губы.
Я же, как зритель, была при жестоком событии, не в силах
360 Быть тебе в помощь, сестра! Лишь сколько могла, превращенье
Тшила я задержать, и ствол обнимая и ветви.
Я бы желала, клянусь, под тою же скрыться корою!
Вот подошли и супруг Андремон, и родитель несчастный, —
Оба Дриопу зовут. Зовущим Дриопу на Лотос
365 Я указала. Они неостывшие члены целуют,
Оба, к родным приникая корням, оторваться не могут.
Стало уж деревом все, ты одно лишь лицо сохраняла,
О дорогая сестра! И на свежие листья, на место
Бедного тела ее, — льет слезы; пока еще можно
370 И пропускают уста, как жалобно молит в пространство:

«Ежели верите вы несчастливцам, клянуся богами,
Не заслужила я мук. Терплю, неповинная, кару.
Чистой я жизнью жила. Пусть, если лгу, я засохну,
Всю потеряю листву и, срублена, пусть запыхаю.
375 Но уж пора, отнимите дитя от ветвей материнских,
Дайте кормилице. Пусть — вы о том позаботьтесь! — почаще
Здесь он сосет молоко и играет под тенью моею.
А как начнет говорить, — чтоб матери он поклонился,
С грустью промолвил бы: «Мать укрывается в дереве этом».
380 Пусть лишь боится озер и цветов не срывает с деревьев,
Да и кустарники все пусть плотью богов почитает.
Милый супруг мой, прости! Ты, родная сестра, ты, отец мой!
Если живет в вас любовь, молю: от укусов скотины
И от ранений серпа вы листву защитите родную!
385 Так как мне не дано до вас наклониться, то сами
Вы протянитесь ко мне и к моим поцелуям приблизьтесь.
Можно еще прикоснуться ко мне, поднесите сыночка!
Больше сказать не могу; уже мягкой древесной корою
Белая кроется грудь, — теряюсь в зеленой вершине.
390 Руки от глаз отведите моих: и без вашей заботы
Этой растущей корой, умирая, затянутся очи».
Одновременно уста говорить и быть перестали.
Ветви же долго еще превращенной тепло сохраняли».

Так о печальных делах повествует Иола. Свекровь же,
395 Пальцем большим вытирая с лица Эвритиды потоки
Слез, льет слезы сама. Но утешило все их печали
Новое диво: стоит в глубине на пороге пред ними
Чуть ли не мальчик, с лицом, на котором лишь пух незаметный,
Прежние годы свои обрета, Иолай превращенный.
400 Так одарила его от Юноны рожденная Геба,
К просьбам супруга склоняясь, и готовилась было поклясться,
Что никому уж не даст перемены подобной. Фемида
Не потерпела того и сказала: «Усобицы в Фивах
Уж возбуждают войну. Капаней же Юпитером только
405 Будет в борьбе побежден. Убьют два брата друг друга.
Лоно разверзнет земля, и живым прорицатель увидит
Душу в Аиде свою. За отца отомстит материнской
Кровью сын и, убив, благочестным преступником станет;
Но, уstraшенный грехом, рассудка лишившись и дома,

410 Будет гоним Эвменидами он и матери тенью,
Злата доколь у него рокового не спросит супруга
И не пронзит ему бок меч родственный в длани фегейской.
И наконец, Ахелоева дочь Каллироя попросит
У Громовержца, чтоб он ее детям года приумножил
415 И не оставил притом неотмщенной мстителя смерти.
Просьбами тронутый бог дар падчерице и невестке
Ранее срока пошлет и в мужей превратит — малолетних».
Лишь провели уста провидицы судеб грядущих
Девы Фемиды, тотчас зашумели Всевышние разом,
420 Ропот пошел, почему у других нет прав на такую
Милость — и вот на года престарелого сетует мужа
Паллантиада; что сед Ясион — благая Церера
Сетует также; Вулкан — тот требует, чтоб обновился
И Эрихтония век. О грядущем заботясь, Венера
425 Хочет вступить в договор, чтоб лета обновились Анхиза.
Нежной заботы предмет есть у каждого бога. Мятежный
Шум от усердия растет. Но разверз уста Громовержец
И произнес: «О, ежели к нам в вас есть уважение, —
Что поднялись? Иль себя вы настолько могучими мните,
430 Чтобы и Рок превзойти? Иолай в свои прежние годы
Был возвращен. Каллирой сынам по велению судеб
В юношей должно созреть: тут ни сила, ни спесь не решают.
Все это надо сносить спокойней: правят и вами
Судьбы, и мной. О, когда б я силу имел изменять их,
435 Поздние годы тогда моего не согнули б Эака,
Переживал бы всегда Радамант свой возраст цветущий,
Также мой милый Минос. А к нему возбуждает презренье
Старости горестный груз, и не так уж он правит, как прежде».
Тронул Юпитер богов. Ни один не посетовал боле,
440 Раз увидав, что Эак с Радамантом своим долголетьем
Удручены, и Минос, кто, бывало, в цветущие лета,
Именем страх наводя, грозой был великих народов,
Ныне же немощен стал. Дионина сына Милета,
Гордого силой своей молодой и родителем Фебом,
445 Старый страшился. Боясь, что его завоюет он царство,
Юношу все ж удалить от родных не решался пенатов.
Но добровольно, Милет, бежишь ты и судном взрезаешь
Быстрым Эгейскую ширь, и в Азийской земле отдаленной
Стены кладешь: тот град получил основателя имя.

450 Там-то Меандрова дочь, по извилине берега блуждая
Возле потока-отца, что течет и туда и обратно,
Стала женою тебе, — Кианея, прекрасная телом.
Двойной потом для тебя родила она: Библиду с Кавном.
455 Библиды участь — урок: пусть любят законные девы!
Библида стала пылать вожделем к брату — потомку
Феба. Его не как брата сестра, не как должно, любила.
Не понимает сама, где страстного чувства источник;
В помыслах нет, что грешит, поцелуи с ним часто сливая
Или объятьем своим обвиваючи братнину шею.
460 Долго вводило ее в заблуждение ложное чувство.
Мало-помалу оно переходит в любовь: чтобы видеть
Брата, себя убирает она, казаться красивой
Хочет и всем, кто краше ее, завидует тайно.
Все же сама не постижна себе; никакого желанья
465 Не вызывает огонь; меж тем нутро в ней пылает.
Брата зовет «господин», — обращенье родства ей постыло, —
Предпочитает, чтоб он ее Библидой звал, не сестрою.
Бодрствуя, все же питать упований бесстыдных не смеет
В пылкой душе. Но когда забывается сном безмятежным,
470 Часто ей снится любовь; сливаются будто бы с братом
Плотски, — краснеет тогда, хоть и в сон погруженная крепкий.
Сон отлетает; молчит она долго, в уме повторяя
Зрелище сна, наконец со смущенной душой произносит:
«Горе! Что значит оно, сновидение ночи безмолвной?»
475 Лишь бы оно не сбылось! И зачем мне подобное снится?
Он ведь собою красив и для взора враждебного даже,
Как я любила б его, не родись мы сестрою и братом.
Он ведь достоин меня; быть истинно плохо сестрою!
Только бы я наяву совершить не пыталась такого!
480 Все ж почаще бы сон возвращался с видением тем же!
Нет свидетеля сну, но есть в нем подобье блаженства!
Ты, о Венера, и ты, сын резвый матери нежной!
Как наслаждалась я! Как упоеньем несдержанным сердце
Переполюсь! О, как на постели я вся изомлела!
485 Как вспоминать хорошо! Но было недолгим блаженство, —
Ночь поспешила уйти, ей мечты мои были завидны.
Если бы, имя сменив, я могла съединиться с тобою,
Я бы отцу твоему, о Кавн, называлась невесткой,
Ты же отцу моему, о Кавн, назывался бы зятем!

490 Если бы было у нас от богов все общее, кроме
Предков! Хотелось бы мне, чтоб был ты меня родовитей!
Матерью кто от тебя, ненаглядный, станет, не знаю.
Мне же, на горе себе от родителей тех же рожденной,
Братом останешься ты — одна для обоих преграда.
495 Что же виденья мои для меня означают? Какая
Сила, однако, во снах? Иль силою сны обладают?
Лучше богам! Не раз любили сестер своих боги:
Опию выбрал Сатурн, с ней связанный кровно, с Тетидой
В брак вступил Океан, с Юноной — властитель Олимпа.
500 Свой у Всевышних закон: для чего же приравнивать нравы
Неба к нравам людей, на чужие ссылаться союзы?
Иль у меня из груди запретное пламя исчезнет,
Или, — когда не смогу, — пусть раньше умру, и на ложе
Мертвую сложат меня, и целует пусть мертвую брат мой!
505 Все же, чтоб это свершить, согласие потребно обоих.
Пусть это по сердцу мне, — преступлением покажется брату!
А ведь Эола сыны не боялись сестрина ложа!
Знаю откуда про них? Зачем их в пример привела я?
Что́ я, куда меня мчит? Прочь, прочь, бесстыдное пламя!
510 Буду я брата любить подобающей сестрам любовью.
Если б, однако же, он был первый любовью охвачен,
Может быть, к страсти его снисходительна я оказалась.
Или сама, в чем просьбе его отказать не могла бы,
Стану просить? И могла б ты сказать? И могла бы признаться?
515 Нудит любовь. Смогу. А если уста мои свяжет
Стыд, пусть скрытый огонь потаенные строки объявят».
Так решено; эта мысль победила души колебанья.
Приподнялась на боку и, на левую руку опершись,
Молвила: «Сам он увидит, я пыл безумный открою.
520 Горе! Что я творю? О, какую пылаю любовью?»
Вот уж обдуманых слов ряд чертит рукою дрожащей,
Правою держит стилет, а левой — пустую дощечку;
Только начнет — прервет; вновь пишет — и воск проклинает;
Что начертала — сотрет; отвергает, меняет, приемлет,
525 Только дощечки взяла — бросает, а бросив — берет их.
Хочет чего — не поймет; что́ сделать решила, то снова
Кажется худо; в лице со стыдливостью смешана смелость.
Вот написала «сестра» — и решила «сестра» уничтожить,
И переглаженный воск покрывает такими словами:

530 «Это письмо, лишь с тобой иль ни с кем не надеясь на счастье,
Пишет влюбленная. Стыд, ах, стыд назвать ее имя!
Если стремленья мои ты желаешь узнать, — я хотела б,
Имя свое не открыв, достичь, чтоб не раньше узналась
Библida, нежел сама в пожеланьях уверена станет.

535 Может свидетельством быть для тебя моей раны сердечной —
Бледность лица, худоба, выражение, влажные вечно
Веки, из груди моей беспричинно встающие вздохи,
Или объятья мои слишком частые, иль поцелуи,
Что далеко, как ты сам замечал, не сестрины были.

540 Я и сама, хоть душа страдала от раны тяжелой,
Хоть и пылало огнем нутро мое, всячески тщила, —
Боги свидетели мне! — избавить себя от безумья.
Долго вела я борьбу, избежать порываясь оружия
Мощного страсти. Сносить мне пришлось страданья сильнее,

545 Нежели деве терпеть подобает. Должна я признаться:
Побеждена я, тебя умоляю о помощи робко.
Ныне один ты спасти и сгубить полюбившую можешь.
Выбери, что совершить. Об этом не враг умоляет,
Но человек, что к тебе уже крепко привязан, но крепче

550 Жаждет связаться с тобой и плотнее узлом затянуться.
Долг соблюдать — старикам; что дозволено, что незаконно
Или законно, пускай вопрошают, права разбирая, —
Дерзкая нашим годам подобает Венера. Нам рано
Знать, что можно, что нет, готовы мы верить, что можно

555 Все, — и великих богов мы следуем в этом примеру.
Нет, ни суровость отца, ни почтение к толку людскому
Нас не удержит, ни страх. Так нечего нам и страшиться!
Сладостный сердцу обман прикроем с тобой именами
«Брат» и «сестра». Я могу говорить потихоньку с тобою.

560 Мы обниматься вольны, мы целуем друг друга открыто.
Недостает нам чего? Над признанием сжался любовным!
Не излилось бы оно, но понудил огонь нестерпимый.
Пусть на могиле моей не означат, что ты ей виновник».
Все исчертила рука, не оставил ей больше простору

565 Воск: на самом краю примостила последняя строчка.
Вот преступленья свои скрепляет печатью, слезами
Камень резной намочив: не влажен язык пересохший.
Вот из рабов одного позвала, застыдившись, и в страхе
Ласково молвила: «На! Отнеси это — верный из верных —

570 Ты моему...— потом, после долгого времени,— брату...»
Передавая, из рук уронила дощечки. Приметой
Дева была смущена... Удобную выбрав минуту,
К Кавну слуга подошел и слова потаенные отдал.
Сразу же гнев охватил молодого Меандрова внука.

575 Часть лишь посланья прочтя, от себя он отбросил дощечки
И, удержавши едва над слугою трепещущим руки,
Молвит: «Скорей, о любви недозволенной вестник негодный,
Прочь убегай! Если б гибель твоя не влекла за собою
Также стыда моего, ты сейчас поплатился бы смертью!»

580 В страхе слуга убежал. Слова те жестокие Кавна
Передает госпоже. И, отвергнута, ты побледнела,
Библида! В ужасе грудь сковал ей холод ледяный.
Чувства вернулись к ней, и с ними вернулось безумство,—
И через силу уста так в воздух пустой восклицают:

585 «И поделом! О, зачем показала я в дерзости праздной
Рану мою? Для чего то признание, которое должно
Было таить, я, увы, поручила дощечкам поспешным?
Надо мне было вперед души его выведать тайны
Речью окольной! Затем, чтобы мне не носиться по ветру,

590 Часть парусов развернув, испытать дуновенье сначала
Надобно было — и плыть проверенным морем; теперь же
Я парусов напярнула полотно неизведанным ветром,
И на утесы несет мой корабль; потону — и нахлынет
Весь на меня Океан, моему не вернуться ветрилу!

595 Что же? Иль ясные мне не вещали приметы — преступной
Не предаваться любви,— недаром письмо при посылке
Я уронила и с ним мои уронила надежды?
Что бы число изменить, или даже письма содержание?
Все-таки лучше число... Сам бог советовал, ясно

600 Сам указанья давал,— да только была я безумна!
Должно мне было самой говорить, а не воску верить,
Надо мне было пред ним обнаружить безумие страсти.
Слезы увидел бы он; лицо бы увидел влюбленной.
Больше могла б я сказать, чем эти вместили таблички!

605 Против желанья его я могла бы обвить ему шею,
Милые ноги обнять и о жизни молить, припадая.
Если б отверг он меня, увидал бы, что я умираю.
Предприняла бы я все; и когда бы одно не смягчило
Жесткую душу его,— могло бы все вместе. Отчасти,

610 Может быть, в том виноват и посыльный-слуга. Подошел он,
 Верно, некстати, избрал неудачное время. Не выждал
 Мига, когда у того и досуг был, и мысли свободны.
 Это сгубило меня. Он, однако, рожден не тигрицей!
 615 И не алмазы в груди; молоком он вскормлен не лвыцы!
 Будет он все ж побежден; повторю нападение; досада
 Не остановит меня ничем до последнего вздоха.
 Если бы можно назад воротить совершенное, — лучше
 Было бы не начинать, — но начатое должно докончить!
 620 Так, но не может же он, если б я отложила признанья,
 Не вспоминать постоянно о том, что я сделать решилась.
 Если я буду молчать, он подумает: то увлечение
 Легкое; боле того — что его искушаю коварством.
 Будет он думать, что я покорилась не богу, который
 625 Сильно так жег и сжигает мне грудь, — но влечению плоти.
 Все, наконец, мне равно: несказанное я совершила.
 Я написала ему, молила, греха я желала.
 Это одно совершив, не могу я назваться невинной.
 Действуя дальше, любовь я спасу, а вины не прибавлю», —
 630 Молвила. И до того в ней расстроен смущенный рассудок! —
 Жаждет опять испытать, что ее же сразило. Не знает
 Меры, несчастная; вновь подвергает себя униженью...
 Делу не видя конца, он бежал от греха, он покинул
 Родину и основал град новый в земле чуждастей.
 635 Скорбью томима, тогда Милетида лишилась и вовсе
 Разума, как говорят. Тогда сорвала она платье
 С груди и стала в нее ударять в иступленном безумье.
 И откровенно, в бреду, признается при всех, что надежды
 Не совершились любви. Родимый свой край и пенатов
 640 Бросив постылых, идет по следам убежавшего брата.
 Как, потрясая свой тирс, о потомок Семелы, по чину
 Раз в три года тебя исмарийские славят вакханки, —
 Так на просторных полях завывавшую Библиду жены
 Зрели бубасские. Их же оставив, она у карийцев
 645 И у лелегов была ратоборных, и в Ликий то же.
 Вот уж оставила Крак, и Лимиру, и Ксанфовы воды,
 Также хребет, где Химера жила, извергавшая пламя
 Из глубины, — с змеиным хвостом и с лвиною пастью.
 Вот уже нет и лесов, — блужданьем своим утомившись,

650 Библида, падаешь ты головой на твердую землю
И неподвижно лежишь, лицом в облетевшие листья.
Нимфы лелегов не раз приподнять ее в нежных объятьях
Тщетно пытались, не раз с уговорами к ней подступали,
Чтобы умерила страсть; утешали ей душу глухую.
655 Молча лежит, запустив свои ногти в зеленые травы,
Библида и мураву потоками слез орошает.
Создали нимфы из слез — по преданью — струю водяную
Неиссякаемую. Что дать могли они больше?
Вскоре, подобно смоле, что из свежего каплет надреза,
660 Или как липкий битум, что из тучной земли истекает,
Иль как вода, что весной, под дыханием первым Фавона
Ставшая твердой от стуж, размягчается снова на солнце,—
Так же, слезой изойдя, и несчастная Фебова внучка,
Библида, стала ручьем, сохраняющим в этих долинах
665 Имя своей госпожи и текущим под иликом черным.

Критских сто городов, быть может, наполнила б слава
О превращении том, когда бы недавнее чудо —
Ифис, сменившая вид,— как раз не случилось на Крите.
Феста земля, что лежит недалеко от Кносского царства,
670 Некогда произвела никому не известного Лигда,
Был из простых он людей, отличался богатством не боле,
Чем благородством. Зато незапятнаны были у Лигда
И благочестье и жизнь. К супруге он, бремя носившей,
Так обратился, когда уж родить подходили ей сроки:
675 «Два пожеланья тебе: страдать поменьше и сына
Мне подарить: тяжела была бы мне участь иная.
Сил нам Фортуна не даст. Тогда,— пусть того не случится! —
Если ребенка родишь мне женского пола, хоть против
Воли, но все ж прикажу: — прости, благочестье! — пусть
гибнет!»
680 Вымолвил, и по лицу покатались обильные слезы
И у того, кто приказ отдавал, и у той, кто внимала.
Тщетно тут стала молить Телетуза любезного мужа,
Чтоб надеждам ее он подобной не ставил препоны.
Но на решенье своем тот твердо стоял. И созревший
685 Плод через силу уже Телетуза носила во чреве.
Вдруг, среди ночи явясь ей видением сонным, однажды
Инаха дочь у постели ее в окружении пышном

Будто стоит, — иль привиделось. Лоб украшали богини
Рожки луны и колосья, живым отливавшие златом,
690 И диадема; при ней — Анубис, что лает по-песби,
Апис, с окраской двойной, Бубастида святая и оный,
Кто заглушает слова и перстом призывает к молчанью.
Систры звучали; тут был и вечно искомый Озирис
Вместе с ползучей змеей, смертоносного полною яда.
695 И, отряхнувшей свой сон, как будто все видящей ясно,
Шепчет богиня: «О ты, что присно при мне, Телетуза!
Тяжкие думы откинь, — обмани приказанья супруга.
Не сомневайся: когда облегчит твое тело Луцина, —
То и прими, что дано: я богиня-пособница, помощь
700 Всем я просящим несу; не будешь пенять, что почтила
Неблагодарное ты божество». Так молвив — исчезла.
Радостно с ложа встает и к созвездьям подьмет критянка
Чистые руки, моля, чтобы сон ее сделался явью.
Муки тогда возросли, и само ее бремя наружу
705 Выпало: дочь родилась, а отец и не ведал об этом.
Девочку вскармливать мать отдает, объявив, что родился
Мальчик. Поверили все. Лишь кормилица знает про тайну.
Клятвы снимает отец и дает ему дедово имя,
Ифис — так звали того. Мать рада: то имя подходит
710 И для мужчин и для женщин; никто заподозрить не может.
Так незаметно обман покрывается ложью невинной.
Мальчика был на ребенке наряд, а лицо — безразлично,
Девочки было б оно или мальчика — было прекрасно.
А между тем уж тринадцатый год наступает подростку.
715 Тут тебе, Ифис, отец белокурую прочит Ианту.
Между фестийских девиц несравненно она выделялась
Даром красы, рождена же была от диктейца Телеста.
Годами были равны и красой. От наставников тех же
Знанья они обрели, возмужалости первой начатки.
720 Вскоре любовь их сердца охватила. И с силою равной
Ранила сразу двоих: по различны их были надежды!
Срока желанного ждет и обещанных светочей свадьбы,
Мужем считает ее, в союз с ней верит Ианта.
Ифис же любит, сама обладать не надеясь любимым,
725 И лишь сильнее огонь! Пылает к девице девица.
Слезы смиряя едва, — «О, какой мне исход, — восклицает, —
Если чудовищной я и никем не испытанной новой

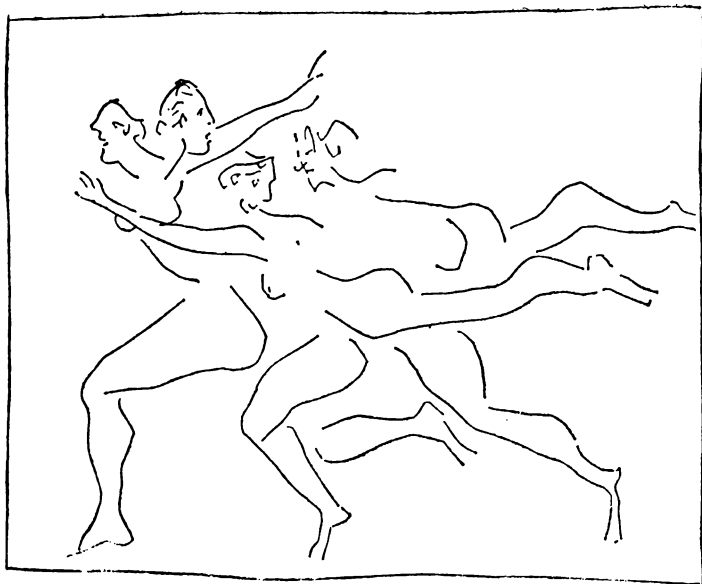
Страстью горю? О, когда б пощадить меня боги хотели,
 То погубили б меня, а когда б и губить не хотели,
 730 Пусть бы естественный мне и обычный недуг даровали!
 Ибо коровы коров и кобылы кобыл не жаляют,
 Любят бараны овец, и олень за подружку ходит;
 Тот же союз и у птиц; не бывало вовек у животных
 Так, чтобы самка у них запылала желанием к самке.
 735 Лучше б мне вовсе не жить! Иль вправду одних лишь чудовищ
 Крит порождает?.. Быка дочь Солнца на Крите любила,—
 Все-таки был он самец. Но моя — если только признаться
 В правде — безумнее страсть: на любовь упование питала
 Та. Ухищреньем она и обличем коровьим достигла,
 740 Что испытала быка. Для обмана нашелся любовник.
 Тут же, когда бы весь мир предложил мне услуги, когда бы
 Вновь на воюющих крылах полетел бы по воздуху Дедал,
 Что бы поделать он мог? Иль хитрым искусством из девы
 Юношей сделать меня? Иль тебя изменить, о Ианта?
 745 Что ж не скрепишь ты души, в себе не замкнешься, о Ифис,
 Что не отбросишь своих безнадежных и глупых желаний?
 Кем родилась ты, взгляни, и себя не обманывай доле.
 К должному только стремись, люби, что для женщины любо.
 Все от надежды: она и приводит любовь, и питает.
 750 А у тебя ее нет. Отстраняет от милых объятий
 Вовсе не стража тебя, не безмолвный дозор господина
 И не суровость отца; и сама она просьб не отвергла б,
 Все ж недоступна она; когда б и всего ты достигла,—
 Счастья тебе не познать, хоть боги б и люди трудились.
 755 Из пожеланий моих лишь одно остается напрасным;
 Боги способствуют мне,— что могут — все даровали.
 Хочет того же она, и родитель, и будущий свекор,
 Только природа одна, что всех их могучее,— против.
 Против меня лишь она. Подходит желанное время,
 760 Свадебный видится свет, и станет моею Ианта,—
 Но не достигнет меня: я, водой окруженная, жажду!
 Сваха Юнона и ты, Гименей, для чего снизошли вы
 К таинствам этим, где нет жениха, где мы обе — невесты!»
 И замолчала, сказав. Но не в меньшем волненье другая
 765 Девушка; молит тебя, Гименей, чтоб шел ты скорее.
 Просит она,— но, боясь, Телетуза со сроками медлит.
 То на притворный недуг ссылается; то ей приметы

Доводом служат, то сны; но средства лжи истощила
Все наконец. И уже подступает отложенной свадьбы
770 Срок; уже сутки одни остаются. Тогда Телетуза
С дочки своей и с себя головные срывает повязки
И, распустив волоса, обнимает алтарь,— «О Изида,—
Чьи Паретоний, Фарос и поля Мареотики,— молит,—
Вместе с великим, на семь рукавов разделяемым Нилом!
775 Помощь подай мне, молю, о, избавь меня ныне от страха!
В день тот, богиня, тебя по твоим угадала я знакам,
Все я признала: твоих провожатых, светочи, звуки
Систров, и все у меня отпечаталось в памяти крепко.
Если она родилась, если я не стыдилась обмана,—
780 Твой то совет, поощрение твое! Над обеими сжался,
Помощью нас поддержи!» — слова тут сменились слезами.
Чудится ей, что алтарь колеблет богиня,— и вправду
Поколебала! Врата задрожали у храма; зарделись
Лунным сияньем рога; зазвучали гремящие систры.
785 Встрить не смея еще, но счастливому знаменью рада,
Мать из храма ушла. А за матерью вышла и Ифис,—
Шагом крупней, чем обычно; в лице белизны его прежней
Не было; силы ее возросли; в чертах появилось
Мужество, пряди волос свободные стали короче.
790 Более крепости в ней, чем бывает у женщин,— и стала
Юношей, девушка, ты! Приношенья несите же в храмы!
Радуйтесь, страх отрешив,— и несут приношения в храмы.
Сделали надпись,— на ней был коротенький стих обозначен:
«Юноша дар посвятил, обещанный девушкой,— Ифис».
795 Вскоре лучами заря мировые разверзла просторы,
Вместе Венера тогда и Юнона сошлись с Гименеем
К общим огням. И своей господином стал Ифис Ианты,

КНИГА ДЕСЯТАЯ

LIBER DECIMUS

После, шафранным плащом облаченный, по бездне

воздушной

Вновь отлетел Гименей, к берегам отдаленным кикон

Мчится — его не к добру призывает там голос Орфея.

Все-таки бог прилетел; но с собой ни торжественных гимнов

5 Он не принес, ни ликующих лиц, ни счастливых предвестий.

Даже и светоч в руке Гименея трещит лишь и дымом

Едим чадит и, колеблясь, никак разгореться не может.

Но тяжелей был исход, чем начало. Жена молодая,

В сопровожденье наяд по зеленому лугу блуждая, —

10 Мертвою пала, в пенту уязвленная зубом змеиным.

Вещий родопский певец, обращаясь к Всевышним, супругу

Долго оплакивал. Он обратиться пытался и к теням,

К Стиксу дерзнул он сойти, Тенарийскую щель миновал он,

15 Сонмы бесплотных теней, замогильные призраки мертвых,

И к Персефоне проник и к тому, кто в безрадостном царстве

Самодержавен, и так, для запева ударив по струнам,

Молвил: «О вы, божества, чья вовек под землею обитель,

Здесь, где окажемся все, сотворенные смертными! Если
Можно, отбросив речей извороты лукавых, сказать вам
20 Правду, дозвоьте. Сюда я сошел не с тем, чтобы мрачный
Тартар увидеть, не с тем, чтоб чудовищу, внуку Медузы,
Шею тройную связать, с головами, где выются гадюки.
Ради супруги пришел. Стопою придавлена, в жилы
Яд ей змея излила и похитила юные годы.
25 Горе хотел я стерпеть. Старался, но побежден был
Богом Любви: хорошо он в пределах известен наземных,—
Столь же ль и здесь — не скажу; уповаю, однако, что столь же.
Если не лжива молва о былом похищении, — вас тоже
Соединила Любовь! Сей ужаса полной юдолюю,
30 Хаоса бездной молю и безмолвьем пустынного царства:
Вновь Эвридики моей заплетите короткую участь!
Все мы у вас должники; помедлив недолгое время,
Раньше ли, позже ли — все в приют поспешаем единый.
Все мы стремимся сюда, здесь дом наш последний; вы двое
35 Рода людского отсель управляете царством обширным.
Так и она: лишь ее положенные годы созреют,
Будет под властью у вас: возвращенья прошу лишь на время,
Если же милость судеб в жене мне откажет, отсюда
Пусть я и сам не уйду: порадуйтесь смерти обоих».
40 Внемя, как он говорит, как струны в согласии зыблет,
Души бескровные слез проливали потоки. Сам Тантал
Тщетно воды не ловил. Колесо Иксионово стало.
Птицы печень клевать перестали; Белиды на урны
Облокотились; и сам, о Сизиф, ты уселся на камень!
45 Стали тогда Эвменид, побежденных пеньем, ланиты
Влажны впервые от слез, — и уже ни царица-супруга,
Ни властелин преисподних мольбы не исполнить не могут.
Вот Эвридику зовут; меж недавних теней пребывала,
А выступала едва замедленным раною шагом.
50 Принял родопский герой нераздельно жену и условие:
Не обращать своих взоров назад, доколе не выйдет
Он из Авернских долин, — иль отыметсЯ дар обретенный.
Вот уж в молчанье немом по наклонной взбираются оба
Темной тропинке, крутой, густою укутанной мглою.
55 И уже были они от границы земной недалеко, —
Но, убоясь, чтоб она не отстала, и в жажде увидеть,
Полный любви, он взор обратил, и супруга — исчезла!

Руки простер он вперед, объятья взаимного ищет,
Но понапрасну — одно дуновение хватает несчастный.
60 Смерть вторично познав, не пеняла она на супруга.
Да и на что ей пенять? Иль разве на то, что любима?
Голос последним «прости» прозвучал, но почти не достиг он
Слуха его; и она воротилась в обитель умерших.
Смертью двойною жены Орфей поражен был, — как древле
65 Тот, устранившийся пса с головами тремя, из которых
Средняя с цепью была, и не раньше со страхом расстался,
Нежель с природой своей, — обратилась плоть его в камень!
Или как оный Олен, на себя преступленье навлекший,
Сам пожелавший вины; о Летея несчастная, слишком
70 Ты доверяла красе: прикидывавшие прежде друг к другу
Груды — утесы теперь, опорой им влажная Ида.
Он умолял и вотще переплыть порывался обратно, —
Лодочник не разрешил; однако семь дней неотступно,
Грязью покрыт, он на берегу сидел без Церерина дара.
75 Горем, страданьем души и слезами несчастный питался.
И, бессердечьем богов попрекая подземных, ушел он
В горы Родопы, на Гем, поражаемый северным ветром.
Вот созвездием Рыб морских заключившийся третий
Год уж Титан завершил, а Орфей избегал неуклонно
80 Женской любви. Оттого ль, что к ней он желанье утратил
Или же верность хранил — но во многих пылала охота
Соединиться с певцом, и отвергнутых много страдало.
Стал он виной, что за ним и народы фракийские тоже,
Перенеся на юнцов незрелых любовное чувство,
85 Краткую жизни весну, первины цветов обрывают.
Некий был холм, на холме было ровное плоское место;
Все зеленело оно, муравкою покрытое. Тени
Не было вовсе на нем. Но только лишь сел на пригорок
Богорожденный певец и ударил в звонкие струны,
90 Тень в то место пришла: там Хаонии дерево было,
Роша сестер Гелиад, и дуб, вознесшийся в небо;
Мягкие липы пришли, безбрачные лавры и буки,
Ломкий пришел и орех, и ясень, пригодный для копий,
Несуковатая ель, под плодами пригнувшийся илик,
95 И благородный платан, и клен с переменной окраской;
Лотос пришел водяной и по рекам растущие ивы,
Букс, зеленый всегда, тамариск с тончайшей листвою;

Мирта двухцветная там, в плодах голубых лавровишня;
С цепкой стопой плющи, появились вы тоже, а с вами
100 И винограда лоза, и лозой оплетенные вязы;
Падубы, пихта, а там и кусты земляничника с грузом
Алых плодов, и награда побед — гибколистная пальма;
С кроной торчащей пришли подобранные волосы сосны, —
Любит их Мать богов, ибо некогда Аттис Кибелин,
105 Мужем здесь быть перестав, в стволе заключился сосновом.
В этом же сомнище был кипарис, похожий на мету,
Деревом стал он, но мальчиком был в то время, любимцем
Бога, что лука струной и струной управляет кифары.

Жил на картийских брегах, посвященный тамошним нимфам,
110 Ростом огромный олень; широко разветвляясь рогами,
Голову сам он себе глубокой окутывал тенью.
Златом сияли рога. К плечам опускалось, свисая
С шеи точеной его, ожерелье камней самоцветных.
А надо лбом его шар колебался серебряный, тонким
115 Был он привязан ремнем. Сверкали в ушах у оленя
Около впадин висков медяные парные серьги.
Страху не зная, олень, от обычной свободен боязни,
Часто, ничуть не дичась, и в дома заходил, и для ласки
Шею свою подставлял без отказа руке незнакомой.
120 Боле, однако, всего, о прекраснейший в племени Кеи,
Был он любезен тебе, Кипарис. Водил ты оленя
На молодые луга и к прозрачной источника влаги.
То оплетал ты цветами рога у животного или,
Всадником на спину сев, туда и сюда направляя
125 Нежные зверя уста пурпурной уздой, забавлялся.
Знойный был день и полуденный час; от горячего солнца
Гнутые грозно клешни раскались набрежного Рака,
Раз, притомившись, лег на лужайку со свежей травой
Чудный олень и в древесной тени наслаждался прохладой.
130 Неосторожно в тот миг Кипарис проколол его острым
Дротом, и видя, что тот умирает от раны жестокой,
Сам умереть порешил. О, каких приводит утешений
Феб не старался! Чтоб он не слишком скорбел об утрате,
Увещевал, — Кипарис все стонет! И в дар он последний
135 Молит у Вышних — чтоб мог проплакать он целую вечность.
Вот уже кровь у него от безмерного плача иссякла,

Начали члены его становиться зелеными; вскоре
Волосы, вокруг белоснежного лба ниспадавшие прежде,
Начали прямо торчать и, сделавшись жесткими, стали
140 В звездное небо смотреть своею вершиною тонкой.
И застал опечаленный бог. «Ты, оплаканный нами,
Будешь оплакивать всех и пребудешь с печальными!» — молвил.
Рощу такую Орфей привлек. Посредине соборня
Всяческих диких зверей и множества птиц восседал он.
145 Вот уже пальцем большим испытал он достаточно струны
И, убедившись, что все, хоть разнó звучат они, стройно
Звуки сливают свои, — молчанье прервал песнопеньем:
«Муза, с Юпитера ты — всем миром Юпитер владеет! —
Песню мою зачинай! О мощи Юпитера раньше
150 Много я песен сложил; величавым я плектром Гигантов
Пел, на флегрейских полях победительных молний сверженье.
Лирою легкой теперь зазвучу. Буду отроков петь я —
Нежных любимцев богов, и дев, что, пылая напрасно,
Кару в безумье своем навлекли на себя любострастьем.

155 В оные дни небожителей царь к Ганимеду фригийцу
Страстью зажегся; и вот изобрел он, во что превратиться,
Чтобы собою не быть; никакой становиться иною
Птицею сан не велел, — лишь его же носящей перуны.
И не помедлил: рассек заемными крыльями воздух
160 И Илиада унес, — он доньне его виночерпий
И, хоть Юнона мрачна, подает Вседержителю нектар.

Так же тебя, Амиклид, Аполлон поселил бы в эфире,
Если б туда поселить разрешили печальные судьбы.
Выход дозволен иной — бессмертен ты стал. Лишь прогонит
165 Зиму весна и Овен водянистую Рыбу заступит,
Ты появляешься вновь, распускаясь на стебле зеленом.
Более всех ты отцом был возлюблен моим. Понапрасну
Ждали владыку тогда — земли средоточие — Дельфы.
Бог на Эвротe гостил в то время, в неукрепленной
170 Спарте. Ни стрелы уже у него не в почете, ни лира;
Сам он себя позабыл; носить готов он тенета
Или придерживать псов, бродить по хребтам неприступным
Ловчим простым. Свой пыл питает привычкою долгой.
Был в то время Титан в середине меж ночью грядущей

175 И отошедшей, — от них находясь в расстоянии равном.
Скинули платье друзья и, масляным соком оливы
Лоснясь, готовы уже состязаться в метании диска.
Первый метнул, раскачав, по пространству воздушному круг свой
Феб, и пред ним облака разделились от тяжести круга;
180 Времени много спустя, упадет на твердую землю
Тяжесть, паденьем явив сочетание искусства и силы.
Неосторожный тогда, любимой игрой возбуждаем,
Круг подобрать поспешил тенариец. Но вдруг содрогнулся
Воздух, и с крепкой земли диск прынул в лицо тебе прямо,
185 О Гиацинт! Поблуднели они одинаково оба —
Отрок и бог. Он в объятия взял ослабевшее тело.
Он согревает его, отирает плачевные раны,
Тщится бегство души удержать, траву прилагая.
Все понапрасну: ничем уж его исцелить невозможно.
190 Так в орошенном саду фиалки, и мак, и лилея,
Ежели их надломить, на стебле пожелтевшем оставшись,
Вянут и долу свои отягченные головы клонят;
Прямо держаться нет сил, и глядят они маковкой в землю.
Так неподвижен и лик умирающий; силы лишившись,
195 Шея, сама для себя тяжела, к плечу приклонилась.
«Гибнешь, увы, Эбалид, обманутый юностью ранней! —
Феб говорит. — Эта рана твоя — мое преступленье.
Ты — моя скорбь, погублен ты мной; с моею десницею
Смерть да свяжут твою: твоих похорон я виновник!
200 В чем же, однако, вина? Так, значит, виной называться
Может игра? Так может виной и любовь называться?
О, если б жизнь за тебя мне отдать или жизни лишиться
Вместе с тобой! Но меня роковые связуют законы.
Вечно ты будешь со мной, на устах незабывших пребудешь;
205 Лиры ль коснется рука — о тебе запоют мои песни.
Будешь ты — новый цветок — мои стоны являть начертаньем,
После же время придет, и славный герой заключится
В тот же цветок, и прочтут лепестком сохраненное имя».
Так говорят Аполлона уста, предрекая правдиво, —
210 Кровь между тем, что, разлившись вокруг, мураву запятнала,
Кровью уже не была: блистательней червени тирской
Вырос цветок. У него — вид лилии, если бы только
Не был багрян у него лепесток, а у лилий — серебрян.
Мало того Аполлону; он сам, в изъясленье почета,

215 Стоны свои на цветке начертал: начертано «Ай, ай!»
На лепестках у него, и явственны скорбные буквы.
Спарте позора в том нет, что она родила Гиацинта;
Чтут и доньне его; что ни год, по обычаю предков,
Славят торжественно там Гиацинтии — праздник весенний.

220 Если же ты, Амафунт, изобильный металлами, спросишь,
Горд ли он тем, что родил Пропетид, — он откажется, так же
Как и от тех, у которых рога — в стародавнее время —
Были на лбу, — от чего получили прозвание керастов.
225 Возле ворот их стоял Юпитера Гостеприимца
С прошлым печальным алтарь. Как завидит пришелец, что пятна
Крови на камне его, он думает: тут зарезают
Богу телят-сосунов да двухлетних овец амафунтских.
Путник сам жертвой бывал. Оскорбься несказанным служеньем,
230 Милые грады свои и змеиные доли Венера
Бросить готова была, — «Но места мне любезные, грады
Чем согрешили мои? Чем они-то, — сказала, — преступны?
Лучше уже покарать изгнаньем безбожное племя,
Смертью иль ссылкой, — нет, чем-нибудь меж изгнаньем и
смертью.

Среднее что же найду, как не казнь превращением вида?»
235 И между тем как она колебалась, во что изменить их,
Взор на рога навела и решила: рога им оставим.
И в косовзорых коров их большие тела обратила.
Все же срамных Пропетид смел молвить язык, что Венера
Не божество. И тогда, говорят, из-за гнева богини,
240 Первыми стали они торговать красотой телесной.
Стыд потеряли они, и уже их чело не краснело:
Камнями стали потом, но не много притом изменились.

Видел их Пигмалион, как они в непотребстве влачили
Годы свои. Оскорбься на пороки, которых природа
245 Женской душе в изобилье дала, холостой, одинокий
Жил он, и ложе его лишено было долго подруги.
А меж тем белоснежную он с неизменным искусством
Резал слоновую кость. И создал он образ, — подобной
Женщины свет не видал, — и свое полюбил он создание.
250 Было девичье лицо у нее; совсем как живая,
Будто с места сойти она хочет, только страшится,

Вот до чего скрывает себя искусством искусство!
Диву дивится творец и пылает к подобию тела.
Часто протягивал он к изваянию руки, пытая,
255 Тело пред ним или кость. Что это не кость, побожился б!
Деву целует и мнит, что взаимно; к ней речь обращает,
Тронет — и мнится ему, что пальцы вминаются в тело,
Страшно ему, что синяк на тронутom выступит месте.
То он ласкает ее, то милые девушкам вещи
260 Дарит: иль раковин ей принесет, иль камешков мелких,
Птенчиков, или цветов с лепестками о тысяче красок,
Лилий, иль пестрых шаров, иль с дерева павших слезинок
Дев Гелиад. Он ее украшает одеждой. В камень
Ей убирает персты, в ожерелья — длинную шею.
265 Легкие серьги в ушах, на грудь упадают подвески.
Все ей к лицу. Но не меньше она и нагая красива.
На покрывала кладет, что от раковин алы сидонских,
Ложа подругой ее называет, склоненную шею
Нежит на мягком пуху, как будто та чувствовать может!
270 Праздник Венеры настал, справляемый всюду на Кипре.
Возле святых алтарей с золотыми крутыми рогами
Падали туши телиц, в белоснежную зѧкланных шею.
Ладан курился. И вот, на алтарь совершив приношение,
Робко ваятель сказал: «Коль все вам доступно, о боги,
275 Дайте, молю, мне жену (не решился ту деву из кости
Упомянуть), чтоб была на мою, что из кости, похожа!»
На торжествах золотая сама пребывала Венера
И поняла, что таится в мольбе; и, являя богини
Дружество, трижды огонь запылал и взвился языками.
280 В дом возвратившись, бежит он к желанному образу девы
И, над постелью склонясь, целует, — ужель потеплела?
Снова целует ее и руками касается груди, —
И под рукой умягчается кость; ее твердость пропала.
Вот поддается перстам, уступает — гиметтский на солнце
285 Так размягчается воск, под пальцем большим принимает
Разные формы, тогда он становится годным для дела.
Стал он и робости полн и веселья, ошибки боится,
В новом порыве к своим прикасается снова желаньям.
Тело пред ним! Под перстом нажимающим жилы забились.
290 Тут лишь пафосский герой полноценные речи находит,
Чтобы Венере излить благодарность. Уста прижимает

- Он наконец к неподдельным устам, — и чует лобзанья
 Дева, краснеет она и, подняв свои робкие очи,
 Светлые к свету, зараз небеса и любовника видит.
 295 Гостей богиня сидит на устроенной ею же свадьбе.
 Девять уж раз сочетавши рога, круг полнился лунный, —
 Паф тогда родился, — по нему же и остров был назван.
 Был от нее же рожден и Кинир, и когда бы потомства
 Он не имел, почитаться бы мог человеком счастливым.
- 300 Страшное буду я петь. Прочь, дочери, прочь удалитесь
 Вы все, отцы! А коль песни мои вам сладостны будут,
 Песням не верьте моим, о, не верьте ужасному делу!
 Если ж поверите вы, то поверьте и каре за дело.
 Ежель свершенье его допустила, однако, природа, —
 305 За исмарийский народ и за нашу я счастлив округу,
 Счастлив, что эта земля далеко от краев, породивших
 Столь отвратительный грех. О, пусть амомом богаты,
 Пусть и корицу, и нард, и из дерева каплющий ладан,
 Пусть на Панхайской земле и другие родятся растения,
 310 Пусть же и мирру растят! Им дорого стала новинка!
 Даже Эрот объявил, что стрелой не его пронзена ты,
 Мирра; свои он огни от греха твоего отвращает.
 Адской лучиной была ты овеейна, ядом ехидны,
 Ты из трех фурий одна: преступление — отца ненавидеть,
 315 Все же такая любовь — преступление крупней. Отовсюду
 Знатные ищут тебя домогатели. Юность Востока
 Вся о постели твоей соревнуется. Так избери же,
 Мирра, себе одного, но, увы, все в одном сочетались.
 Все понимает сама, от любви отвращается гнусной
 320 Мирра, — «Где мысли мои? Что надо мне? — молвит, — о боги!
 Ты, Благочестье, и ты, о право священное крови,
 Грех запретите, — молю, — преступлению станьте препоной,
 Коль преступление в том есть. Но, по правде сказать, Благочестье
 325 Этой любви не хулит. Без всякого выбора звери
 Сходятся между собой; не зазорно бывает ослице
 Тылом отца приподнять; жеребцу его дочь отдается,
 Коз покрывает козел, от него же рожденных, и птицы
 Плод зачинают от тех, чьим семенем зачаты сами.
 Счастливы те, кто запретов не знал! Дурные законы
 330 Сам себе дал человек, и то, что природа прощает,

Зависть людская клеймит. Говорят, что такие, однако,
Есть племена, где с отцом сопрягается дочь, или с сыном
Мать, и почтение у них лишь растет от любви их взаимной.
Горе мое, что не там привелось мне родиться! Вредят мне
335 Здешних обычаи мест! Но зачем возвращаюсь к тому же?
Прочь, запрещенные, прочь, надежды! Любви он достоин,—
Только дочерней любви! Так, значит, когда бы великий
Не был отцом мне Кинир, то лечь я могла бы с Киниром!
Ныне ж он мой, оттого и не мой. Мне сама его близость
340 Стала проклятием. Будь я чужой, счастливей была бы!
Лучше далёко уйду и родные покину пределы,
Лишь бы греха избежать. Но соблазн полюбившую держит:
Вижу Кинира я здесь, прикасаюсь к нему, говорю с ним,
Для поцелуя тянусь,— о, пусть не дано остального!
345 Смеешь на что-то еще уповать, нечестивая дева?
Или не чувствуешь ты, что права и названья смешала?
Или любовью отца и соперницей матери станешь?
Сыну ли старшей сестрой? Назовешься ли матерью брата?
Ты не боишься Сестер, чьи головы в змеях ужасных,
350 Что, беспощадный огонь к очам и устам приближая,
Грешные видят сердца? Ты, еще непорочная телом,
В душу греха не прими, законы могучей природы
Не помышляй загрязнить недозволенным ею союзом.
Думаешь, хочет и он? Воспротивится! Он благочестен,
355 Помнит закон. О, когда б им то же безумье владело!»
Молвила так. А Кинир, посреди женихов именитых,
В недоумении, как поступить, обращается к Мирре,
По именам их назвав,— чтоб себе жениха указала.
Мирра сначала молчит, от отца лица не отводит
360 Взора, горит, и глаза обливаются влагою теплой.
Но полагает Кинир,— то девичий стыд; запрещает
Плакать, и щеки ее осушает и в губы целует.
Рада она поцелуям его. На вопрос же,— который
Был бы любезен ей муж,— «На тебя,— отвечала,— похожий!»
365 Он же не понял ее и за речь похвалает: «И впредь ты
Столь же почтительной будь!» И при слове «почтительной» дева,
С мерзостным пылом в душе, головою смущенно поникла.
Ночи середина была. Разрешил и тела и заботы
Сон. Но Кинирова дочь огнем неумным пылает
370 И не смыкает очей в безысходном безумье желанья.

Вновь то отчаается вдруг, то готова пытаться; ей стыдно,
Но и желанья кипят; не поймет, что ей делать,— так мощный
Низко подрубленный ствол, последнего ждущий удара,
Пасть уж готов, неизвестно куда, но грозит отовсюду.
375 Так же и Мирры душа от ударов колеблется разных
Зыбко туда и сюда, устойчива лишь на мгновение.
Страсти исход и покой в одном ей мерещится — в смерти.
Смерть ей любезна. Встает и решает стянуть себе петлей
Горло и, пояс уже привязав к перекладине, молвив,—
380 «Милый, прощай, о Кинир! И знай: ты смерти виновник!» —
Приспособляет тесьму к своему побелевшему горлу.
Ропот ее,— говорят,— долетел до кормилицы верной,
Что по ночам охраняла порог ее спальни. Вскочила
Старая, дверь отперла и, увидев орудие смерти
385 Подготавливаемой, вдруг завопила; себя ударяет
В грудь, раздирает ее и, питомицы вызволив шею,
Рвет тесьму на куски. Тут только слезам отдается;
Мирру она обняла и потом лишь о петле спросила.
Девушка молча стоит, недвижно потупилась в землю.
390 Горько жалеет она, что попытка нарушена смерти.
Молит старуха, своей сединой заклиняет; раскрыла
Ныне пустые сосцы, колыбелью и первую пищей
Молит довериться ей и поведать ей горе; девица
Стонет молящей в ответ. Но кормилица вызнать решила,—
395 Тайну сулит сохранить и не только — взывает: «Откройся,
Помощь дозволь оказать,— моя не беспомощна старость.
Если безумье в тебе,— исцелят заклинанье и травы;
Если испорчена ты, обрядом очистим волшебным;
Если же гнев от богов,— умиряется жертвами гнев их.
400 Что же полезней еще предложу? И участь и дом твой
Счастливы, все хорошо; мать здравствует, жив и родитель!»
Лишь услышав об отце, испустила глубокие вздохи
Мирра. Кормилица все ж и теперь греха никакого
Не заподозрила, но о какой-то любви догадалась.
405 Крепко решив разузнать, что б ни было,— молит поведать
Все, на старую грудь привлекает льющую слезы
Деву, сжимает в руках своих немощных, так говоря ей:
«Вижу я: ты влюблена; но — откинь опасенья! — полезной
Буду пособницей я в том деле. Отец не узнает
410 Тайны!» Но злобно она отскочила от старой, припала

К ложу лицом,— «Уйди, я прошу, над стыдом моим горьким
 Сжался,— сказала,— уйди,— настойчивей молвила,— или
 Спрашивать брось, отчего я больна: лишь грех ты узнаешь».
 В ужасе та, от годов и от страха дрожащие руки
 415 К ней простирает с мольбой, питомице падает в ноги.
 То ей пытается лстать, то пугает на случай, коль тайны
 Та не откроет, грозит ей уликой тесмы и попытки
 Кончить с собой; коль откроет любовь, обещает ей помощь.
 Голову та подняла, и внезапные залили слезы
 420 Старой кормилицы грудь; и, не раз порываясь признаться,
 Речь пресекает она; застыдившись, лицо закрывает
 Платьем и молвит,— «О, как моя мать очастливлена мужем!»
 Смолкла и стон издала. Кормилица похолодела,
 Чувствует — ужас проник до костей в ее члены. Поднявшись,
 425 Волосы встали торчком на ее голове поседелой.
 Много добавила слов, чтобы та — если сможет — извергла
 Злую любовь. Хоть совет и хорош, повторяет девица,
 Что не отступит, умрет, коль ей не достанется милый!
 Та же в ответ ей,— «Живи, овладеешь своим...» — не решилась
 430 Молвить «отцом» и молчит; обещанья же клятвой скрепляет.
 Праздник Цереры как раз благочестные славили жены,
 Тот, ежегодный, когда, все окутаны белым, к богине
 Связки колосьев несут, своего урожая початки.
 Девять в то время ночей почитают запретной Венеру,
 435 Не допускают мужчин. Кенхреида, покинув супруга,
 Вместе с толпою ушла посетить тайнодействия святые.
 Благо законной жены на супружеском не было ложе,
 Пьяным Кинира застав, на беду, расторопная нянька,
 Имя другое назвав, неподдельную страсть описала
 440 Девы, красу расхвалила ее; спросил он про возраст.
 «С Миррой,— сказала,— одних она лет». И когда приказал он
 Деву ввести, возвратилась домой. «Ликуй,— восклицает,—
 Доченька! Мы победили!» Но та ощущает неполной
 Эту победу свою. Сокрушается грудь от предчувствий.
 445 Все же ликует она: до того в ней разлажены чувства.
 Час наступил, когда все замолкает; промежду Трионов,
 Дышло скосив, Боот поворачивать начал телегу.
 И к преступленью она подступила. Златая бежала
 С неба луна. Облаков чернотой закрываются звезды.
 450 Темная ночь — без огней. О Икар, ты лицо закрываешь!

Также и ты, Эригона, к отцу пылавшая свято!
 Трижды споткнулась, — судьба призывала обратно. Три раза
 Филин могильный давал смертельное знаменье криком.
 Все же идет. Темнота уменьшает девичью стыдливость.
 455 Левою держит рукой кормилицы руку; другая
 Ищет во мраке пути; порога уж спальни коснулась.
 Вот открывает и дверь; и внутрь вошла. Подкосились
 Ноги у ней, колена дрожат. От лица отливает
 Кровь, — румянец бежит, сейчас она чувства лишится.
 460 Чем она ближе к беде, тем страх сильнее; осуждает
 Смелость свою и назад возвратиться неузнанной жаждет.
 Медлит она, но старуха влечет; к высокому ложу
 Деву уже подвела и вручает, — «Бери ее! — молвит, —
 Стала твоею, Кинир!» — и позорно тела сопрягает.
 465 Плоть принимает свою на постыдной постели родитель,
 Гонит девический стыд, уговорами страх умеряет.
 Милую, может быть, он называет по возрасту «дочка»,
 Та же «отец» говорит, — с именами страшнее злодейство!
 Полной выходит она от отца; безбожное семя —
 470 В горькой утробе ее, преступленье зародышем носит.
 Грех грядущая ночь умножает, его не покончив.
 И лишь когда наконец пожелал, после стольких соитий,
 Милую он распознать, и при свете внесенном увидел
 Сразу и грех свой и дочь, разразился он возгласом муки
 475 И из висящих ножен исторг блистающий меч свой.
 Мирра спаслась; темнота беспросветная ночи убийство
 Предотвратила. И вот, пробродив по широким равнинам,
 Пальмы арабов она и Панхаи поля покидает.
 Девять блуждает потом завершающих круг полнолуний.
 480 И, утомясь наконец, к земле приклонилась Сабейской.
 Бремя насилу несла; не зная, о чем ей молиться,
 Страхом пред смертью полна, тоской удрученная жизни,
 Так обратилась к богам, умолая: «О, если признаньям
 Верите вы, божества, — заслужила печальной я казни
 485 И не ропщу. Но меня — чтоб живой мне живых не позорить,
 Иль, умерев, мертвецов — из обоих вы царств изгоните!
 Переменивши меня, откажите мне в жизни и смерти!»
 Боги признаньям порой внимают: последние просьбы
 Мирры нашли благосклонных богов: ступни у молящей
 490 Вот покрывает земля; из ногтей расщепившихся корень

Стал искривленный расти, — ствола молодого опора;
 Сделалась деревом кость; остался лишь мозг в сердцевине.
 В сок превращается кровь, а руки — в ветви большие,
 В малые ветви — персты; в кору — затвердевшая кожа.
 495 Дерево полный живот меж тем, возрастая, сдавило;
 Уж охватило и грудь, закрыть уж готовилось шею.
 Медлить не стала она, и навстречу коре подступившей
 Съежилась Мирра, присев, и в кору головой погрузилась.
 Все же, хоть телом она и утратила прежние чувства, —
 500 Плачет, и все из ствола источаются теплые капли.
 Слезы те — слава ее. Корой источенная мирра
 Имя хранит госпожи, и века про нее не забудут.
 А под корою меж тем рос грешно зачатый ребенок,
 Он уж дороги искал, по которой — без матери — мог бы
 505 В мир показаться; живот бременеющий в дереве вздулся.
 Бремя то мать тяготит, а для мук не находится слова,
 И роженицы уста обратиться не могут к Луцине.
 Все-таки — словно родит: искривленное дерево частый
 Стон издает; увлажняют его, упавая, слезинки.
 510 Остановилась тогда у страдающих веток Луцина;
 Руки приблизила к ним и слова разрешенья сказала.
 Дерево щели дает и вот из коры выпускает
 Бремя живое свое. Младенец кричит, а наяды
 В мягкой траве умащают его слезами родимой.
 515 Зависть сама похвалила б дитя! Какими обычно
 Голых Амуров писать на картинах художники любят,
 В точности был он таким. Чтоб избежать различья в наряде,
 Легкие стрелы ему ты вручи, а у тех отними их!
 Но неприметно бежит, ускользает летучее время,
 520 Нет ничего мимолетней годов. Младенец, зачатый
 Дедом своим и сестрой, до этого в дереве скрытый,
 Только родиться успел, красивейшим слыл из младенцев.
 Вот он и юноша, муж; и себя превзошел красотой!
 Вот и Венере он мил, за огни материнские мститель!
 525

525 Мать как-то раз целовал мальчуган, опоясанный тулом,
 И выступавшей стрелой ей нечаянно грудь подарапал.
 Ранена, сына рукой отстранила богиня; однако
 Рана была глубока, обманулась сначала Венера.
 Смертным пленясь, покидает она побережье Киферы.

530 Ей не любезен и Паф, опоясанный морем открытым,
Рыбой обильнейший Книд, Амафунт, чреватый металлом.
На небо тоже нейдет; предпочтен даже небу Адонис.
С ним она всюду, где он. Привыкшая вечно под тенью
Только лелеять себя и красу увеличивать холей,
535 С ним по горам и лесам, по скалам блуждает заросшим,
С голым коленом, подол подпоясав по чину Дианы;
Псов натравляет сама и, добычи ища безопасной,
Зайцев проворных она, иль дивно рогатых оленей
Гонит, иль ланей лесных; но могучих не трогает вепрей,
540 Но избегает волков-похитителей, также медведя,
С когтем опасным, и львов, пресыщенных скотнею кровью.
Увещевает тебя, чтоб и ты их, Адонис, боялся, —
Будь в увещаниях прок! «Быть храбрым с бегущими должно, —
Юноше так говорит, — а со смелыми смелость опасна.
545 Юноша, дерзок не будь, над моей ты погибелью жалься!
Не нападай на зверей, от природы снабженных оружием,
Чтобы не стоила мне твоя дорого слава. Не тронут
Годы, краса и ничто, чем тронута сердце Венеры,
Вепрей щетинистых, львов, — ни взора зверей, ни души их.
550 Молнии в желтых клыках у жестоких таятся кабанов,
Грозно бросается в бой лев желтый с великою злостью,
Весь их род мне постыл». Когда ж он спросил о причине,
Молвит: «Скажу, подивись чудовищ провинности давней.
От непривычных трудов я, однако, устала, и кстати
555 Ласково тенью своей приглашает нас тополь соседний;
Ложе нам стелет трава. Прилечь хочу я с тобою
Здесь, на земле!» И легла, к траве и к нему прижимаясь.
И, прислонившись к нему, на груди головою покоясь,
Молвила так, — а слова поцелуями перемезала:

560 «Может быть, слышал и ты, как одна в состязании бега
Женщина быстрых мужчин побеждала. И вовсе не сказка
Эта молва. Побеждала она. Сказать было трудно,
Чем она выше была — красотой или ног превосходством.
Бога спросила она о супружестве. «Муж, — он ответил, —
565 Не для тебя, Аталанта! Беги от супруга ложа.
Но не удастся бежать — и живая себя ты лишишься!»
Божья вещанья страшась, безбрачной жить она стала
В частом лесу и толпу домогателей страстных суровым

Гонит условием: «Мной овладеть единственно можно,
570 В беге меня победив. Состязайтесь с моими ногами.
Быстрому в беге дадут и супругу и спальню в награду.
Плата же медленным — смерть: таково состязанья условие». Правила жестки игры! Но краса — столь великая сила!
И подчиняется ей домогателей дерзких ватага.
575 Тут же сидел Гиппомен, тот бег созерцающий неравный, —
«Ради жены ли терпеть, — восклицает, — опасность такую?»
Он осудить уж готов чрезмерное юношей чувство.
Но увидал лишь лицо и покрыва лишенное тело, —
580 Как у меня или как у тебя, если б женщиной стал ты, —
Остолбенел он и руки простер. «Простите! — сказал он. —
Был я сейчас виноват: еще не видал я награды,
Из-за которой борьба!» Восхваляя, он сам загорелся.
Чтобы никто обогнать в состязанье не смог ее, жаждет;
Чувствует ревность и страх. «Отчего мне в ристании этом
585 Счастья нельзя попытать? — говорит. — Всевышние сами —
Смелым помога!» Пока про себя Гиппомен рассуждает
Так, Аталанта уже окрыленным несется полетом.
Юноша видит ее аонийский, — как мчится быстрее
Пущенной скифом стрелы, — но сильнее девичьей красою
590 Он поражен; на бегу она ярче сияет красою!
Бьет пятами подол, назад его ветер относит,
По белоснежной спине разметались волосы вольно;
Бьются подвязки ее подколенные с краем узорным.
Вот заалелось уже белоснежное тело девичье.
595 Так происходит, когда, осеняющий атриум белый,
Алого цвета покров искусственный сумрак наводит.
Смотрит гость, а меж тем пройдена уж последняя мета.
Миг — и венок торжества украшает чело Аталанты;
Слышится стон побежденных, — и казнь по условию приемлют.
600 Но не испуган судьбой тех юношей, посередине
Встал аонийский герой и взоры направил на деву:
«Легкого ищешь зачем торжества, побеждая бессильных? —
Молвил, — со мной поборись! Коль волей судьбы одолею,
Не испытаешь стыда, что нашелся тебе победитель.
605 Ибо родителем мне Мегарей онхестиец. Ему же
Дедом — Нептун. Властелину морей, выходит, я правнук.
Доблесть не меньше, чем род. Победив Гиппомена, получишь —
Если меня победишь — долговечное, громкое имя!»

Так говорит, а Схенеева дочь на юношу смотрит
 610 Нежно, в сомненье она, поражение милей иль победа?
 «Кто ж из богов, — говорит, — красоте позавидовав, ищет
 Смерти его? Опасности жизнь дорогую подвергнув,
 Брака со мною велит помогать? Но нет, я не стою.
 Я не красой пленена, но, пожалуй, плениться могла бы.
 615 Чем же? Что юн? Так не сам он меня привлекает, а возраст.
 Чем же? Что доблестен он, что страха смерти не знает?
 Чем же? Что в роде морском поколеньем гордится четвертым?
 Чем же? Что любит меня и так наш союз ему ценен,
 Что и погибнуть готов, если рок ему жесткий откажет?
 620 Гость, пока можно, беги, откажись от кровавого брака!
 Брак со мною жесток. Сочетаться ж с тобою, наверно,
 Каждая рада. Тебя и разумная девушка взыщет.
 Но почему ж, столь многих сгубив, о тебе беспокоюсь?
 Видел он всё. Пусть падет, коль столько искателей смерти
 625 Не вразумился еще, коль собственной жизнью наскучил.
 Значит, падет он за то, что брака желает со мною?
 И за свою же любовь недостойную гибель потерпит?
 Нечего будет, увы, завидовать нашей победе.
 Но не моя в том вина! О, когда б отступить пожелал ты!
 630 Если ж сошел ты с ума, о, будь хоть в беге быстрее!
 Сколь же в юном лице у него девичьего много!
 Бедный, увы, Гиппомен, никогда бы тебя мне не видеть!
 Жизни достоин ты был, когда бы счастливей была я.
 Если бы рока вражда мне в супружестве не отказала,
 635 Был бы единственным ты, с кем ложе могла б разделить я», —
 Молвила. И в простоте, сражена Купидоном впервые,
 Любит, не зная сама, и не чувствует даже, что любит.
 Вот и народ, и отец обычного требуют бега.
 Тут призывает меня умоляющим голосом правнук
 640 Бога морей, Гиппомен: «Киферею молю, чтобы делу
 Смелому помощь дала и свои же огни поощрила».
 Нежные просьбы ко мне ветерок благосклонный доносит.
 Тронута я, признаюсь. И немедленно помощь приспела.
 Поприще есть, — Тамазейским его пазывают туземцы, —
 645 Кипрской земли наилучший кусок. Старинные люди
 Мне посвятили его и решили, как дар благочестья,
 К храму придать моему. Посреди его дерево блещет
 Золотоглаво, горят шелестящие золотом ветви.

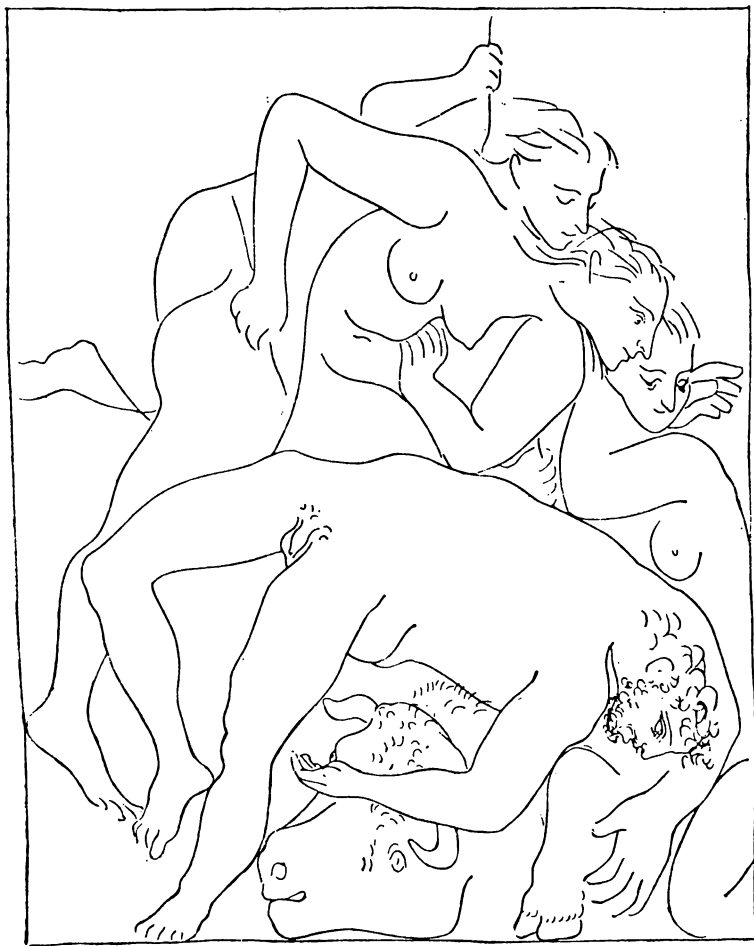
Яблока три золотых я с него сорвала и явилась,
 Их же в руке принесла; не зрима никем, им одним лишь,
 К юноше я подошла и что с ними делать внушила.
 Трубы уж подали знак, и от края, склоненные, оба
 Мчатся, легкой ногой чуть касаются глади песчаной.
 Мнятся, могли бы скользить и по морю, стоп не смочивши,
 И, не примявши хлебов, пробежать по белеющей ниве.
 Юноши дух возбужден сочувствием, криками, — слышит
 Возгласы: «Надо тебе приналечь, приналечь тебе надо!
 Эй, Гиппомен, поспешай! Пора! Собери же все силы!
 Не замедляй! Победишь!» Неведомо: сын Мегарея
 Более этим словам иль Схенеева дочь веселится.
 Сколько уж раз, хоть могла обогнать, но сама замедлялась,
 Долго взглянув на него, отвести она глаз не умела!
 Из утомившихся уст вылетало сухое дыханье.
 Мета была далеко. Тогда наконец-то Нептунов
 Правнук один из древесных плодов на ристалище кинул,
 И обомлела она, от плода золотого в восторге,
 И отклонилась с пути, за катящимся златом нагнулась.
 Опередил Гиппомен, и толпа уж ему рукоплещет.
 Но нагоняет она остановку свою и потерю
 Времени. Юношу вновь позади за спиной оставляет.
 Вот, задержавшись опять, лишь он яблоко бросил второе,
 Следом бежит и обходит его. Оставался им кончик
 Бега. «Теперь, — говорит, — помогай, о виновница дара!»
 И через поприще вбок — чтобы позже она добежала —
 Ловким, ребячьим броском он блестящее золото кинул,
 Вижу, колеблется — взять или нет; но я повелела
 Взять, и лишь та подняла, увеличила яблока тяжесть;
 Ей помешала вдвойне: промедленьем и тяжестью груза.
 Но — чтоб не стал мой рассказ самого их ристанья длиннее —
 Девушка обойдена: награду увел победитель.
 Я ль не достойна была, о Адонис, и благодарений,
 И фимиамов его? Но несчастный забыл благодарность,
 Не воскурил фимиам; я, конечно, разгневалась тотчас
 И, на презренье сердясь, чтоб впредь мне не знать унижений,
 Меры решаю принять и на эту чету ополчаюсь.
 Раз проходят они мимо храма Кибелы, который
 Ей в посвящение возвел Эхион знаменитый в тенистой
 Чаше лесов. Отдохнуть захотели от долгой дороги.

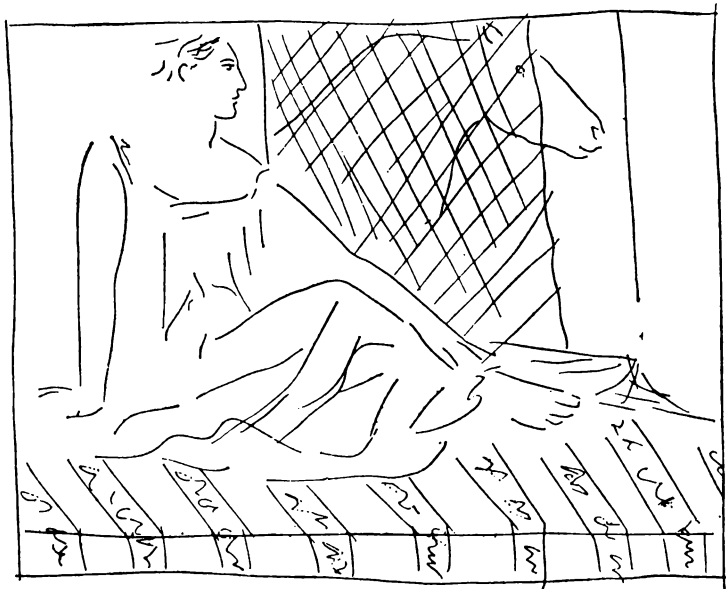
И охватила в тот миг Гиппомена не вовремя жажда
690 Совокупления, в нем возбужденная нашим наитьем.
Было близ храма едва освещенное место глухое,
Вроде пещеры. Над ним был свод из пемзы природной, —
Веры старинной приют, а в нем деревянных немало
Изображений богов стародавних жрецы посвятили.
695 Входят туда и деяньем срамным оскверняют святыню.
И божества отвратили глаза. Башненосная Мать
Думала их погрузить — виноватых — в стигийские воды:
Казнь показалась легка. И тотчас рыжею гривой
Шеи у них обросли, а пальцы в когти загнулись.
700 Стали плечами зверей человечьи их плечи. Вся тяжесть
В грудь перешла, и хвост повлачился, песок подметая.
Злость выражает лицо; не слова издают, а рычанье.
Служит им спальнею лес. Свирепостью всех утешая,
Зубом смиренным — два льва — сжимают поводья Кибелы.
705 Их ты, о мой дорогой, а с ними и прочих животных,
Не обращающих тыл, но грудь выставляющих в битве,
Всех избегай. Чтобы доблесть твою не прокляли — двое!»

Так убеждала она. И вот на чете лебединой
Правит по воздуху путь; но советам противится доблесть.
710 Тут из берлоги как раз, обнаружив добычу по следу,
Вепря выгнали псы, и готового из лесу выйти
Зверя ударом косым уязвил сын юный Кинира.
Вепрь охотничий дрот с клыка стряхает кривого,
Красный от крови его. Бегущего в страхе — спастись бы! —
715 Гонит свирепый кабан. И всадил целиком ему бивни
В пах и на желтый песок простер обреченного смерти!
С упряжью легкой меж тем, поднебесьем несясь, Киферея
Не долетела еще на крылах лебединых до Кипра,
Как услышала вдали умиравшего стоны и белых
720 Птиц повернула назад. С высот увидала эфирных:
Он бездыханен лежит, простертый и окровавленный.
Спрянула и начала себе волосы рвать и одежду,
Не заслужившими мук руками в грудь ударяла,
Судьбам упреки глася, — «Но не все подчиняется в мире
725 Вашим правам, — говорит, — останется памятник вечный
Слез, Адонис, моих; твоей повторенье кончины
Изобразит, что ни год, мой плач над тобой неутешный!

Кровь же твоя обратится в цветок. Тебе, Персефона,
Не было ль тоже дано обратить в духовитую мяту
730 Женщины тело? А мне позавидуют, если героя,
Сына Кинирова, я превращу?» Так молвив, душистым
Нектаром кровь окропила его. Та, тронута влагой,
Вспенилась. Так на поверхности вод при дождливой погоде
735 Виден прозрачный пузырь. Не минуло полного часа,—
А уж из крови возник и цветок кровавого цвета.
Схожие с ними цветы у граната, которые зерна
В мягкой таят коже, цветет же короткое время,
Слабо держась на стебле, лепестки их алеют недолго,
Их отряхают легко название им давшие ветры.

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ
LIBER UNDECIMUS

Но, между тем как леса и диких животных и скалы,
Пенью идущие вслед, ведет песнопевец фракийский,
Жены киконов, чья грудь, опьяненная вакховым соком,
Шкурами скрыта зверей, Орфея с вершины пригорка
5 Видят, как с песнями он согласует звенящие струны.
И между ними одна, с волосами, взвитыми ветром, —
«Вон он, — сказала, — вон он, — презирающий нас!» —

и метнула

В полные звуков уста певца Аполлонова тирсом,
Но, оплетенный листвою, ударился тирс, не поранив.
10 Камень — оружие другой. Но, по воздуху брошен, в дороге
Был он уже побежден согласием песни и лиры:
Словно прощенья моля за неистовство их дерзновенья,
Лег у Орфеевых ног. А вражда безрассудная крепнет;
Мера уже прейдена, все безумной Эринии служат.
15 Все бы удары могло отвести его пенье; но зычных
Шум голосов и звук изогнутых флейт берекинских,

Плеск ладоней, тимпан и вакхических возгласов вопли
Струн заглушили игру, — тогда наконец заалели
Выступы скал, обгадясь песнопевца злосчастливого кровью.
20 Завороженных еще его пения звуками, разных
Птиц бесчисленных, змей и диких зверей разогнали
Девы-менады, отняв у Орфея награду триумфа.
Вот на него самого обратили кровавые руки.
Сбились, как птицы, вокруг, что ночную случайно приметят
25 Птицу, незрячую днем; в двустороннем театре не так ли
Ждет обреченный олень, приведенный для утренней травли,
Вскоре добыча собак! На певца нападают и мечут
Тирсы в зеленой листве, — служений иных принадлежность! —
Комья кидают земли, другие — древесные сучья.
30 Те запускают кремни. Но и этого мало оружия
Бешенству. Поле воли поблизости плугом пахали;
Сзади же их, урожай себе потом обильным готовя,
Твердую землю дробя, крепкорукие шли поселяне.
Женщин завидев толпу, убегают они, побросали
35 В страхе орудья труда — кругом пораскиданы в поле,
Где бороздник, где мотыга лежит, где тяжелые грабли, —
Буйной достались толпе! В неистовстве те обломали
Даже рога у волов, — и бегут погубить песнопевца.
Руки протягивал он и силы лишенное слово
40 К ним обращал — впервые звучал его голос напрасно.
И убивают его святотатно. Юпитер! Чрез эти
Внятные скалам уста, звериным доступные чувствам,
Дух вылетает его и уносится в ветреный воздух.
Скорбные птицы, Орфей, зверей опечаленных толпы,
45 Твердые камни, леса, за тобой ходившие следом,
Дерево, листья свои потеряв и поникнув главою, —
Плакало все о тебе; говорят, что и реки от плача
Взбухли. Наяды тогда и дриады оделись в накидки
Темные и по плечам распустили волосы в горе.
50 Прах был разбросан певца. Ты голову принял и лиру,
Гебр! И — о чудо! — меж тем как несутся реки серединой,
Чем-то печальным звучит, словно жалуясь, лира; печально
Шепчет бездушный язык; и печально берега отвечают.
Вот, до моря домчав, их река оставляет родная,
55 И достаются они метимнейского Лесбоса берегу.
На чуждавшем песке змея на уста нападает

Дикая и на власы, что струятся соленою влагой.
Но появляется Феб и, готовую ранить укусом
Остановив, ей пасть превращает раскрытую в твердый
60 Камень. Как было оно, затвердело зияние зева.
Тень же Орфея сошла под землю. Знакомые раньше,
Вновь узнавал он места. В полях, где приют благочестных,
Он Эвридику нашел и желанную принял в объятья.
Там по простору они то рядом гуляют друг с другом,
65 То он за нею идет, иногда впереди выступает,—
И не страшась, за собой созерцает Орфей Эвридику.
Но не позволил Лиэй, чтоб осталось без кары злодейство:
Он, о кончине скорбя песнопевца его тайнодействий,
В роще немедленно всех эдонийских женщин, свершивших
70 То святотатство, к земле прикрепил извилистым корнем.
Пальцы у них на ногах — по мере неистовства каждой —
Вытянул и острием вонзил их в твердую почву.
Каждая — словно в силке, поставленном ловчим лукавым,—
Стоит ногой шевельнуть, тотчас ощутит, что попалась,
75 Бьется, но, вся трепеща, лишь сужает движения путы.
Если ж какая-нибудь, к земле прикрепленная твердой,
Тщится побегом спастись, обезумев, то вьющийся корень
Держит упорно ее и связует порывы несчастной.
Ищет она, где же пальцы ее, где ж стопы и ноги?
80 Видит, что к икрам ее подступает уже древесина;
Вот, попытавшись бедро в огорченье ударить рукою,
Дубу наносит удар,— становятся дубом и груди,
Дубом и плечи. Ее пред собой устремленные руки
Ты бы за ветви признал,— и, за ветви признав, не ошибся б.

85 Не удовольствован Вакх. Он эти поля покидает:
С хором достойнейших жен удаляется к Тмолу родному,
На маловодный Пактол,— хоть тот золотым еще не был
В те времена, златоносным песком не струился на зависть!
К богу привычной толпой сатиры сошлись и вакханки.
90 Но не явился Силен: дрожащий от лет и похмелья,
Схвачен селянами был из фракийцев и стащен в цветочных
Путах к Мидасу-царю, кому с кекропийцем Эвмолпом
Таинства оргий своих Орфей завещал песнопевец.
Царь лишь увидел его, сотоварища, спутника таинств,
95 Гостю желанному рад, торжественный праздник устроил,

Десять дней и ночей веселились они беспрестанно.
Вот уж одиннадцать раз Светоносец высокое войско
Звезд побеждал; тогда в лидийские доли, довольный,
Царь пришел и вернул молодому питомцу Силену.
100 Бог предоставил ему, веселясь возвращенного кормильца,
Право избрать по желанию дар, — но, увь, не на благо!
Царь, себе на беду, говорит: «Так сделай, чтоб каждый
Тронутый мною предмет становился золотом чистым!»
Дал изволение свое, наделил его пагубным даром
105 Либер; но был огорчен, что о лучшем его не просил он.
Весел ушел он; доволен бедой, — Берекинтии чадо, —
Верность обещанных благ, ко всему прикасаясь, пытается.
Сам себе верит едва: с невысокого илика ветку
С зеленью он оборвал — и стала из золота ветка.
110 Поднял он камень с земли — и золотом камень блистает,
Трогает ком земляной — и ком под властным касаньем
Плотным становится; рвет он сухие колосья Цереры —
Золотом жатва горит; сорвав ли яблоко держит —
Скажешь: то дар Гесперид; дверных косяков ли коснется
115 Пальцами — видит уже: косяки излучают сиянье;
Даже когда омывал он ладони струей водяною,
Влага, с ладоней струясь, обмануть могла бы Данаю!
Сам постигает едва совершенье мечты, претворяя
В золото все. Столы ликовавшему ставили слуги
120 С нагромождением яств, с изобильем печеного теста.
Только едва лишь рукой он коснется Церерина дара —
Дар Церерин тотчас под рукою становится твердым;
Жадным зубом едва собирается блюдо порушить,
Пышные кушанья вмиг становятся желтым металлом,
125 Только он с чистой водой смешает виновника дара,
Как через глотку питье расплавленным золотом льется.
Этой неожиданной бедой поражен, — и богатый и бедный, —
Жаждет бежать от богатств и, чего пожелал, ненавидит.
Голода не утолит уж ничем. Жжет жажда сухая
130 Горло: его поделом неотвязное золото мучит!
Он протянул к небесам отливавшие золотом руки:
«Ныне прости, о родитель Леней, я ошибся. Но все же
Милостив будь и меня из прельстительной вырви напасти!»
Кроток божественный Вакх: едва в погрешенье сознался
135 Царь, он восставил его, от условия и дара избавил.

«Чтоб не остаться навек в пожеланном тобою на горе
Золоте, — молвил, — ступай к реке, под великие Сарды,
Горным краем иди; навстречу струящимся водам
Путь свой держи, пока не придешь к рождению потока.
140 Там, под пенный родник, где обильней всего истечение,
Темя подставь и омой одновременно тело и грех свой!»
Царь к тем водам пришел. Окрасила ток золотая
Сила и в реку ушла из его человеческой плоти.
Ныне еще, получив златоносное древнее семя,
145 Почва тверда, и блестят в ней влажные золота комья.
Царь, убоявшись богатств, в лесах стал жить по-простому
С Паном, который весь век обитает в нагорных пещерах.
Ум лишь остался тугим у него. Опять обратились
Глупые мысли царя обладателю их не на пользу.
150 Там, в даль моря смотря, поднимается гордо обширный
Тмол с подъемом крутым; его опускаются склоны
К Сардам с одной стороны, с другой — к невеликим Гипепам.
Пан, для нимф молодых там песни свои распевая,
Голос их сам выводя на воском скрепленной цевнице,
155 Ниже напевов своих оценил Аполлоново пенье,
Вышел в неравный с ним бой, а Тмол был избран судьей.
Сел на гору свою судья престарелый, а уши
Освободил от листвы — одним лишь увенчаны дубом
Сизые волосы; вокруг висков упадают, он видит,
160 Желуди. Вот, посмотрев на скотского бога, сказал он:
«Ждать не заставит судья!» Тот начал на сельской свирели.
Варварской песней своей он Мидаса, который случайно
При состязании был, прельстил. И лицо обращает
Старый судья к Аполлону, — с лицом и леса обернулись.
165 Феб, с золотой головой, увитою лавром парнасским,
Землю хламидою мел, пропитанной пурпуром Тира.
Лиру в убранстве камней драгоценных и кости индийской
Шуйцей поддерживал он, десница щипком управляла.
Вся же осанка была — музыканта. Вот потревожил
170 Струны искусным перстом. И, сладостью их покоренный,
Тмол порешил, чтоб Пан не равнял своей дудки с кифарой.
Суд священной горы и решение одобрены были
Всеми. Их только один порицал, называя суждение
Несправедливым, — Мидас. И Делиец терпеть не изволил,
175 Чтоб человеческий вид сохранили дурацкие уши:

Вытянул их в длину, наполнил белеющей шерстью,
Твердо стоять не велел и дал им способность движенья.
Прочее — как у людей. Лишь одной опорочен он частью.
Так был украшен Мидас ушами осла-тихохода.
180 Все же пытается он скрыть стыд свой: голову с тяжким
Знаком позора прикрыть пурпурного цвета повязкой.
Только один его раб, который обычно железом
Волосы царские стриг, все видел. Не смея позора
Выдать, но всем разгласить его страстно желая, не в силах
185 Более тайну хранить, убежал он и выкопал ямку
И о господских ушах, которые видел случайно,
Повесть тихонько ведет, и в самую ямочку шепчет.
Свой потаенный донос он опять зарывает землею
Той же и молча назад от закопанной ямки уходит.
190 Вскоре там начал расти тростник трепещущий, целой
Рощей. А только созрел, — лишь год исполнился, — тайну
Выдал он жителям сел; колеблемый ласковым ветром,
Молвит зарытую речь, обличая Мидасовы уши.

С Тмола ушел отомщен и, воздухом ясным понесшись,
195 Узким морем промчась Нефелиной дочери Геллы,
В Лаомедонта полях появился потомок Латоны.
С правой руки от Сигея лежит, от Ретей же — с левой
Древний алтарь; посвящен Паномфейскому он Громовержцу.
Там зрит бог, что создать для Трои новые стены
200 Силится Лаомедонт, что его велико предприятие,
Но что идет не легко и требует денег немало.
Вместе с отцом глубоких пучин, трезубец носящим,
В смертном обличии Феб предстает, — и владыке-фригийцу
Стены возводят они, обеспечив условием плату.
205 Труд завершают. Но царь отрицает свой долг, добавляя, —
Верх вероломства! — что он никогда не давал обещанья.
«Это тебе не пройдет!» — говорит бог моря и воды
Стал свои наклонять к побережью скупающейся Трои.
Земли Нептун обратил в сплошную пучину, богатства
210 Отнял у жителей сел; он волны обрушил на пашни.
Кара и эта мала: сама дочь царская в жены
Чуду морскому дана; к скале прикрепленную деву
Освобождает Алкид и в награду обещанных коней

215 Требует и, за отказ оплатить столь великое дело,
Крепость Трон берет, победив, — вероломную дважды.
Не без почета ушел Теламон, ополченья участник:
В жены ему Гесиона дана. Супругой-богиней
Был уже славен Пелей. Не больше гордился он дедом,
Нежели тестем своим — затем, что Юпитера внуком
220 Многим случалось быть, но женат на богине — единый.
Старец Протей Фетиде сказал: «Водяная богиня,
Сына зачни! Твой будущий сын деяньями славы
Славу отцову затмит и больше отца назовется».
Так, чтоб в мире ничто Юпитера не было больше,
225 Хотя и не слабое он в груди своей чувствовал пламя,
Все ж с Фетидой морской избегает соитья Юпитер.
Этот желанный удел он велит унаследовать внуку,
Сыну Эака: вкусить объятия девы подводной.

Есть Гемонийский залив, закругленный в подобие лука:
230 В море уходят концы. Будь глубже вода, там была бы
Гавань. Но море едва на поверхность песка набегаёт.
Берег же — твердый, на нем от ноги отпечатка не видно,
Не замедляется шаг, не тянется поросль морская.
Сверху — миртовый лес с изобилием ягод двухцветных:
235 Есть там пещера; сказать, природа она иль искусство, —
Трудно. Искусство скорей. Нередко, Фетида нагая,
Ты приплывала сюда, на взнузданном сидя дельфине.
Там ты, окована сном, лежала; Пелей же тобою
Там овладел: поскольку мольбы ты отвергла, прибег он
240 К силе и шею тебе обеими обнял руками.
Тут, не воспользуясь ты для тебя обычным искусством, —
Свойством обличья менять, — тобой овладел бы наверно.
Птицею делалась ты, — он тотчас же схватывал птицу;
Корни пускала в земле, — Пелей уж на дереве виснул.
245 В третий ты раз приняла пятнистой тигрицы обличье,
И, уstraшен, Эакид разомкнул вокруг тела объятье.
Вот он морским божествам, вино возливая на волны,
Жертвы приносит, и скот приводя, и куря фимиамы.
И из морской глубины наконец вещун карпатийский
250 Молвил ему: «Эакид, ты желанного брака достигнешь!
Только лишь дева уснет, успокоясь в прохладной пещере,
Пути накинй на нее и покрепче свяжи незаметно.

Да не обманет тебя она сотнями разных обличей,—
Жми ее в виде любом, доколь не вернется в обычный». 255
Молвил Протей и лицо скрыл вновь в пучину морскую,
Волнам нахлынуть велел и залил окончание речи.
Мчался к закату Титан и дышлом касался наклонным
Вод гесперийских. Краса Нереида покинула море
И, как обычно, вошла в знакомую опочивальню.
260 Только лишь девичий стан обхватили объятья Пелея,
Стала та виды менять. Но чувствует, крепко он держит
Тело; туда и сюда пришлось ей протягивать руки —
И застонала: «Твоя не без помощи божьей победа!» —
Стала Фетидою вновь и открылась; герой ее обнял.
265 Взял, что желал, и могучий Ахилл был Фетидою зачат.

Счастлив сыном Пелей и богинею счастлив супругой;
Все бы досталось ему, когда б не его преступленье,
Фока убийство! Его, виновного в братниной крови,
Вон из-под кровли родной убежавшего, принял Трахинский
270 Край. Державствовал там, убийств и насилий не зная,
Сын Светоносца-звезды, в лице сохранивший сиянье
Отчее, добрый Кеик. В то время он был опечален:
Сам на себя не похож,— потерю оплакивал брата.
Тут-то к нему Эакид, истомленный путем и тревогой,
275 Прибыл и в город его при немногих вошел провожатых,
Все же довольствие, скот, который с собою водил он,
Неподалеку от стен в тенистой оставил долине.
Вот, получив изволение войти во дворец государев
И протянув на руке край платья в знак умоления,
280 Кто он, чей сын, говорит. Лишь одно преступленье скрывает,
Бегства причину назвав измышленную, просит приюта
В городе или вне стен. Трахинец с лицом благодушным
Так отвечает ему: «И простому народу открыты
Наши угодья, Пелей. Не грешим мы негостеприимством.
285 К расположенью души и другие прибавь побужденья:
Имя и то, что ты внук Громовержца,— не траться на просьбы.
Все, чего просишь, бери,— и пусть во всем, что увидишь,
Часть ты видишь свою! О, когда бы ты лучшее видел!»
Молвив, заплакал. Ему о причине подобных страданий
290 Ставят вопрос и Пелей и спутники. Тот отвечает:

«Верно, пернатую ту, что живет грабежом и пугает
Птиц всех, считаете вы обладавшей всегда опереньем?
Мужем была! У нее и душевная крепость его же:
295 Был он жесток и свиреп на войне, в бой вечно он рвался,
Дедалионом был зван; у нас с ним общий родитель,
Что вызывает зарю и с неба последним уходит.
Мир я любил. Всегда я заботу лелеял о мире
И о супружестве. Брат — войною пленен был жестокой,
Доблесть его покоряла ему и народы и царства,
300 Ныне же доблестно он голубей преследует в Тисбе.
Дочь он Хиону родил. Женихов она тысячи дивным
Видом своим привлекла, как четырнадцать лет ей минуло.
Раз возвращались вдвоем, Аполлон и Майей Рожденный,
Первый из Дельф, а второй — с вершины Киллены; и оба
305 Сразу узрели ее и сразу же к ней вспыхнули.
Но упования любви Аполлон отлагает до ночи.
Тот же не в силах терпеть — и тростью, сон наводящей,
Девьих касается уст: та спит под могучим касаньем.
Силою взял ее бог. Ночь в небе рассыпала звезды.
310 Образ старухи приняв, и Феб достигает блаженства.
Вот уже сроки свои исполняет созревшее чрево:
Хитрый родился побег от ствола крылоногого бога.
Звался Автоликом он, на всякие ловок проделки,
Сделать свободно — и тем он искусства отца не позорил —
315 Белое черным он мог и из белого черное сделать.
Фебов же сын у нее — ибо двойней она разрешилась —
Был Филаммон, знаменитый игрой на кифаре и пеньем.
Что породила двоих, что двоим божествам полюблилась,
И что отец у нее силач, и что дед Громовержец, —
320 Было ли девушке впрок? Не многих ли слава сгубила?
Вправду, сгубила ее. Пред Дианою превозноситься
Стала она и в лицо похулила богиню. И лютым
Гневом исполнилась та. «Понравлюсь делами!» — сказала;
И не помедлила: лук напрягла, стрелу наложила
325 На тетиву и, стрельнув, пронизала язык виноватый.
Смолк язык; не смогли раздаться ни голос, ни слово;
Хочет сказать, но уж с кровью и жизнь ее покидает.
Деву, — о горе любви! — как отец пожалел я всем сердцем,
Братнину зная любовь, утешать его тщился словами.
330 Им он, однако, внимал, как ропоту моря — глухие.

Сетуя, горько стонал он о гибели дочери милой.
В час, как сжигали ее, четырежды он устремлялся
Ринуться в самый костер. Четырежды был он удержан;
335 Кинулся в бегство тогда; быку был подобен, который
Шершня жало с собой, застрявшее в шее, уносит
И без дороги бежит. Я вижу: скорей человека
Мчитса он, — будто его оперились крыльями ноги.
Он ото всех убежал и, жаждою смерти стремимый,
340 Верха Парнаса достиг. Аполлона тронула жалость,
Как увидел он, что Дедалион с утеса низвергся:
В птицу его превратил; поддержал, окрыливши внезапно.
Дал ему загнутый клюв, крючковатые дал ему когти,
Прежнюю доблесть его и мощь не по малому росту.
Ныне он ястреб; ко всем беспощаден пернатым, со всеми
345 Злобен и, мучаясь сам, другим становится мукой».

Но между тем как рассказ о чуде, свершившемся с братом,
Сын Светоносца ведет, к ним вдруг, запыхавшись от бега,
Сторож Пелеевых стад прибегает, фокеец Онéтор.
«Ой, Пелей, Пелей! Я великого вестник несчастья!»
350 Проговорил, но Пелей приказал — что бы ни было — молвить.
Сам Трахинский герой в ожиданье от страха трепещет.
Тот говорит: «Усталых коров пригнал я к излуче
Берега, солнце как раз в наивысшей точке вселенной
Столько же зрело пути позади, сколько спереди было.
355 Часть коров на песок золотой преклонила колени, —
Лежа глядели они на широкое поприще моря;
Шагом тяжелым меж тем другие свободно бродили;
Часть их плывет, из воды выставляя высокую выю.
Храм возле моря стоит, где ни золота нет, ни порфира.
360 Чащей гордится дерев, осененный дубравою древней.
В нем Нереид и Нерея алтарь. Что их почитают
В храме, сказал нам рыбак, на побережии сети чинивший.
Рядом болотце лежит, поросшее ветлами густо,
Образовалось оно из воды застоявшейся моря.
365 Вдруг, зашумев, затрещав, устрашая ближайшую местность,
Зверь громаднейший, волк из чащи болотной выходит;
Смочена грозная пасть и пеной, и спекшейся кровью;
Страшно сверкают глаза, налитые пламенем красным.
Равно от голода он и от ярости бешен, но, видно,

370 Больше от ярости; он не стремится коров растерзаньем
 Дикую алчность свою, голодая, насытить; но кряду
 Весь разрывает он скот, им все положены кряду.
 Часть из нас роковым уязвил он укусом: в то время
 Как на защиту спешат, встречаются погибель. От крови
 375 Красен весь берег, вода и полное воем болото.
 Но в промедлении — смерть, колебания дело не терпит!
 Цело еще кое-что, соберемся же все и оружие
 Схватим скорей и все вместе пойдем от врага отбиваться!» —
 Молвил пастух, но рассказ о несчастье не тронул Пелея:
 380 Вспомнил он о грехе, все понял: в тоске Нереида
 Фоку несет своему то бедствие в дар поминальный.
 Вооружиться мужам, взять на плечи мощные копыя
 Царь этейский велит; и сам он готовился с ними
 Выступить, но Алкиона, жена его, шумом встревожась,
 385 Быстро бежит из дверей, волос не окончив убора;
 Порастолкала их всех и, повиснув на шее супруга,
 Просит словами его и слезами, чтоб помощь послал он,
 Но чтобы сам не ходил и две спас жизни в единой.
 Ей Эакид: «Свой полный любви и прекрасный, царица,
 390 Страх отреши! Я вполне с пожеланьем твоим соглашаюсь;
 Не по душе поднимать мне оружие на новых чудовищ, —
 Должно морское почтить божество!» Там высилась башня,
 Видная издалека, — маяк для судов утомленных.
 Вот туда поднялись и на бреге простертое стадо
 395 Видят с печалью они, и с устами кровавыми зверя —
 Опустошителя зрят, с окровавленной длинною шерстью.
 Руки тогда протянув к побережью открытого моря,
 Начал Пелей умолять Псамафу лазурную, чтобы,
 Гнев позабыв, на помощь пришла. Но мольбы Эакида
 400 Тронуть ее не могли. За супруга взмолилась Фетида
 И получила ему отпущенье. Из бойни отозван,
 Все же упорствует волк, разъярившись от сладости крови.
 Но между тем как повис он на шее растерзанной телки,
 В мрамор был сам обращен; все тело осталось, как было,
 405 Кроме окраски его; цвет камня напоминает,
 Что уж теперь он не волк, что его опасаться не должно.
 В этой, однако, земле беглецу оставаться Пелею
 Рок не позволил. Пришел к Магнетам изгнанник и там лишь
 От преступления был гемонийцем очищен Акастом.

410 Чудом с братом своим и вторично свершившимся чудом
 В сердце смущен и встревожен Кеик и готовится, с целью
 Божьи вешанья узнать — утешенье всегдашнее смертных, —
 В Клар к Аполлону идти. Форбант в то время безбожный
 С шайкой флегийцев пути заступал к святыням дельфийским.
 415 И о решении тебя, Алкиона вернейшая, нежный
 Предупреждает супруг. Но ее, лишь об этом узнала,
 Холод пронзил до костей. Лидо ее стало бледнее
 Бледного букса, и слез струи увлажнили ей щеки.
 Трижды хотела сказать, и трижды струилися слезы.
 420 И, прерывая свои задушевные жалобы всхлипом,
 Молвит: «Какую вину допустила я, милый, что мыслью
 Ты отвратился? Куда твоя прежняя делась забота?
 Ныне ты можешь уйти, Алкиону спокойно покинув,
 Люб тебе длительный путь, — я издали стала милее!
 425 Лишь бы по суше ты шел, — печалиться буду я так же, —
 Страха не будет зато; тосковать мне тогда без боязни:
 Сердце страшит мне вода, унылое зрелище моря.
 На побережье на днях я разбитые видела доски;
 И на холмах погребальных, без тел, — имена прочитала.
 430 Да не обманет души уверенность ложная, друг мой,
 Что Гиппотад тебе тесть, который могучие ветры
 Держит в темнице и зыбь по желанью смиряет морскую.
 Если он выпустит их и они овладеют зыбями,
 Им не запретно ничто, перед ними земля беззащитна
 435 Вся, беззащитны моря; они гонят и по́ небу тучи,
 И вытряхают огонь багряный, сшибаясь жестоко.
 Знала я их хорошо, да, знала; я маленькой часто
 Видела их у отца и тем более знаю опасность.
 Если решение твое никакими нельзя уж мольбами,
 440 Милый супруг, изменить и отправившись ты непременно, —
 В путь возьми и меня. Всеу мы подвергнемся вместе.
 Не усташусь я ничем, все сама испытаю. Снесем мы
 Вместе что ни случись и по морю вместе помчимся!» —
 Молвит Эолова дочь. Словами ее и слезами
 445 Тронут был звездный супруг. Он не меньше любовью пылает,
 Но путешествия все ж отложить не желает морского
 И, чтоб опасности с ним Алкиона делила, — не хочет,
 Много он ей говорил в утешение робкому сердцу, —
 Тщетно: ничем убедить не может ее. Добавляет

450 Ей в облегчение так, — лишь этим склонил он супругу:
 «Длительно всякое мне промедленье; тебе обещаю
 Отчим огнем, я вернусь — коль будет судеб изволение —
 Раньше, чем дважды луна успеет достичь полнолунья».
 При обещанье таком на возврат в ней возникла надежда.
 455 Тотчас велит он сосновый корабль из гавани вывести,
 В море спустить и его оборудовать всем снаряжением,
 И, увидавши корабль, как будто в грядущем читая,
 В ужас пришла Алкиона, и слез заструились потоки.
 Мужа она обняла и устами печальными, в горе,
 460 Молвит «прости» наконец и, промолвив, без чувств упадает.
 Но уж торопит Кеик, и юноши, двоянным рядом,
 К груди могучей уже придвигают гребущие весла,
 Ровными волны они разрезают ударами. Очи
 Влажные тут подняла Алкиона и видит супруга,
 465 Как он на гнутой корме стоит и машет рукою.
 Знакам его отвечает она. Земля отступает
 Дальше; скоро и лиц различить уже очи не в силах;
 Все ж, пока можно, следит она взором за судном бегущим;
 А как уже и корабль не могла в отдалении видеть,
 470 Стала на парус смотреть, высоко трепетавший на мачте,
 А как и парус исчез, ушла, опечалена, в спальню
 И на пустую постель прилегла; вновь вызваны слезы
 Ложем и местом; ей все говорит об утраченном друге!
 Вышли из порта они. Дуновенье гребцов заменило.
 475 Боком уже мореход обращает всящие весла;
 Реи на самом верху помещает он мачт и полотна
 Все наставляет и в них принимает поднявшийся ветер.
 Вот полдороги уже — но, конечно, не больше — по водам
 Судно проплыло, и был еще берег противный далёко, —
 480 Вдруг перед ночью белеть набухавшими волнами море
 Начало, сразу сильней стал дуть неожиданный ветер.
 «Верхние реи снимать! живей! — восклицает в тревоге
 Кормчий. — Эй! Привязать полотнища к мачтам, не медлить!»
 Так он велит, — но мешает уже налетевшая буря.
 485 Голоса слышать уже не дают грохотанием волны;
 Сами спешат моряки тем не менее вытащить весла;
 Те — укрепляют борты, паруса отнимают у ветра;
 Черпает влагу иной, льет воду же в воду морскую;
 Этот схватился за снасть; пока действуют так без приказа,

490 Грозная буря растет; отовсюду жестокие ветры
В битву идут и крутят зыбей возмущенные глуби.
Кормчий в ужасе сам, признается себе, что не знает,
Как поступить, что́ ему запрещать, что́ приказывать должно, —
Тяжесть беды такова, настолько сильнее искусства!
495 Вправду, и крик моряков раздается, и весел скрипенье,
Воды набегом воды угрожают, и небо громами —
Волн громады встают с небесами как будто бы вровень,
Море и брызгами волн окропляет нашедшие тучи;
То поднимая со дна золотистый песок, принимает
500 Краску его, то черней становится стиксовой влаги;
То простирается вдруг и шумящею пеной белеет.
Вслед переменам его и трахинское мечется судно:
То высоко вознесясь, как будто бы с горной вершины
Смотрит оно на долины внизу и на глубь Ахеронта,
505 То, как обстанут корабль опустившийся волны крутые,
Будто на небо вверх из аидовой смотрит пучины.
Борт, то и дело волной ударяем, грохочет ужасно, —
Он не слабее гремит, чем железный таран иль баллиста,
Чей потрясает удар крепостную уставшую стену;
510 Или чем дикие львы, что бегут, на ходу удвоя
Силы, грудью вперед, навстречу протянутым копьям.
Так устремлялась вода под порывом восставшего ветра
И подступала к снастям, и намного уж их превышала.
Клинья расшатаны; вот, воскового лишившись покрова,
515 Щели зияют, пути открывая погибельным водам.
Вот из разъявшихся туч широко извергаются ливни.
Можно подумать, что все опускается на море небо
Или что море само подымается к хлябям небесным.
Дождь промочил паруса, с небесными водами воды
520 Моря смешались, и нет ни проблеска в черном эфире.
Вкупе бессветную ночь гнетут ее темень и буря;
Их разрывают одни, полыханьями мрак озаряя,
Молнии. Молний огнем загораются бурные воды.
И уж ввергается внутрь через дыры бортовой обшивки
525 Водный поток; как солдат, из всего превосходнейший строя,
Что наконец, подскочив к стенам защищенного града,
Видит свершение надежд и, зажженный желанием славы,
Стену один среди тысяч мужей наконец занимает, —
Так о крутые бока ударяли жестокие волны;

530 Все же могучее всех был приступ девятого вала!
Он лишь тогда перестал штурмовать корабль
истомленный,
Как запрокинулся внутрь, за борт плененного судна.
Все же часть моря еще кораблем овладеть устремлялась,
Часть наполняла корабль. И не менее все трепетали,
535 Нежели в граде, когда пробивают одни крепостную
Стену, другие меж тем ее изнутри занимают.
Слабо искусство. Дух пал. И сколько валов ни нахлынет,—
Кажется,— что ни волна, то мчатся и рушатся смерти!
Этот расплакался, тот отупел, другой называется
540 Счастьем обряд похорон иль богов почитает обетом,—
Руки напрасно воздев к небесам, невидимым взору,
Молит о помощи; тот — отца вспоминает и братьев;
Этот — с имуществом дом,— чтоб каждый на бреге оставил.
Но к Алкионе Кеик устремлен. На устах у Кеика
545 Лишь Алкиона одна. Ее хоть одной он желает,—
Рад, что не с ними она. Он жаждет родные пределы
Вновь увидеть, обратить на дом свой последние взоры.
Только не знает, где он, столь сильным море вскипает
Водоворотом, а тень, наведенная черною тучей,
550 Небо окутала все и образ удвоила ночи.
Сломлена мачта, сразил ее вихрь, из туч налетевший,
Сломлен и руль, и, добычей гордясь, высоко подымаясь,
Как победитель волна на согбенные воды взирает
И тяжело, как будто весь Пинд с Афоном с их места
555 Кто-то спихнул и стремглав опрокинул в открытое море,
Рушится в бездну сама и силой удара и веса
Вглубь погружает корабль. Немалая часть мореходов
Тяжкой пучиной взята, на воздух уже не вернувшись,
В бездне погибель нашла; другие схватились за части
560 Судна разбитого; сам рукою, державшею скипетр,
Стиснул Кеик обломок весла. К отцу он и к тестю
Тщетно взывает, увы! Но жена Алкиона не сходит
С уст пловца. Он ее вспоминает, о ней говорит он.
Чтобы пред очи ее был мертвый он выброшен морем,
565 Молит, чтоб руки друзей возвели ему холм надмогильный.
Только позволит волна уста разомкнуть, он далекой
Имя супруги твердит, под водою — и то его шепчет.

Но над волнами меж тем вдруг черная водная арка
Рушится, пеною вод погруженную голову кроя.
570 И Светоносец в ту ночь был темен, его невозможно
Было признать, поскольку с высот отлучиться Олимпа
Не дозволялось, свой лик он густыми закрыл облаками,
Дочь Эола меж тем, о стольких не зная несчастях,
Ночи считает; уже разбирает поспешно, какие
575 Платья наденет Кеик; в какие, когда он вернется,
Ей нарядиться самой: о возврате мечтает напрасно!
Всем между тем божествам приносила она восккуренья,
Боле, однако же, всех почитала святыню Юноны;
Ради супруга,— уже неживого! — алтарь посещала.
580 Чтобы супруг ее был невредим, чтобы он возвратился,
В сердце молила, чтоб ей предпочесть не подумал другую,—
Этого лишь одного из стольких достигла желаний!

Дольше богиня терпеть не могла, что за мертвого мужа
Просит она; чтоб алтарь оградить от молений зловещих,
585 Молвит: «Ирида, моей вернейшая вестница воли!
Быстро отправься ко Сну в наводящую дрему обитель
И прикажи, чтобы он Алкионе послал в сновиденье
Мужа покойного тень, подобие подлинной смерти!»
Молвила так,— и в покров облакается тысящецветный
590 Вестница и, небеса обозначив округлой дугою,
В скрытый под скалами дом отлетела царя сновидений.
Близ Киммерийской земли, в отдаленье немало, пещера
Есть, углубленье в горе,— неподвижного Сна там покой.
Не достигает туда, ни всходя, ни взойдя, ни спускаясь,
595 Солнце от века лучом: облака и туманы в смешенье
Там испаряет земля, там смутные сумерки вечно.
Песней своей никогда там птица дозорная с гребнем
Не вызывает Зарю; тишину голоса не смущают
Там ни собак, ни гусей, умом собак превзошедших.
600 Там ни скотина, ни зверь, ни под ветренным веяньем ветви
Звука не могут издать, людских там не слышится споров.
Полный покой там царит. Лишь внизу из скалы вытекает
Влаги летеиской родник; спадает он с рокотом тихим,
И приглашают ко сну журчащие в камешках струи.
605 Возле дверей у пещеры цветут в изобилии маки;

Травы растут без числа, в молоке у которых собирает
 Дрему росистая ночь и кропит потемневшие земли.
 Двери, которая скрип издавала б, на петлях вращаясь,
 В доме во всем не найти; и сторожа нет у порога.
 610 Посередине кровать на эбеновых ножках с пуховым
 Ложем, — неясственен цвет у него и покров его темен.
 Там почивает сам бог, распростертый в томлении тела.
 И, окружив божество, подражая облициям разным,
 615 Всё сновиденья лежат, и столько их, сколько колосьев
 На поле, листьев в лесу иль песка, нанесенного морем.
 Дева едва лишь вошла, сновиденья раздвинув руками,
 Ей преграждавшие путь, — засиял от сверканья одежды
 Дом священный. Тут бог, с трудом отягченные дремой
 Очи подымая едва и вновь их и вновь опуская
 620 И упавшим вновь подбородком о грудь ударяясь,
 Все же встряхнулся от сна и, на ложе привстав, вопрошает, —
 Ибо ее он признал, — для чего появилась. Та молвит:
 «Сон, всех сущих покой! Сон между бессмертных тишайший!
 625 Мир души, где не стало забот! Сердце усладитель
 После дневной суеты, возрождающий их для работы!
 Ты сновиденьям вели, что всему подражают живому,
 В город Геракла пойти, в Трахины, и там Алкионе
 В виде Кеика предстать, и знаки явить ей крушенья.
 Это — Юноны приказ». Передав порученье, Ирида
 630 Вышла. Дольше терпеть не в силах была испарений;
 Сон стал в теле ее разливаться, — она убежала
 И возвратилась к себе на той же дуге семицветной.
 Сон же из сонма своих сыновей вызывает Морфея, —
 Был он искусник, горазд подражать человеческим обличьям, —
 635 Лучше его не сумел бы никто, как повелено было,
 Выразить поступь, черты человека и звук его речи.
 Перенимал и наряд и любую особенность речи,
 Но подражал лишь людям одним. Другой становился
 Птицей, иль зверем лесным, или длинною телом змеею.
 640 Боги «Подобным» его именуют, молва же людская
 Чаше «Страшилом» зовет. От этих отличен искусством
 Третий — Фантаз: землей, и водой, и поленом, и камнем, —
 Всем, что души лишено, он становится с вящим успехом.
 Эти царям и вождям среди ночи являют обычно
 645 Лики свои; народ же и чернь посещают другие.

Ими старик пренебрег; из братьев всех он Морфея,
Чтоб в исполнение привести повеления Таумантиды,
Выбрал; и снова уже, обессилен усталостью томной,
Голову Сон преклонил и на ложе простерся высоком.

650 Вот Морфей полетел, на крыльях рея бесшумных,
Сквозь темноту, и спустя недолгое время явился
В град гемонийский, и там отложил свои крылья и принял
Облик Кеика-царя, и отправился, в обличье новом,
Иссиня-желт, без кровинки в лице, без всякой одежды,
655 К ложу несчастной жены и стал там; мокры казались
И борода, и волос обильно струящихся пряди.
Так, над постелью склонясь и лицо заливая слезами,
Молвил: «Несчастливая, ты узнаешь ли Кеика, супруга?
Или мне смерть изменила лицо? Вглядишься: ты узнаешь;
660 Но не супруга уже обретишь, а призрак супруга.
Не помогли мне, увы, твои, Алкиона, обеты!
Да, я погиб. Перестань дожидаться меня в заблужденье!
Судно застиг грозовой полуденный, в Эгеевом море,
Ветер. Носил по волнам и разбил дуновеньем ужасным.
665 Эти уста, что имя твое призывали напрасно,
Воды наполнили; то не рассказчик тебе возвещает,
Коему верить нельзя, и не смутные слухи ты слышишь,—
Сам о себе говорю, потерпевший кораблекрушенье!
Встань же; плакать зачни; оденься в одежды печали;
670 Без возрыданий, жена, не отправь меня в Тартар пустынный!»
Голос прибавил Морфей, который она за супружний
Голос могла бы принять; и казалось, доподлинно слезы
Он проливает; в руках — движения были Кеика.
И застонала в слезах Алкиона; все время руками
675 Движет во сне; но, к телу стремясь, лишь воздух объемлет
И восклицает: «Постой... Куда ж ты? Отправимся вместе!»
Голосом, видом его смущена, отряхает, однако,
Дрему и прежде всего озирается, все ли стоит он
Там, где виден был ей. Но, встревожены голосом, слуги
680 Свет внесли; и когда не нашли его, как ни искали,
Бить себя стала в лицо, на груди разрывая одежды,
Ранит и грудь. Волос распустить не успела — стрижет их,—
И на вопрос, отчего она плачет, кормилице молвит:
«Нет Алкионы уже, нет больше! Мертвою пала

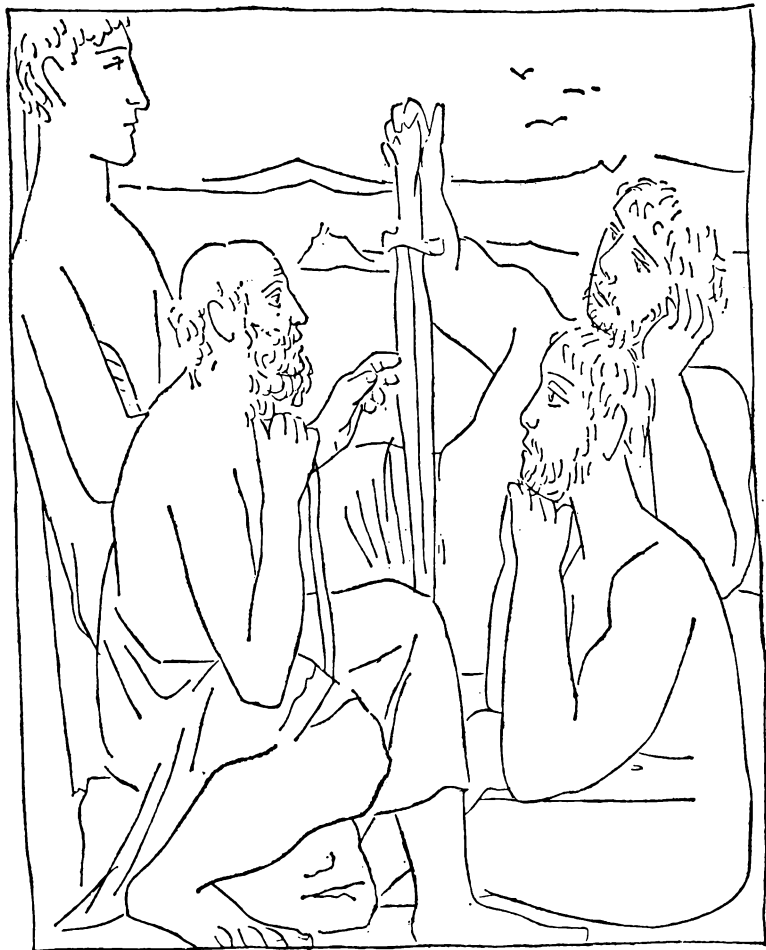
685 Вместе с Кеиком своим. Прекратите слова утешенья!
В море супруг мой погиб: я видела, я распознала;
Руки простерла его задержать, как стал удаляться, —
Тенью он был! Все ж тень очевидна была; то супруга
Подлинно тень моего. Но ежели спросишь, — другим был
690 Облик его, необычным; лицом не сиял он, как прежде,
Бледный он был и нагой, со струящимися волосами
Перед несчастною мной! На этом вот месте стоял он
В образе жалком, — искать я стала, следов не видать ли, —
Вот оно, вот оно то, что вещую душу страшило!
695 Чтобы за ветром вослед он не плыл, я его умоляла;
Как я хотела, чтоб он, коль уже отправлялся на гибель,
Взял с собой и меня! С тобою бы надо, с тобою
Плыть мне. Поскольку во всю мою жизнь ничего не свершила
Я несовместно с тобой, — пусть были б и в смерти мы вместе! —
700 Я погибаю одна. Одну меня бурей носит:
Нет меня в море, но все ж я у моря во власти: и моря
Горше да будет мне мысль, что стану стараться напрасно
Жизни срок протянуть, а с ней и великую муку!
Не постараюсь я, нет, тебя не оставляю, мой бедный!
705 Спутницей тотчас к тебе я отправлюсь, — и если не урна
Свяжет в могиле двоих, то надпись надгробная. Если
Кости к костям не прильнут, хоть имени имя коснется».
Больше сказать не могла от страданья. Прервал ее слово
Плач, и жалобный стон из убитого сердца исторгся.
710 Утро пришло, и в тоске Алкиона выходит на берег
К месту, откуда она на отплывшего мужа глядела.
Молвит: «Медлил он здесь, здесь, — молвит, — парус он поднял,
Здесь на морском берегу он меня целовал...» — повторяет.
Все, что свершилось тогда, пред очами встает; и на море
715 Бросила взор; в волнах на большом расстоянии что-то
Видится ей — будто тело плывет. Сначала не может,
Что там такое, решить. Но лишь малость приблизились волны —
Явственно тело она признает, хоть оно и далёко.
Пусть не знала, кто он, но, видя, что жертва он моря,
720 Знаком дурным смущена, льет слезы над ним, незнакомым:
«Горе тебе, о бедняк, и твоей — коль женат ты — супруге!»
Тело меж тем на волнах приближалось. Чем долее смотрит,
Меньше и меньше она сомневается; вот уже близко,
Около самой земли: уже распознать его можно.

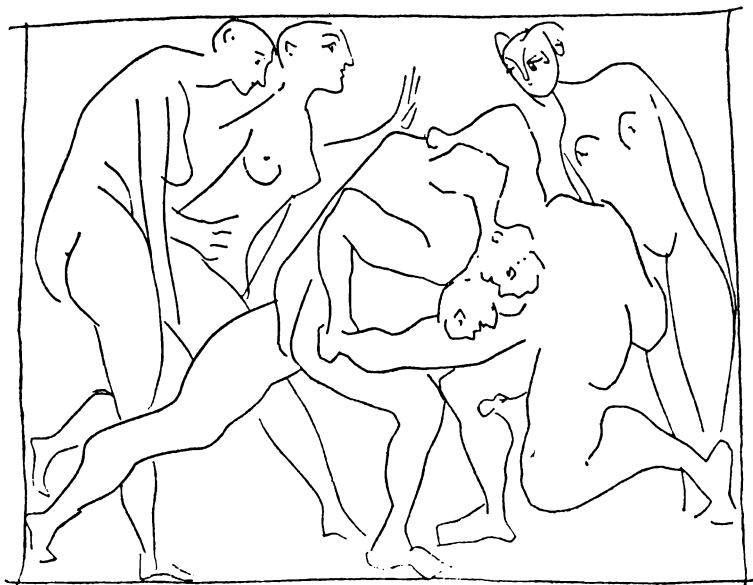
725 Смотрит: то был ее муж! «Он, он!» — восклицает и сразу
 Волосы, платье, лицо раздирает; дрожащие руки
 Тянет к Кеику она, — «Ах, так-то, супруг мой любимый,
 Так-то, мой бедный, ко мне возвращаешься?» — молвит, У моря
 Есть там плотина, людьми возведенная; первое буйство
 730 Волн разбивает она и напор водяной ослабляет.
 Вот вскочила туда, и — не чудо ли? — вдруг полетела.
 Вот, ударяя крылом, появившись только что, воздух,
 Стала поверхность волны задевать злополучная птица,
 И на лету издавали уста ее жалобы полный,
 735 Скорбный как будто бы звук трещанием тонкого клюва.
 Вот прикоснулась она к немому бескровному телу,
 Милые члены держа в объятии крыльев недавних,
 Тщетно лобзанья ему расточает холодные клювом.
 То ли почувствовал он, иль почудилось ей, что приподнял
 740 Он из прибоя лицо, толкуют по-разному; только
 Чувствовал он. Наконец пожалели их боги, и оба
 В птиц превратились они; меж ними такой же осталась,
 Року покорна, любовь; у птиц не расторгся их прежний
 Брачный союз: сочетают тела и детей производят.
 745 Зимней порою семь дней безмятежных сидит Алкиона
 Смирно на яйцах в гнезде, над волнами витающем моря,
 По морю путь безопасен тогда: сторожит свои ветры,
 Не выпуская, Эол, предоставивши море внучатам.

Некий старик увидел, как они по широким просторам
 750 Носятся, и похвалил их любовь, неизменную вечно.
 Некий другой, или, может быть, он, говорит: «Но и эта
 Птица, которую ты замечаешь в морях, на поджатых
 Ножках, этот нырок, широко раскрывающий глотку,
 Тоже потомство царей. Коль имеешь охоту спуститься
 755 По родословной к нему, то знай, что предки у птицы —
 Ил, Ассарак, Ганимед, что Юпитером в небо похищен,
 Старец Лаомедонт и Приам, последние Трои
 Дни переживший: нырок был некогда Гектору братом.
 Если б его не застигла судьба в его юности ранней,
 760 Может быть, не был бы он и по имени Гектора ниже.
 Хоть и Димантова дочь породила младенца, однако
 Ходит молва, что Эсак был тайно на Иде тенистой
 Алексироей рожден, отец же Граник ей двурогий.

765 Он не любил городов. Из пышных хором убегал он
В чащи глухие лесов, в местах проводил свое время
Необитаемых, — гость в илионских собраниях редкий.
Всё же был сердцем не груб, не была для любви недоступна
Грудь его. Часто в лесах ловил он Гесперию-нимфу.
770 Раз увидал он ее на бреге родимом Кебрена,
Как, по плечам распустив волоса, их сушила на солнце.
Нимфа бежит от него, как от серого волка в испуге
Лань, как, попавшись вдали от привычного озера, утка
Мчится от ястреба. Так и троянский герой догоняет
Нимфу, так, быстр в любви, настигает он быстрю в беге.
775 Вдруг, в траве не видна, убегающей ногу гадюка
Зубом пронзила кривым и яд свой оставила в теле.
Кончились бегство и жизнь. Бездыханную нимфу безумный
Обнял Эсак и кричит: «О, зачем, о, зачем догонял я!
Не побоялся змеи! Не желал я подобной победы!
780 Бедную ныне тебя мы вдвоем погубили: гадюка
Ранила, я же — причиною был, и змеи нечестивей
Буду, коль в смерти своей не найду искупления смерти!»
Вымолвил — и со скалы, шумящим подточенной морем,
Кинулся в волны. Его пожалела Тетиды, и мягким
785 Было паденье его: поплывшего в море одела
Перьями. Не получил на желанную смерть изволения
Любящий и возмущен, что жить против воли придется;
Против себя восстает, из жилища несчастного жаждет
Выпрянуть — и уж от плеч молодые поднимаются крылья,
790 Вот он взлетает и вновь повергается телом на волны.
Крылья смягчают удар; в неистовстве вглубь головою
Мчится Эсак, без конца вновь смерти дорогу пытая.
Он исхудал от любви; на ногах его длинны суставы,
Так же и шея длинна; голова же — далёко от тела.
795 Любит моря, и прозвание его — от ныряния в море».

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ
LIBER DUODECIMUS

Старый не ведал Приам, что Эсак, став отныне пернатым,
Жив,— и рыдал. Над холмом, на котором лишь значилось имя,
С братьями вместе свершал поминки напрасные Гектор.
И лишь Парис не присутствовал там на печальных обрядах.
5 Только что долгую брань, похитив супругу, занес он
В землю родную свою, и тысяча следом союзных
Шла кораблей и на них всем скопом народы пеласгов,
И не замедлила б месть, когда бы свирепые ветры
По морю путь не прервали, когда б в земле Беотийской
10 Не задержала судов изобильная рыбой Авлида.
Жертву Юпитеру тут по обычаю предков готовить
Стали, и древний алтарь уж зарделся огнем возожженным;
Вдруг увидали змею голубую данайцы: воспозала
Вверх по платану она по близости начатой жертвы.
15 Было в вершине гнездо, в нем восемь птенцов находилось;
Всех их, также и мать, что летала вокруг горькой утраты,
Вдруг пожирает змея и в жадной скрывает утробе.

Остолбенела толпа, но, правды провидец, гадатель,
Фестора сын говорит: «Победим! Веселитесь, пеласги!»
20 Троя падет, но наши труды долговременны будут,
Девять же птиц как девять годов он брани толкует.
Молвил, змея ж, как была обнявшей зеленые ветки,
Камнем стала, но вид навсегда сохранила змеинный.
Все ж продолжает Нерей в аонийских свирепствовать водах,
25 Воинств не хочет взсти. Полагают иные, что стены
Трои жалеет Нептун, ибо он вкруг града возвел их,—
Только не Фестора сын: он не может не знать, не скрывает,
Что укротить надлежит гнев Девы-богини — девичьей
Кровью. Когда победило любовь всенародное дело,
30 Царь — отца победил, и, чтоб чистой пожертвовать кровью,
Пред алтарем, меж рыдавших жрецов, Ифигения стала,—
Покорена богиня была; всем очи покрыла
Облаком вдруг и в толпе, при служенье, меж гласов молебных,
Деву Микен,— говорят,— заменила подставленной ланью.
35 Лишь долженствующим ей убиеньем смягчилась Диана,
Как одновременно гнев прекратился и Фебы и моря:
Тысяча тотчас судов, дождавшись попутного ветра
И натерпевшись в пути, к пескам прибывают фригийским.

Есть посредине всего, между морем, сушей и небом,
40 Некое место, оно — пограничье трехчастного мира.
Все, что ни есть, будь оно и в далеких пределах, оттуда
Видно, все голоса человеческих ушей достигают.
Там госпожою — Молва; избрала себе дом на вершине;
Входов устроила там без числа и хоромы; прихожих
45 Тысячу; в доме нигде не замкнула прохода дверями;
Ночью и днем он открыт,— и весь-то из меди звучащей:
Весь он гудит, разнося звук всякий и все повторяя.
Нет тишины в нем нигде, нигде никакого покоя,
Все же и крика там нет,— лишь негромкий слышится шепот.
50 Ропот подобный у волн морского прибоя, коль слушать
Издали; так в небесах, когда загрохочет Юпитер
В сумрачных тучах, звучат последние грома раскаты.
В атриях — толпы. Идут и уходят воздушные сонмы.
Смешаны с верными, там облыжных тысячи слухов
55 Ходят; делиться спешат с другими неверною молвю,
Уши людские своей болтовнею пустой наполняют,

Те переносят рассказ, разрастается мера неправды;
Каждый, услышав, еще от себя прибавляет рассказчик.
Бродит Доверчивость там; дерзновенное там Заблуждение,
60 Тщетная Радость живет и уныния полные Страхи;
Там же ползучий Раздор, неизвестно кем поднятый Ропот,
Там обитая, Молва все видит, что в небе творится,
На море и на земле, — все в мире ей надобно вызнать!
Распространила она, что с сильным пришли ополченьем
65 Греков суда; но нет, их встретил во всеоружье
Враг; проходы закрыл, защитить позаботился берег
Трои. Первым тогда от Гектора, волею рока,
Пал ты, Протесилай! Недешево стоил данайцам
Бой и могучий душой, убиеньем прославленный Гектор!
70 Но и фригийцам пришлось всю силу изведать ахейской
Длани и крови пролить немало. Уже и сигейский
Берег багрился, и Кикн, потомок Нептунов, уж смерти
Тысячу предал мужей. Ахилл стоял в колеснице
И пелионским копьем укладывал строи троянцев;
75 Он по рядам, или Кикна ища, или Гектора, встретил
Кикна, — и на десять лет отложились Гектора гибель.
Вот, погоняя коней, ярмом блестящие шеи
Сжав, герой на врага колесницу направил; в могучих
Дланях потряс он копьё, задрожавшее грозно, и молвил:
80 «Кто бы ты ни был, юнец, да станет тебе утешеньем
В смерти, что был ты копьём гемонийца заколот Ахилла!»
Так промолвил герой, — и копьё вслед голосу взвилось,
Но хоть в ударах его никакой не случилось ошибки,
Он ничего не достиг наконечником брошенной пики.
85 Только лишь слабый удар поразил ему грудь, произносит
Тот: «Богини дитя, — ибо ты по молве мне известен, —
Что удивляешься так, что нет на груди моей раны?»
Он удивился и впрямь. «Мой шлем, который ты видишь,
С гривой коня золотой, щит — груз руки моей левой, —
90 Нет, я не ими спасен. Они — украшение, и только.
Этого ради и Марс надевает доспехи; но если
Скину доспехи совсем, не меньше уйду невредимым.
Что-нибудь значит, что я не рожден Нереидой, но оным,
Кто над Нереем самим, над детьми и над морем владыка!» —
95 Молвил; и, целясь копьём в закругленье щита, в Эакида
Бросил его, и оно слой меди и кожи бычачьей

Девять пробило слоев и только в десятом застряло.
Вырвал герой острие и обратно дрожащую пику
Кинул могучей рукой. Двукратно поранено тело —
100 Все ж невреждено оно. Не пронзило и третье оружие
Незащищенного, грудь под удар подставлявшего Кикна.
Разгорячился Ахилл, как бык на открытой арене,
Что на дразнящую ткань пунцовую рогом ужасным
Тщится напасть, хоть чувствует, что ран избегает противник.
105 Иль отвалился с копья — глядит — наконечник железный?
Нет, на древке торчит. «Так, значит, рука ослабела?
На одного истошила она в ней бывшие силы!
Годной, однако, была, когда я Лирнесскую крепость
Первым в прах разметал; когда Тенедос я и Фивы,
110 Этионов предел, наполнил их собственной кровью,
И Эолийский Каик багряным от кровопролитья
Тек, и копья моего мощь дважды почувствовал Телеф!
На побережьи здесь немало убитых я сгрудил.
Вижу, моя тут рука и была и осталась пригодна!» —
115 Молвил; но, мало еще доверяя свершенному, прямо
Кинул в Мента копье, в ликийского простолюдина, —
Сразу ему и броню прободал, и грудь под бронею.
А как ударился тот головой полумертвой о землю,
Тотчас извлек он копье из дымящейся раны и молвил:
120 «Руку свою узнаю и копье, с каким победил я.
Их я направлю в него и молю, да успеха достигну!»
Так произнес и на Кикна напал; с пути не склонился —
В левом плече зазвенел, не избегнут противником, ясень,
Но как от некоей стены или твердой скалы отскочил он.
125 Там, где ударил Ахилл, он увидел, однако, что пятна
Крови на Кикне, и вот взвеселился герой — но напрасно:
Раны не было, — Кикн обагрён был Ментовой кровью.
В ярости шумно тогда Эакид с колесницы высокой
Спрянул и светлым мечом спокойно стоящего Кикна
130 С маху разит — и видит: броня и шелом прохудились,
Но посрамилось опять в твердокаменном теле железо.
Тут не стерпел Эакид и трижды, четырежды Кикна
Тылом округлым щита по лицу и вискам ударяет,
За уходящим идет, теснит то обманом, то боем
135 И не дает передышки ему, изумленному. Кикна
Страх обуял; задернул глаза его мрак; а покуда

Задом шагал он, ему среди поля стал камень преградой.
Тут, навалившись, его, лежащего навзничь, с огромной
Силою перевернул Эакид и повергнул на землю.
140 После, щитом и коленами грудь придавив ему крепко,
Шлема стянул он ремни, и они, охватив подбородок,
Горло сдавили, лишив и пути и дыхания душу.
И уж хотел с побежденного снять он доспехи, но видит:
Только доспехи лежат. Бог моря в белую птицу
145 Тело его обратил, и хранит она Кикново имя.

Эти труды, многодневный их бой привели за собою
Отдых; оружие сложив, враги прекратили сражение.
Бдительно стража блюдет крепостные фригийские стены,
Бдительно стража блюдет аргосские рвы крепостные.
150 Вот и торжественный день наступил, и Ахилл, победитель
Кикна, умиловивлял Палладу закланьем телицы.
На раскаленный алтарь положил он сваренные части,
И заструился в эфире дым жертвы, бессмертным угодный;
Пламя свое унесло, остальное назначено пиру.
155 Вот и вожди возлежат и досыта жареным мясом
Полнят утробы, вином облегчают заботы и жажду.
Их услаждала в тот раз не кифара, не пенье, не звуки
Длинных флейт о многих ладах, прорезанных в буксе,—
Ночь в разговорах течет, и доблесть — предмет их беседы.
160 Передают о победах своих и врага. Им отрадно
Между собой вспоминать об опасностях, ими столь часто
Преодоленных; о чем говорить подобало Ахиллу?
Да и о чем говорить подобало в шатре у Ахилла?
Больше всего на устах поражение недавнее Кикна
165 Было, и все изумлялись тому, что бойца молодого
Тело пронзить не могло никакое копье, что поранить
Нечего думать его, что юноша ломит железо.
Сам Эакид в изумлении был и ахейские мужи.
Нестор промолвил тогда: «На вашем веку был один лишь
170 Пренебрежитель копья, никаким не сразимый ударом,—
Кикн; а я видел в дни давние, как невредимым
Телом тысячи ран выносил Кеней перхебеец,
Славный делами Кеней перхебеец, который на склоне
Офриса жил. Но еще удивительней было о Кенее:
175 Женщиной он родился». Небывалым взволнованы чудом

Все — и просят его рассказать, и Ахилл между ними:
 «Молви, затем что у всех одинакова слушать охота,
 Красноречивый старик, премудрость нашего века,
 Кто был Кеней, как в пол обратился противоположный,
 180 В деле военном каком, в бореньях какого сраженья
 Знал ты его; кем был побежден, коль был побеждаем?»
 Старец в ответ: «Хоть мне и помехой глубокая древность,
 Хоть ускользает уже, что видел я в ранние годы,
 Многое помню я все ж, но из воинских дел и домашних
 185 Больше, однако, других мне врезались эти события
 В память. Если кому даровала глубокая старость
 Многих свидетелем дел оказаться — так мне, ибо прожил
 Двести я лет и теперь свой третий уж век проживаю.
 Славилась дивной красой — Элата потомство — Кенида,
 190 Краше всех дев фессалийских была; в городах по соседству,
 Также в твоих, о Ахилл, — ибо тех же ты мест уроженец, —
 Многих она женихов оставалась напрасным желаньем.
 Может быть, сам бы Пелей посвататься к ней попытался,
 Только владел он тогда твоей уже матери ложем
 195 Иль обещанье имел. Кенида, однако же, замуж
 Не выходила. Ее, на пустынном блуждавшую бреге,
 Бог обесчестил морской; об этом молва разносилась.
 Возвеселился Нептун, любви той новой отведав.
 «Пусть пожеланья твои, — он сказал, — исполнятся тотчас!
 200 Что по душе — выбирай!» — и об этом молва разносилась,
 «Оскорблена я тобой, и немало мое пожеланье:
 Чтоб никогда не терпеть мне подобного, — так отвечала, —
 Женщиной пусть перестану я быть: вот дар наилучший!»
 Низким голосом речь заключила, мужским показаться
 205 Мог он — мужским уже был: бог моря широкого просьбу
 Девы уже исполнял, — и так содейл, чтоб телу
 Раны грозить не могли и оно от копья не погибло.
 Радуясь дару, Кеней ушел; в мужских упражненьях
 Стал свой век проводить, по полям Пеней скитаясь.
 210 С Гипподамией свой брак справлял Пирифой Иксионов.
 Вот тучеродных зверей — лишь столы порасставлены были —
 Он приглашает возлечь в затененной дубравой пещере.
 Были знатнейшие там гемонийцы; мы тоже там были.
 Пестрой толпою полна, пированьем шумела палата.
 215 Вот Гименея поют, огни задымились у входа,

И молодая идет в окружении женщин замужних,
Дивнопрекрасна лицом. С такою супругой — счастливец
Мы Пирифоя зовем, но в предвесье едва не ошиблись,
Ибо твое, о кентавр из свирепых свирепейший, Эврит,
220 Сердце вино разожгло и краса молодой новобрачной,
В нем опьянения власть сладострастьем удвоена плотским!
Сразу нарушился пир, столы опрокинуты. Силой
Вот уже буйный схватил молодую за волосы Эврит,
Гипподамью влачит, другие — которых желали
225 Или могли захватить; казалось, то — город плененный.
Криками женскими дом оглашаем. Вскочить поспешаем
Все мы, и первым воскликнул Тезей: «Сумасбродство какое,
Эврит, толкает тебя, что при мне при живом оскорбляешь
Ты Пирифоя, — двоих, не зная, в едином бесчестишь?»
230 Духом великий герой не задаром об этом напомнил:
Он наступавших отбил, отымает у буйных добычу.
Эврит на это молчит; не может таким он деяньям
Противустать на словах. Руками он наглыми лезет
Мстителю прямо в лицо, благородную грудь ударяет.
235 Рядом случился как раз, от литых изваяний неровный,
Древний кратёр; огромный сосуд — сам огромней сосуда —
Поднял руками Эгид и в лицо супротивника бросил.
Сгустки крови, и мозг, и вино одновременно раной
Тот извергает и ртом и, на мокром песке запрокинут,
240 Тщится лягнуть. Разожглись двуприродные братья от крови,
Наперерыв, как один, восклицают: «К оружию! К оружию!»
Пыла вино придает. И вот, зачиная сражение,
Хрупкие кади летят, и кривые лебеты, и кубки, —
Утварь пиров, а теперь — убийственной брани орудье!
245 Первым Амйк Офионов дерзнул с домашней святыни
Нагло ограбить дары; решил он первым алтарный
Тяжкий светильник схватить, где обильно сияли лампы,
И, высоко приподняв, как будто он белую шею
Жертвы священной — быка — собирався ударить секирой,
250 Лоб им лапифа разбил Келадонта; разбил лицевые
Кости и перемешал, и узнать уж нельзя Келадонта,
Выпали яблоки глаз; лишь кости лица размозжил он,
Нос вдавился вовнутрь, пройдя серединою нёба.
Гнутую ножку стола схватив кленового, наземь
255 Недруга грохнул Пелат, — тот свесил на грудь подбородок.

И между тем как плевал он с кровью багровые зубы,
 Ранил вторично его и в Тартар к теням отправил.
 Рядом стоящий Гриней, на дымящийся жертвенник глядя
 Взором ужасным, сказал: «Отчего б не пустить его в дело?»
 260 Поднял огромный алтарь он со всеми его пламенами
 И в середину метнул наступавших лапифов, и двое
 Были придавлены им, — Бротead и Орийон; Орийон
 Той был Микалой рожден, молва о которой ходила,
 265 Что заклинаньем луну низводить она может на землю.
 «Это тебе не пройдет, оружия только б достало!» —
 Молвил Эксадий; как раз в замену оружия оленье
 Тут оказались рога, — на высокой сосне приношение.
 В очи Гриней поражен был этою ветвью двойною, —
 И выпадают глаза, их часть на рогах застреваает,
 270 Часть течет по бrade и свисает с запекшейся кровью.
 Вот с середины схватил алтаря головню сливяную,
 Жарко горевшую, Рет и стоявшему справа Хараку
 Голову ею разбил под защитой волос золотистых.
 Быстро занявшись огнем, подобно созревшим колосьям,
 275 Волосы вспыхнули, кровь, от огня закипевшая в ране,
 Страшно шипеть начала, как железа кусок раскаленный
 Докрасна, если его кривлеными мастер щипцами
 Вытащит вон из огня и в воду опустит — железо
 Тут и шипит и свистит, погрузясь в забурлившую воду.
 280 Раненный Ретом Лапиф от торчащих волос отряхает
 Жадный огонь и, порог от земли оторвав, подымает
 На плечи, — груз для волов! Но метнуть во врага помешала
 Самая тяжесть его; товарища каменной глыбой
 Он невзначай придавил — Кометей, стоявшего рядом.
 285 Радости Рет не сдержал. «Об одном я молю, — он воскликнул, —
 В стане да будут твоим остальные все так же могучи!»
 И повторяет удар вполовину сгоревшим поленом.
 Трижды, четырежды швы головные ударом тяжелым
 Он разломил, и в мозгу истекающем кости засели.
 290 Вот, победив, он напал на Эвагра, Корита, Дрианта.
 Отрок, которому пух покрыл лишь недавно ланиты,
 Мертвым повержен Корит. «Что за славу себе приобрел ты,
 С мальчиком сладив?» — Эвагр восклицает. Но больше
 промолвить
 Рет не позволил ему. Он багряное пламя, свирепый,

295 Вставил в раскрывшийся рот и в грудь вогнал. За тобою
Также, могучий Дриант, он мчится, огонь обращая
Вкруг головы. Но тебя не постигла такая же гибель,—
Ты, пока тот ликовал, что в бою неизменно успеешь,
Кол обожженный ему — где плечо начинается — вставил.
300 Тут застался и с трудом кол вырвал из кости могучей
Рет и бежит, на ходу обливаясь собственной кровью.
В бегство пустились Орней, и Ликаб, и в правую руку
Раненный тяжко Медон, бежали Тавмант с Пизенором;
Также проворностью ног до того побеждавший любого
305 Мермер медлительно шел, тяжелою мучимый раной.
Фол, Меланей, и Абант, знаменитый охотник на вепрей,
И, понапрасну своих отвращавший от боя, гадатель
Астил: он Нессу сказал, который ранений боялся:
«Ты не беги: сохраняют тебя для стрелы Геркулеса!»
310 Ни Эврином, ни Ликид, ни Арей, ни Имбрей не сумели
Смерти избегнуть. Их всех поразила Дрианта десница
Спереди. Также и ты был спереди ранен, хоть тылом
Был обращен, убегая, Креней. Назад обернувшись,
Тяжким ударом меча меж глаз поражен был в то место
315 Лба, где нижняя часть с носовой сочетается костью.
В шуме таком, от вина, которое пил он без меры,
Сонный лежал, не проснувшись, Афид; рукой ослабевшей
Все еще чашу держал с разбавленным Вакховым соком.
В шкуру мохнатую был он укутан медведицы оесской.
320 Издали видя его, хоть тот и не поднял оружия,
Пальцы вставляя в ремни,— «Пить будешь вино ты с водою
Стиксовой!» — молвил Форбант и в юношу без промедленья
Дрот свой метнул,— и попал с наконечником кованым ясень
В шею Афида, пока он лежать продолжал, запрокинут.
325 Смерти своей не почувствовал он. Из полной гортани
Черная кровь потекла и на ложе, и в винную чашу.
Видел еще, как пытался Петрей желудями покрытый
Выдернуть дуб из земли, но, когда заключил он в объятья
Дерево, начал качать, поколебленный ствол потрясая,
330 Вдруг Пирифоя копье, угодившее в ребра Петрею,
К крепкому дубу его пригвоздило могучею грудью.
От Пирифоя погиб достославного Лик, говорили,
От Пирифоя — Хромид. Но меньше доставили чести
Оба они победившему их, чем Диктид и Гелоп:

335 Гелопы он проколол, сквозь голову путь проложил он:
В правое ухо войдя, дрот вышел из левого уха.
Диктид в то время бежал с горы двухвершинной, и, в страхе
От поспешавшего вслед уходя Иксионова сына,
В пропасть низвергся кентавр и тяжестью тела огромной
340 Вяз поломал, и кишки на поломанном вязе повисли.
Мститель приспел Афарей и, скалу от горы оторвавши,
Кинуть в Эгида готов; но пока он готовился, этот
Предупреждает его, ствол дуба метнув, и ломает
Локоть огромный: но нет ему времени, нет и охоты
345 Смерти без проку его предавать, — Биенору-гиганту,
Кроме себя никого не носившему, на спину прынул;
В ребра колени упер и, волосы левой рукою
Крепко схватив и держа, лицо узловатой дубиной
Грозное он раздробил и череп, твердого тверже.
350 Дубом Медимна сразил и метателя копий Ликота,
И Гиппозона, чья грудь бородой защищалась длинной,
Он уложил, и Рифея, леса превзошедшего ростом;
И приводившего с гор в свой дом зачастую живыми
Пойманных им медведей, свирепо рычащих, Теряя.
355 Дольше не может стерпеть боевых Тезея успехов
Демолеон: из твердой земли суковатую с корнем
Древнюю вырвать сосну с превеликим усилием тшится.
Вырвать, однако, не смог: сломав, в противника бросил.
Но далеко от удара Тезеей отстранился, Палладой
360 Предупрежденный, — ему самому так верить хотелось!
Рухнула все же сосна не напрасно: высокому ростом
Крантору с левым плечом всю грудь отделила от шеи.
Оруженосцем, Ахилл, у отца твоего состоял он.
Некогда, бой проиграв, владыка долопов, Аминтор,
365 Дал Эакиду его залогом мира и дружбы.
Только увидел Пелей, сколь он мерзостной раной разодран,
Молвил: «Прими, из юношей всех мне любезнейший, Крантор,
Дар поминальный!» — и сам могучею кинул рукою
Ясеновое копье, всей силою гнева, в кентавра.
370 Клетку грудную оно прорвало и внутри, меж костями,
Затрепетало, — рукой тот вынул без кончика древко;
Кончик не вышел совсем: застряв, задержался он в легком.
Боль ему сил придала; на противника, в лютой досаде,
Он поднялся и его лошадиными топчет ногами.

375 Шлемом Пелей и щитом принимает кентавра удары.
Плечи спешит защитить, наготове он держит оружие,
И из-за плеч мечом две груди зараз поражает.
Раньше он смерти предал Флегрея, однако, и Гила —
380 Издали; а Гифиной и Кланид в непосредственной схватке
Пали; погиб и Дорил, — покрывал себе голову волчьей
Шкурою он и вместо копья возносил, угрожая,
Бычьи кривые рога, обогранные кровью обильной.
Силы мне гнев придает, говорю я ему: «Так увидишь,
Сколь эти бычьи рога моему уступают железу!»
385 Дрот я в кентавра метнул. Он не мог уж удара избежать,
Правой рукой себе лоб заградил, защищаясь от раны.
Тотчас со лбом была сшита рука. Крик подняли. Ближе
Бывший Пелей, меж тем как лежал тот с тяжкою раной,
Посередине в живот мечом поразил его насмерть.
390 Тот привскочил и кишки по земле, разъяренный, волочит;
Стал их топтать, волоча; истоптав, разорвал, и ногами
Сам же запутался в них, и с пустым пал чревом на землю.
В этом сражение, Киллар, ты не был спасен красотою, —
Ежели мы красоту за такую породой признаём.
395 Лишь зачалась борода и была золотой; золотые
Падали волосы с плеч, половину скрывая предплечий.
Милая честность в лице; голова его, плечи и руки,
Грудь, мужская вся часть знаменитые напоминала
Статуи скульпторов; часть, что коня изъясняет подобье, —
400 Не уступала мужской. Придай ему голову, шею —
Кастору будет под стать! Так удобна спина, так высоко
Мышцы приподняли грудь! И весь-то смолы он чернее,
И белоснежен лишь хвост, и такие же белые ноги;
Многих из рода его возбуждал он желанья. Пленила
405 Лишь Гилонома его. Никакая меж полуживотных
Женщина краше ее не жила в надгорных дубравах.
Эта и лаской своей, и любовью, и клятвой любовной
Держит Киллара одна. Насколько возможно украсить
Тело такое, она его украшает: гребенкой
410 Волосы чешет, цветы розмарина, фиалки вплетает,
Розы, а иногда белоснежные лилии. Дважды
В день в студеное ручье, что с вершины лесной Пагасей
Падает, моет лицо; погружается в воду двукратно;
И выбирает к лицу зверей пушистые шкуры,

415 Чтобы себе на плечо или на спину слева накинуть.
Их обоюдно любовь. По горам они странствуют вместе;
Входят в пещеры вдвоем; и в дом к лапифам явились
Оба они и вели то сражение жестокое оба.
Кто тут зачинщиком был — неизвестным осталось, но слева
420 Взвилось копьё и в месте, где грудь подходит под шею,
Был ты проколот, Киллар. Задетое легкою раной
Сердце и вскоре он весь, лишь вынули меч, холодеют;
И Гилонома тотчас приняла полумертвое тело,
Руку на рану кладет, согревает его, приближает
425 Губы к губам, и душе уходящей препятствовать тщится.
Но увидав, что он мертв, со словами, которых за криком
Слух мой не мог уловить, на копьё, что торчало из тела,
Пала она и еще обнимала супруга, кончаясь.
Так и стоит перед взором моим, завязавший узлами
430 Львиные шкуры — их шесть на себя надевал он, — огромный
Феокомед, человека зараз и коня защищая.
Кинул он пень, который едва и две пары могли бы
Сдвинуть, — и Фоноленид поражен был в голову сверху,
И широко головы разверзлась громада. Чрез уши,
435 Рот и глаза и отверстия ноздрей истекает тягучий
Мозг, — отстоявшись, так молоко из дубовой струится
Крынки, иль масляный сок под давлением тяжелого гнета
Каплями, дбгуста сжат, выступает из частых отверстий.
Я же, увидев, что снять он с лежащего хочет доспехи, —
440 Пусть это знает Пелей, твой отец, — всадил ему меч свой
В недра нутра. Повалил и Хтония с Телебоадом
Меч мой. Первый из них был вилоподобною ветвью
Вооружен и дротом другой. Меня он поранил.
Видишь ты знак? До сих пор этот шрам стародавний приметен,
445 Надо тогда бы меня посылать завоевывать Пергам!
Не одолеть — так сдержать великого Гектора руку
Мог я рукою тогда; но тогда его не было вовсе
Или он мальчиком был; а ныне мне возраст мешает.
О Перифанте, в бою победившем кентавра Пирета,
450 Или об Ампики, что рассказжу, который Оркла
Прямо в лицо проколол неокованным древком терновым?
Пелефронейца сразил Эригдупа, рожон ему всунув
В грудь, Макарей, — вспоминаю, и я в подбрюшье Кимелу
Вставил большое копьё, что было завещано Нессом.

455 Ты не подумай, что мог лишь грядущие судьбы пророчить
Ампика детище, Мопс. Мопс дрот метнул, и на землю
Пал двоевидный Одит, говорить он напрасно пытался:
Был к подбородку язык, подбородок к гортани приколот.
460 Гибели предал Кеней пятерых, Антимаха, Стифела,
Брома, Гелима сразил и двуострой секирой Пиракма.
Вспомнить я ран не могу; имена ж и число я приметил.
Но вылетает Латрей, облаченный в доспехи Галеза,
Коего он умертвил, — и руками и телом огромен.
Возрастом был уж не юноша он, но еще и не старец:
465 Силен по-юному был; а виски сединой уж пестрели.
Шлемом своим и щитом, своей македонской красуюсь
Пикой, лицом обратясь к обоим враждующим станам,
Вот он оружием потряс и, по-конски прошедшись по кругу,
Бросил такие слова, горделивый, в пустое пространство:
470 «Я ли, Кенида, тебя потерплю? Век женщиной будешь,
Прежней Кенидою ты для меня. Тебя не смущает
Происхождение твое? Позабыла, за дело какое
Ты, как награду, мужской получила обманчивый образ?
Вспомни, кем ты родилась и что испытала. Иди же,
475 Сядь за корзинку свою; знай пальцем верти веретенце, —
Битвы мужчинам оставь!» Пока говорил он так дерзко,
В беге растянутый бок Кеней разорвал ему дротом
В месте, где муж сочетался с конем: и завыл он от боли,
В лик без забрала копьем он филийского юношу ранит;
480 Но отскочило копьё, как градины скачут от кровли
Иль если камешком кто в игральную кинул лопатку.
Вот подступает кентавр и пытается в бок его твердый
Меч свой вонзить. Но мечу преграждается в тело дорога.
«Нет, не сбежишь ты! Падешь, серединой меча перерублен,
485 Коль острие притупилось!» — сказал и меч направляет
Наискось, сам же врага захватил уже длинной рукою.
Громко удар застонал, словно было из мрамора тело,
И разлетелось в куски лезвиё, об шею ударясь.
И, удивленному дав насмотреться на здоровые члены, —
490 «Ну-ка, — промолвил Кеней, — о твои тела испытаям
Наше оружие!» — и вмиг в плечо своей меч смертоносный
До рукояти вонзил и в мясе задвигал вслепую:
Руку не раз повернул и ранами рану умножил.
Вот, во весь голос крича, полузвери бросаются, рьяны,

495 Копья свои на него одного направляют и мечут.
Копья, отпрянув, лежат. Невредим под ударами всеми,
Не окровавлен ничуть пребывает Кеней элатеец.
Делом невиданным все поражаются. «Стыд нам великий! —
Так воскликает Мониx. — Мы — народ — одному поддаемся, —
500 Муж он, и то не совсем; пусть муж; но в слабости нашей
Стали мы тем, чем он был. На что нам тела великанов?
Силы двойные к чему? И то, что двойная порода
В нас мощнейшие два существа воедино связала?
Нет, не богиня нам мать, и отец не Иксион, который
505 Столь был велик, что надежды свои простирал на Юнону
Вышнюю. Мы же, к стыду, поддаемся врагу-полумужу!
Камни, стволы на него громоздите и целые горы!
Двиньте леса на него, задушите живучую душу!
Лес пусть сдавит гортань: пусть раны бремя заменит!» —
510 Молвил и, ствол увидав, безумною силою Австра
Сваленный, взял и его в противника мощного бросил.
То был пример остальным. В короткое время лишен был
Офрис деревьев своих, Пелион — без тебя остался.
Страшным придавлен холмом, Кеней под грузом деревьев
515 Борется, бешенства полн, и дубы, сам ими завален,
Держит на крепких плечах. Но, лицо закрывая и темя,
Тяжесть росла, и уже не хватало простора дыханью, —
Он между тем ослабел; не раз приподняться пытался, —
Но понапрасну, — и лес, на него понакиданный, сбросить.
520 Двигался лес между тем; так Иды — что вон, перед нами —
При колебаньях земли потрясаются склоны крутые.
Но неизвестен исход: уверяли иные, что тело,
Свергнуто грузом лесов, опустилось в пустоты Аида.
То отрицал Ампикид: он видел, как желтая птица
525 Вышла из груди дерев и в воздухе чистом исчезла, —
Видел ту птицу тогда я в первый раз и в последний.
Тут, созерцая ее, летевшую тихо над станом,
Хлопаньем крыльев своих широко оглашая округу,
Мопс, одинаково вслед и глазами несясь и душою,
530 Проговорил: «О, привет, прославление рода лапифов!
Муж величайший Кеней — а теперь небывалая птица!»
Верили все, ибо он так сказал. Скорбь гнев подогрела.
Тяжко нам было снести, что от стольких врагов пострадал он,
И лишь тогда обагрять перестали мы кровью железо,

535 Как умертвили мы часть, часть — бегство и ночь удалили». Так говорил о боях лапифов с кентаврами Нестор. А Тлеполем огорчился, что тот позабыл про Алкида; Перенести молчаливо не мог он досады и молвил
540 Так: «Удивительно мне, что дела Геркулесовой славы, Старец, ты замолчал! Меж тем мне рассказывал часто Сам мой родитель, как он одолел тучеродных». На это Грустно пилосец в ответ: «Зачем вспоминать понуждаешь Беды мои, оживлять смягченное годами горе И открывать, как отца твоего, пострадав, ненавижу? Боги! Деянья его превзошли вероятье, всем миром
545 Он по заслугам ценим, — я их отрицать предпочел бы! Но Деифоба ведь мы или Полидоманта не хвалим, — Гектора даже, — врагу расточать кто станет хваленья? Твой ведь когда-то отец крепостные Мессении стены
550 Срыл, он Элиду и Пил — неповинные грады — разгрому Предал; он меч и огонь в мой дом к родимым пенатам Внес; о других умолчу, которых сгубил он; двенадцать Было нас всех у Нелея сынов, — молодежи отборной, — Все от ударов руки Геркулесовой пали — двенадцать,
555 Кроме меня. Что других победил он, то было понятно; Периклимена лишь смерть поразительна; мог по желанию Облики он изменять и в прежние вновь возвращаться, — Так соизволил Нептун, основатель Нелеева рода. Периклимен, испытав понапрасну различные виды,
560 В птицу себя обратил, которая в согнутых лапах Молнии держит небес и любезна владыке бессмертных. Средствами пользуясь птицы, крылами и загнутым клювом, Крючьями острых когтей терзал он лицо человека. Целясь в него, натянул тиринфянин лук свой, чрезмерно
565 Меткий, и там в облаках несущего легким пареньем Тело свое в высоте, у начала крыла поражает. Рана ничтожна была. Но, раненьем разорваны, мышцы Ослабевают, уж нет ни движенья, ни силы в полете. Падает на землю он, крылом искалеченным воздух
570 Не в состоянье забрать. Стрела, что впилась неглубоко, Вдавлена в мясо была всем грузом упавшего тела, По верху боком пройдя, показалась слева из глотки. И неужель твоего Геркулеса я должен деянья Славить еще, о родосских судов предводитель прекрасный?

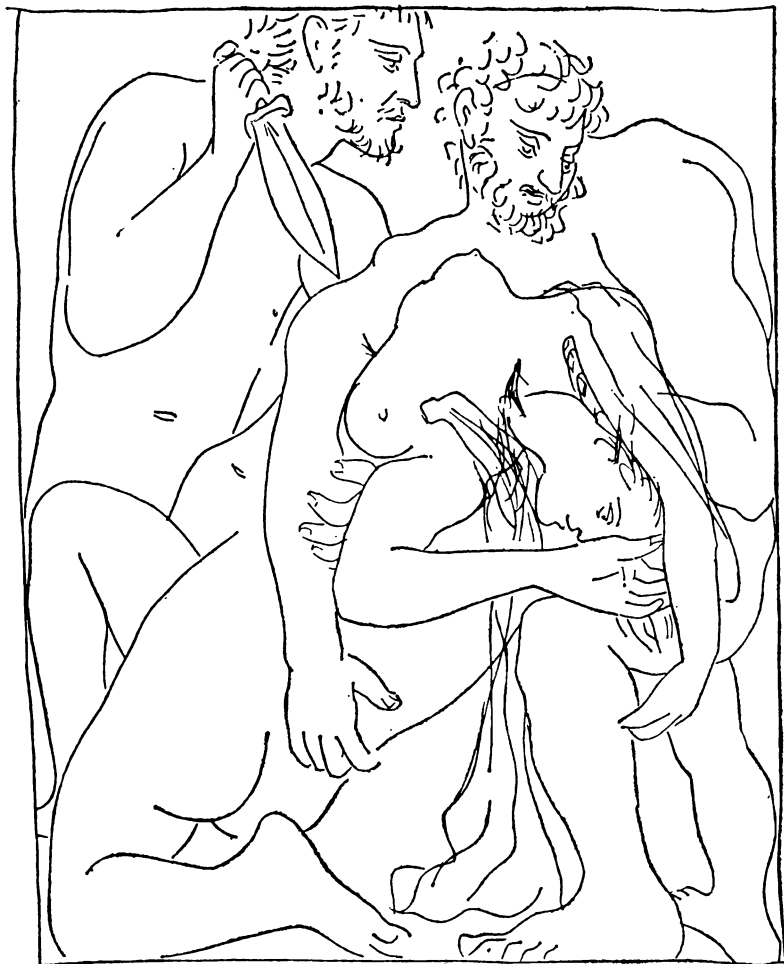
575 Значит, не иначе я, как молчаньем об этих деяньях
Братьев своих отомщу. Но с тобою крепка моя дружба».
Сладости полные так Нелида уста заключили.
Только лишь старец замолок, вновь Вакхом наполнили чаши,
С лож потом поднялись; ночь прочую сну посвятили.
580 Бог меж тем, чье копьё управляет морскими волнами,
Сердцем отцовским болел, что сын в Сфенелеиду-птицу
Был превращен, и жестокого стал ненавидеть Ахилла,—
Больше обычного гнев питает, памятливы крепко.
Целых два пятилетия прошло, как война продолжалась,
585 И обратился он так к длинновласому богу-сминфейцу:
«О милейший из всех сыновей громкозвучного брата,
Ставивший вместе со мной вокруг Трои ненужные стены!
Иль, на эти, упасть обреченные, глядя твердыни,
Ты не вздохнул? Иль тебе не прискорбно, что тысячи пали
590 Храбрых защитников их? Иль еще — все другое миную —
Гектора тень не встает, провлаченного вокруг Илиона?
Самый же лютый меж тем, самой кровожаднее брани,
Жив и донныне Ахилл, разоритель нам общего дела?
Только он мне попадись,— у меня он узнал бы, что может
595 Этот трезубец! Но раз уж сойтись не дано мне вплотную
С недругом, ты погуби его тайной стрелою нежданно!»
Тот согласился. И вот, своему и Нептунову чувству
Одновременно служа, за облаком скрытый Делосец
В стан илионский пришел и видит, что в гуще сраженья
600 Редкие стрелы свои в никому не известных ахейцев
Мечет Парис. Объявил себя бог и молвил: «Что тратишь
Стрелы на низкую кровь? Коль полн ты заботы о близких,—
Так обратись на Ахилла, отмсти за погубленных братьев!»
Молвил, а сам указал на Пелида, который железом
605 Рушил троянцев ряды, повернул его лук на героя,
Верным смертельным стрелам направленье давая десницей.
Ежели старец Приам, оплакав Гектора, ведал
Радость, то в этот лишь миг! Ахилл, победитель столь многих!
Робкий тебя победил похититель супруги-гречанки!
610 Если тебе на роду было пасть под женским ударом,
То предпочел бы ты смерть от двукрылой стрелы Фермодонта.
Вот уже, трепет троян, краса и защита пеласгов,
Внук Эака, герой, не ведавший равного в сечах,—
В пламени. Вооружил его бог, и сжег его он же,

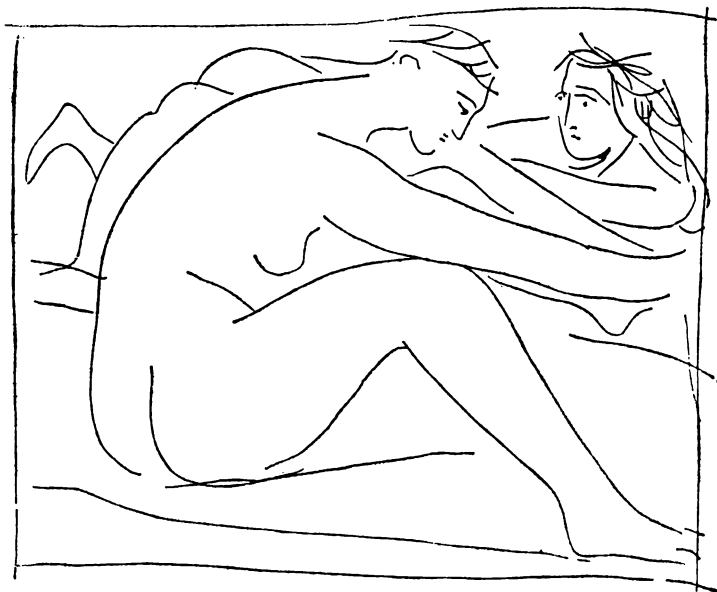
615 Пеплом он стал, и осталось уже от героя Ахилла
Малая толика, чем едва бы наполнилась урна.
Слава, однако, жива и собою весь мир наполняет.
Мера такая ему соответствует, в этом величье
Стал несравненен Пелид и пучин не знает Аида.

620 Щит его спор возбудил, по нему догадаться ты мог бы,
Чьим был он раньше щитом. О доспехе сразились доспехи.
Требовать щит ни Тидид, ни Аянт Оилеев не смеют,
Младший не смеет Атрид, ни старший боями и веком.
Также никто из других; и только лишь сын Теламона

625 С сыном Лаэрта одни уверенно ищут награды.
Но от себя отклонил Танталид затрудненье и зависть:
Всем он аргосским вождям приказал в середине их стана
Сесть и передал им обсуждение соревнования,

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ
LIBER TERTIUS DECIMUS

Сели вожди, а толпа их венком окружала, и прынул
Перед лицо их Аянт, щитом семикожным владевший
И, нетерпеньем горя и гневясь, он искоса взором
Берег сигейский обвел и суда и побережья; и, руки
5 Кверху воздев, говорит: «Юпитер свидетель, решаем
Спор мы в виду кораблей! И мне Улисс соревнует!
Не усомнился бежать он от пламени Гектора, я же
Пламя сдержал и пожар отвратил от ахейского флота.
Стало быть, дело верней состязаться лукавою речью,
10 Нежели биться рукой! Но не больно ретив я на слово,
Так же, как он — на дела. Насколько я в битве жестокой
Острым оружием силен, настолько он — острою речью.
Незачем, думаю, мне о своих вам деяньях, пеласги,
Напоминать. Вы их видели. Пусть о своих он расскажет,
15 Что без свидетельских глаз свершены и лишь ночи известны!
Правда, награды большой я прошу. Но соперник лишает
Чести меня. Как ни будь велика, для Аянта не станет

Гордостью тем овладеть, что надеждою было Улисса!
А для него — награда в самом состязании этом:
20 Будет Улисс побежден, но скажут: он спорил с Аянтом!
Я же — когда бы моя подверглась сомнению доблесть —
И благородством велик, Теламоном рожденный, который
Крепость троянскую взял, предводим Геркулесом могучим,
25 И с пагасейским проник кораблем к побережью Колхиды.
Он же Эаком рожден, что суд над безмолвными правит,
Там, где Сизифа томит, эолийца, тяжелая глыба.
Вышний Юпитер его признает, называя открыто
Сыном своим; так, значит, Аянт от Юпитера третий.
Предков, однако же, ряд мне впрок не пошел бы, ахейцы,
30 Ежели он у меня и с Ахиллом не был бы общим.
Он мне брат. Мне и братнин доспех. Иль потомок Сизифа,
Вточь на него и лукавством своим и коварством похожий,
В род Эакидов внесет имена постороннего рода?
Первым надел я доспех, до призыва еще, и за это
35 Мне же в доспехе отказ? И почтется сильнее, который
Взялся последним за меч и, ложным прикрывшись безумьем,
Отговорился от битв, — я хитрее Улисса, но только
Меньше себе на уме. Навплиад обнаружил обманы
Робкой души и его потащил в нежеланную сечу!
40 Лучшее ныне возьмет, — кто что-либо взять отказался!
Я же пусть чести лишусь, останусь без братнина дара,
Я, подвергший себя всем первым опасностям брани!
Лучше бы, правда, с ума он сошел иль поверили б в это,
Чтобы товарищем нам не пришел под фригийские стѣны
45 Этот внушитель злодейств! И тебя бы, потомок Пеанта,
Лемнос теперь не держал, а с тобой — преступление наше.
Ныне — все знают о том — ты, скрытый в пещерах дубравных,
Стоном сдвигаешь скалы, на виновника бед призывая
Должную кару. Коль есть божества, не вотще призываешь!
50 Ныне ж, с нами одну приносивший как воин присягу, —
Горе! — один из вождей, унаследовавший Геркулесов
С тулом и стрелами лук, болезнью и голодом сломен,
Сыт и одет иждивением птиц; на пернатых охотясь,
Тратит он стрелы свои, где таились троянские судьбы!
55 Все-таки жив Филоктет, оттого что не спутник Улиссу!
Так же покинутым быть Паламед предпочел бы несчастный!
Был бы еще он в живых иль скончался б, наверно, невинным!

Этот же, бред не забыв, что ему на беду обернулся,
Ложно в измене его обвинил; обвиненье сумел он
60 И подтвердить: показал им самим же зарытое золото!
Так иль изгнанием он, или смертью ахейские силы
Уничтожал; так бьется Улисс, так страх возбуждает!
Пусть красноречием он даже верного Нестора больше,
Все-таки я не могу не признать, что Нестора бросить
65 Было преступно, когда он, с мольбой обращаясь к Улиссу,
Связанный раной коня, сам дряхлостью лет удрученный,
Брошен товарищем был. Не выдумал я преступленье!
Знает об этом Твидид. Призывая по имени, труса
Он задержал, понося убежавшего в трепете друга!
70 Боги на жизнь людей справедливыми смотрят очами.
Просит о помощи тот, кто не подал ее; покидавший
Будет покинут теперь: он сам приговор себе вынес.
Кличет товарищей; я подбежал и глжу: он трепещет,
Бледен от страха, дрожит, приближение чувствуя смерти.
75 Тяжкий поставил я щит и лежащего им прикрываю
И — хоть мала эта честь — спасаю ничтожную душу.
Если упорствуешь ты, вернемся на прежнее место,
Всё да повторится: враг, и рана твоя, и обычный
Ужас. Таись под щитом и со мною за ним состязайся!
80 А как я вырвал его, он, коего раны лишали
Силы стоять, убежал, никакой не удержанный раной!
Гектор предстал — и богов с собою в сражение вводит.
Натиск встречая его, не один ты, Улисс, устранился б, —
Храбрые даже, и те — столь сильный внушался им ужас,
85 Я же, когда ликовал он успеху кровавого боя,
Тяжкое бремя метнув вблизи, его опрокинул,
Как вызывал неприятелей он, я один отозвался;
Тут умоляли вы все, чтоб жребий мне выпал, ахейцы;
Ваши свершились мольбы. А когда об исходе той схватки
90 Спросите, — знайте, что я одолеть себя Гектору не дал.
Все троянцы стремят и огонь, и железо, и громы
Прямо на греческий флот: где снова Улисс златоустый?
Тысячу ваших судов отстоял я, доподлинно, грудью, —
В них же возврата залог. За суда наградите доспехом!
95 Да и, по правде сказать, доспехам то большая почесть,
Нежели мне самому, и наша сливается слава;
Нужен доспехам Аянт, доспехи не нужны Аянту.

С этим пусть Реза сравнит итакиец и труса Долона
Или Гелена еще Приамида и кражу Паллады! —
100 Все совершалось в тени и все не без рук Диомеда!
Если ж доспехи за столь вы дурные даете деянья,
Их разделите: и часть Диомедова больше да будет!
Для итакийца что в них? Он тайно, всегда безоружный,
Делает дело; врасплох уловляет врага ухищреньем!
105 Этот сияющий шлем, лучащийся золотом ясным,
Будет помехой ему, обнаружит его сокровенность.
Шлем ведь Ахилла надев, дулихийское темя не сможет
Груза такого снести. Не в подъем оказаться тяжелым
Может копье с Пелиона его невоинственной длани.
110 Щит, на котором резьбой дан образ широкого мира,
Робкой твоей не под стать, для хитрости созданной шуйце!
Наглый! Что просишь доспех, от которого сам обессилешь?
Если ж ахейский народ тебе его даст по ошибке,
Будет врагу что отнять, но не будет ему устрашенья.
115 Бегство, которым одним, трусливейший, всех побеждаешь,
Медленно станет, когда ты наденешь такие доспехи.
К этому также прибавь, что редко в сражениях бывший
Щит твой цел-невредим, а мой от ударов копейных
Тысячью дыр прободен; ему и преемник потребен.
120 Да наконец, что борьба на словах? Поглядим-ка на деле!
Славного мужа доспех пусть бросят промежду врагами,
Нам повелите сойтись, — одолевшего им украшайте!»
Сын Теламона сказал, и, едва он закончил, раздался
Ропот толпы. Но герой, потомок Лаэртос, поднялся,
125 Очи к земле опустив, помедлил немного и поднял
Взор на ахейских вождей перед словом, которого ждали.
Заговорил — красоты лишены его не были речи:
«Если бы просьбы мои исполнялись и ваши, пеласги,
Незачем был бы нам спор, не сомнителен был бы наследник,
130 Ты бы оружием своим, мы — тобою б, Ахилл, обладали.
Ныне ж, поскольку и мне и вам отказали в нем судьбы
Несправедливые (он вытирал на очах своих будто
Слезы), о, кто же бы мог наследовать лучше Ахиллу,
Нежели тот, чрез кого получили данайцы Ахилла?
135 Впрок ли Аянту, что весь он таков, как виден снаружи?
Мне же во вред мой находчивый ум, — постоянно, ахейцы,
Бывший вам впрок. Моему красноречью, — коль им обладаю, —

Коим сейчас за себя, как, бывало, за вас, состязаюсь,
Пусть не завидуют. Пусть что хорошего в ком, то и будет.
140 Род, и предков, и все, чего мы не сами достигли,
Собственным не назову. Но Аянт заявил, что он будто
Правнук Юпитера,— пусть, но и нашего рода виновник
Тоже Юпитер; и я от него на такой же ступени.
Ибо отец мне Лаэрт, а Аркесий — родитель Лаэрта,
145 Он же Юпитеру сын. Не проклят никто и не изгнан.
Также по матери род мой восходит к Киллению,— в нем же
Знатность вторая моя. От бессмертных родители оба.
Но не затем, что по матери я родовитей Аянта,
И не затем, что в братской крови мой отец неповинен,
150 Этих доспехов прошу. По заслугам дело решайте.
То, что два брата родных Теламон и Пелей, вы не ставьте
Это в заслугу ему. При подобной добыче не крови
Происхождение, но честь и доблесть должны уважаться;
Если же близость родства,— то найдется ближайший наследник:
155 Если родитель Пелей, есть Пирр, его сын. Остается ль
Место Аянту? Доспех пусть в Скир отправят иль Фтию!
Также родился и Тевкр двоюродным братом Ахиллу,—
Разве же требует он, завладеть уповает оружием?
Значит, поскольку дела мы в пренье решаем открытым,
160 Более мной свершено, чем в краткую может вместиться
Речь, но меня поведет, однако ж, порядок событий.
Мать Нереида, прознав о грядущей гибели сына,
В женском наряде его утаила, и все обманулись —
Был в том числе и Аянт! — уловкой с заемной одеждой.
165 С женским товаром ведь я оружие смешивал, чтобы
Мужеский дух возбудить. Но герой не бросал одеянья
Девы, доколе ему, стоявшему с торчем и древком,
Я не сказал: «О богини дитя! Для тебя бережется
Пергама гибель. Чего ж ты колеблешься Трою повергнуть?»
170 Длань я его возбудил и храброго к храбрым направил.
Значит, деянья его — и мои. Копьем покорил я
Телефа, ведшего бой; он молил, побежден,— и помог я.
Дело мое — и падение Фив; поверьте, — я Лесбос,
И Тенедос, и Хрисею, и Килл,— Аполлоновы грады,—
175 Также и Скир полонил; потрясенные этой десницей,
Прахом на землю легли крепостные твердыни Лирнесса.
Об остальном промолчу,— но могущего справиться с лютым

Гектором грекам я дал. Чрез меня пал доблестный Гектор,
 Ныне оружием тем, которым я создал Ахилла,
 180 Дара прошу: живому вручил и наследовать вправе.
 Только позор одного остальных всех тронул данайцев,
 Тысяча наших судов стояла в Авлиде Эвбейской.
 Долго там ждем мы ветров, но не дуют они или флоту
 Противоборны; велят Агамемнону жесткие судьбы
 185 Деву невинную — дочь — заколоть для гневной Дианы.
 Но не согласен отец; на самых богов он разгневан;
 Все же родитель в царе говорит; я мягко словами
 Дух непокорный отца обернул на всеобщую пользу.
 Да, я теперь признаюсь, — Атрид извинит мне признание, —
 190 Перед пристрастным судьей защищал я нелегкое дело.
 Все ж побуждает его о народе забота и брате,
 Скиптра врученного власть, чтоб кровью платил он за славу!
 Послан и к матери я, — предстояло ее не советом
 Взять, но хитро обольстить. Когда бы пошел Теламонид,
 195 наших судов паруса до сих пор не имели бы ветра!
 Послан и в крепость я был, в Илион, — дерзновенный оратор.
 Видел я сам, посетил совещание Трои высокой;
 Было мужами оно переполнено; я же без страха
 Вел поручённое мне всей Грецией общее дело.
 200 Мною Парис обвинен; добиваюсь казны и Елены.
 Тронут Приам и — Приама родня — Антёнор, — Парис же
 С братьями всеми и те, кто участником был похищенья,
 Руки сдержали едва нечестивые; ты это знаешь,
 О Менелай, — ведь первым с тобой разделил я опасность.
 205 Долго докладывать вам, что, советами или рукою,
 Сделал полезного я за время войны долголетней.
 После начальных боев враги за стенами твердыни
 Долго сражались еще; возможности брани открытой
 Не было и, наконец, уже год мы сражались десятый.
 210 Что же ты делал меж тем, ты, знающий только сраженья?
 Чем ты полезен бывал? О моих коль действиях спросишь, —
 Строю засады врагам; укрепляю окопы валами;
 Я утешаю своих, чтобы с кроткой душою сносили
 Скуку столь долгой войны; учу, как едой обеспечить,
 215 Вооруженьем людей, — я всюду, где требует польза.
 Вот, Юпитеру вняв, введенный в обман сновиденьем,
 Царь приказал отложить попечение о начатой брани;

Дело свое защищал, на внушителя дела ссылаясь.
 Но не допустит Аянт, разрушенья потребует Трои.
 220 В бой он — воитель — пойдет. Что ж он уходящих не сдержит?
 Что ж он оружия не взял? Не повел колебавшейся рати?
 Это не вдосталь тому, кто всегда говорит о великом?
 Как? Убегаешь и сам? Я видел, стыдился я видеть,
 Как ты показывал тыл, паруса недостойные ставил!
 225 Я не помедлил сказать: «Что с вами? Какое безумье
 Вас, о товарищи, мчит из-под Трои уйти осажденной?
 И на десятый-то год вы домой лишь позор принесете?»
 Этак и так говоря, красноречьем богат от страданья,
 Я отступивших сумел возвратить от бегущего флота, —
 230 И созывает Атрид товарищей, ужаса полных.
 Сын Теламона тогда и рот раскрыть не решился,
 В страхе молчал он; посмел на царей нападать дерзновенной
 Речью Ферсит, но его безнаказанным я не оставил.
 Я поднялся и дрожащих людей на врага возбуждаю,
 235 Требую в речи своей возвращения к доблести прежней.
 Если ж и после Аянт проявлял свою храбрость, заслуга
 В этом моя, ибо я возвратил показавшего спину.
 Кто, наконец, из данайцев тебя уважает и ищет?
 Ну, а со мною Тидид сочетает деянья; меня он
 240 Читит; он уверен, когда в сотоварищи примет Улисса.
 Что-нибудь значит и то, что я меж тысяч данайцев
 Избран единый был им. Повеленья судьба не давала,
 Я же, однако, презрел от врага и от ночи опасность;
 То же осмелясь свершить, Долон, из народа фригийцев,
 245 Мной был убит, — но не раньше, чем я его выдать заставил
 Все, что готовила нам вероломно коварная Троя.
 Все я узнал, ничего мне выведывать не оставалось,
 И возвратиться назад с обещанной смог я добычей.
 Но не доволен еще, проник до палаток я Реза, —
 250 В них и его самого, и товарищей всех уничтожил.
 Победоносен тогда, с желанною тайной и пленными,
 На колеснице своей в ликованьях въезжаю триумфа.
 В вооруженье того, чьих коней за ночную разведку
 Требовал враг, откажите же мне! Осчастливьте Аянта!
 255 Напоминать ли мне строй Сарпедона ликийца, который
 Опустошил я копьем! С великим пролитием крови
 Пал от меня и Керан Гипасид, и Аластор, и Хромий,

И Пританид, и Алкандр, и Ноэм поражен был, и Галий,
 Херсидаманта еще я гибели предал, Фоона,
 260 Также Харопа, еще рокового поверг я Эннома,
 Многих известных не столь, моей распростертых рукою
 Около стен крепостных. У меня есть, граждане, раны
 Славные местом самым. Но слову не верьте пустому,—
 Вот, посмотрите! (Рукой он одежду отвел.) Перед вами
 265 Грудь, что всечасно,— сказал,— ради вашего дела трудилась.
 Но за товарищей сын Телемона в те долгие годы
 Крови не пролил! Его не отмечено ранами тело.
 Что же он вам говорит, что оружие за флот пеласгийский
 Он подымал, говорит,— и на Трою с Юпитером даже?
 270 Да, подымал,— признаю, ибо доброе дело другого
 Я не привык отрицать. Достоянья пусть общего все же
 Не забирает один. Пусть каждому честь он оставит —
 Актора внук отогнал, обеспечен обличьем Ахилла,
 Рати троян с их вождем, огню от судов обреченных.
 275 Думает он, что один он с Гектором, Марса любимец,
 Стал состязаться, забыв про царя, про вождей, про Улисса?
 В деле девятым он был, и дар ему выпал случайный.
 Вашего боя исход каков был, однако, о храбрый?
 Гектор из битвы ушел, ни единою раной не ранен.
 280 О я несчастный! О, как мне мучительно,— все же напомнить
 Вам принужден я о дне, в который — греков твердыня —
 Умер Ахилл! Но мне ни слезы, ни стоны, ни ужас
 Не помешали поднять с земли велелепное тело.
 Плечи вот эти,— скажу,— да, плечи вот эти — Ахилла
 285 Тело несли и доспех,— носить его впредь добиваюсь!
 Силы достанет моей для поднятья подобного груза;
 Есть и душа у меня, чтобы вашу почувствовать почость.
 И для того ль лазурная мать своим сыном гордилась,
 Чтобы подарок небес, творенье такого искусства
 290 Грубый вояка надел, чье сердце не чувствует вовсе?
 Изображенья щита, он и те разобрать не сумел бы,
 Где Океан и Земля, где с небом высоким созвездья,
 Сонмы Плеяд и Гиад, и Аркт, отрешенный от моря,
 Разные неба круги и сияющий меч Ориона.
 295 Дать ему просит доспех, для него самого непостижный!
 Он попрекает меня, что бежал я от тягостной брани?
 Что с опозданием вступил в начатое дело? Но что же?

Или не чувствует, что тем он величье злословит Ахилла?
 Ежель обман преступленьем зовет,— он обманывал тоже!
 300 Ежели медлить — вина, так был я его расторопней!
 Медлил я с милой женой, Ахилл же — с матерью милой,
 Первое время мы им посвятили, а вам — остальное.
 Я не боюсь защищать преступление, которое с мужем
 Я разделяю таким. Находчивым духом Улисса
 305 Был он, однако, пленен. Аянт не пленил же Улисса!
 Брань, что излил на меня он своим языком скудоумным,
 Мы без вниманья пройдем. Он и вам обвинения бросил
 Стыдные: или легко обвинять было мне Паламеда
 Гнусно в измене, а вам приговор ему вынести смертный?
 310 Сам не умел Навплиад защитить это мерзкое дело,
 Всем очевидное, вы не могли не признать преступленья
 Тоже; вы видели все,— в награде открылась улика.
 В том, что Пеантов сын на Вулкановом Лемносе ныне,
 Я не виновен ничуть; защищайте свое же деянье!
 315 Вы согласились на то. Я советовал,— не отрицаю,—
 Чтобы себя отстранил от трудов он войны и дороги
 И попытался смягчить жесточайшие муки покоем.
 Внял он,— и ныне живет; совет мой не только был верен,
 Но и удачен; ему и верности было б довольно!
 320 Если пророки ему предназначили Пергам разрушить,
 Не посылайте меня: пусть лучше пойдет Теламонид,
 Пусть красноречием он взбешенного гневом и хворью
 Мужа смягчит иль искусством любим возвратит его ловко.
 Раньше назад Симоид потечет, и безлесною Ида
 325 Станет, и помощь подать обещают ахейцы троянам,
 Нежели ваши дела перестану отстаивать грудью,
 Или же впрок вам пойдет скудоумного рвенье Аянта.
 На сотоварищей пусть, на царя и меня ты в обиде,
 Гневом ты полн, Филоктет! Пускай проклинаешь и эту
 330 Голову не устаешь обречать; чтоб тебе я попался,
 Жаждешь в безумье; моей утолиться стремишься ты кровью,—
 Чтобы как ты у меня, так был у тебя я во власти.
 Все же отправлюсь к тебе; увести постараюсь с собою;
 И, коли даст мне судьба, овладею твоими стрелами,
 335 Как овладел, захватив, прорицателем я дарданейцем,
 Как я ответы богов и троянские судьбы проведаль,
 Как потаенный кумир похитил фригийской Минервы

Прямо из гущи врагов... И со мною Аянт поравнялся?
Рок не позволил того, чтоб без них пленена была Троя,
340 Где же был храбрый Аянт? Где великого мужа реченья
Пышные? Страх почему? Улисс почему же решился
Мимо дозора идти, вручая судьбу свою ночи?
Мимо свирепых мечей, не на стены троянские только,
В самую крепость, наверх взойти и похитить богиню
345 Прямо из храма, ее унести через вражьи заставы?
Не соверши я того, вотще Теламоном рожденный
Семь шкур бычьих тогда в руке своей левой держал бы!
В эту глубокую ночь родил я над Троей победу,
Пергам я тем победил, что сделал возможной победу.
350 Ты перестань и лицом и ворчаньем казать на Тидида
На моего! В тех славных делах и Тидидова доля.
Но ведь и ты, за суда наши общие щит выставляя,
Был не один, — но с толпой; одного мне достало, который, —
Если бы только не знал, что задирчивый мудрого ниже
355 И никогда не дают наград необузданной длани —
Сам бы награды просил, — и Аянт скромнейший просил бы,
Лютый в бою Эврипил, и преславного сын Андремона;
Также и Идоменей, и из той же земли происшедший
Мерионей; попросил бы и брат старшего Атрида.
360 Хоть и могучи рукой, хоть в брани тебе они равны, —
Мудрости все уступили моей. Ты в битве десницей
Действуешь; разумом — я, его осторожностью силен.
Мощь проявляешь свою без ума. Я — будущим занят.
Можешь ты биться в бою, но время для боя — со мною
365 Определяет Атрид. Ты лишь силой телесной полезен,
Я же — умом. Как тот, кто судно ведет, превосходит
В деле гребца, как ратника вождь превышает, настолько
Я превышаю тебя. Поверьте, в Улиссовом теле
Мысли сильнее руки; вся мощь Улисса — в мыслях.
370 Так, награду, вожди, дозорному вашему дайте!
Ради столь многих годов забот, неусыпных стараний,
Эту высокую честь присудите же мне по заслугам!
Труд — подходит к концу. Отвел я враждебные судьбы.
Пергам возвышенный взял, возможным взятие сделав.
375 Именем общих надежд, стен Трои, упасть обреченных,
Именем оных богов, у врагов отнятых, умоляю;
Всем, что еще совершить премудрого мне остается;

Всем, что отважного мне предстоит или опасного сделать.
Если вы мните еще, что троянцы надеяться могут, —
380 Не позабудьте меня! Если ж мне не дадите доспехов,
Дайте вот ей!» — И клятву скрепил обращением к Минерве.
Тронут старейшин совет; подтверждается мощь красноречья:
Велеречивый унес храбрейшего мужа доспехи.
Тот, кто на Гектора шел, кто железо, огонь и ненастье
385 Столько мог вынести раз, одного лишь не вынес — досады.
Непобедимый в бою — побежден был страданием; схватил он
Меч и воскликнул: «Он — мой! Или Улисс и на меч посягает?
Я подыму этот меч на себя; орошавшийся часто
Кровью фригийской теперь оросится хозяина кровью, —
390 Чтоб Аянта никто не осилил, кроме Аянта!» —
Так он воскликнул и в грудь, наконец получившую рану,
Там, где проходит клинок, вонзил острие роковое.
Сил не достало руке вонзенное вынуть оружие.
Вышибло кровью его. А земля обгаренная вскоре
395 Алый цветок родила на зеленом стебле, что когда-то
Был уж из крови рожден, излитой эвбалийскою раной.
На лепестках у него посередине начертаны буквы —
Жалобы отрока в них сливаются с именем мужа.
А победитель поплыл в тот край, где жила Ипсиписа
400 Древле и славный Тоант, в ту гнусную землю, убийством
Громкую стольких мужей, — вернуть тиринфские стрелы.
После того, как он грекам привез их, вместе с владельцем,
Долгой войне наконец завершение положено было.
Пал Илион и Приам; у несчастной супруги Приама
405 Отнято все; наконец, пропал даже вид человеческий;
Воздух чужой начала утрачивать новоявленным лаем.
Длинный где Геллеспонт замыкается узким проливом,
Ярко пылал Илион. Не стихало еще полыханье.
Скудную кровь старика Приама Юпитеров выпил
410 Жертвенник; тащат враги за волосы Февову жрицу,
И понапрасну она простирает молящие руки.
Женщин дарданских меж тем, обнимавших еще изваянья
Отчих богов, наполнявших толпой запыхавшие храмы,
Данью завидной с собой победители-греки уводят.
415 Сброшен и Астианакс с той башни, откуда столь часто
С матерью он глядел на отца дорогого, который
Бился и сам за себя и отстаивал прадедов царство.

Вот уж отъезд поощряет Борей; дуновеньем попутным
Тронуты, бьют наруса: не терять приказано ветра.
420 «Троя, прощай! Нас увозят!» — кричат троянки, целуя
Землю, прочь уходя от родимых дымящихся кровель.
И на корабль последней сошла — было жалостно видеть! —
Между сыновних могил найденная мать Гекуба,
Их обнимавшая, прах целовавшая, — но дулихийцев
425 Руки ее повлекли; зачерпнула лишь пригоршню пепла,
В плен с собой унесла, за пазухой, Гектора пепел.
И на надгробном бугре оставила Гектору волос, —
Скудный покойнику дар, — седой свой волос да слезы.
Есть, где Троя была, — напротив, — фригийская область,
430 Край бистонийских мужей. Полистора пышное царство
Там находилось. Ему, Полидор, отец тебя отдал
На воспитанье, стремясь удалить от фригийских сражений, —
Мудрая мысль, когда бы тебе не вручил он великих
Ценностей — злему соблазн, раздражение алчного духа!
435 Только фортуна троян в прах пала, безбожный фракийский
Царь свой выхватил меч и вонзил его в горло питомцу.
Сделал — и, словно могло преступление с телом исчезнуть, —
Труп бездыханный низверг с утеса высокого в море.
Флот свой Атрид между тем привязал у фракийского берега:
440 Ждали, чтоб стихла волна, чтобы ветер подул дружелюбный.
Вдруг там, — ростом таков, каким его знали живого, —
Из-под земли, широко разошедшейся, лик показал свой
Грозный Ахилл, — таким появился, каким он когда-то
Несправедливым мечом умертвить Агамемнона думал.
445 «Вы, позабыв обо мне, отправляетесь ныне, ахейцы?
Вместе со мной умерла ль благодарность за подвиги наши?
Нет! Пусть могила моя не лишается чести, — угодно
Тени Ахилла, чтоб ей на алтарь принесли Поликсену!» —
Молвил. За дело взялись, и в угоду безжалостной тени
450 С груди у матери, чьей лишь она оставалась опорой,
Сильная в горе своем и старше, чем женщина, дева
Подведена к алтарю — костра погребального жертва.
В полном владенье собой, приведенная перед жестокий
Жертвенник, чуя, что ей это дикое действие готовя,
455 Видя, как рядом стоит, железо держа, Неоптолем,
Как на лицо ее взор устремляет упорный, сказала:
«Время настало пролить благородную кровь. Так не надо

Медлить. Как хочешь, рази; иль в грудь, иль в горло оружие
Смело вонзай! — и она себе горло и грудь приоткрыла, —
460 Рабство у чуждых людей ужели сносить Поликсене —
А через этот обряд примирю я божественность чью-то.
Но я хочу, чтобы мать о моей не узнала кончине;
Мать мне помехой, она уменьшает мне гибели радость,
Хоть не о смерти моей, а о жизни своей горевать ей.
465 Вы же, чтоб я не пришла несвободною к манам стигийским,
Прочь отойдите, — прошу справедливого. Не прикасайтесь
К деве мужскою рукой. Кто б ни был тот мертвый, который
Должен быть смертью моей успокоен, ему же угодней
Будет свободная кровь. И если последние могут
470 Тронуть вас просьбы мои, — так дочь вас просит Приама,
Не полонянка! Молю: без выкупа труп мой отдайте
Матери. Право она на печальный обряд не за злато
Купит — за слезы свои. А раньше б за злато купила».
Молвила так, и народ слёз, сдержанных ею, не в силах
475 Доле сдержать; и даже сам жрец, в слезах, неохотно
Острым оружием своим полоснул по подставленной груди.
И, к обгащенной земле припав ослабевшим коленом,
Миг свой последний с лицом безбоязненным встретила дева.
Даже теперь прикрывала она, что таить подобало, —
480 И при падении все ж сохраняя стыдливости прелесть.
Взяли троянки ее; Приамидов, оплаканных раньше,
Вспомянули, — всю кровь, единым пролитую домом!
Дева, они о тебе голосят; о тебе, о царица
Мать и царица жена, цветущей Азии образ! —
485 Ныне убогая часть добычи, которой не взял бы
И победитель Улисс, когда бы она не рождала
Гектора. Добыл, увы, господина для матери Гектор!
Тело немое обняв, где не стало столь сильного духа,
Слезы, — их столько лила над отчизной, сынами, супругом, —
490 Ныне над дочерью льет; льет слезы на свежую рану,
Ртом приникает ко рту и в привыкшую грудь ударяет.
Так сединами влачась по крови запекшейся, много
Слов говорила она, — так молвила, грудь поражая:
«Дочь, о последнее ты — что ж осталось? — матери горе!
495 Дочь, ты мертва. Вижу рану твою, и моя она рана!
Вот, — чтоб никто из моих не погиб ненасильственной смертью, —

Заклана ныне и ты. Как женщине — я рассуждала —
Меч не опасен тебе; от меча ты — женщина — пала.
Бедных братьев твоих и тебя уничтожил единый —
500 Трои погибель — Ахилл, сиротитель Приамова дома.
После того, как он пал, Парисом застрелен и Фебом,
Я говорила: теперь перестанем бояться Ахилла!
Все ж бояться его я должна была. Даже и пепел
Род преследует наш; находим врага и в могиле.
505 Пала; печальным концом завершились несчастья народа, —
Коль завершились они. Одной мне Пергам остался.
Горе в разгаре мое. Недавно во всем изобильна,
Столько имев и детей, и зятьев, и невесток, и мужа, —
510 Пленницей нищей влачусь, от могил отрешенная милых,
В дар Пенелопе. Меня, за уроком моим подневольным,
Женам итаким перстом указуя, — «Вот Гектора, — скажет, —
Славная мать. Вот она, Приамова, — молвит, — супруга».
После стольких потерь ты мне — одно утешенье
515 Слез материнских моих — погребенье врага очищаешь!
Дар поминальный врагу родила! Иль я из железа?
Медлю зачем? Для чего мне потребна проклятая старость?
Жизнь старухи теперь бережете, жестокие боги,
Или для новых еще похорон? Кто мог бы подумать,
520 Что и Приама сочтут после гибели Трои счастливым?
Счастлив он смертью своей, что тебя, моя дочь, не увидел
Он убиенной и жизнь одновременно с царством оставил!
Но удостоишься ты похорон, быть может, царевна?
Тело положат твое в родовых усыпальницах древних?
525 Не такова Приамидов судьба; приношением будет
Матери плач для тебя да песка чужеземного горстка.
Вот я утратила все. Остается одно, для чего я
Краткую жизнь доживу, — любимое матери чадо,
Ныне единый, в былом наименьший из рода мужского,
530 В этом краю, Полидор, врученный царю исмарийцев.
Что же я медлю меж тем жестокие раны водою
Свежей омыть и лицо, окропленное кровью враждебной?»
Молвит и к берегу вод подвигается старческим шагом,
И, распустив седины, — «Кувшин мне подайте, троянки!» —
535 Молвила в горе, черпнуть приготовившись влаги прозрачной.

Видит у берега вдруг — извергнутый труп Полидора,
Раны ужасные зрит, нанесенные дланью фракийца.
Вскрикнули жены троян, она — онемела от боли,
Ровно и голос ее, и внутри закипевшие слезы
540 Мука снedaет сама; подобная твердому камню,
Остолбенела она: то в землю потупится взором,
То, поднимая чело, устави́тся в небо, иль смотрит
Сыну лежащему в лик, иль раны его созерцает, —
Раны особенно! Гнев и оружие дал и решимость.
545 Гневом как только зажглась, — поскольку царицей осталась, —
Постановила отмстить и в возмездие вся углубилась.
Как, если львенка отнять у нее, разъяряется львица
И по недавним следам за незримым врагом выступает,
Так и Гекуба, смешав в груди своей гнев и страданье,
550 Силы души не забыв, но забыв свои поздние годы,
Шла к Полimestору в дом, к виновнику злого убийства.
И побеседовать с ним попросила, — как будто, мол, хочет
Злата остаток ему показать, предназначенный сыну.
Просьбе поверил Одриз, любить приобьикший наживу.
555 Вот потаенно пришел — хитрец — с выраженьем любезным.
«Ждать не заставь, — говорит, — о Гекуба, дай сыну подарки,
Все, что ни дашь, — что и раньше дала, — его достоянье,
В том я богом клянусь!» И Гекуба в ужасе смотрит,
Как он клянется и лжет, — нарастает в ней гнев запылавший.
560 Вот уж он схвачен толпой полонянок троянских; Гекуба
Ринулась; пальцы ему в вероломные очи вдавила
И вырывает глаза; от гнева становится сильной;
И погружает персты, в залитые кровью преступной,
Даже не очи — их нет! — но глазницы рукой выскребает.
565 Тут, разъярясь на урон, нанесенный владыке, фракийцы
Копья и камни кидать, нападенье ведя на троянку,
Начали было. Она же за кинутым камнем с ворчаньем
Бросилась вдруг и его захватить уж старалась зубами.
Молвить хотела, но лай раздался. Сохранилось то место —
570 Так и зовется оно. О старых несчастьях помня,
Долго, тоскуя, она в ситонийских полях завывала.
Участь ее — троянцев родных, и враждебных пеласгов,
И олимпийцев самих не могла не растрогать, и боги,
И между ними сама Громовержца сестра и супруга,
575 Все отрицали, чтоб так по заслугам свершилось с Гекубой.

Хоть дарданийцев успех боевой поощрила Аврора,
Тронуть ее не могли злоключенья Гекубы и Трои:
В сердце забота своя, домашнее горе богиню
Мучит,— Мемнонова смерть. Мать видела в поле фригийском,
580 Что поразило его копье золотое Ахилла.
Видела бедная мать, и румянец, которым алеет
Утренний час, побледнел, и покрылось тучами небо.
И не могла помириться она, что его не сложили
На погребальный костер. Какою была, распутивши
585 Волосы в горе, припасть к коленам Юпитера с просьбой
Не погнушалась и так со слезами ему говорила:
«Я, нижайшая всех, на златом обитающих небе,—
Ибо лишь редкие мне воздвигаются храмы по миру,—
Все же богиня — пришла; не затем, чтобы ты мне святыни
590 Дал иль обетные дни с алтарями, готовыми к жертвам.
Если ты вспомнишь,— хоть здесь предстала я женщиной ныне,—
Что с новоявленным днем охраняю я ночи пределы,—
Дара достойной сочтешь! Но забота не та, не такое
В сердце Авроры теперь, чтоб требовать почести должной.
595 Мемнона я своего потеряла. Напрасно за дядю
Поднял оружие он; сраженный в возрасте раннем,
Мертвым от мощного пал — так вы возжелали! — Ахилла.
Честь, умоляю, ему окажи в утешение смерти,
Высший правитель богов, облегчи материнскую рану!»
600 И согласился Отец. Едва лишь огнем был разрушен
Мемнона гордый костер, и скопления черного дыма
Застили день,— подобно тому как река зарождает
И испаряет туман, лучи не пускающий солнца,—
Черная сажа, сгустясь, полетела, сбирается в тело,
605 Приобретает лицо, от огня теплоту принимает,
Также и душу свою, а от собственной легкости — крылья.
С птицею схожа была изначала,— и подлинно птица
Затрепетала крылом; такие же сестры трепещут,
Неисчислимы; их всех одинаково происхожденье.
610 Трижды кружат над костром; широко раздается согласный
Трижды их крик; на четвертый пролет разобщаются станы.
Уж с супротивных сторон два разных свирепых народа
Битву ведут меж собой, и клювы и когти кривые
В гневе сцепив, грудь с грудью биясь, на лету притомляясь.
615 В пепле костра рождены, тела их, как дар погребальный,

Падают. Помнят они, что из мощного созданы мужа.
Имя создатель их дал внезапно явившимся птицам:
Их «мемнониды» зовут; лишь солнце исполнит двенадцать
Месяцев, бьются опять, чтоб гибнуть в войне поминальной.
620 Пусть для других огорчительно зреть, что Димантида лает:
Горем Аврора своим занята, проливает и ныне
Слезы о сыне своем, и повсюду на свете — росится.

Но, чтобы с гибелью стен надежды покончились Трои,
Рок не сулил. Святыни несет и — другую святыню —
625 Старца-отца на плечах, груз чтимый, герой Кифереин.
Выбрал из стольких богатств благочестный лишь эту добычу,
С милым Асканием. Он через море с изгнанником флотом
Вдаль, от Антандра, плывет. Минует он берег проклятый
Фракии, гнусный предел, где кровь пролилась Полидора.
630 И при попутных ветрах и волнении благоприятном
Он и товарищи с ним Аполлонова града достигли.
Аний в том граде, как царь — людей, как жрец — Аполлона
Блюл благочестно. Гостей и в храме он принял и дома.
Город он им показал и святыни — дары посвященья:
635 Два показал им ствола, что Латона при родах держала.
Ладан в огонь положив и вина возлиявши на ладан,
В жертву закланных быков, по обычаю, мясо изжарив,
Входят они во дворец. К коврам прислонившись высоким,
Стали Цереры дары принимать со струящимся Вакхом.
640 Рек благочестный Анхиз: «О избранный Феба служитель,
Иль ошибаюсь? Когда эти стены я видел впервые,
Сын — мне помнится — был у тебя с четырьмя дочерьми?»
Аний, главой покачав, окаймленную белой тесьмою,
Молвил печально в ответ: «Ты, великий герой, не ошибся!
645 Верно: детей пятерых ты меня обладателем видел.
Ныне же — так-то с людьми судьбы превратность играет! —
Видишь бездетным почти. Ибо помощь какая от сына,
Если отсутствует он? В земле, по нему нареченной,
В Андрее, он вместо отца владеет престолом и царством.
650 Делий ему даровал предсказания дар, но иное
Либер дал сестрам его, превыше желаний и веры,
Качество дивное: все от моих дочерей прикасаясь
В хлеб, иль во влагу лозы, или в ягоды девы Минервы
Преображалось; тот дар приносил нам великую пользу.

655 Слух лишь об этом дошел до рушителя Трои, Атрида,—
О, не подумай, что мы стороной не почуяли тоже
Бури, прошедшей у вас! — он силой оружия насильно
С лона отца их увлек и дал приказание девам,
Чтобы аргивян суда дарованьем небесным питали.
660 Кто куда мог, разбежались они. На Эвбею укрылись
Две из моих дочерей, две приняты братниным Андром.
Воин пришел и войною грозил, если их он не выдаст.
Братское чувство сломил воздаяния страх, и сестер он
Выдал: ты мог бы найти извинение робкому брату,—
665 Не было там ведь Энея при нем, чтоб за Андр заступиться,
Гектора не было, с кем продержались вы два пятилетия!
И для плененных уже приготовили поручней цепи,—
Но, протянув к небесам до времени вольные руки,—
«Вакх-отец, помоги!» — возопили. И дара виновник
670 Девам помог, если помощью мы назовем, что он чудом
Преобразил их. Но как потеряли они человеческий
Облик, не мог я узнать, и сейчас объяснить не сумел бы.
Знаю про горе — и все. Поднялись на крылах, обратились
В птиц супруги твоей, белоснежными став голубями!»
675 Так о том, о другом разговоры ведя, завершили
Пир свой, убран и стол, и все расходится вскоре
Спать. На заре поднялись и пошли к прорицалищу Феба,
И приказал он им плыть к их матери древней, к побережьям
Родственным. Царь их пришел проводить и дары предлагает:
680 Скипетр Анхизу поднес; Асканию — лук и хламиду;
Дал он Энею — кратер, что был ему прислан когда-то
От Аонийских берегов побратимом, исиенцем Ферсеем.
Прислан Ферсеем он был; изготовлен же был он гилейцем
Алконом; вырезал тот на кратере предметов немало.
685 Град там виделся; врат показать ты мог бы седмицу
Имени града взамен: он был по вратам узнаваем.
А перед градом — обряд погребальный, костры и надгробья,
Волосы жен по плечам, обнаженные груди — все явно
Обозначало печаль, и плачут, как некие нимфы
690 Возле сухих родников. Торчит одиноко нагое
Дерево; козы среди раскаленных блуждают камней.
Посередине же Фив дочерей он явил Ориона:
Вот не по-женски свое подставляет открытое горло
Дева; другая, приняв бестрепетной раной оружие,

695 Мертвой легла за народ. Несут их по граду роскошным
 Шествием скорби и вот сжигают на месте отменном.
 А между тем изошли близнецы из девичьего пепла,
 Юношей двое, чтоб род не погиб; Коронами люди
 Их нарекли; с торжеством они матери прах провожают.
 700 А над рядами фигур, отливавших старинною бронзой,
 По верху этот кратер золоченым колодас аканфом.
 Но не беднее дары и трояне в ответ преподносят:
 Ими подарен жрецу сосуд, фимиама хранитель,
 Чаша и пышный венец, золотой, в драгоценных камнях.
 705 Вспомнили путники тут, что тевкры от Тевкровой крови
 Род свой ведут, и на Крите сошли; но сносить лишь недолго
 Тамошний воздух могли; оставив со ста городами
 Остров, стремятся скорей достигнуть портов Авсонийских.
 Буря встает и треплет людей. Принимают Строфады
 710 В порты неверные их, устрашает их птица Аэлло.
 Вот уж Итаку они, дулихийские порты, и Самос,
 И перитийский предел, лукавого царство Улисса,—
 Все миновали; потом Амбракию, бывшую спорной
 Между богов; и судьи, обращенного в камень, обличье
 715 Видят, что всюду теперь Аполлоном зовется Актийским;
 Землю Додоны прошли со священным глаголющим дубом,
 И хаонийский залив, где дети владыки Молосса
 На обретенных крылах избежали когда-то пожара.
 Вскоре феанов поля, с благодатным плодов урожаем,
 720 Также Эпир посетили, Буфрот, где вещатель фригийский
 Царствовал, и, наконец, новозданную новую Трою.
 Зная грядущее все, что открыл им советник надежный,
 Чадо Приама, Гелен, они в сиканийские входят
 Гавани. Три языка протянула Сикания в море.
 725 Первый из мысов, Пахин, обращен к дожденосному Австру,
 К мягким Зефирам другой, Лилибей; Пелор же, последний,
 Смотрит к Борею, на Аркт, никогда не сходящийся с морем.
 Тевкры к нему подошли; на веслах и с ветром попутным
 Ночью пристали суда к песчаному берегу Занклеи.
 730 Скилла тут справа, а там беспокойная, слева, Харибда
 Буйствуют: эта корабль пожрет, захватив, и извергнет;
 Той же свирепые псы опоясали черное лоно,—
 Девье при этом лицо у нее, Коль портов наследье

Все целиком не обман, то когда-то была она девой.
735 Много просило ее женихов; и, всех отвергая,
К нимфам морским — ибо нимфам была она очень любезна —
Шла и рассказы вела о любви молодых несчастливцев.
Волосы как-то ей раз давала чесать Галатея
И обратилась к ней со словами такими, вздыхая:
740 «Все-таки, дева, тебя добиваются люди, не злые
Сердцем, а ты отвергать их всех безнаказанно можешь!
Я же, которой отец — Нерей, лазурной Дориды
Дочь, у которой сестер охранительный сонм, не иначе,
Как по воде уплывя, избежала Циклоповой страсти».
745 Тут говорящей слова остановлены были слезами;
Дева же, вытерев их беломраморным пальцем, богиню
Так утешать начала: «Ты мне расскажи, дорогая,
Можешь довериться мне, не скрывай причину страданья!»
И Нереида в ответ Кратеиной дочери молвит:
750 «Акид здесь жил, порожден Семетидою нимфой от Фавна.
Матери он и отцу утешением был превеликим,
Больше, однако же, — мне. Ибо только со мною красавец
Соединился. Всего лишь два восьмилетья он прожил;
Были неясным пушком обозначены нежные щеки.
755 Я домогалась его, Циклоп же — меня, безуспешно.
Если ты спросишь теперь, что сильнее в душе моей было,
К Акиду нежная страсть или ужас к Циклопу, — не знаю.
Были те чувства равны. О Венера-кормилица, сколько
Мощи в державстве твоём! Ибо этот бесчувственный, страшный
760 Даже для диких лесов, безопасно которого встретить
Не привелось никому, презритель богов олимпийских,
Знал, что такое любовь. Ко мне вожделем охвачен,
Весь он горит. Позабыл он и скот, и родные пещеры.
Даже заботиться стал о наружности, нравиться хочет.
765 Гребнем ты, Полифем, торчащие волосы чешешь,
Вот захотел он серпом бороды пообрезать щетину,
Чтобы на зверский свой лик любоваться, его приобразив.
Дикость, страсть убивать и крови безмерная жажда —
Их уже нет. Приплывают суда, отплывают спокойно.
770 Телем в то время как раз к сицилийской причаливший Этне,
Телем, Эврима сын, никогда не обманутый птицей,
К страшному всем Полифему пришел и промолвил: «Единый
Глаз твой, который на лбу, добычею станет Улисса!»

775 Тот засмеялся в ответ: «Из пророков глупейший, ошибся
Ты. Он — добыча другой!» Так истины слово презрел он, —
Тщетно! То, берег морской измеряя шагами гиганта,
Почву осаживал он, то усталый скрывался в пещеру.
Клином, длинен и остер, далеко выдвигается в море
Мыс, с обоих боков омываем морскою волною.
780 Дикий Циклоп на него забрался и сел посередке.
Влезли следом за ним без призора бродящие овцы.
После того как у ног положил он сосну, что служила
Палкой пастушьей ему и годилась бы смело на мачту,
Взял он перстами свирель, из сотни скрепленную дудок,
785 И услышали его деревенские посвисты горы,
И услышали ручьи. В тени, за скалою укрывшись,
С Акидом нежилась я и внимательным слухом ловила
Издали песни слова, и память мне их сохранила.
«Ты, Галатея, белей лепестков белоснежной лигустры,
790 Вешних цветущих лугов и выше ольхи длинноствольной,
Ты светлей хрусталя, молодого игривей козленка!
Глаже ты раковин тех, что весь век обтираются морем;
Зимнего солнца милей, отрадней, чем летние тени;
Гордых платанов стройней, деревьев щедрее плодовых;
795 Льдинки прозрачней ты; винограда поспевшего слаще.
Мягче творога ты, лебяжьего легче ты пуха, —
Если б не бегала прочь! — орошенного сада прелестней.
Но, Галатея, — быков ты, еще не смиренных, свирепей,
Зыбких обманчивых струй и тверже дубов суковатых,
800 Веток упорней ветлы, упорней лозы белолистой;
Горных ты бешеней рек, неподвижнее этих утесов;
Жгучее пламени ты, хваленых надменной павлинов;
Трибул ты сельских грубей; лютее медведицы стельной;
Глуше, чем моря прибой, беспощадней задетой гадюки.
805 И, — это прежде всего, кабы мог, у тебя бы я отнял! —
Ты убегаешь быстрее оленя, гонимого звонким
Лаем, и даже ветров дуновенья воздушного легче.
Если б ты знала меня, не бежала бы, но прокляла бы
Ты промедленье свое, меня удержать бы старалась.
810 Есть у меня на горé с нависающим сводом пещеры,
Даже и в лета разгар у меня не почувствуешь солнца, —
И не почувствуешь стуж. Под плодами сгибаются ветви;
Есть на лозах витых подобные золоту гроздья,

Есть и пурпурные. Те и другие тебе сберегаю.
815 Будешь своею рукой под тенью рожденные леса
Нежные ягоды брать; рвать будешь осенние терны,
Слив наберешь — не одних от черного сока багровых,
Но и других, благородных, на воск весенний похожих.
Станешь моею женой, — недостатка не будет в каштанах,
820 Да и во всяких плодах: к услугам твоим все деревья.
Этот вот скот — весь мой, и немало в долинах пасется;
Много укрыто в лесу, но много и в хлевах пещерных.
Если спросишь меня — числа я назвать не сумею;
Бедным — подсчитывать скот. Коль его я расхваливать буду,
825 Ты не поверишь словам. А придешь — так сама убедишься,
Как еле-еле несут напряженное вымя коровы.
Есть — приплод молодой — ягнята в теплых овчарнях,
Есть и ровни ягнят — в других овчарнях козлята.
Век белоснежное есть молоко. Для питья остается
830 Часть. Другую же часть сохраняют творожные сгустки.
И не простые дары тебя ждут, узнаешь и больше
Радости: лани там есть, и зайцы есть там, и козы,
Там и чета голубей, и гнездо с древесной вершины.
Двух я недавно сыскал, — играть они могут с тобою, —
835 Сходных друг с другом во всем настолько, что ты ошибешься,
Там на высоких горах волосатой медведицы деток.
Я их достал и сказал: госпоже сохраним их в подарок!
Вынырни только — пора! — головой из лазурного моря!
О Галатея, приди! Подарков моих не отвергни!
840 Знаю свое я лицо: в отражении влаги прозрачной
Видел себя я на днях, и моя мне понравилась внешность.
Как я велик, посмотри! Не крупней и Юпитер на небе
Телом, — уж если у вас повествуют, что миром какой-то
Правит Юпитер. Мои в изобилии волосы пали
845 На запрокинутый лоб и, как лес, затеяют мне плечи.
Ты о щетине густой, на всем моем теле торчащей,
Дурно не думай, затем что без зелени дурны деревья;
Конь — коль на шее его золотая не треплется грива;
Птиц покрывает перо; для овец их шерсть — украшение.
850 Муж красив бородой и колючей щетиной на теле.
Глаз во лбу у меня единственный, величиною
Вроде большого щита. Что ж? Разве великое солнце
В мире не видит всего? А глаз его круглый единствен.

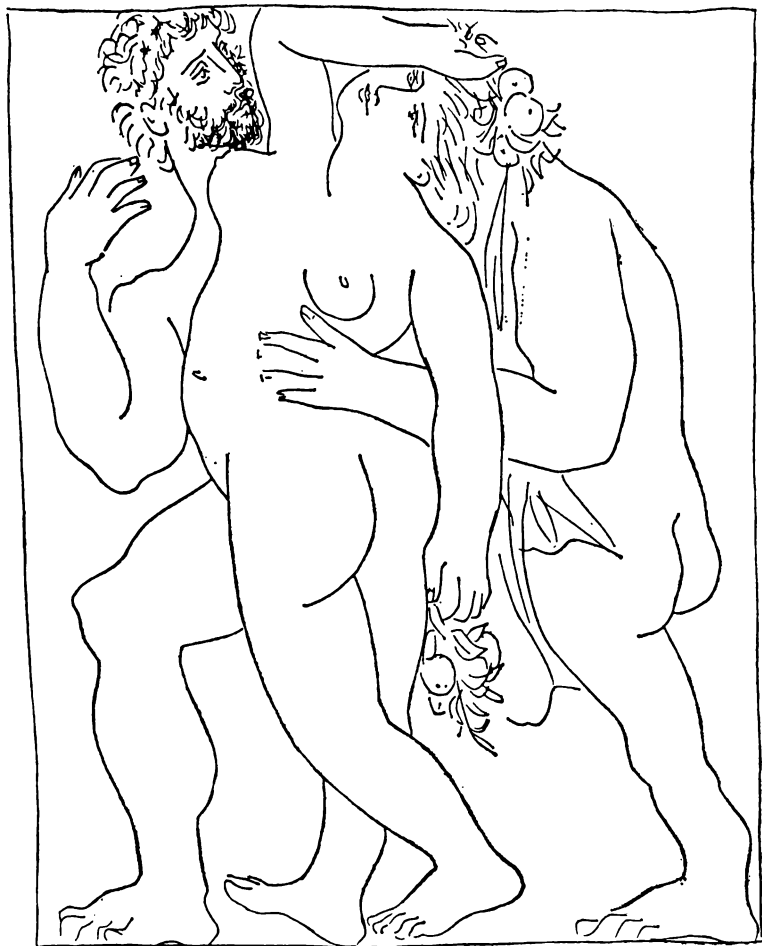
Кроме того, мой отец владыкою в вашем же море;
855 Будет он свекром тебе. О, сжался, молителя просьбы
Выслушай! Ибо одной твоей покоряюсь я власти.
Я презираю Эфир и Юпитера с молнией грозной,—
Но лишь тебя, Нереида, боюсь. Свирепее гнев твой
Молний. Отвергнутый, я терпеливее был бы, пожалуй,
860 Если б бежала ты всех. Но зачем, оттолкнувши Циклопа,
Акида любишь, зачем моих ласк милей тебе Акид?
Пусть он пленится собой и пленяет тебя, Галатея,—
Хоть не хочу я того! Но случаю дай подвернуться,—
Сразу почувствует он, сколь мощно подобное тело!
865 Проволоку за кишки, все члены его раскидаю
В поле и в море твоём,— там пусть он с тобою сойдется!
Я пламенею, во мне нестерпимый огонь взбушевался,—
Словно в груди я ношу всю Этну со всей ее мощью,
Перенесенной в меня! Но тебя, Галатея, не тронешь!»
870 Попусту так попяняв (мне все было издали видно),
Встал он и, бешен, как бык, с телицей своей разлученный,
Не в состоянии стоять, по лесам и оврагам блуждает.
Нас, не выдавших его, не боявшихся дела такого,
Лютый заметил Циклоп и вскричал: «Все вижу, и этот
875 Миг да будет для вас последним мигом любовным!»
Голос его был таков, какой подобает Циклопу
В бешенстве; криком своим устранил он высокую Этну.
Я, испугавшись, спешу погрузиться в соседнее море.
А Симетидин герой убегал, обращая тылом,
880 И говорил: «Помоги, Галатея! Молю! Помогите,
Мать и отец! Во владеньях своих от гибели скройте!»
Но настигает Циклоп. Кусок отломал он утеса
И запустил. И хотя лишь одной оконечностью камня
В Акида он угодил, целиком завалил его тело.
885 Я совершила тут все, что судьбы свершить дозволяли,
Чтобы прадедову мощь получил погибающий Акид.
Алая кровь из-под глыбы текла; чрез короткое время
Слабый пурпуровый цвет исчезать начинает помалу.
Вот он такой, как у рек от весеннего первого ливня;
390 Вскоре очистился; вот зияет, расколота, глыба,
И из расщелин живой вырастает тростник торопливо,
Рот же отверстый скалы зазвучал извергаемой влагой.
Дело чудесное! Вдруг выступает, до пояса виден,

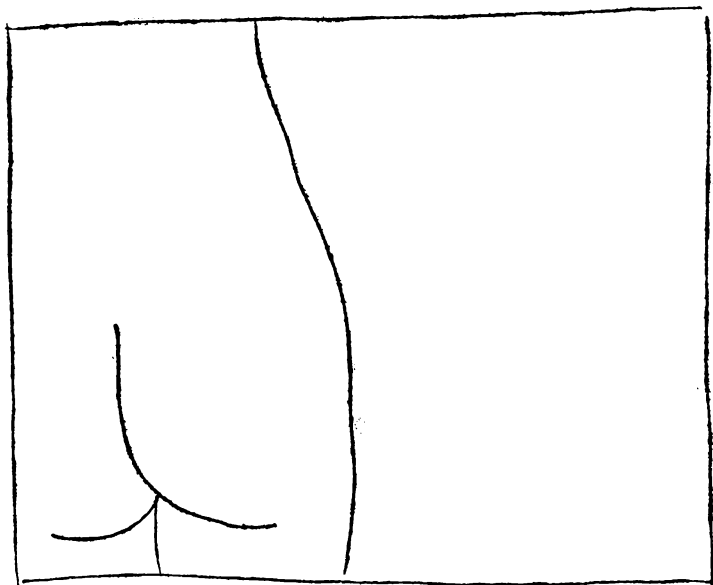
Юноша, гибкими он по рогам оплетен камышами.
895 Он, — когда бы не рост и не лик совершенно лазурный, —
Акидом был. В самом деле уже превратился мой Акид
В реку: донныне поток сохранил свое древнее имя».
Кончила свой Галатея рассказ, и сонмом обычным
Врозь разбрелись и плывут по спокойным волнам Нереиды.
900 Скилла вернулась; она не решилась в открытое море
Плыть. По влажным пескам сначала нагая блуждает,
Но, притомясь и найдя на заливе приют потаенный,
В заводи тихой свое освежает усталое тело.
Вдруг, разрезая волну, гость новый глубокого моря,
905 Переменивший черты в Антедоне Эвбейской недавно,
Главк предстает, — застыл в вожделенье к увиденной деве!
И, уповая, что он побежавшую сдержит словами,
Вслед ей кричит; она же быстрее от испуга несется
И достигает уже вершины горы надбережной.
910 Прямо из моря встает, одним острием поднимаясь,
Голый огромный утес, над морем широким нависший.
Остановилась там и в месте спокойном, не зная,
Чудище это иль бог, в изумленье дивуется цвету
И волосам пришлеца, покрывавшим и спину и плечи,
915 И что внизу у него оконечность извилистой рыбы.
Главк приметил ее и, на ближнюю глыбу опершись,
Молвил: «Не чудище я, не зверь я дикий, о дева!
Нет, я бог водяной. Прав больше Протей не имеет
В глуби морской, ни Тритон, ни сын Атаманта Палéмон.
920 Раньше, однако, я был человек. Но поистине предаю
Морю глубокому был, тогда уже в море трудился.
Либо влачил стороной я с пойманной рыбою сети,
Либо сидел на скале, с камышовой удой управляясь.
Некие есть берега с зеленеющим смежные лугом;
925 Волнами край их один окаймлен, а другой — муравую,
И круторогие их не щипали ни разу коровы;
Смирные овцы там не паслись, ни косматые козы,
И трудовая пчела никогда не собирала там меду.
Там не плелись и венки торжества; травы не срезали
930 Руки, держащие серп. Я первый на этом побережье
Сел на траву; сижу и сушу свои мокрые сети.
Чтобы попавшихся рыб сосчитать по порядку, которых
Случай мне в сеть позагнал иль своя же на крюк насадила

Зверская алчность, я их разложил по зеленому дерну.
935 Невероятная вещь. Но обманывать что мне за польза? —
Только, коснувшись травы, начала шевелиться добыча,
Переворачиваться, на земле упражняясь, как в море.
Я же стою и дивлюсь, — меж тем ускользает вся стая
В воду, покинув зараз своего господина и берег.
940 Остолбенел я, себя вопрошаю, с чего бы то было.
Бог ли то некий свершил, травы ли какой-нибудь соки?
Что же за силы в траве? — говорю и срываю рукою
Возле себя мураву и, сорвав, беру ее на зуб.
Только лишь глотка моя испила незнакомого сока,
945 Чувствую вдруг у себя в глубине неожиданный трепет,
Чувствую в сердце своем к инородной стихии влечение.
И уж не мог я на месте стоять. Прощаясь навеки,
Молвил земле я «прости» и нырнул в голубую пучину.
Боги морей пришеда отличают им общею честью;
950 Призваны были меня отрешить от свойств человеческих
И Океан и Тетида. И вот через них очищаюсь.
Девять я раз очистительный стих повторяю; велят мне,
Чтобы подставил я грудь под сто потоков различных.
Сказано — сделано. Вот отовсюду ниспавшие реки
955 Над головою моей всех вод своих токи проносят.
Только всего рассказать я могу, что стоило б вспомнить;
Только и помню всего; остального не чуяли чувства.
А лишь вернулись они, себя я обрел измененным, —
Был я весь телом другой, чем раньше, и духом не прежний.
960 Тут я впервые узрел синеватую бороду эту,
Волосы эти мои, что широко по морю влачатся,
Плечи свои увидал, громадные синие руки
И оконечности ног, как рыбы хвосты с плавниками.
Что мне, однако, мой вид? К чему божествам я любезен?
965 Что мне за прок, что я бог, коль ничто тебя тронуть не может?»
Так он сказал и хотел продолжать, но покинула бога
Скилла. Свиристствует он и, отказом ее раздраженный,
К дивной пещере идет Цирцеи, Титановой дщери,

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

LIBER QUARTUS DECIMUS

Снежную Этну уже, заткнувшую зевы Гигантов,
Также циклопов поля, что не знают мотыги и плуга,
Коиm нужды никогда не бывало в высоких упряжках,
Бурно мятущихся вод обитатель эвбеец покинул,
5 Также Занклеи залив, супротивную Регия крепость,
Также пролив, что губит суда и, зажат берегами,
Делит Авсонии край от границы земли сицилийской.
Божеской вскоре рукой прогребя по Тирренскому морю,
Главк достиг травеносных холмов и в чертоги Цирцеи,
10 Дочери Солнца, вошел, где дикие звери столпились.
Только увидел ее, приветами с ней обменялся.
«Бога, богиня, молю, пожалей! — сказал, — ты одна мне
Можешь любовь облегчить, коль меня считаешь достойным,
Сколь всемогущество трав велико, Титанида, известно
15 Мне, как нигде никому, ибо сам я чрез них изменился.
Знай, чтоб страсти тебе не была непонятна причина, —
На итальяском берегу супротив Мессании нимфу

Скиллу я раз увидал. Стыжусь передать обещанья,
Нежности, просьбы мои, заслужившие только презренье.
20 Ты же, коль некая власть в заклинаниях есть, заклинаньем
Губы святыя встревожь; а если действительней травы,
Чья испытана мощь, посильнее мне выбери зелье.
Не исцеляй мой недуг, облегчи лишь любовные раны,
Не разлюбить я хочу, — но она пусть пыл мой разделит!»
25 Главку Цирцея (вовек не бывало у женщины больше
Склонности к пылу любви; в самой ли таилась причина,
Или в Венере была, оскорбленной отцовским доносом?)
Молвит такие слова: «Домогаться желающей легче,
Чающей тех же утех, одинаковым пылом плененной!
30 Ты же достоин. Тебя и без просьб, конечно, позвали б.
Только надежду подай, — поверь, позовут и без просьбы.
Не сомневайся, в свою красоту не утрачивай веры!
Я, например, и богиня, и дочь светозарного Солнца,
Чья одинакова мощь в заклинаниях тайных и зельях, —
35 Быть желаю твоей! Презирай презирающих; нежным
С нежною будь, и двоих отомстишь ты единым деяньем».
Но на попытку ее так Главк отвечает: «Скорее
Водоросль будет в горах вырастать и деревья в пучинах,
Нежели к Скилле любовь у меня пропадет», — и богиня
40 В негодование пришла. Поскольку ему не умела
Вред нанести и, любя, не хотела, — взгневалась на нимфу
Ту, предпочтенную ей. Оскорбясь за отвергнутый пыл свой,
Тотчас же стала она с ужасными соками травы
Перетирать. Замешав, заклинания шепчет Гекаты.
45 Вот покрывало она голубое надела; и между
Льстивого строя зверей из средних выходит покоев.
В Регий дорогу держа, что против утесов Занклеи,
Вскоре вступила она на шумящее бурями море.
Словно на твердый песок, на волны ступни становила
50 И по поверхности вод сухими сбежала ногами.
Был там затон небольшой, заходивший под своды пещеры, —
Скиллы любимый приют; в то место от моря и неба
Летом скрывалась она, когда солнце стояло на вышей
Точке, когда от дерев бывают кратчайшими тени.
55 Этот богиня затон отравляет, сквернит чудодейной
Смесью отрав; на него она соком зловредного корня
Брызжет; темную речь, двусмысленных слов сочетание,

Трижды по девять раз чародейными шепчет устами.
Скилла пришла и до пояса в глубь погрузилась затона,—
60 Но неожиданно зрит, что чудовища некие мерзко
Лают вокруг лона ее. Не поверив сначала, что стали
Частью ее самое, бежит, отгоняет, страшится
Песьих дерзостных морд,— но в бегство с собою влечет их.
Щупает тело свое, и бедра, и икры, и стопы,—
65 Вместо знакомых частей обретает лишь пасти собачьи.
Всё — лишь неистовство псов; промежности нет, но чудовищ
Спины на месте ее вылезают из полной утробы.
Главк влюбленный рыдал. Цирцеи, слишком враждебно
Силу составов своих применившей, объятий бежал он.
70 Скилла осталась там; и лишь только представился случай,
Спутников ею лишен был Улисс, на досаду Цирцеи.
Также троянцев она корабли потопить собиралась,
Да превратилась в скалу; выступает еще и доньне
Голый из моря утес,— и его моряки избегают.
75 Вот уж на веслах прошли мимо Скиллы и жадной Харибды
Тевкров суда; и уже от побережий Авсонии близко
Были, когда их отнес к побережью Ливийскому ветер.
В сердце своем и в дому приняла там Энея сидонка,
Та, что стерпеть не могла супруга-фригийца отплыть
80 И на высоком костре, возводившемся будто для жертвы,
Пала на меч: сама обманувшись, других обманула.
От новостроенных стен убежав и побережий болотных,
В Эрикса город придя и встретившись с верным Акестом,
Жертву приносит Эней и могилу отца почитает.
85 Те корабли, что Ирида едва не сожгла по приказу
Гневной Юноны, он спас; Гиппотада покинул он царство.
Земли, где сера дымит, и скалы дочерей Ахелоя,
Певчих сирен,— и корабль, лишенный кормчего, вывел
К Инаримее, потом к Прохитее, потом к Питекузам,
90 Что на бесплодных холмах,— которых от жителей имя.
Древле родитель богов, рассердясь на обманы керкопов,
На нарушение клятв, на коварные их преступления,
Этих людей превратил в животных уродливых,— чтобы
Были несхожи они с человеком, но вместе и схожи.
95 Члены он их сократил; опустил и приплюснул им ноздри;
Избороздил им лицо, стариковские придал морщины
И, целиком все тело покрыв им рыжею шерстью,

В этих местах поселил; предварительно речи способность
 Отнял у их языков, уродившихся для вероломства:
 100 Жалобы лишь выражать дозволил им хрипом скрипящим.
 Эти края миновав, он Партенопейские стены
 С правой оставил руки, а с левой — Золова сына
 Звонкого холм, и в места, что богаты болотной ольхою,
 На берег Кумский приплыв, к долговечной Сивилле в пещёру
 105 Входит и молит ее, чтоб ему по Аверну спуститься
 К манам отца. Она наконец свой потупленный долу
 Лик подняла и в бреду прорекла, под наитием бога:
 «Многого просишь, о муж, величайший делами, который
 Руку прославил мечом, благочестье — святыми огнями.
 110 Все же, троянец, боязнь отреш: исполнится просьба
 И элизийский приют, последние мира пределы,
 Узришь, мной предведен, и родителя призрак любезный.
 Для добродетели нет недоступной дороги». Сказала,
 И показала ему золотую Авернской Юноны
 115 Ветвь, и велела ее оторвать от ствола. И послушен
 Был ей Эней и узрел владенья огромного Орка,
 Видел он предков своих, и предстал ему старческой тенью
 Духом великий Анхиз. Тех мест познал он законы,
 Также какие грозят ему бедствия в будущих войнах;
 120 И по обратной стезе утомленным взбирается шагом,
 Кумской Сивиллой ведом, коротал он в беседе дорогу.
 Свой ужасающий путь в полумраке свершая туманном,
 Молвил: «Богиня ли ты или божья избранница, только
 Будешь всегда для меня божеством! Клянусь, я обязан
 125 Буду навеки тебе, соизволившей дать мне увидеть
 Смерти пределы и вновь от увиденной смерти вернуться.
 Только на воздух опять изойду — за эти заслуги
 Храм воздвигну тебе и почет окажу фимиамом».
 Взор обратив на него, со вздохом пророчица молвит:
 130 «Я не богиня, о нет; священного ладана чество
 Смертных не мни почитать. Чтобы ты не блуждал в неизвестном,
 Ведай, что вечный мне свет предлагался, скончания чуждый,
 Если бы девственность я подарила влюбленному Фебу.
 Был он надеждою полн, обольстить уповал он дарами
 135 Сердце мое, — «Выбирай, о кумская дева, что хочешь! —
 Молвил, — получишь ты все!» — и, пыли набравши пригоршню,
 На бугорок показав, попросила я, глупая, столько

Встретить рождения дней, сколь много в той пыли пылинки.
 Я упустила одно: чтоб юной всегда оставаться!
 140 А между тем предлагал он и годы, и вечную юность,
 Если откроюсь любви. Но Фебов я дар отвергаю,
 В девах навек остаюсь; однако ж счастливейший возраст
 Прочь убежал, и пришла, трясущейся поступью, старость
 145 Хилая,— долго се мне терпеть; уж семь я столетий
 Пережила; и еще, чтоб сравниться с той пылью, трехсот я
 Жатв дождаться должна и сборов трехсот виноградных.
 Время придет, и меня, столь телом обильную, малой
 Долгие сделают дни; сожмутся от старости члены,
 Станет ничтожен их вес; никто не поверит, что прежде
 150 Нежно пылали ко мне, что я нравилась богу. Пожалуй,
 Феб не узнает и сам — и от прежней любви отречется.
 Вот до чего изменюсь! Видна я не буду, но голос
 Будут один узнавать,— ибо голос мне судьбы оставят».

Речи такие вела, по тропе подымаясь, Сивилла.
 155 Вот из стигийских краев наружу к Эвбейскому граду
 Вышел троянец Эней и, как должно, свершив возлиянья,
 На берег прибыл, еще не носящий кормилицы имя.
 Здесь пребывал, после долгих трудов и великих мучений,
 Нерита сын, Макарей, сотоварищ страдальца Улисса.
 160 Спутника прежнего он, что на кручах был Этны покинут,
 Ахеменида,— узнал и, дивясь, что неожиданно живого
 Встретил его, говорит: «Ты случаем или же богом,
 Ахеменид, сохранен? Почему ты на варварском судне,
 Будучи греком, плывешь? Куда направляете путь свой?»
 165 И вопрошавшему так — не в косматом уже одеянье,
 В виде своем, без шипов, сшивавших ему покрывало,—
 Ахеменид отвечал: «Да увижу я вновь Полифемов
 Зев, откуда текут человеческой крови потоки,
 Если Итака и дом дороже мне этого судна,
 170 Если Энея почту я не так, как отца! Никогда-то
 Не исчерпаю свою, хоть и выполняю все, благодарность,
 Если дышу, говоря, свет солнца вижу и небо,
 Все — о, могу ли я стать непризнателен или забывчив? —
 Он даровал мне; и то, что душа моя в брюхо Циклопу
 175 Не угодила. Теперь хоть со светом жизни расстанусь,
 Буду в земле схоронен, а не в этом, по крайности, брюхе.
 Что испытал я в душе (если чувства в то время и душу

Страх у меня не отшиб!), когда увидал я, покинут,
Как уплываете вы по открытому морю! Хотел я
180 Крикнуть, да выдать себя побоялся Циклопу. Улисс же
Криком вас чуть не сгубил: я видел — огромную глыбу
Тот от горы оторвал и далеко швырнул ее в море.
Видел затем: он кидал, как будто бы силой машины,
Дланью гигантской своей огромные с острова глыбы.
185 И охватил меня страх, не разбили бы волны и скалы
Судно, как будто бы сам я на нем пребывал, незабывтый!
После ж того как побег вас от горькой кончины избавил,
Всю поперек он и вдоль обстранствовал в бешенстве Этноу.
Лес отстраняя рукой, единственный глаз потерявши,
190 Он на скалы налетал, и, вдаль оскверненные гноем
Руки свои протянув, прокликает ахейское племя,
И говорит: «О, когда б мне случай выдал Улисса
Иль из его молодых хоть кого-нибудь — гнев мой насытить!
Съем я его потроха! Своею рукою изрежу
195 Тело, живое еще! До отказа я кровью наполню
Глотку! Члены его в челюстях у меня затрепещут!
Станет жизнь ни во что, станет легкой жизни утрата!»
Много, взбешенный, еще говорил; и в ужасе бледном
Был я, смотря на лицо с невысохшей кровью от раны,
200 Видя жестокую длань и впадину глаза пустую,
Члены и бороду, всю человеческой кровью залипшей,
Смерти я видел приход, — то было ничтожное горе!
Ждал я: он схватит меня, вот-вот мое тело потонет
В теле его. У меня из души не исчезла картина
205 Дня рокового, когда увидал я, как двадцать четыре
Спутника милых моих повергнуты были на землю;
Сам же он сверху налег, как лев налегает косматый,
И потроха их, и плоть, и кости с белеющим мозгом —
Полуживые тела — в ненасытную прятал утробу.
210 Дрожь охватила меня. Я стоял побелевший, со скорбью
Видел, как смачивал рот он кровавыми яствами, видел,
Как он выбрасывал их, с вином пополам изрыгая.
Воображал я — и мне такая же, бедному, участь!
Много подряд укрывался я дней, содрогался при каждом
215 Шорохе; смерти боясь, я с жадностью думал о смерти.
Голод я свой утолял желудями, травой и листовью,
Брошен и нищ, без надежд, на смерть и на казнь обреченный,

Много спустя увидал я корабль от земли недалёко,
 Знаками стал о спасенье молить, сбежал к побережью;
 220 Тронул Энея; и грек был судном принят троянским!
 Ты мне теперь Расскажи о себе, дорогой мой товарищ,
 И о вожде, и о всех, что с тобою доверились морю».
 Тот говорит, как Эол в глубинах державствует тускских,
 Сам Гиппотад — царь Эол, что ветры в темнице содержит.
 225 Их, заключенных в бурдюк, — достойный вниманья подарок! —
 Вождь дулихийский увез; при их дуновенье попутном
 Девять он суток прошел и увидел желанную землю.
 Вскоре же после того, как девятая встала Аврора,
 Спутники, побуждены завистливой жаждой добычи,
 230 Мысля, что золото там, ремни распустили у ветров;
 Как он обратно пошел по водам, по которым приехал,
 И воротился корабль к царю эолийскому в гавань.
 «После пришли, — он сказал, — в старинный мы град лестригона
 Лама; была та земля под державою Антипатей.
 235 Был я отправлен к нему, и со мною товарищей двое.
 Бегством едва удалось спастись одному лишь со мною,
 Третий из нас обагрил лестригонов безбожную землю
 Кровью своей; за бегущими вслед подымается с войском
 Антипатей; собирается люд; каменья и бревна
 240 Стали кидать; потопляют людей, корабли потопляют.
 Только один избежал, который меня и Улисса
 Вез; потеряв сотоварищей часть, в огорченье, о многом
 Горько жалеючи, мы пристаем к тем землям, что взорам
 Видимы там вдалеке; смотри, созерцай издалека
 245 Остров, уж виденный мной. О ты, меж троян справедливец!
 Чадо богини (затем, что окончилась брань и не враг ты
 Нам, о Эней!), заклиная, — беги от побережья Цирцеи!
 Так же когда-то и мы, к побережью Цирцеи причалив,
 Антипатей царя с необузданным помня Циклопом,
 250 Не пожелали идти и порог преступить незнакомый.
 Жребием избраны мы: я с верным душой Политеем,
 И Эврилох, и еще Элпенор, что в вине неумерен,
 И восемнадцать еще к Цирцеиным посланы стенам.
 Только достигли мы их, у дворцового стали порога,
 255 Тысяча сразу волков, и медведи меж ними, и львиды
 Страху нагнали на нас, подбежав; но страх был напрасен:
 Не собирались они терзать нам тело зубами, —

Ласково, наоборот, хвостами махали и наши
 Сопровождали следы, к нам ласться. Но вот принимают
 260 Женщины нас и ведут по атриям, в мрамор одетым,
 Прямо к своей госпоже. В красивом сидела покое
 На возвышении она, в сверкающей палле, поверх же
 Стан был укутан ее золотистого цвета покровом.
 Нимфы кругом. Нереиды при ней, — персты их не тянут
 265 Пряхи, и нити они не ведут за собою, но злаки
 Располагают, трудясь; цветов вороха разбирают
 И по корзинам кладут различные зеленью травы.
 Всей их работой сама управляет; и сила какая
 В каждом листке, каково их смешение — все ей известно;
 270 Не устает различать и, исследуя, взвешивать травы.
 Вот лишь увидела нас, лишь мы поздоровались с нею,
 Заулыбалась она и ответила нам на приветы.
 Тотчас велела для нас замешать подожженного жира
 С медом и долей вина, молоком разбавила кислым
 275 И, чтоб остались они незаметны в той сладости, — соки
 Трав подлила. Из рук чародейных мы приняли чаши.
 Только лишь высохшим ртом мы жадно испили напиток,
 Наших коснулась волос богиня жестокая тростью.
 Стыдно рассказывать! Вдруг ершиться я начал щетиной
 280 И уж не мог говорить; слова заменило глухое
 Хрюканье, мордую став, лицо мое в землю уткнулось.
 Рот — почувствовал я — закривился мозолистым рылом.
 Шея раздулась от мышц, и руки, которыми чашу
 Только что я принимал, следы от копыт оставляли.
 285 То же с другими стряслось, — таково всемогущество зелий!
 С ними я заперт в хлеву. Тут заметили мы, что не принял
 Вида свиньи Эврилох: он один отстранился от чаши.
 Если бы выпил и он, и доньше б я был в поголовье
 Этих щетинистых стад; от него не узнал бы об этом
 290 Бедствии нашем Улисс и отмстить не явился б Цирпее.
 Белый Улиссу цветок вручил миролюбец Киллений.
 «Моли» он зван у богов. На черном он держится корне.
 Вот, обеспечен цветком и в небесных уверен советах,
 В дом он Цирцеин вошел. Приглашенный коварную чашу
 295 Выпить, когда до него прикоснуться пыталась богиня,
 Злостную он оттолкнул и мечом устранил занесенным.
 Руку ему и любовь даровала она. И, на ложе

Принят, товарищей он потребовал свадебным даром.
Нас окропляет она трав лучших благодным соком,
300 Голову нам ударяет другой оконечностью трости
И говорит словеса, словесам обратные прежним.
Дальше она ворожит — и вот, с земли подымаясь,
Все мы встаем: щетины уж нет, и ноги раздвоенной
Щель исчезает; опять есть плечи и ниже предплечий
305 Локти. И, сами в слезах, обнимаем мы льющего слезы,
Виснем на шее вождя и слов не находим сначала,
Кроме тех слов, что ему изъясняют признательность нашу.
Там задержались мы год; за это столь долгое время
Многое видел я там, обо многом узнал понаслышке.
310 Вот что поведала мне потихоньку одна из помощниц
Тех четырех, что у ней состоят при ее чародействах:
Раз, меж тем как мой вождь вдвоем прохлаждался с Цирцеей,
Мне показала она из белого мрамора образ
Юноши, а у него помещен был на темени дятел,
315 Сам же он в храме стоял, отменно украшен венками.
Кто он такой, почему почитается в храме священном,
Птица на нем почему? — я спросил, разузнать любопытен.
Та отвечала: «Изволь, Макарей; через это постигни
Силу моей госпожи. Так будь внимателен, слушай.
320 Чадо Сатурново, Пик, был прежде царем в авсонийских
Землях и страстно любил коней объезжать для сражений.
Изображение его пред тобой; что был он прекрасен,
Видишь ты сам, вполне довериться статуе можешь.
Столь же прекрасен он был и душой. Еще не успел он
325 И четырех увидеть пятилетних игрищ элидских.
Он красотою привлек рожденных в латинских нагорьях
Юных дриад; полюбили его божества ключевые,
Девы наяды, каких мчит Альбула в водах, Нумикий
И Аниена волна и Альм, быстрейший течением,
330 Нара стремнистый поток и Фэрфар с приятною тенью;
Те, что в дубравном краю обитают у скифской Дианы,
Или в озерах кругом, — но, всех отвергая, к одной лишь
Нимфе он нежность питал. Венилия будто бы нимфу
На Палатинском холме породила двуликому Яну.
335 Только созрела она и невестою стала, как тотчас
Пику была отдана, предпочтенному всем лаврентинцам.
Дивной была красоты, удивительней — пеня искусством.

«Певчей» — Канентой ее назвали. Дубравы и скалы
Двигать, зверей усмирять, останавливать длинные реки
340 Силой изустной могла и задерживать птиц пролетающих.
Голосом женщины раз напевала она свои песни,
Пик же ушел из дворца и в поля удалился Лаврента
Тамошних бить кабанов. Туда он верхом на горячем
Ехал коне и держал два дротика левой рукою,
345 Алой хламидой одет, золотою заколотой пряжкой.
В это же время пришла дочь Солнца в те же дубравы,
Чтоб на обильных холмах нарвать себе новых растений.
Имя носящий ее оставила остров Цирцея.
Юношу Пика едва, полускрытая чашей, узрела,
350 Остолбенела; из рук заповедные выпали травы.
Сразу до мозга костей огонь проникает Цирцею;
Только лишь в этом пылу собрала она первые мысли,
Хочет с предметом любви говорить, но коня верхового —
355 Чтоб подойти не могла — он погнал в окружении свиты.
«Не убежишь от меня, — хотя бы умчал тебя ветер, —
Если я знаю себя, и не стали бессильными свойства
Трав, и если меня не обманут мои заклинанья!»
Молвила так и тотчас создала бестелесного призрак
Вепря, ему пробежать перед взором царя повелела.
360 И показалось ему, что вепрь удаляется в чашу,
Где через гущу деревьев коню невозможно пробраться.
Нечего медлить! И Пик, преследуя призрак добычи,
Мигом уже соскочил с дымящейся лошади наземь.
И, за мечтою гонясь, пешком углубляется в рошу.
365 Та же моления твердит и слова ядовитые молвит
И непонятым богам непонятым заклитием служит —
Тем, от которого лик Луны белоснежной тускнеет
И на Отцовском челе собираются взбухшие тучи.
От заклинаний ее темнотой покрывается небо,
370 Мглу испаряет земля. По дорогам невидимым бродят
Спутники Пика, и сам государь остается без стражи.
Выбрала место и миг, — «Заклинаю твоими очами,
Что полонили мои, красотой твоей несравненной,
Сделавшей то, что — богиня — тебя умоляю! Сочувствуй
375 Пылу влюбленной! Прими всезрящее вечное Солнце
Тестем и, сердцем жесток, Титаниды не презри Цирцеи!» —
Молвила. Но и ее и моления отверг он надменно

И отвечал: «Кто б ты ни была, твоим я не буду,
Пика другая пленит, и молю, чтобы долго пленяла!
380 Брачный союз осквернять я чужою не стану любовью,—
Ежели мне сохранять Каненту — дочь Янову — судьбы».
Снова мольбы попытав понапрасну, Титания молвит:
«Это тебе не пройдет! Не вернешься ты больше к Каненте.
Что оскорбленье, любовь и женщина могут,— узнаешь:
385 Оскорблена, влюблена и женщина тоже Цирцея!»
Дважды затем на восток обратилась и дважды на запад;
Палочкой трижды к нему прикоснулась и три заклинанья
Произнесла,— и бежит он, и сам удивляется бегу
Быстрому, как никогда, и пух замечает на теле;
390 И, возмущенный, что вот новоявленной птицей неожиданно
В Лация рощи влетел, он твердым клювом дерева
Бьет в досаде своей, ветвям пораненья наносит.
Крылья же птицы хранят окраску пурпурной хламиды;
Прежняя пряжка его, золотая одежды заколка,
395 Стала пером: золотой вокруг шейки горит ожерелок.
Нет ничего уже в нем от прежнего Пика — лишь имя.
Спутники Пика меж тем понапрасну его призывали
Долго в полях и нигде отыскать не могли господина,
А Титаниду нашли; она уж расчистила воздух,
400 Ветрам и солнцу уже разрешила туманы рассеять.
Изобличают ее в преступленье и требуют Пика.
К силе прибегли; разить беспощадным готовы оружием.
Вредные зелья она, ядовитые брызгает соки;
Ночь и полночных богов из Эреба, из Хаоса кличет,
405 Молитвословье творит завыванием долгим Гекате.
С мест повскакали своих — сказать удивительно! — рощи,
И застонала земля, побледнело вдруг дерево рядом,
Крапом меж тем на лугу заалели кровавые капли,
Камни и те издают как будто глухое мычанье;
410 Лают как будто бы псы; земля в отвратительных змеях
Лоснится, а над землей — прозрачные души порхают.
И в изумленье толпа, устрашилась чудес. Устрашенным
Тростью волшебной она удивленные тронула лица,—
И от касанья того различные чудища-звери
415 В юношей входят. Никто не остался в обличии прежнем.
Феб, склоняясь, уже налегал на Тартессии берег.
Но понапрасну ждала — душой и очами — Канента

Мужа. Челядь меж тем и народ по лесам разбежались
В поисках, перед собой освещая огнями дорогу.
420 Мало того что рыдала она, что в грудь ударяла,
Волосы в горе рвала, — хоть все это было; из дому
Вырвалась и по полям латинским блуждала в безумье.
Шесть наступивших ночей и столько же солнца восходов
Зрели ее, как она, без сна и без пищи, по воле
425 Случая, взад и вперед по горам и долинам бродила.
Видел последним ее, утомленную плачем и бегом,
Тибр, — как тело она преклонила на берег холодный.
Там, слезой исходя, страданьем рожденную песню
Петь начала, и звучал чуть слышно жалобный голос, —
430 Так, умирая, поет свою песню предсмертную лебедь.
Тонкая плоть наконец размягчилась от плача; помалу
Чахла она, а потом в воздушном исчезла пространстве.
Слава, однако, поднесь за местом осталась. Камены
Древние Певчим его нарекли по прозванию нимфы».
435 Вот что за длительный год мне рассказано было, что сам я
Видел. Но там засидясь и ленивыми став от привычки,
Мы получаем приказ вновь плыть, вновь парус наставить.
Тут же Титания нам предсказала, что снова неверный
Ждет нас и длительный путь и опасности в море суровом.
440 Взял меня страх, признаюсь, и причалил я к этому берегу».
Кончил рассказ Макарей. Тут Энея кормилица в урне
Мраморной скрыта была, на холме же стих краткий начертан:
«Здесь Кайету — меня — благочестьем известный питомец
В должном пламени сжег, из аргосского пламени вырвав».
445 Вот отвязали причал, к прибрежным кустам прикрепленный,
И покидают дворец худословной богини, от козней
Дальше бегут и приходят в леса, где в темных туманах
Тибр с его желтым песком пробивается к морю. Энею
Дом достается и дочь рожденного Фавном Латина,
450 Но не без брани. Война разгорелась вскоре с жестоким
Племенем. Турн свирепел, за жену нареченную гневен.
С Лацием вся вступает в борьбу Тиррения; долго
В бранных тревогах войска добиваются трудной победы.
Каждый помогой извне свою рать увеличить стремится.
455 Скоро рутулов уже и троян многочисленны стали
Станы; не тщетно Эней отправлялся к порогу Эвандра;
Венул же тщетно ходил к беглецу Диомеду в великий

Город его. Диомед под державою Япига Давна
Мощную крепость возвел и полями владел, как приданым.
460 Передал Венул ему поручения Турновы, с просьбой
Помощь войсками подать, но герой этолийский сослался
На недостаточность войск; на войну посылать не хотел он
Тестя народы, а сам людей не имел-де, которых
Вооружить бы он мог: «Не подумай, что я измышляю,
465 И хоть страданья опять обновляются повестью горькой,
Я потерплю и о всем расскажу. Лишь в пепле погибла
Троя, и Пергам стал данайского пламени пищей,
Тут нарикийский герой похитил деву у Девы,
Кару на всех наложил, что ему одному полагалась.
470 Все мы раскиданы, мчат нас в море враждебные ветры,
Молнии, ливень и мрак, неистовство неба и моря,—
Всё мы, данайцы, снесли; Кафарей был вершиною бедствий.
Не задержусь, излагая подряд все бедствия наши,—
Грекам казалось тогда, что готов и Приам их оплакать.
475 Я же, заботой храним доспехи носящей Минервы,
Ею был вырван у волн,— и опять от родного отринут
Аргоса я. Не забыв о ране давнишней, Венера
Гонит благая меня. Так много трудов претерпел я
И на широких морях, и в военных на суше бореньях,
480 Что называл, и не раз, счастливыми тех, что погибли
Вместе от бури одной, Кафареем жестоким в пучину
Погружены. Я жалел, что не был одним из погибших.
Крайние беды терпя, сотоварищи в бурях и бранях
Духом упали, конца запросили блужданий; и Акмон,
485 Нравом горячий всегда, а несчастьем еще раздраженный,
Молвил: «Осталось ли что, чего бы терпение ваше
Не одолело, мужи? Что могла бы еще Киферея
Сделать, когда б захотела? Пока ждем худшего в страхе,
Время молитвы творить; когда ж нет участи хуже,—
490 Страх под пятою тогда: спокойна вершина несчастий.
Пусть же послушает, пусть! Пусть нас ненавидит, как ныне,
И Диомеда, и всех! Но всю ее ненависть дружно
Мы презираем! Для нас ее сила немногого стоит!»
Так говоря, оскорблял Венеру враждебную Акмон,
495 Воин плевронский, и в ней возбуждал ее давнюю злобу.
Это немногим пришлось по душе; друзья остальные
Все порицали его; когда ж он сбирался ответить,

Тоньше стал голос его, и уменьшилась сила, и волос
Вдруг превращается в пух; покрывается пухом и шея
500 Новая, грудь и спина; на руках появляются перья
Крупные, локти ж его изгибаются в длинные крылья;
Большая часть его ног становится пальцами; рогом
Затвердевают уста и концом завершаются острым.
Идас и Лик в изумленье глядят и Никтей с Рексенором,
505 Смотрит Абант, поражен; но пока поражаются, тот же
Вид принимают они. И большая доля отряда
Вдруг поднялась и, крылами плеща, вокруг весел кружится.
Ежели спросишь про вид неожиданных пернатых,— то были
Не лебедями они, с лебедями, однако же, схожи.
510 Еле приплыл я сюда, где тестя Давна сухие
Принадлежат мне поля, и лишь малая свита со мною».
Повесть окончил Ойнид; и посол Калидонское царство
И Певкетейский залив и поля мессапийские бросил,
Видел пещеру он там, затененную частой дубравой;
515 Каплями в ней проступает вода; там Пан обитает —
Полукозел. До того обитали в ней некогда нимфы.
Здесь апулийский пастух испугал их однажды, и девы
Прочь убежали скорей, не выдержав первого страха.
Вскоре, как в чувство пришли и смешон им пастух показался,
520 Мерным движением ног закружили они хороводы.
Стал насмехаться пастух, подражая им, прыгал по-сельски
И деревенскую брань к словам добавлял непристойным.
Он замолчал лишь тогда, как закрылась гортань древесиной;
Дерево соком своим повадки его обличает:
525 Дикой маслины плоды на зазорный язык указуют
Горечью — грубостью слов продолжают они отзываться.
Как возвратились послы и отказ принесли в этолийском
Войске, рутулы одни, без подмоги чужой, продолжают
Раз начатую войну. С обеих сторон было много
530 Пролито крови. Вот Турн к сосновым подносит обшивкам
Алчный огонь, и страшит пощаженных волнами пламя.
Вот уже воск и смолу и все, что огонь насыщает,
Мулькибер жадно сжигал; к парусам по высокой он мачте
Полз, и скамьи для гребцов дымились в судах крутобоких.
535 Вспомнив, что наверху те сосны срублены Иды,
Мать святая богов наполнила воздух гуденьем
Меди, звенящей о медь, и шумом буксовых дудок.

Черный воздушный простор на львах прирученных проехав,
Молвила: «Тщетно в суда ты пожар святотатственный мечешь,
540 Турн, я спасу корабли! Не могу потерпеть, чтобы пламя
Едкое ныне сожгло дубрав моих части и члены!»
И возгремело в выси, лишь сказала богиня; за громом
Крупный низринулся дождь со скачущим градом, и воздух
Взбухшее море и ветр возмущая для сшибки внезапной,
545 Между собою бои сыновья начинают Астрей.
Силу из них одного использовав, Матьерь благая
Флота фригийского вдруг обрывает пеньковые верви;
Мчит корабли на боку и вдали погружает в пучину.
Тут размягчилась сосна, древесина становится телом,
550 В головы, в лица людей превращаются гнутые кормы.
И переходят в персты и в ноги плывущие весла.
Бок остается собой, как был; в нутре корабельном
Ребра скрытые днищ в спинные хребты превратились;
Реи руками уже, волосами уж вервия стали.
555 Цвет, как и был, — голубой: в волнах, которые раньше
Страх наводили на них, ведут свои девичьи игры
Нимфы морские; они, уроженки суровых нагорий,
Нежную славят волну и свое забывают рождение.
Но одного не забыв, — как много опасностей в бурю
560 Перетерпели они, — всегда подставляли ладони
Гибнущим в море судам — но не тем, где плыли ахейцы.
Фригии помня беду, ненавидели девы пеласгов,
Радостным взором они Неритийского судна обломки
Встретили; радостно им было видеть корабль Алкиноя,
565 Преображенный в утес и выросший на дерево камень.
В нимф морских превратились суда, и явилась надежда,
Что, убоявшись чудес, рутул воевать перестанет.
Тщетно! Есть боги свои у обеих сторон, а в согласье
С ними и доблесть души. И уже не приданные земли
570 Цель их, не тестя престол, не ты, о Лавиния дева, —
Им лишь победа нужна. Воюют, чтоб только оружия
Им не сложить. Наконец увидала Венера, что в битве
Сын одолел. Турн — пал. И Ардея пала, которой
Турн могуществом был. Лишь только в огне беспощадном
575 Город пропал и его под теплою скрылись золою
Кровли, из груды углей до тех пор неизвестная птица
Вдруг вылетает и с крыл стряхает взмахами пепел.

Голоса звук, худоба, и бледность, и все подобает
Пленному городу в ней; сохранила она и название
580 Города, бьет себя в грудь своими же крыльями цапля.
Но небожителей всех и даже царицу Юнону
Старый свой гнев отложить побудила Энеева доблесть.
А между тем, укрепив молодого державу Иула,
Предуготовленным стал для Олимпа герой Кифереин.
585 Стала богов обходить всеблагая Венера и, шею
Нежно обвив у отца, говорила: «Ко мне ты жестоким
Не был, отец, никогда,— будь ныне, молю, добрее!
Дай ты Энею теперь моему, которому дедом
Стал ты по крови моей, божественность, пусть небольшую!
590 Лишь бы ты что-нибудь дал! Довольно того, что он видел
Раз тот мрачный предел и прошелся по берегу Стикса!»
Боги сочувствует все; и царицы-супруги недвижим
Не остается лицо; и она соглашается кротко.
«Оба,— отец говорит,— вы достойны небесного дара,
595 Тот, о ком просишь, и ты, просящая. Все ты получишь»,—
Он проведал. В восторге она и отцу благодарна.
Вот по воздушным полям, голубиной влекомая стаей,
К брегу Лаврента спешит, где вьется, одет камышами,
К близкому морю стремясь речною волною, Нумикий.
600 Повелевает ему, что смерти подвластно, с Энея
Смыть и бесшумной волной все смытое вынести в море.
Рогоноситец приказ выполняет Венеры; что было
Смертного в сыне ее, своей очищает волною,
Что же осталось — кропит. Так лучшая доля — сохранна.
605 Преображенную плоть натирает она благовоньем,
Что подобает богам, и, амброзией с нектаром сладким
Уст коснувшись его, в божество превращает. Квирицы
Бога зовут «Индигет», алтари ему строят и храмы.
После Аксаний владел — именован двояко — и Альбой,
610 И всей латинской землей. Ему же наследовал Сильвий.
Им порожденный Латин получил повторенное имя,
Также и скипетр. За ним знаменитым владыкой был Альба;
После Эпит; за ним Капет и Капид управляли,
Раньше, однако, Капид. Потом перешла к Тиберину
615 Власть. Он в тускской земле, в волнах утонувши потока,
Дал свое имя реке. От него же родился и Ремул
С Акротом буйным. Из них был Ремул старше годами;

Ремул от грома погиб, сам грома удару подобен.
Акрот царскую власть, поступая разумнее брата,
620 Храброму передает авентинцу. Лежит он зарытый
Там же, где царствовал он, на холме, его имя принявшем.
Прока верховную власть над народом держал палатинским.
В те времена и Помона жила. Ни одна из латинских
Гамадриад не блюла так усердно плодового сада
625 И ни одна не заботилась так о древесном приплоде.
Имя ее — от плодов. Ни рек, ни лесов не любила;
Сёла любила она да с плодами обильными ветви.
Правой рукою не дрот, но серп искривленный держала;
Им подрезала она преизбыточность зелени или
630 Рост укрощала усов; подрезала кору и вставляла
Ветку в нее, чужеродному сок доставляя питомцу.
Не допускала она, чтобы жаждой томились деревья.
Вьющихся жадных корней водой орошала волокна.
Тут и занятье и страсть, — никакого к Венере влечения!
635 Все же насилья боясь, от сельчан запирала девица
Доступ к плодовым садам; не пускала мужчин и боялась.
Что тут ни делали все, — мастера на скаканье, сатиры
Юные, или сосной по рогам оплетенные Паны,
Даже Сильван, что всегда своих лет моложавее, боги
640 Все, что пугают воров серпом или удом торчащим, —
Чтобы Помоной владеть? Однако же чувством любовным
Превосходил их Вертумн. Но был он не более счастлив.
Сколько он ей, — как у грубых жнецов полагается, — в кошах
Спелых колосьев носил — и казался жнецом настоящим!
645 Часто в повязке бывал из травы свежескошенной, словно
Только что сам он косил иль ряды ворошил; а нередко
С дышлом в могучей руке, — поклясться было бы можно,
Что утомленных волов из плуга он только что выпряг.
То подчищателем лоз, садоводом с серпом появлялся;
650 То на стремянку влезал, как будто плоды собирая;
Воином был он с мечом, с тростинкой бывал рыболовом.
Так он обличья менял и был ему доступ свободный
К деве, и вольно он мог веселиться ее созерцаньем.
Раз, наконец, обвязав себе голову пестрой повязкой,
655 С палкой, согнувшись, покрыв себе голову волосом белым,
Облик старухи приняв, он в холеный сад проникает
И, подивившись плодам, говорит: «Вот сила так сила!»

И, похвалив, ей несколько дал поцелуев,— однако
 Так целовать никогда б старуха не стала! Садится
 660 На бугорок и на ветви глядит с их грузом осенним.
 Рядом был вяз и на нем — лоза в налившихся гроздьях;
 Он одобряет их связь и жизнь совместную хвалит.
 «Если бы ствол,— говорит,— холостым, без лозы, оставался,
 Кроме лишь зелени, нам ничем бы он не был приятен.
 665 Также и эта лоза, что покоится, связана с вязом,
 Если б безбрачной была, к земле приклоненной лежала б.
 Этого дерева ты не внимаешь, однако, примеру:
 Брачного ложа бежишь, ни с кем сочетаться не ищешь.
 Если бы ты пожелала! Сама не знавала Елена
 670 Стольких просящих руки, ни та, что когда-то лапифов
 Вызвала бой, ни Улисса жена, смельчака среди робких.
 Ныне, меж тем как бежишь и просящих тебя отвергаешь,
 Тысяча ждет женихов,— и боги, и полубоги,
 Все божества, что кругом населяют Альбанские горы.
 675 Ежели умная ты и желаешь хорошего брака,
 Слушай старуху меня, потому что люблю тебя больше
 Всех, не поверишь ты как! Не думай о свадьбах обычных,
 Другом постели своей Вертумна ты выбери. Смело
 Я поручусь за него,— затем, что себя он не знает
 680 Лучше, чем я. Не странствует он где придется по миру,
 Здесь он, и только, живет. Он не то что обычно другие,—
 Как увидал, так влюблен. Ты первым его и последним
 Пламенем будешь. Тебе он одной посвятит свои годы.
 Знай еще, что он юн, что его наградила природа
 685 Даром красы, хорошо подражает он образам разным,
 Что ни прикажешь, во все обратится он, если захочешь.
 Вкус не один ли у вас? Твои он плоды получает
 Первый и с радостью дар из рук твоих разве не примет?
 Но не желает уже он с деревьев твоих урожая,
 690 С соками нежными трав, воспитанных садом тенистым,—
 Кроме тебя, ничего! Над пылающим жалься! Повсрь же,
 Все, что он просит, прошу за него я моими устами.
 Мести побойся богов,— идалийки, которая недруг
 Жестких сердец, не гневи и злопамятной девы Рамнузской!
 695 Чтоб увеличить твой страх,— ибо старость меня научила
 Многому,— я расскажу о делах, известных на Кипре
 Каждому,— легче тогда убедишься и сердцем смягчишься.

Анаксарету узрел, старинною тевкровой кровью
 Знатную, Ифис, — а сам человек он был низкого рода.
 700 Только ее он узрел — и весь загорелся любовью.
 Долго боролся с собой, но когда увидал, что безумья
 Разумом не победить, пришел, умолая, к порогу.
 Жалкое чувство свое он поведал кормилице; молит
 Не отвергать его просьб, призывает питомицы имя.
 705 К каждому он из рабов приближался со льстивою речью,
 Голосом всех он просил, в тревоге, помочь доброхотно.
 Часто свои поручал он признания нежным дощечкам,
 Сам же в то время венки, орошенные влагою слезной,
 Вешал на двери ее; простирал он на твердом пороге
 710 Нежное тело свое и замок проклинал злополучный.
 Анаксарета ж — глуха, как прибор при поднявшемся Австре,
 Жестче железа она, что огонь закалил норикийский,
 Тверже, чем камень живой, покуда он с корня не сорван.
 Все отвергает его и смеется — к жестоким поступкам
 715 Гордые злобно слова добавляет; надеяться даже
 Не позволяет ему; и не вытерпел длительной муки
 Ифис и, став у дверей, произносит последнее слово:
 «Ты победила меня! Отныне уже я не буду
 Больше тебе докучать. Триумф свой радостный празднуй!
 720 Ныне «пеан!» восклицай, увенчайся блистательным лавром!
 Ты победила! — умру; веселись, о железное сердце!
 Ты поневоле меня хоть похвалишь за что-нибудь; чем-то
 Стану любезен тебе, мою ты признаешь заслугу.
 Все же не раньше мое о тебе прекратится томленье,
 725 Нежели кончится жизнь! Зараз двух светов лишусь я,
 Но не устами молвы о моей известишься кончине, —
 Чтобы сомнения снять, сам буду я здесь, пред тобою,
 Пусть бездыханная плоть насытит жестокие очи!
 Если ж, о Вышние, вы на людские взираете судьбы,
 730 То вспомяните меня: просить уж язык мой не в силах
 Большого. Сделайте так, чтобы долго меня вспоминали:
 Жизнь мою славы лишив, вековечную дайте мне славу!»
 Молвил; а сам к косякам, украшавшимся часто венками,
 Влажные очи свои подымая и бледные руки,
 735 К притолоке он узлом тесьму привязал и, промолвив:
 «По сердцу ль этот венок жестокой тебе и безбожной?» —
 Голову вставил в тесьму, к любимой лицом обращенный;

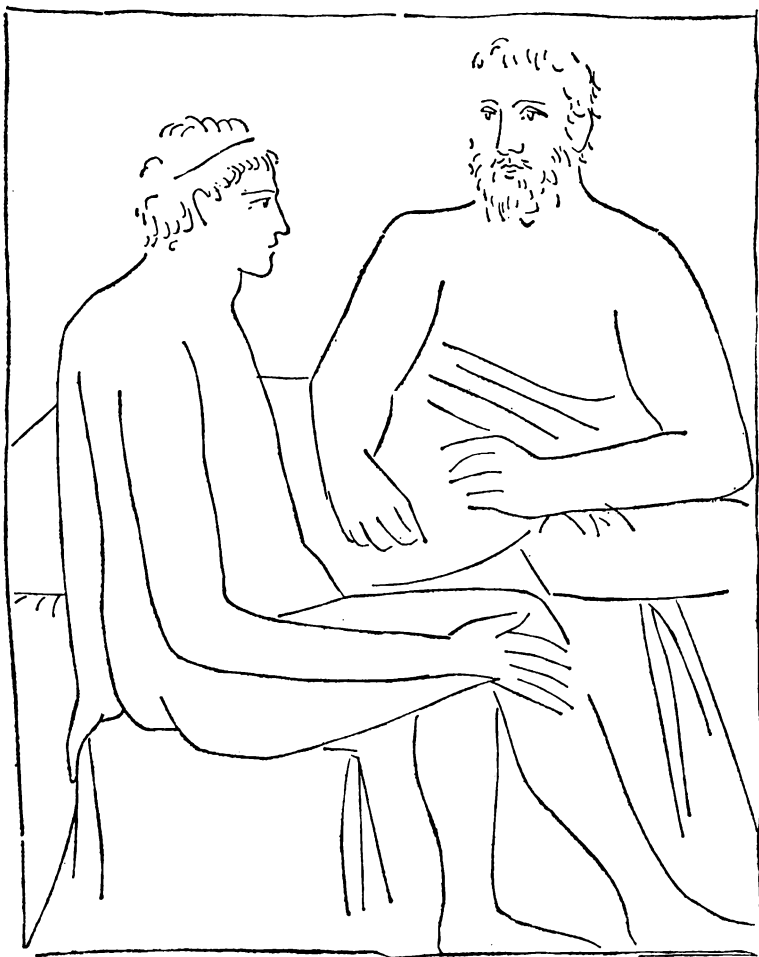
И, опустившись, в петле злосчастная тяжесть повисла, —
И ударяема ног движением трепетным, словно
740 Стоном ответила дверь и, открывшись, ужасное дело
Свету явила. Рабы закричали. Подняв, его тело
К матери в дом отнесли, — отец к тому времени умер.
Та, прижимая к груди, обнимая холодные члены
Сына, сказала все то, что несчастным родителям в пору,
745 Все совершила она, матерям что в пору несчастным, —
Вот через город ведет плачевное шествие скорби,
Желтое тело к костру провожая на смертных носилках.
Дом находился как раз на пути прохождения унылой
Этой процессии; звук ударов по груди до слуха
750 Анаксареты достиг, — бог Мститель ее беспокоил.
Молвит, однако: «Взгляну на печальный обряд!» — и в волпенье
Всходит на вышку дворца, где открыты широкие окна.
Но увидала едва на носилках лежащее тело,
Окоченели глаза, побледнело лицо и из тела
755 Будто вся кровь отлилась. Попыталась обратно ногами
Переступить, — не могла. Головой повернуться хотела —
Тоже не в силах; уже занимает помалу все тело
Камень, что ранее был в бесчувственном сердце. Не думай,
Это не вымысел, нет: сохраняется статуя девы
760 На Саламине поднесь. Там есть и Венеры Смотрящей
Храм. Не забудь же о том, что слышала ты, моя нимфа, —
Долгую гордость откинь и с влюбленным — молю — сочetaйся!
И да не тронет твоих мороз весенний плодовых
Завязей, да не стряхнет и цветов стремительный ветер!»
765 Бог, столь много пред ней понапрасну менявший обличий,
Сделался юношей вновь; старушечьи все он откинул
Приспособленья; таким пред нею явился, какое
Солнце бывает, когда лучезарно блистающим ликом
Вдруг победит облака и уже без препятствий сияет.
770 Хочет он силою взять; но не надобно силы. Красою
Бога пленилась она и взаимную чувствует рану.

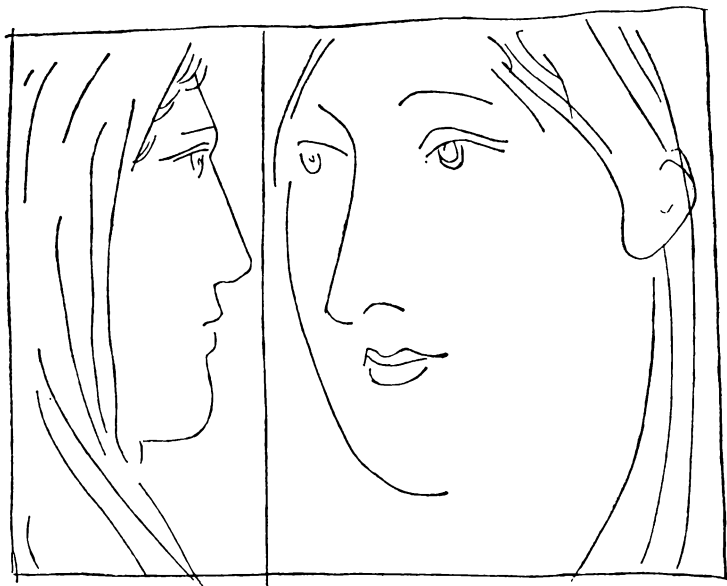
Воин Амулий потом авсонийскою правил страну,
Прав не имея на то, и Нумитору-старцу вернули
Внуки державу его. Был в праздник Палилий заложен
775 Град укрепленный. Но с ним старшины сабинов и Таций
Начали брань; и, в крепость открыв им доступ, Тарпейя

Должную казнь приняла, раздавлена грудой оружия.
Курий сабинских сыны меж тем, как стихшие волки,
Голос зажали в устах, и готовы напасть на заснувших
780 Крепко людей, и стремятся к вратам, которые запер
Наглухо сам Илиад. Одни лишь врата отомкнула
Дочь Сатурна и их повернула бесшумно на петлях.
Только Венера одна услышала движение засова.
Створу закрыла б она, да только богам невозможно
785 Дело богов пресекать. Близ Яна местами владели
Нимфы Авсонии, ток населяя ключа ледяного.
Их попросили помочь. Справедливой богининой просьбе
Нимфы не внять не могли. Потока подземные воды
Вывели тотчас из недр. Но ворота открытые Яна
790 Были доступны еще, загражден путь не был водою.
Вот под обильный родник подложили они желтоватой
Серы и в жилах пустых дымящий битум запалили.
Силой обоих веществ проникает в глубины истоков
Пар. Дерзавшие в спор вступить с альпийскою стужей,
795 Самому пламени вы теперь не уступите, воды!
Возле обеих дверей огненосные брызги дымятся.
Вот воротá, что не впрок для суровых доступны сабинов,
Новым ручьем преграждаются. В бой успевают собраться
Воины спавшие; их на сражение Ромул предводит.
800 Римская вскоре земля телами покрылась сабинов,
Также телами своих; и с кровью свежее зятя
Тестя горячую кровь смешал тут меч нечестивый.
Все же они предпочли брань миром окончить и спора
Лучше мечом не решать, и стал содержаствовать Таций.
805 После кончины его ты, Ромул, обоим народам
Равно законы давал, и Марс, свой шлем отлагая,
С речью такой обратился к отцу и бессмертных и смертных:
«Время, родитель, пришло,— поскольку на твердой основе
Римское дело стоит, от вождя одного не завися,—
810 Те обещаю, что мне ты давал и достойному внуку,
Выполнить и, от земли унеся, поместить его в небе!
Ты мне когда-то сказал при соборе Бессмертных,— я это
Помню, в памяти я слова сохраняю святыя! —
Будет один: его вознесешь к лазурям небесным.
815 Так ты сказал, и твои да исполнятся ныне вещанья!»
И Всемогуший кивнул и черными тучами небо

Скрыл, и от грома его и от молний был ужас во Граде.
Знаменье в этом признав, что дано ему сына похитить,
На колесницу взошел, опершись на копье, и кровавым
820 Дышлом коней тяготя, погнал их, бичом ударяя,
Неустрашимый Градив и, скоро спустясь по простору,
Остановил и сошел на лесистом холме Палатинском.
Перед народом своим отправлявшего суд государев
Он Илиада унес. В дуновеньях воздушных распалось
825 Смертное тело его, — так, мощною брошен пращою,
Обыкновенно свинец распадается в небе далёко.
Вид он прекрасный обрел, достойнейший трапез высоких, —
В новом он облике стал трабею носящим Квирином.
Видя, как, мужа лишась, Герсилия плачет, Юнона
830 Тотчас Ириде своей по дуге семицветной спуститься
К ней, одинокой, велит и такие слова передать ей:
«О латинского ты и сабинского племени слава,
Жен всех лучше жена! Достойная раньше такого
Мужа, супругой теперь достойная зваться Квирина,
835 Слезы свои осуши! И если хочешь супруга
Видеть, за мною иди, к той роще, одевшей Квиринов
Холм, которою храм царя затеняется римлян!»
Повиновалась и, вниз по радуге снидя на землю,
Эту, как велено, речь Герсии молвит Ирида.
840 Та застыдилась; едва подымая глаза, говорит ей:
«Ты, о богиня! Твое неизвестно мне имя, однако
Вижу богиню в тебе! — о, веди, о, веди и супруга
Взору яви моему! Коль судьбы даруют один лишь
Раз мне увидеть его, примирюсь, что взят он на небо!»
845 Сказано — сделано. Вот взошли с Тавмантестой Девой
Вместе на Ромулов холм. И вдруг перед ними на землю
С неба упала звезда. От света ее загоревшись,
С тою звездой взвились у Герсии волосы в небо.
В руки, знакомые ей, там принял жену основатель
850 Римского града, сменил он и тело ее и прозвание:
Гóрою стал величать, споклоняемой богу Квирину,

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ
LIBER QUINTUS DECIMUS

Но возникает вопрос, кто б мог столь великого груза
Бремя нести и такого царя унаследовать скипетр.
Первый в решеньях тогда — глас общий народа — назначил
Славного Нуму. Ему недостаточно было, однако,
5 Вести сабинов устав; он широкой душою иного
Жаждал — начал искать о природе вещей наставлений.
Новой заботой влеком, родные он Курии бросил;
В город направился тот, Геркулеса когда-то принявший.
И на вопрос его, кто был греческих стен становитель
10 На италийских берегах, ответил один из старейших
Жителей тамошних мест, старинные помнивший годы:
Есть преданье, что сын богатый Юпитера с моря
На иберийских конях к берегам Лакиния прибыл
Счастливо; стали бродить по мягким стада луговинам,
15 Сам же в дом он вошел к Кротону, под гостеприимный
Кров и по долгим трудам вкушал там заслуженный отдых,
А уходя, предсказал: «Со временем будет построен

Город внуками здесь», — и были верны предсказанья.
Некогда в Аргосе жил рожденный Алемоном некто
20 Мискел, — в те времена олимпийцам любезнейший смертный.
Раз, наклонившись над ним, отягченным тяжелой дремотой,
Палиценосец сказал: «Оставь-ка родные пределы,
К дальнему Эзару путь держи, к каменистому устью!»
Если ж не внимет приказ, угрожал ему многим и страшным.
25 И одновременно прочь и виденье и сон отлетели.
Алемонид поднялся и с притихшей душой вспоминает
Сон, и борются в нем два разные долго решения:
Бог велит уходить, а законы уйти запрещают, —
Смертною казнью казнят пожелавшего родины новой.
30 Светлое солнце главу лучезарную спрятало в море,
Ночь же главу подняла, венчанную звезд изобильем.
Бог появляется вновь и свои повторяет веленья;
Если ж не внимет приказ, — грозит ему бóльшим и худшим,
Мискела страх обуял, и решил он родимых пенатов
35 К новым местам перенести; возник тут в городе ропот,
И обвиняли его в нарушение закона. Дознание
Кончили судьи; вина без свидетелей всем очевидна.
К вышним тогда обратил и уста и ладони несчастный:
«О, по веленью небес двенадцать трудов совершивший,
40 Ныне молю, — помоги! Ведь ты — преступленья виновник»,
Древний обычай там был, по камешкам белым и черным,
Брошенным в урну, решать, казнить или миловать должно.
Вынесли и на сей раз решение печальное: черный
Камешек всеми подряд опускается в грозную урну.
45 Но, для подсчета камней лишь ее опрокинули, видят, —
Всех до единого цвет из черного сделался белым!
Белых наличье камней оправдательных — дар Геркулеса —
Алемонида спасло. Он отца Амфитрионида
Благодарит и плывет Ионийским морем с попутным
50 Ветром; уже и Тарент минует он лакедемонский,
Уж Сибарид в стороне остается, Нерет салентинский,
Также Турийский залив и Темеса и Япига нивы.
Все эти земли пройдя, берегов не теряя из виду,
Мискел нашел наконец вещаньем указанный Эзар.
55 Неподалеку был холм, — святые Кротоновы кости
Там покрывала земля. Он в этой земле по веленью
Стены возвел и нарек Кротоновым именем город.

Верным преданием так утверждается место, где новый
 Город греками был в италийских основан пределах.
 60 Был здесь из Самоса муж. Однако он Самос покинул,
 С ним и самосских владык. Ненавидя душой тиранию,
 Сам он изгнание избрал. Постигал он высокою мыслью
 В далях эфира — богов; все то, что природа людскому
 65 Взору узреть не дает, увидел он внутренним взором.
 То же, что духом своим постигал он с бдительным тщаньем,
 Все на потребу другим отдавал, и толпы безмолвных,
 Дивным внимавших словам — великого мира началам,
 Первопричинам вещей, — пониманью природы учил он:
 Что́ есть бог; и откуда снега; отчего происходят
 70 Молнии — бог ли гремит иль ветры в разъявшихся тучах;
 Землю трясет отчего, что движет созвездия ночи;
 Все, чем таинственен мир. Он первым считал преступленьем
 Пищу животную. Так, уста он ученые первый
 Для убеждений таких разверз, — хоть им и не вняли:
 75 «Полноте, люди, сквернить несказанными яствами тело!
 Есть на свете и хлеб, и плоды, под которыми гнутся
 Ветви древесные; есть и на лозах налитые гроздья;
 Сладкие травы у вас, другие, что могут смягчиться
 И понежнеть на огне, — у нас ведь никто не отымет
 80 Ни молока, ни медов, отдающих цветами тимьяна.
 Преизобилье богатств земля предлагает вам в пищу
 Кроткую, всем доставляет пиры без буйства и крови.
 Звери — те снедью мясной утоляют свой голод; однако
 Звери не все: и конь и скотина травой лишь живы.
 85 Те ж из зверей, у кого необузданный нрав и свирепый, —
 Тигры, армянские львы с их злобой горячей, медведи,
 Волки лютые — тех кровавая радует пища.
 Гнусность какая — ей-ей! — в утробу прятать утробу!
 Алчная телом жиреть, поедая такое же тело,
 90 Одушевленному жить умерщвлением одушевленных!
 Значит, меж стольких богатств, что матерью лучшей, землею,
 Порождены, ты лишь рад одному: плоть зубом жестоким
 Рвать на куски и терзать, возрождая повадки Циклопов?
 Значит, других не губя, пожалуй, ты даже не мог бы
 95 Голод умиротворить неумеренно жадного чрева?
 Древний, однако же, век, Золотым называемый нами,
 Только плодами дерев да травой, землей воспоенной,

Был удовлетворен; уст не сквернил он животною кровью.
 Птицы тогда, не боясь, безопасно летали под небом
 100 И по просторам полей бродил неопасливо заяц;
 За кровожадность свою на крюке не висела и рыба.
 Не было вовсе засад, никто не боялся обмана,
 Все было мирно тогда. Потом, меж смертными первый, —
 Кто — безразлично — от той отвратился еды и впервые
 105 В жадное брюхо свое погружать стал яства мясные.
 Он преступлению путь указал. Зверей убиением
 Часто бывал и дотоль согреваем клинок обагрённый.
 Не было в этом вины: животных, которые ищут
 Нас погубить, убивать при всем благочестии можно, —
 110 Именно лишь убивать, но не ради же чревоугодья!
 Дальше нечестье пошло; и первую, предполагают,
 Жертвою пала свинья за то, что она подрывала
 Рылом своим семена, пресекая тем года надежду.
 После козёл, объедавший лозу, к алтарю приведен был
 115 Мстителя Вакха: двоим своя же вина повредила.
 Чем провинились хоть вы, скот кроткий, овцы, на пользу
 Людям рожденные, им приносящие в вымени нектар?
 Овцы, дающие нам из собственной шерсти одежды,
 Овцы, жизнью своей полезные больше, чем смертью?
 120 Чем провинились волы, существа без обмана и злобы, —
 Просты, безвредны всегда, рождены для труда и терпенья?
 Неблагодарен же тот, недостоин даров урожая,
 Кто, отрешив вола от плуга кривого, заколет
 Пахаря сам своего; кто работой натёртые шеи,
 125 Коими столько он раз обновлял затвердевшую ниву,
 Столько и жатв собирал, под ударом повергнет секиры!
 Мало, однако, того, что вершится такое нечестье, —
 В грех вовлекли и богов; поверили, будто Всевышний
 Трудолюбивых быков веселиться может закланью!
 130 Жертва, на ней ни пятна, наружности самой отменной, —
 Пагубна ей красота! — в повязках и золоте пышном
 У алтаря предстоит и, в незнание, молящему внемлет;
 Чувствует, как на чело, меж рогов, кладут ей колосья, —
 Ею возделанный хлеб, — и, заколота, окровавляет
 135 Нож, который в воде, быть может, приметить успела.
 Тотчас на жилы ее, изъязв их из тела живого,
 Смотрят внимательно, в них бессмертных намеренья ищут!

И почему человек столь жаждет еды запрещенной?
Так ли себя насыщать вы дерзаете, смертные? Полно!
140 О, перестаньте, молю. Прислушайтесь к добрым советам!
Если кладете вы в рот скотины заколотой мясо,
Знайте и почувствуйте: вы — своих хлебопашцев едите.
Бог мне движет уста, за движущим следовать богом
Буду, как то надлежит. Я Дельфы свои вам открою,
145 Самый эфир, возведу я прозренья высокого духа;
Буду великое петь, что древних умы не пытали,
Скрытое долго досель. Пройти я хочу по высоким
Звездам; хочу пронестись, оставивши землю, обитель
Косную, в тучах; ступать на могучие плечи Атланта.
150 Разно мятущихся душ, не имеющих разума, сонмы
Издали буду я зреть. Дрожащих, боящихся смерти,
Ныне начну наставлять и сúdeб чреду им открою.
О человеческий род, страшащийся холода смерти!
Что ты и Стикса, и тьмы, что пустых ты боишься названий,—
155 Материала певцов,— воздаяний мнимого мира?
Ваши тела — их сожжет ли костер или время гниением
Их уничтожит — уже не узнают страданий, поверьте!
Души одни не умрут; но вечно, оставив обитель
Прежнюю, в новых домах жить будут, приняты снова.
160 Сам я — помню о том — во время похода на Трою
Сыном Панфеевым был Эвфорбом, которому прямо
В грудь засело копьё, направлено младшим Атридом.
Щит я недавно узнал, что носил я когда-то на шуйце,—
В храме Юноны висит он в Абантовом Аргосе ныне.
165 Так: изменяется все, но не гибнет ничто и, блуждая,
Входит туда и сюда; тела занимает любые
Дух; из животных он тел переходит в людские, из наших
Снова в животных, а сам — во веки веков не исчезнет.
Словно податливый воск, что в новые лепится формы,
170 Не пребывает одним, не имеет единого вида,
Но остается собой,— так точно душа, оставаясь
Тою же,— так я учу,— переходит в различные плоти.
Да не поддастся же в вас благочестие — жадности чрева!
О, берегись, говорю, несказанным убийством родные
175 Души из тел изгонять! Пусть кровь не питается кровью.
Раз уж пустился я плыть по открытому морю и ветром
Парус напряжен,— скажу: постоянного нет во вселенной,

Все в ней течет — и зыбок любой образуемый облик.
Время само утекает всегда в постоянном движении,
180 Уподобляясь реке; ни реке, ни летучему часу
Остановиться нельзя. Как волна на волну набегают,
Гонит волну пред собой, нагоняема сзади волною,—
Так же бегут и часы, вослед возникая друг другу,
Новые вечно, затем что бывшее раньше пропало,
185 Сущего не было,— все обновляется вечно мгновенья.
Видишь, как, выйдя из вод, к рассвету тянутся ночи,
Ярко сияющий день за черною следует ночью.
Цвет не один у небес в то время, как, сковано дремой,
Все в утомлении спит; иль в час, когда Светоносец
190 Выходит на белом коне; тогда ли, когда на рассвете
Паллантиада весь мир, чтобы Фебу вручить, обгагрят.
Даже божественный щит, подымаясь с земли преисподней,
Ал, возникая, и ал, скрываясь в земле преисподней,
Но белоснежен вверху затем, что природа эфира
195 Благоприятнее там и далеко земная зараза.
Также Дианы ночной не может остаться единым
Облик, меняется он постоянно со сменой суток:
Месяц растущий крупней, а месяц на убыли — меньше.
Что же? Не видите ль вы, как год сменяет четыре
200 Времени, как чередом подражает он возрастам нашим?
Маленький он, сосунок, младенческим летам подобен
Ранней весной; ярка и нежна, еще сил не набравшись,
Полнится соком трава, поселян улаждая надеждой;
Все в это время цветет; в цветах запестрел, улыбаясь,
205 Луг благодатный; но нет еще в зелени зрелости должной.
В лето потом переходит весна, в могучую пору;
Сильным стал юношей год,— мощнее нет времени года,
Нет плодovitей его, бурнее в году не бывает.
Осень наступит затем, отложившая юную пылкость,
210 Зрелая, кроткая; год — не юноша, но и не старец —
Станет умерен,— меж тем виски сединою кропятся.
После старуха зима приближается шагом дрожащим,
Вовсе волос лишена иль с седыми уже волосами...
Также и наши тела постоянно, не зная покоя,
215 Преображаются. Тем, что были мы, что мы сегодня,
Завтра не будем уже. Был день, мы семенем были
И — лишь намек на людей — обитали у матери в лоне,

Руки искусные к нам приложила природа; и, видя,
 Что утесняется плод беременной матери чревом,
 220 Скрытые в нем, в воздушный простор их выводит из дома.
 Вот, появившись на свет, лежит без силы младенец;
 Четвероногий почти, как зверь, влачит свои члены.
 Вот понемногу, дрожа, на ступне, пока не окрепшей,
 Начал стоять, но еще поддержки требует. Вскоре
 225 Он уже силен и скор. Но поприще юности краткой
 Пройдено. Вот и года миновали срединные также,
 И по наклону уже несется он к старости шаткой.
 Жизнь подрывает она; разрушаются прежние силы.
 Старый заплакал Милон, увидев, что стали бессильны
 230 Мощные руки его, что, дряблые, виснут, — когда-то
 Тяжкою крепостью мышц с Геркулесовой схожие дланью.
 Плачет и Тиндара дочь, старушечьи видя морщины
 В зеркале; ради чего — вопрошает — похищена дважды?
 235 Время — свидетель вещей — и ты, о завистница старость,
 Все разрушаете вы; уязвленное времени зубом,
 Уничтожаете все постепенною медленной смертью.
 Не пребывает и то, что мы называем стихией.
 Вас научу измененьям стихий, приготовьте вниманье.
 Вечный содержит в себе четыре зиждительных тела
 240 Мир. Два тела из них отличаются тяжестью, в область
 Нижнюю их — то земля и вода — вес собственный тянет.
 У остальных же у двух нет веса, ничто не гнетет их;
 Воздух летит в высоту и огонь, что воздуха чище.
 И хоть далеко они отстоят друг от друга, однако
 245 Все происходит из них и в них же все возвратится.
 Чистую воду земля испаряет, редая в просторе,
 Воздухом станет вода; а воздух, тяжесть утратив,
 Сам растворившись еще, вновь вышним огнем засверкает.
 Все обращается вспять, и круг замыкается снова.
 250 Ибо, сгущаясь, огонь вновь в воздух густой переходит,
 Воздух — в воду; земля из воды происходит гущенной.
 Не сохраняет ничто неизменным свой вид; обновляя
 Вещи, одни из других возрождает обличья природа.
 Не погибает ничто — поверьте! — в великой вселенной.
 255 Разнообразится все, обновляет свой вид; народиться —
 Значит начать быть иным, чем в жизни былой; умереть же —
 Быть, чем был, перестать; ибо все переносится в мире

Вечно туда и сюда: но сумма всего — постоянна.
Мы полагать не должны, что длительно что-либо может
260 В виде одном пребывать: от Железного так к Золотому
Вы перешли, о века; так и мест меняются судьбы;
Зрел я: что было землей крепчайшею некогда, стало
Морем,— и зрел я из вод океана возникшие земли.
От берегов далеко залегают ракушки морские,
265 И на верхушке горы обнаружен был якорь древнейший;
Поле весенний поток, стремясь, обращает в долину;
Видел и то, как гора погрузилась от паводка в море.
Прежде болотистый край высыхает пустыней песчаной;
Жажду терпевший меж тем от болота стоячего влажен.
270 Новые здесь родники исторгает природа, другим же
Путь закрывает она; в содроганиях древнего мира
Множество рек полилось, но как их засыпалось много!
Также и Лик, например, зилием почвенным выпит,
Снова выходит вдали, из иного родится истока.
275 Так, то вбираем землей, то опять исторгаем из бездны,
Мощный поток Эразин возвращен аргонийской равнине.
Передают, что и Миз, наскучив своим исхождением
И берегами, течет по-иному и назван Каиком.
Там же теперь Аменан пески сицилийские катит
280 Волнами, а иногда, лишившись источников, сохнет.
Воду Анигра-реки все пили когда-то, теперь же
Не пожелают вкусить, с тех пор как — если хоть малость
Все-таки можно певцам доверять — в них мыли кентавры
Раны, что луком нанес Геркулес им Палиценосец.
285 Что ж? А Гипанис-река, в горах возникающий скифских,
Пресный сначала, потом не испорчен ли солью морскою?
Волнами были кругом охвачены Тир финикийский,
Фар и Антисса; из них ни один уже ныне не остров.
Материковой была для насельников древних Левкада,—
290 Ныне — пучины кругом. Говорят, и Занклея смыкалась
Прежде с Италией, но уничтожило море их слитность
И, оттолкнув, отвело часть суши в открытое море.
Ежели Буру искать и Гелику, ахейские грады,—
Их ты найдешь под водой; моряки и сегодня покажут
295 Мертвые те города с погруженными в воду стенами.
Некий находится холм у Трезены Питфеевой, голый,
Вовсе лишенный дерев, когда-то равнина, всецело

Плоская, ныне же — холм. Ужасно рассказывать: ветры,
Сильны и дики, в глухих заключенные недрах подземных,
300 Выход стремясь обрести, порываясь в напрасном усилье
Вольного неба достичь и в темнице своей ни единой
Щели нигде не найдя, никакого дыханью прохода,
Землю раздули холмом; подобно тому как бычачий
Ртом надувают пузырь иль мех, который сдирают
305 С зада пасущихся коз. То вздутье осталось и ныне,
Смотрит высоким холмом и за много веков отвердело.
Много примеров тому, известных иль слышанных вами, —
Несколько лишь приведу. А разве вода не меняет
Наново свойства свои? Средь дня, о Аммон рогоносный,
310 Струи студены твои, на заре и закате — горячи.
Передают, что древесный кусок от воды Атаманта
Вдруг загорается в дни, когда лунный ущерб на исходе.
Есть у киконов река, — коль испить из нее, каменеют
Сразу кишки; от нее покрываются мрамором вещи.
315 Кратид-река и Сибара, полям пограничная нашим, —
Те придают волосам с янтарем и золотом сходство.
Но удивительно то, что такие встречаются воды,
Свойство которых — менять не только тела, но и души.
Кто не слышал про родник Салмакиды с водой любострастной?
320 Или про свойство озер эфиопских? Кто выпьет глоток их,
Бесится или же в сон удивительно тяжкий впадает.
Если же кто утолит из криницы Клитория жажду,
Недругом станет вина и к чистой воде пристрастится, —
То ли противная в ней вину горячащему сила,
325 То ль Амитаона сын, по преданиям жителей местных,
После того, как унял он неистовство Претид безумных
Помощью трав и заклятий, потом очищения средства
В воду криницы метнул, — с тех пор ей вино ненавистно.
Свойство иное совсем у воды из Линкестия. Если
330 Кто-нибудь станет ее пропускать неумеренно в горло,
То закачается так, будто цельным вином опьянился.
Есть в аркадской земле водоем — Фенеон у древнейших —
С двойственной странно водой, которой ночами страшиться!
Ночью вредна для питья; днем пить ее можно безвредно.
335 Так у озер и у рек встречаются те иль другие
Разные свойства. Был век — Ортигия плавала в море,
Ныне ж на месте стоит. Аргонатов страшили когда-то

Сшибкою пенистых волн разнесенные врозь Симплегады, —
Ныне недвижны они и способны противиться ветрам.
340 Так же, горящей теперь горнилами серными, Этне
Огненной вечно не быть: не была она огненной вечно.
Если земля — это зверь, который живет и имеет
Легкие, в разных местах из себя выдыхающий пламя, —
345 Может дыханья пути изменить он, особым движеньем
Щели одни запереть, а другие открыть для прохода.
Ныне пусть в недрах земли запертые летучие ветры
Мечут скалу о скалу и материю, что заключает
Пламени семя, она ж порождает огонь, сотрясаясь, —
Недра остынут, едва в них ветры, смирившись, затихнут.
350 Если же быстрый пожар вызывается мощною лавой,
Желтая ль сера горит незаметно струящимся дымом, —
Время придет все равно, и земля уже снеди богатой
Не предоставит огню, истощит она силы за век свой,
И неостанет тогда пропитания алчной природе,
355 Голод не стерпит она и, заброшена, пламя забросит.
В Гиперборейском краю, говорят, есть люди в Паллене, —
Будто бы тело у них одевается в легкие перья,
Стоит лишь девять им раз в озерко погрузиться Тритона.
Впрочем, не верю я в то, что женщины скифские, ядом
360 Тело себе окропив, достигают такого ж искусства.
Но ведь должны доверять мы явлениям, доказанным точно:
Ты не видал, как тела, полежав в растопляющем зное,
Мало-помалу загнив, превращаются в мелких животных?
Сам ты попробуй, зарой бычачью, по выбору, тушу;
365 Дело известное всем: из гниющей утробы родятся
Пчел-медоносиц рои; как их произведший родитель,
В поле хлопочут, им труд по душе, вся забота их — завтра.
Шершней воинственный конь порождает, землею засыпан.
Если округлых клешней ты лишишь прибрежного краба,
370 А остальное в земле погребешь, то из части зарытой
Выйдет на свет скорпион, искривленным хвостом угрожая.
Знаем и гусениц, лист оплетающих нитью седою;
Так же и эти — не раз то жители сел наблюдали —
Вид свой меняют потом, в мотылей превращаясь могильных.
375 Тина из скрытых семян производит зеленых лягушек.
Их производит без лап; для плаванья годные ноги
Вскоре дает; чтоб они к прыжкам были длинным способны,

Задние лапы у них крупней, чем передние лапы.
И медвежонок: родясь, он первые дни еле-еле
380 Жив, он лишь мяса кусок, — но мать его лижет и членам
Форму дает, и малыш получает медвежий наружность.
Иль не видал ты, как пчел медоносных приплод, заключенный
В шестиугольных домах восковых, без членов родится,
Как он и лапы поздней, и крылья поздней получает?
385 Птица Юноны сама, на хвосте носящая звезды,
Голубь Венеры и сам Юпитера оруженосец,
Птицы пернатые все из яичной серединки рождаются, —
В это поверит ли кто? Кто, зная, тому не поверит?
Мнение есть, что, когда догниет позвоночник в могиле,
390 Мозг человека спинной в змею превратится. Однако
Все эти твари одна от другой приемлют зачатки;
Только одна возрождает себя своим семенем птица:
«Феникс» ее ассирийцы зовут; не травой, не хлебом, —
Но фимиама слезой существует и соком амома.
395 Только столетий он пять своего векованья исполнит,
Тотчас садится в ветвях иль на маковку трепетной пальмы,
Клювом кривым и когтями гнездо себе вить начинает.
Дикой корицы кладет с початками нежного нарда,
Мятый в гнездо киннамон с золотистою миррою стелет.
400 Сам он ложится поверх и кончает свой век в благовоньях.
И говорят, что назначенный жить век точно такой же,
Выйдя из праха отца, возрождается маленький Феникс.
Только лишь возраст ему даст сил для поднятия груза,
Сам он снимает гнездо с ветвей возвышенной пальмы,
405 Благочестиво свою колыбель и отцову могилу
Взяв и чрез вольный простор в Гиперіона город донесшись,
Дар на священный порог в Гиперіона храме слагает.
Если мы в этом нашли небывалый предмет удивленья, —
То подивимся еще на гиену в ее переменах:
410 Жил гиена-самец — став самкой, самца подпускает!
Или животное то, чье питание воздух и ветер, —
Что ни коснется его, всему подражает окраской!
Рысей, как дань, принесла лозоносному Индия Вакху:
Передают, что у них всегда превращается в камень
415 То, что испустит пузырь, и на воздухе затвердевает.
Также кораллы: они, когда прикоснется к ним воздух,
Тоже твердеют, — в воде они были растением мягким!

Раньше окончится день, погрузит запыхавшихся ко́ней
В море глубокое Феб, чем я перечислю в рассказе
420 Все, что меняет свой вид. С течением времени так же,—
Мы наблюдаем,— одни становятся сильны народы,
Время другим — упадать. И людьми и казною богата,
Могшая десять годов лить кровь в таком изобилье,
Падшая, ныне лежит в развалинах древняя Троя,
425 Вместо стольких богатств — могильные прадедов холмы.
Спарта преславна была; великими были Микены;
Кекропа крепость цвела; и твердыня Амфиона тоже,—
Ныне же Спарта пустырь; высокие пали Микены;
Что́, коль не сказка одна, в настоящем Эдиповы Фивы?
430 И не название ль одно Пандионовы ныне Афины?
Ныне молва говорит, что подьется Рим дарданийский.
Расположившись у вод Апеннинорожденного Тибра,
Строя громаду свою, основанья кладет государства.
Он изменяет свой вид, возрастая, и некогда станет
435 Целого мира главой; говорили об этом пророки,
Голос гаданий таков. Насколько я помню, Энею,
Лившему слезы, в свое переставшему верить спасенье,
Молвил Гелен Приамид во время гибели Трои:
«Отпырык богини! Коль ты доверяешь моим предсказаниям,
440 Знай, не всецело падет, при твоём вспоможении, Троя!
Меч и огонь не задержат тебя; уйдешь, и с собою
Пёргама часть унесешь, а потом для тебя и для Трои
Поприще в чуждой земле дружелюбной отчизною станет.
Вижу столицу уже, что фригийским назначена внукам.
445 Нет и не будет такой и в минувшие не было годы!
Знатные годы ее возвеличат, прославят столетья.
Но в госпожу государств лишь от крови Иула рожденный
Сможет ее возвести. Им после земли взвеселятся
Божьи хоромы — эфир, небеса ему будут скончаньем!»
450 Все, что Энею Гелен, пенатов блюстителю, молвил,—
В памяти я сохранил,— и радостно мне, что все выше
Стены, что впрок для врагов победили фригийцев пеласги!
Но не дадим же коням позабывшимся дальше стремиться
К мете своей! Небеса изменяют и все, что под ними,
455 Форму свою, и земля, и все, что под ней существует.
Так — часть мира — и мы,— затем, что не только мы тело,
Но и летунья душа,— которая может проникнуть

После в звериный приют и в скотское тело укрыться,—
 Эти тела, что могли б содержать и родителей души,
 460 Братьев иль душу того, с кем некий союз нас связует,—
 Так иль иначе — людей,— оставим же в мире и чести!
 Недра не станем себе набивать пированьем Тиеста!
 Как приобщается злу, нечестивый,— и кровь человечесю
 Тот готов проливать, кто горло тельника пронзает
 465 Острым ножом и мычанью его равнодушно внимает!
 Или же тот, кто козла не смутится зарезать, который
 Плачет притом, как дитя? Есть птицу, которую сам же
 Только что хлебом кормил? От худшего из преступлений
 Это далеко ль ушло? Как служит к нему переходом!
 470 Вол пусть пашет, пусть он умирает, состарившись мирно!
 Пусть доставляет овца от Борева гнева защиту!
 Пусть же козы свое подставляют нам вымя для дойки!
 Всякие сети, силки, западни, все хитрости злые
 Бросьте! Клейким прутom в обман не вводите пернатых
 475 И оперенным шнуром не гоните оленя в облаву!
 Загнутых острых крючков не прячьте в обманчивом корме.
 Вредных губите одних; однако же только губите:
 Да отрешатся уста, да берут себе должную пищу!»
 Этой и многой другой наполнив мудростью сердце,
 480 Как говорят, возвратился к себе и по просьбе всеобщей
 Принял правленья бразды над народами Лация — Нума.
 Нимфы счастливой супруг, Камен внушеньем ведомый,
 Жертв он чин учредил, и племя, привыкшее раньше
 Только к свирепой войне, занятиям мирным наставил.
 485 Старцем глубоким уже он державство и век свой окончил,—
 Жены, народ и отцы, оплакал весь Лаций кончину
 Нумы; супруга его, оставивши град, удалилась
 В дол арикийский и там, в густых укрываясь чащобах,
 Плачем и стоном своим Дианы Орестовой культу
 490 Стала мешать. Ах! Ей и дубравы, и в озере нимфы
 Часто давали совет перестать и слова утешенья
 Молвили! Сколько ей раз средь слез сын храбрый Тезея,—
 «О, перестань! — говорил,— судьба не твоя лишь достойна
 Плача. Кругом посмотри на несчастья с другими — и легче
 495 Перенесешь ты беду. О, если бы сам в утешенье
 Мог я примером тебе не служить! Пример я, однако,
 Слух, наверно, до вас о некоем достиг Ипполите,

Жестокосердьем отца и кознями мачехи гнусной
 Преданном смерти. О да, удивисься, — и трудно поверить! —
 500 Все-таки я — это он. Меня Пасифаида когда-то,
 Тщетно пытавшись склонить к осквернению отцовского ложа,
 В том, что желалось самой, обвинила и, грех извращая, —
 То ли огласки боясь, в обиде ль, что я непреклонен, —
 Оклеветала. Отец невинного выгнал из града,
 505 И на челе у меня тяготело отцово проклятье.
 На колеснице — беглец — спешу я в Трезену, к Питфею.
 И проезжал я уже побережьем Коринфского моря, —
 Вдруг как подымется вал! Из него водяная громада
 Целой загнулась горой, на глазах возрастала, — мычанье
 510 Вдруг из нее раздалось, и верхушка ее раскололась.
 Бык круторогий тогда из разъятой явился пучины, —
 Вровень груди из вод подымался в ласкающий воздух.
 Моря струю из поздрей изрыгал и из пасти широкой.
 Спутников пали сердца, — я душой оставался бесстрашен,
 515 Полон изгнаньем своим, — как вдруг мои буйные кони
 Поворотили к волнам и, прядая в страхе ушами,
 В страхе не помня себя, приведенные чудищем в ужас,
 Прямо на скалы несут, — и я понапрасну стараюсь
 Править зверями, держать убеленные пеною вожжи;
 520 Сам отклонясь, натянуть ремни ослабевшие силюсь.
 Мощи моей одолеть не могло бы неистовство коней,
 Если бы вдруг колесо, в неустанном вокруг оси вращенье,
 Не зацепилось за ствол и, упав, на куски не разбилось:
 Миг — и я выброшен был. Ногами запутавшись в вожжи,
 525 Мясо живое влачу, за кусты зацепляются жилы,
 Часть моих членов при мне, а часть оторвана членов;
 Кости разбиты, стучат; ты увидела б, как истомленный
 Мой исторгается дух; ни одной не могла бы ты части
 Тела уже распознать: все было лишь раной сплошною.
 530 Можешь ли, смеешь ли ты сопоставить свое злополучье,
 Нимфа, с моею бедой? Я видел бессветное царство,
 Во Флегетона волну погружался истерзанным телом!
 Если б не сила врача, Аполлонова сына искусство,
 Не возвратилась бы жизнь. Когда ж от могущества зелий —
 535 Хоть и досадовал Дит — я с помощью ожил Пеана, —
 То чтобы с даром таким, там будучи, не возбуждал я
 Зависти большей, густым меня Кинтия облаком скрыла;

И, чтобы я в безопасности жил, безнаказанно видим,
Возраста мне придала и сделала так, чтобы стал я
540 Неузнаваем. Она сомневалась, на Крит ли отправить
Или на Делос меня; но и Делос и Крит отменила
И поселила вот здесь; лишь имя, могущее коней
Напомянуть, повелела сменить: «Ты был Ипполитом, —
Молвила мне, — а теперь будь Вирбием — дважды рожденным!»
545 В этой я роще с тех пор и живу; божество я из меньших;
Волею скрыт госпожи, к ее приобщился служенью».
Горя Эгерии все ж облегчить не в силах чужие
Бедствия; так же лежит под самой горой, у подножья,
Горькие слезы лия. Наконец, страдалицы чувством
550 Тронута, Феба сестра из нее ледяную криницу
Произвела, превратив ее плоть в вековые воды.
Тронула нимф небывалая вещь. И сын Амазонки
Столь же был ей потрясен, как некогда пахарь тирренский,
В поле увидевший вдруг ту глыбу земли, что внезапно,
555 Хотя не касался никто, шевельнулась сама для начала,
Вскоре же, сбросив свой вид земляной, приняла человеческий,
После ж отверзла уста для вещания будущих судеб.
Местные жители звать его стали Тагеем, и первый
Дал он этрускам своим способность грядущее видеть;
560 Или как Ромул, — когда увидал он копье, что торчало
На Палатинском холме, покрывшемся сразу листвою;
Что не железным оно острием, а корнями вцепилось,
Что не оружие уже, но дерево с гибкой лозою
Эту неожиданную тень доставляет дивящимся людям;
565 Или как Кип, увидавший рога на себе в отраженье
Глади речной; увидал он рога и, подумав, что ложный
Образ морочит его, лоб трогал снова и снова, —
Вправду касался рогов. И глаза обвинять перестал он,
Остановился, — а шел победителем с поля сраженья, —
570 К небу возвел он глаза, одновременно поднял и руки.
«Вышние! Что, — он сказал, — предвещается чудом? Коль
радость, —
Радость родину пусть и квиринов народ осчастливит!
Если ж грозит — пусть мне!» И алтарь сложил он из дерна.
Он свой алтарь травяной почитает огнем благовонным;
575 Льет и патеры вина; убитых двузубых овечек,
Истолкованья ища, пытается трепещущий потрох.

Начал разглядывать жертв нутро волхователь тирренский,
 И очевидна ему превеликая бездна событий —
 Все же неясственных. Тут, приподнявши от жертвенной плоти
 580 Острые взоры свои, на рога он на Киповы смотрит,
 Молвя: «Здравствуй, о царь! Тебе, да, тебе подчинятся,
 Этим державным рогам — все место и Лация грады!
 Только не медли теперь, входи, открыты ворота;
 Поторопись: так велит судьба; ибо, принятый Градом,
 585 Будешь ты царь, и навек безопасен пребудет твой скипетр».
 Кип отступает назад, от стен городских отвращает
 В сторону взоры свои, — «Прочь, прочь предвещения! — молвит, —
 Боги пусть их отвратят! Справедливее будет в изгнание
 Мне умереть, — но царем да не узрит меня Капитолий!»
 590 Молвил он так; народ и сенат уважаемый тотчас
 Созвал; однако рога миротворным он лавром сначала
 Скрыл; а сам на бугор, насыпанный силами войска,
 Стал и, с молитвой к богам обратясь по обычаям предков, —
 «Есть тут один, — говорит, — коль из Града не будет он изгнан,
 595 Станет царем. Не назвав, его покажу по примете:
 Признаком служат рога, его вам укажет гадатель,
 Ежели в Рим он войдет, вас всех обратит он в неволю!
 Он в ворота меж тем отворенные может проникнуть,
 Но воспрепятствовал я, хоть самый он близкий, пожалуй,
 600 Мне человек; вы его изгоните из Града, квириты,
 Или, коль стоит того, заключите в тяжелые цепи,
 Иль поборите свой страх, умертвив рокового владыку!»
 Ропщут по осени так подобравшие волосы сосны,
 Только лишь Эвр засвистит; у волнения в море открытом
 605 Рокот бывает такой, — коль издали с берега слушать;
 Так же шумит и народ. Но тут, сквозь речи кричащей
 Смутно толпы, раздался вдруг голос отдельный: «Да кто ж он?»
 Стали разглядывать лбы, рогов упомянутых ищут.
 Снова им Кип говорит: «Вы знать пожелали, — смотрите!»
 610 И, хоть народ не давал, венки с голов своих снял он
 И указал на чело с отличьем особым — рогами.
 Все опустили глаза, огласилось стоном собрание,
 И неохотно они на достойную славы взирали
 Кипа главу (кто поверить бы мог?), но все ж обесчестить
 615 Не допустили его и снова венком увенчали.
 Знатные люди, о Кип, раз в стены войти ты боялся.

Дали с почетом тебе деревенской земли, по обмеру,
 Сколько ты мог обвести с запряженными в пару волами
 Плугом тяжелым своим, на восходе начав, до захода,
 620 И водрузили рога над дверью, украшенной бронзой,
 Чтобы на веки веков хранить удивительный образ.
 Ныне поведайте нам, о Музы, богини портов,—
 Ибо вы знаете все, и древность над вами бессильна,—
 Как Корониду вписал, руслом обтекаемый Тибра
 625 Остров, в список святынь утвержденного Ромулом Града.
 Некогда пагубный мор заразою в Лации веял,
 Бледное тело людей поражала бескровная немочь;
 От погребений устав и увидя, что смертные средства
 Не приведут ни к чему, ни к чему и искусство лечащих,
 630 Помощи стали просить у небес и отправились в Дельфы,
 Где средоточье земли, и явились в гадалище Феба.
 Вот, чтобы в бедствии том помочь им спасительным словом
 Феб пожелал, чтобы Град столь великий избавил он,— молят.
 Все, что вокруг, и лавр, и на лавре висящие тулы
 635 Затрепетали зараз; из глуби святилища ясный
 Голос треножник издал и смутил потрясенные души:
 «В месте ближайшем найдешь, что здесь ты, римлянин, ищешь,
 В месте ближайшем ищи. Но сам Аполлон не подаст вам
 Помощи, вашей беды не убавит,— но сын Аполлона.
 640 С добрыми знаками — в путь! И нашего требуйте чада».
 Только лишь мудрый сенат получил приказание бога,
 Вызвав, во граде каком Аполлона дитя обитает,
 Тотчас послали людей на судах к берегам Эпидавра.
 Вот уже тех берегов коснулись кормою округлой,
 645 Входят в совет эпидаврских старшин и просят, чтоб бога
 Дали им греки того, кто присутствием мог бы покончить
 Муки Авсонии; так непреложные волят гаданья.
 И голоса раскололись: одни полагают, что помощь
 Не оказать им нельзя; а многие — против; совет их —
 650 Не выпускать божества и своей не утрачивать силы.
 Так сомневались они, а сумрак согнал уж последний
 Свет, и вскоре весь мир покрывается тенями ночи.
 Но увидал ты во сне заступника бога стоящим
 Возле постели твоей, о римлянин! Был он в том виде,
 655 Как и во храме стоит: с деревенским посохом в шуйце,
 Мощной десницей власы разбирал бороды своей длинной.

И благосклонно из уст такие слова излетают:
 «Страх свой откинь, я приду; но обычное сброшу обличье;
 Ты посмотри на змею, что узлами вокруг посоха вьется.
 660 Взглядом ее ты приметь, чтоб после узнать ее с виду.
 В эту змею обращай, но больше; таким появлюсь я,
 Как подобает одним небожителям преображаться».

Речь пропадает и бог, и с речью и богом отходит
 Сон, и, лишь сон отошел, разливается свет благодатный,
 665 И, подымаясь, Заря пламена прогоняет созвездий.
 И в неизвестности, что предпринять, в святилище бога
 Знатные люди сошлись и молят, чтоб сам указал он,
 Знаки небесные дав, где хочет иметь пребыванье.
 Лишь помолились они, как сияющий золотом гребня
 670 Бог, обращенный в змею, провещал им пророческим свистом
 И появлением своим кумир, алтари, и входные
 Двери и мраморный пол всколебал, и из золота кровлю.
 Вот он по самую грудь посреди подымается храма,
 Встал и обводит вокруг очами, где искрится пламя.
 675 И ужаснулась толпа: и узнал божества появление
 По непорочным власам тесьмою повязанный белой
 Жрец. «Это бог! Это бог! — восклицает, — и духом и словом
 Бога почтите! О ты, прекраснейший! Кем бы ты ни был,
 В пользу нам будь! Помоги божество твое чтущим народам!»
 680 Кто он, не знают, но все чтут бога, как велено; вместе
 Все повторяют слова за жрецом; и душою и речью
 Благочестиво ему — Энеаду — являют почтение.
 Бог благосклонен, ответ им желанный даруя, шевелит
 Гребнем, три раза подряд свистит трепещущим жалом
 685 И по блестящим затем ступеням соскользает; но, раньше
 Чем навсегда отойти, на древний алтарь обернулся,
 Старый приветствует дом и святилище, где обитал он.
 Выйдя из храма, змея по цветами усыпанной почве
 Петля за петлей ползет, огромна, сквозь город проходит
 690 И направляется в порт, защищенный загнутым молом.
 Остановилась она и толпу, что с нею до моря
 Свитой почтительной шла, обводит приветливым взором, —
 И на корабль авсонийский вползла: и чувствует судно
 Ноши божественной груз, — что божья гнетет его тяжесть!
 695 Рады Энея сыны; и, быка заколов на побережье,
 Вервя витых причал отвязали венчанного судна.

Легкий зефир подгоняет корабль. Бог виден высоко, —
 Голову он положил на изогнутый нос корабельный,
 Глядя на синюю даль. Пройдя Ионийское море
 700 С ветром умеренным, вот, к Паллантиды шестому восходу,
 Видит Италию. Вот прошли вдоль Лакинии, славной
 Храмом Богини; уже у берегов Скилакея несутся.
 Янигский мыс позади; вот слева Амфрисии скалы
 Мимо на веслах прошли и отвесы Келеннии — справа.
 705 Вот и Рометий пройден, Кавлон с Нарикией тоже,
 Преодолен и пролив, сицилийского горло Пелора;
 Дом Гиппотада царя, Темесы медные руды,
 И Левкосию прошли, и теплый, в розариях, Пестум;
 710 Вот и Капрею они, и мыс миновали Минервы,
 Также Суррента холмы с изобилием лоз; Геркулесов
 Город и Стабии; вот для досуга рожденную, мимо
 Партенопею прошли и святилище Кумской Сивиллы.
 Мимо горячих ключей проплыли; лентиском поросший
 Пройден Литерн; и обильно песок увлекающий в буйном
 715 Беге Волтурн; Синуэсса, приют голубей белоснежных;
 Область Минтурн нездоровых и край, где насыпан супругом
 Холм, — Антипатов предел, с окруженной болотом Трахадой,
 Также Цирцеи земля и Антий с берегом плотным.
 Лишь паруса корабля повернули туда мореходы, —
 720 На море буря была, — стал бог извиваться кругами,
 Чаше изгибы ведя и вращая огромные кольца:
 Храма отца он достиг, на самом побережье песчаном.
 Но лишь затихла волна, алтари эпидаврец отцовы
 Бросил, под кровом побыв божества, с кем кровью был связан.
 725 Ходом шумящей своей чешуи бороздит он прибрежный
 Крепкий песок и, взвися по рулю корабельному, на нос
 Судна возлег головой и там пролежал до прибытья
 В Кастр, священный предел Лавина, у Тибрского устья.
 Весь отовсюду народ — и мужчины и женщины — богу
 730 Валит навстречу толпой, и огонь твой хранящие девы,
 Веста троянская. Клики ликованья приветствует бога.
 И, между тем как корабль подымается вверх по течению,
 Вдоль берегов, на поставленных в ряд алтарях, фимиамы
 С той и другой стороны, трепеща, благовонно дымятся,
 735 И ударяющий нож согревают закланные жертвы.
 Вот уже в мира главу, в столицу он римскую входит;

И выпрямляется змей и склоненною двигает шеей,
По верху мачты вися, — подходящей обители ищет.
Здесь протекая, река на равные делится части;
740 Остров по ней наречен; с обеих сторон одинаков,
Равные два рукава Тибр вытянул, землю объемля,
С судна латинского тут змей Фебов сошел и остался
Жить, и конец положил, приняв вновь облик небесный,
Горю народа — пришел благодатным целителем Града.
745 Все ж явился чужим он в святилища наши, — а Цезарь
В Граде своем есть бог; велик он и Марсом и тогой;
Но не настолько его триумфальные войн завершения,
Или деянья внутри, иль быстрая слава державы
Новым светилом зажгли, в звезду превратили комету, —
750 Сколько потомок его. Из свершенных Цезарем славных
Дел достославней всего, что сын порожден им подобный.
Истинно: значит, важней водяных ниспровергнуть британов,
Через семиустый поток в папирус одетого Нила
Мстящие весть корабли, нумидийцев восставших и Юбу
755 На кинифийских берегах, иль Понт, Митридата надменный
Именем, — всех покорить и прибавить к народу Квирина, —
Многих себе заслужить и немало увидеть триумфов, —
Нежели мужа родить столь великого нам, под которым
Так человеческий род вы взлелеяли, вышние боги?!
760 Но, чтобы не был рожден он от смертного семени, богом
Должен был сделаться ты. И мать золотая Энея
Все увидала и вот, увидав и скорбя, что готовят
Первосвященнику смерть, что оружием гремит заговорщик,
Стала бледна и богам, всем ею встречаемым, молвит:
765 «Вы посмотрите, с каким мне и ныне готовят коварством
Козни, как, гнусно таясь, голове угрожает единой,
Что остается еще у меня от дарданца Иула!
Вечно ли буду одна я подвержена новым невзгодам?
Уязвлена я была копьем калидонским Тидида;
770 Рушились Трои потом защищенные худо твердыни;
Видела сына затем, как в странствии долгом, потеряв,
Морем кидаем он был, сходил и в обитель покойных,
С Турном-царем воевал, — но ежели в правде признаться, —
Больше с Юноной самой! Для чего вспоминаю былую
775 Рода печаль моего? Страх нынешний не позволяет
Старое припоминать, но меч окаянные точат!

Их отстраните, молю! Преступленью не дайте свершиться!
Да убиенем жреца не погасится жертвенник Весты!»
Тщетно по всем небесам Венера, в отчаянье горьком,
780 Речи такие гласит и тронула всех,— но не могут
Боги железных разбить приговоров сестер вековых,—
Все же грядущих скорбей несомненные знаки являют:
Стали греметь, говорят, оружием черные тучи;
Слышался рог в небесах и ужасные трубные звуки,—
785 Грех возвещали они,— и лик опечаленный Феба
Мертвенный свет проливал на покоя лишенную землю;
Часто видали, меж звезд полыхают огни погребений;
Часто во время дождя упали кровавые капли;
Бледен бывал Светоносец, и лик его темным усеян
790 Крапом, была и Луны колесница в крапинах крови,
Бедствия в тысяче мест пророчил и филин стигийский.
В тысяче мест слоновая кость покрывалась слезами,
В рощах священных порой то речь раздавалась, то пенье;
Не было пользы от жертв; потрясенья великие были
795 Явлены в жилах; бывал край печени срезан у жертвы;
Всюду: на площадях, у домов и божественных храмов
Псы завывали в ночи; говорят, что покойников тени,
Выйдя, блуждали, и Град колебался от трепета дрожи.
Но предвещанья богов победить не могли ни злодейства,
800 Ни исполненья судеб,— и вносятся в место святое
Голых мечей клинки! Не выбрали места иного
В Граде, чтоб дело свершить роковое,— но зданье сената!
И Киферея двумя ударяет в печали руками
В грудь и пытается скрыть небесным облаком внука,—
805 Так был когда-то Парис у мстящего вырван Атрида.
Так, в дни оны, Эней от меча Диомедова спасся.
Но говорит ей отец: «Одна ли ты рок необорный
Сдвинуть пытаешься, дочь? Сама ты отправься в жилище
Древних сестер; у них на обширном увидишь подножье
810 Стол, где таблица судеб,— из бронзы литой и железа.
Нет, не боятся они ни ударов небесных, ни гнева
Молний, крушенья им нет,— стоят безопасны и вечны.
Там, у Сестер, ты найдешь в адамант заключенную прочный
Рода судьбу своего: читал я ее и запомнил
815 И расскажу, чтобы ты не была о грядущем в незнание.
Время исполнил свое — о ком, Киферея, печешься —

Все; он прожил сполна земле одолженные годы.
Богом войдет в небеса, почитаться он будет во храмах,—
Этим обязан тебе и сыну. Наследовав имя,
820 Примет он на плечи Град и, отца убиенного грозный
Мститель, в войнах меня соратником верным получит.
Силою войска его осажденные стены Мутины
Мира попросят, склонясь; признают его и Фарсалы,
825 И орошенные вновь эмафийскою сечью Филиппы,
И в сицилийских волнах покорится великое имя;
Римского вскоре вождя супруга египтянка, тщетно
Брака желая, падет; угрожать она будет напрасно,
Что Капитолий отдаст своему в услуженье Канопу,
830 Буду ли Варварство я, народы на двух океанах
Перечислять? Все мира края, где могут селиться
Люди,— будут его: все море ему покорится.
Страны умиротворив, на гражданское он правосудье
Мысли направит и даст — справедливец великий — законы.
Нравы примером своим упорядочит; взор устремляя
835 В будущий век, времена грядущих внуков далеких
Видя, он сыну велит, священной супруги потомству,
Чтоб одновременно нес он имя его и заботы.
Только лишь после того, как Нестора лет он достигнет,
В дом он небесный войдет, примкнет к светилам родимым.
840 Эту же душу его, что из плоти исторглась убитой,
Сделай звездой, и в веках на наш Капитолий и форум
Будет с небесных твердынь взирать божественный Юлий!»
Так он это сказал, не медля благая Венера
В римский явилась сенат и, незрима никем, похищает
845 Цезаря душу. Не дав ей в воздушном распастся пространстве,
В небо уносит и там помещает средь вечных созвездий.
И, уносясь, она чувствует: душа превращается в бога,
Рдеть начала; и его выпускает Венера; взлетел он
Быше луны и, в выси, волосами лучась огневыми,
850 Блещет звездой; и, смотря на благие деяния сына,
Большим его признает, и, что им побежден, веселится.
И хоть деянья свои не велит он превыше отцовских
Ставить, но слава вольна, никаким не подвластна законам,
Предпочитает его и в этом ему не послушна:
855 Так уступает Атрей Агамемнону в чести великой,
Так и Эгея Тезей, и Пелея Ахилл побеждает;

И наконец,— чтобы взять подходящий пример для сравнения,—
Так уступает Сатурн Юпитеру. Правит Юпитер
Небом эфирным; ему троевидное царство покорно.
860 Август владеет землей: и отцы и правители оба.
Боги, вас ныне молю, Энеевы спутники, коим
Меч уступил и огонь; Индигет, Квири, основатель
Града, и ты, о Градив, необорного родший Квирина!
Ты, меж пенатов его освященная Цезарем Веста!
865 С Вестою Цезаря ты, о Феб, очага покровитель!
Ты, о Юпитер, чей дом на высокой твердыне Тарпей!
Все остальные, кого подобает призвать песнопевцу!
День пусть поздно придет, чтоб нас уж не стало, в который
Эта святая глава ей покорную землю покинет
870 И отойдет в небеса молениям внимать издалёка.

Вот завершился мой труд, и его ни Юпитера злоба
Не уничтожит, ни меч, ни огонь, ни алчная старость.
Пусть же тот день прилетит, что над плотью одной возымеет
Власть, для меня завершить неверной течение жизни.
875 Лучшею частью своей, вековечен, к светилам высоким
Я вознесусь, и мое нерушимо останется имя.
Всюду меня на земле, где б власть ни раскинулась Рима,
Будут народы читать, и на вечные веки, во славе —
Ежели только певцов предчувствиям верить — пребуду.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящий перевод выполнен по изданию: Publii Ovidii Nasonis Omnia Opera, vv. 3—4. Paris, 1822 (под редакцией Г. Э. Гирга с комментариями Н. Э. Лемэра).

Первый вариант перевода был опубликован в 1937 году (О в и д и й. Метаморфозы. Редакция и комментарии Ф. Петровского. М., «Academia», 1937). При подготовке настоящего издания перевод был полностью переработан и заново сверен с оригиналом.

В качестве приложения помещены генеалогические таблицы, составленные М. Гаспаровым (римские цифры в скобках при именах означают номера книг, в которых преимущественно говорится о данном лице).

* * *

Переводчик считает своим духовным долгом выразить глубокую благодарность своему учителю по гимназии, ныне покойному И. Л. Поливанову, который оказал ему дружеское внимание, подвергнув первый вариант перевода тщательному разбору тотчас по его выходе в свет.

КНИГА ПЕРВАЯ

11. *Феба* — луна, отождествленная с Дианой, сестрой Феба-Аполлона.

61. *Эвр* — юго-восточный ветер. *Набатейское царство* — область между Аравией и Вавилонией.

62. *Горные хребты* — Индия.
64. *Семизвездье* — север с созвездием Большой Медведицы.
66. *Австр* — южный ветер (греч. Нот).
73. *Звезды и формы богов...* — Звезды рассматривались как живые существа, обладающие душой (а́нима). Боги, также обитающие в небе, обладали, кроме того, формой (foгma), внешне сходной с человеческим телом.
82. *Отпрыск Япета* — Прометей, сын титана Япета.
92. *На бронзе* — намек на древний обычай вырезать законы на бронзовых досках.
106. *Деревья Юпитера* — дубы, считавшиеся священными деревьями этого бога.
139. *Стигийские тени* — преисподняя с рекою Стиксом.
147. *Аконит* — «волчий корень», яд.
149. *Дева Астрея* — дочь титана Астрея, богиня справедливости, которой посвящено созвездие Девы.
152. *Гиганты* — сыновья Геи и Тартара.
155. *Осса и Пелион* — горы в Фессалии.
164. *Ликаон* — царь Аркадии, миф о котором рассказывается ниже (ст. 221 сл.).
172. *Атрий*, или атриум — главная зала в римском доме.
176. *Палатин*. — На Палатинском холме жили самые знатные римляне и император Август.
183. *Змееногие* — гиганты.
187. *Нерей* — морской бог, отец Амфитриты.
200. *Сброд нечестивый* — намек на Брута, Кассия и их сторонников.
- 216 сл. *Менал, Киллена, Ликей* — горные области в Аркадии.
227. *Молосский народ* — народ в Эпире (западная часть Северной Греции).
259. *Циклопы* — помощники бога-кузнеца Вулкана.
262. *Пещеры Эола*. — Находились, по преданию, на Эолийских островах, к северу от Сицилии.
271. *Ирида* — богиня радуги, дочь Тауманта.
- 274 сл. *Лазурный брат* Юпитера — бог моря Нептун.
302. *Девы Нереевы* — морские нимфы-нереиды, дочери Нерея.
313. *Аонийские вершины* — горы Беотии (Аонии), в частности обитель муз — Геликон. *Эта* — гора между Фессалией и Фокидой; в *Фокиде* же находилась и посвященная Музам и Аполлону гора — Парнас (см. ст. 317).

318. *Девкалион* — сын Прометей, женатый на своей двоюродной сестре (дочери Эпиметей) — Пирре (см. ст. 351).

320. *Нимфам корикским...* — Корик — пещера на Парнасе.

321. *Фемида* — богиня из рода титанов, признавалась покровительницей дельфийского прорицалища до Аполлона.

369. *Кефис* — река в Фокиде.

441. *Бог, напрягающий лук* — Феб-Аполлон.

452. *Пеней* — название реки в Фессалии и имя божества этой реки.

454. *Делиец* — Аполлон, согласно мифу, рожденный Латоной на острове Делосе.

516. *Тенед* — остров у побережья Трояды, где Аполлон был особенно почитаем. *Клар* — святилище Аполлона вблизи города Колофона. *Патара* — город на ликийском побережье, где находились храм и прорицалище Аполлона.

566. *Пеан* — прозвище Аполлона. Пеаном называли также гимн в честь этого бога.

568. *Гемония* — Фессалия.

570. *Пинд* — горный хребет между Фессалией, Македонией и Эпиром.

586. *Маны* — души умерших.

597—598. *Пастбища Лерны...* *Лиркея поля* — местности в Арголиде, или Аргосе (в Пелопоннесе), где протекала река Инах.

624. *Аресторов Арг.* — Арг (или Аргус), сын Арестора, называется в греческой мифологии «Паноптом», т. е. «Всевидящим».

668. *Форонида* — внучка Фороней, отца Инаха.

670. *Дева Плеяда* — Майя, мать Меркурия. Она была одной из дочерей великана Атланта, называвшихся Плеядами.

690. *Гамадриады* — лесные нимфы. Нонакринскими они названы от Нонакры — горы в Аркадии.

694. *Ортигийская богиня* — Диана. Ортигия — древнее название острова Делоса, по мифу — родины Дианы и Аполлона.

696. *Латония* — Диана, дочь Латоны.

698. *Ликей* — гора в Аркадии, посвященная Пану.

713. *Киллений.* — По мифу, Меркурий родился на горе Киллене в Аркадии.

722. *Дочь Сатурна берет их для птицы своей...* — Имеется в виду павлин, посвященный Юноне.

747. *Ныне богиня она...* — Ио отождествлялась с египетской богиней Изидой.

2. *Пироп* — сплав из золота и меди.

6. *Мулькибер* — бог-кузнец Вулкан.

45. *Болого* — река Стикс в преисподней, названная здесь «болотом», так как, по мифу, текла очень медленно.

68. *Тегид* — дочь Урана и Геи, жена Океана. Она была бабкой Фартона с материнской стороны; Климена была ее дочерью (см. ст. 156).

78. *Звериные обличья* — созвездия или знаки зодиака, среди которых было несколько изображавшихся в виде зверей (см. слл. стихи).

81. *Лук гемонийский* — лук Стрельца, созвездия, изображавшегося в виде кентавра с луком. Гемонийский — фессалийский, так как кентавры считались жителями Фессалии.

115. *Люцифер* — утренняя звезда (планета Венера).

118. *Оры* — богини меняющихся времен года и часов.

132. *Аркт* — созвездие Большой Медведицы: здесь в смысле Северного полюса.

142. *Брега гесперийские* — крайний запад земли.

171. *Трионы* — латинское название Большой и Малой Медведицы.

184. *Меропс* — смертный муж Климены.

217. *Тавр Киликийский* — горная цепь в Малой Азии. *Тмол* — гора в Лидии. *Афон* — гора в Македонии.

218. *Ида* — гора во Фригии.

219. *Гем* — горный хребет на севере Фракии (ныне Балканы). Гем входил в область, принадлежавшую, согласно легенде, отцу Орфея Эагру.

221. *Кинт* — гора на острове Сицилии. *Офрис* — гора в Фессалии.

222. *Родопа* — горы во Фракии. *Мимант* — мыс в Ионии. *Микала* — гора там же.

223. *Диндима* — гора во Фригии. *Киферон* — гора на границе Аттики и Беотии, место вакхических оргий.

237. *Ливия* — Северная Африка.

239. *Диркея* — источник около Фив в Беотии.

240. *Данаева дочь* — Амимона. Нимфа этого источника считалась дочерью потомка Ио, Даная. *Эфира* — древнее название Коринфа. *Пиренские воды* — источник Пирена в Коринфе.

242 сл. *Танаис* — Дон. *Каик тевфранийский*. — Тевфрания — часть Мизии.

244. *Исмен* — река в Беотии. *Псофида* — город в Аркадии.

245. *Ксанф* — река в Трое (иначе Скамандр); согласно легенде, Ксанф вторично был зажжен Вулканом во время Троянской войны за помощь троянцам. *Ликорм* — река в Этолии.

246. *Меандр* — река в Малой Азии.

247. *Мигдонийский* — фракийский. *Тенар* — мыс в Лаконии.

248. *Оронт* — река в Сирии.

249. *Истр* — Дунай. *Фасис* — Рион. *Фермодонт* — река в «стране амазонок», в Каппадокии.

250. *Алфей* — река в Элиде. *Сперхей* — река в Фессалии.

251. *Таг* — Тахо (в Испании).

252. *Брега меонийские* — лидийские, в Малой Азии.

253. *Каистр* — река в Лидии.

257. *Гебр*, *Стримон* — реки во Фракии, где находится гора Исмар.

258. *Родан* — Рона. *Рен* — Рейн. *Пад* — По.

264. *Киклады* — острова вокруг Делоса.

268. *Дорида* — морская богиня, жена Нереея, мать Нереид.

324. *Эридан* — мифическая река на западе, часто отождествлявшаяся с Падом.

340. *Дочери Солнца* — Гелиады, сестры Фаятона.

370. *Лигурия* — область Северной Италии.

409 сл. *Нонакринская девушка* — Калисто.

416. *Перекрестная* — эпитет Дианы-Гекаты, трехликие изображения которой ставились на перекрестках. О Гекате см. VII, 173 слл.

441. *Диктинна* — Диана («несущая сети»).

460. *Паррасийка* — Калисто. Паррасия — Аркадия.

496. *Ликаония* — Калисто, как дочь Ликаона.

507. *Два созвездья* — Большая Медведица и Страж Медведицы (обычное ныне название этого последнего — Боот или Волопас).

539. *Капитолий* — намек на легендарное спасение римской крепости священными гусями в 390 г. до н. э., когда консул Манлий был разбужен их криком, и это дало ему возможность отразить нападение галлов на Капитолий.

544. *Дельфиец* — Аполлон.

554. *Эрихтоний* — мифический царь Афин, наполовину дра-

кон, наполовину человек, порожденный из земли семенем Вулкана, домогавшегося любви Паллады-Афины (Минервы).

555. *Актейская* — аттическая.

556. *Кекроп* — основатель Афин. Эпитет «двойной» объясняется в мифологии или тем, что он был египтянином и стал греком, или тем, что он был наполовину человек, наполовину змей, как и Эрхтоний.

580. *Дева* — Минерва.

594. *Птица* — сова.

644. *Мальчик* — будущий бог врачевания Эскулап (Асклепий), о котором см. XV, 622—744.

650. *...бессмертный, и самым рождением...* — Хирон, как сын Сатурна и нимфы Филиры, согласно мифу, обладал бессмертием, но, нечаянно раненный стрелой, которую Геркулес наплат ядом Лернейской гидры, сильно страдал и испросил у богов смерти.

676. *И по чуду ей дали прозвание.* — Имя ее стало «Гиппе», т. е. кобылица.

686 сл. *Атлантовой Майи сын* — Меркурий.

690. *Нелей* — царь Пилоса, отец старейшего из героев Илиады и Одиссеи — Нестора.

709. *Кадуцей* — жезл Меркурия, согласно мифу — наводящий сон. (См. ст. 736.)

710. *Мунихийские* — аттические.

711. *Лицей* — гимнасий в роще, в котором преподавал Аристотель. Упоминание в следующих стихах праздника в честь Паллады — анахронизм.

721. *Актейская твердыня* — афинская крепость — акрополь.

728. *Праща балеарская.* — Жители Балеарских островов были искусными метателями свинцовых ядер из пращей (ср. XIV, 825 сл.).

755. *Эгида* — шкура, по мифу, защищавшая грудь и спину у Юпитера и Минервы, украшенная спереди головой Горгоны-Медузы (см. IV, 709—803).

758. *Бог Лемносец* — Вулкан (Гефест), культ которого процветал на Лемносе (ср. «Илиада», I, 589—594).

783. *Тритония* — Минерва; называлась так по имени озера в Ливии, у которого родилась.

839. *Мать* — Майя, как одна из звезд в Плеядах.

858. *Агенорова дочь* — Европа, дочь финикийского царя, сестра Кадма.

2. *Диктейские поля* — остров Крит с горою Диктой.
13. *Беотия*.— Овидий производит это название от слова *bous* — корова.
14. *Кастальская пещера* — расщелина в скале, под которой сидела жрица-пророчица в Дельфах, около Кастальского источника.
19. *Панона* — город в Фокиде.
32. *Марсов змей* — сын бога Марса.
98. *Сам ты тоже окажешься змеем!* — См. IV, 563—603.
111. *...опускается занавес...*— В римском театре занавес, открываясь, опускался, а не поднимался.
132. *...Марс тестем, а тещей Венера...*— Гармония, на которой женился Кадм, была, по мифу, дочерью Марса и Венеры.
173. *Титания* — Диана, как внучка старшего из титанов, Сатурна.
194. *...живущего долго оленя...*— В древности оленям приписывали долголетие; считалось, что олени живут в четыре раза дольше, чем люди.
198. *Герой Автоноин*.— Матерью Актеона миф считал дочь Кадма Автоною, упоминаемую ниже (см. ст. 720).
258. *Соперница Тирская* — сестра Кадма Европа (см. прим. к ст. 539).
261. *Семела* — дочь Кадма.
303. *Тифей* — один из гигантов.
314. *Нисейские* — с горы Нисы в Индии.
406. *Рамнузия* — богиня Немезида, особенно почитавшаяся в аттическом городе Рамне.
513. *Сын Эхиона* — Пенфей, легендарный царь Фив, отец которого, Эхион, вырос из зуба змея, убитого Кадмом.
520. *Либер* — Вакх.
531. *Змеерожденные... Марсово племя...*— Фиванцы считали себя потомками пяти героев, выросших из поселенных Кадмом зубов змея. Змей этот считался сыном бога Марса.
539. *Тир* — финикийский город, по мифу — родина Кадма, переселившегося в Беотию, где он основал город Фивы. *Пенаты* — домашние боги-покровители у римлян.
541. *Тирс* — жезл, обвитый виноградной лозой, с сосновой шишкой наверху; одна из главных принадлежностей культа Вакха.

564. *Агамант* — муж одной из дочерей Кадма.

576. *Тирренский край* — Этрурия (ныне Тоскана) в Италии. Но тут под Тирренским краем разумеется область Малой Азии — Меония, или Лидия, откуда считались выходцами этруски, или туски.

594. *Оленская Коза* — коза Амалфея, вскормившая Зевса, по некоторым мифам, около ахайского города Олена. Она была принята в число созвездий.

595. *Тайгета* — одна из звезд в Плеядах. *Гиады* — небольшое созвездие около головы Тельца.

597. *Хиосский край* — остров Хиос в Эгейском море.

636. *Наксос* — один из островов Эгейского моря.

690. *Дия* — одно из названий острова Наксоса.

722. *Ино* — сестра Автонои и Агавы, матери Пенфея.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1. *Микизй*, или Миний, был (по Павсанию) отцом Орхомена, основателя города Орхомены в Беотии.

19. *...не украшен рогами...* — Рога считались признаком величия и мощи (см. IX, 1—97).

22. *Ликург* — легендарный царь эдонов во Фракии, наказанный за непочтение к Вакху (см. «Илиада», VI, 130—140).

26. *Пьяный старик* — Силен, воспитатель Вакха.

44. *Деркетия* — сирийская богиня, оскорбившая Венеру; последняя в наказание внушила ей любовь к смертному юноше, от которого у нее родилась дочь Семирамида; от стыда Деркетия бросилась в озеро и превратилась в рыбу.

49. *Наяда*. — Речь идет о нимфе с острова Нозалы в Эритрейском море, которая завлекала юношей и превращала их в рыб. Солнце, которому был посвящен этот остров, превратило в рыбу ее самое.

88. *Нин* — мифический основатель ассирийского царства.

185. *Лемний* — Вулкан, особенно чтимый на острове Лемносе.

190. *Киферея* — Венера, называвшаяся так по острову Кифере в Эгейском море, у южного берега Пелопоннеса, где процветал ее культ.

192. *Рожденный от Гипериона* — бог солнца (см. I, 10).

196. *Левкогоря* — дочь Эвриномы, внучка Океана и Тетиды.

204. *Климена* — мать Фартона. *Рода* — дочь Нептуна.

205. *Мать Цирцеи* — Перса, дочь Океана (о Цирцее см. «Одиссея», X, 135 сл.).

207. *Клития* — дочь Оксана и Тетиды (см. ниже ст. 256—284).

212. *Ахемнеевы города* — Персия, первым царем которой считался Ахемени.

213. *Бел* — легендарный основатель Вавилона, отец Данаи.

282. *Куреты* — жители Крита, по мифу, скрывавшие младенца Зевса от Сатурна. *Цельмий* — один из куретов.

283. *Кротон со Смилакой* — влюбленная пара, превращенная в растения: Кротон — в шафран, Смилака — в тис.

286. *Салмакида* — нимфа источника в Карии (ср. XV, 319).

289. *Мальчик* — Гермафродит (сын Гермеса и Афродиты).

311. *Киторский гребень* — с горы Китора в Пафлагонии, где росло много буков, из которых делались гребни и принадлежности ткацких станков.

333. *Так розовеет луна...* — Во время лунного затмения били в медные инструменты и играли на медных трубах, считая, что этим снимаются чары с замороженной луны.

362. *Царственная птица* — орел.

415. *...в честь позднего вечера имя.* — По-латыни летучая мышь — *vespertilio*, а вечер — *vesper*.

418. *Ино* — сестра Семелы (матери Вакха), Агавы (матери Пенфея) и Автонои (матери Актеона), по мифу — была женой Эолова сына, царя орхоменского, Атаманта, брата Сизифа.

423. *Меонийские пловцы* — тирренцы (см. IV, 23), по мифу, превращенные в дельфинов.

438. *Дит* — одно из имен Плутона.

450. *...призывает сестер...* — трех Фурий, или Эриний: Тизифону, Алектю и Мегеру.

452. *Адамант* — металл, из которого делалось оружие богов; иногда это — твердый камень (алмаз и т. п.).

456—461. См. прим. к X, 41—44.

537. *...по-гречески имя!* — По одному мифу, Венера (греч. Афродита) родилась из морской пены; пена по-гречески — *aphros*.

562. *Агенорид* — Каdm.

567. *Иллирийские пределы* — нынешняя Далмация и Албания.

604. *Божественный внук* — Вакх.

606. *...из рода того же...* — Согласно мифу, Акризий был из рода Бела, брата Агенора. Ему было предсказано, что он погибнет от своего внука, которого родит дочь его, Даная. Он

запер ее в башню, но к ней спустился Зевс в виде золотого дождя, и от него она родила Персея. Акризий велел заключить Данаю с сыном в ящик и бросить в море. Ящик прибило к острову Серифу, где он был найден братом царя Серифа — Полидекта, рыбаком Диктием. Когда Персей вырос, Полидект повелел ему принести голову Медузы, одной из трех Горгон. При взгляде в лицо Медузы всякий обращался в камень. Овидий прямо приступает к рассказу о возвращении Персея с головой Медузы, которую тот добыл при помощи данных ему Меркурием и Минервой меча и гладкого, как зеркало, щита. Смотря в этот щит, Персей, пятась, приблизился к Горгонам. Кроме того, ему помогли данные нимфами шапка-невидимка, крылатые сандалии и сумка, которая могла вместить предмет любой величины и в которую он спрятал голову Медузы.

662. *Гиппотад* — сын Гиппота, Эол, владыка ветров.

668. *Кефеевы доли*. — Кефей — легендарный царь эфиопов, отец Андромеды, мать которой Кассиопея обидела Нереид, кичась перед ними своей красотой, за что Нептун послал в Эфиопию дракона. Для избавления от дракона Кефей должен был отдать ему, по указанию бога Аммона, Андромеду.

672. *Абантиад* — Персей, дед которого, Акризий, был сыном Абанта.

718. *Инахид* — Персей, как потомок аргосских царей, первым из которых считался Инах.

742. *Форкинида*. — Горгоны считались дочерьми сына Геи и Понта, Форкина.

753. *Воинственная дева* — Минерва.

766. Стих обычно выпускается как подложный.

767. *Линкид* — Персей, как потомок Линкея.

768. Стих выпускается как подложный или испорченный.

785. *Пегас* — крылатый конь, братом которого был Хрисаор, породивший трехтелого Герiona, убитого впоследствии Геркулесом.

КНИГА ПЯТАЯ

46. *Брани богиня* — Минерва, как дочь Юпитера считавшаяся сестрой Персея. Дальнейшее перечисление участников боя содержит ряд имен, встречающихся лишь здесь. Описание боя напоминает описание битвы лапифов с кентаврами в книге XII (ст. 210—535), где Овидий тоже отдает дань мифологической учености.

155. *Беллона* — богиня войны.
257. *Быстрокрылец Медузы* — Пегас (см. IV, 785 сл.).
260. *Урания* — муза астрономии.
267. *Мнемоиды* — музы, по имени матери их Мнемозины, или Мнемы.
302. *Равнина пеллейская* — у города Пеллы в Македонии, одной из областей которой была и Пеония.
303. *Луцина* — богиня родов.
309. *Феспийские* — по городу Феспиям у подножия Геликона.
312. *Медузы родник* — Гиппокрена. *Аганиппа* — источник муз, названный «гиантийским» по беотийскому племени гиантов.
313. *Эмафийские* — македонские.
- 330 сл. *Делийца сестра* — Диана; *Сатурния* — Юнона; *Киллений* — Меркурий. Овидий намекает на нелепое, с точки зрения греков, а затем римлян, почитание египтянами и некоторыми восточными народами богов-животных.
339. *Каллиопа* — муза эпической поэзии.
346. *Тринакрия* — Сицилия.
- 350 сл. *Пелор, Пахин, Лилибей* — три мыса Сицилии.
356. *Повелитель безмолвных*, то есть умерших, — Плутон.
363. *Эрикина* — Венера, по сицилийской горе Эрику, где был ее храм.
- 367 сл. *Жребий последний*. — По мифу, после победы над титанами Юпитер разделил власть над миром с двумя своими братьями: Нептуном, которому досталось царство воды, и Плутоном, получившим преисподнюю.
385. *Стены геннейские* — от города Генны в Сицилии, где процветал культ Цереры.
- 405 сл. *Паликовых вод*. — Палики — братья-близнецы, сыновья Юпитера, по имени которых названы два озера и город Палика в Сицилии.
409. *Кианея и Аретуза* — два источника. Аретуза названа *пизейской* по городу Пизе в Элиде (см. ст. 572—641).
417. *Анапис* — река, в которую впадает Кианея.
441. *Геспер* — вечерняя звезда (планета Венера).
464. *Сикания* — Сицилия.
487. *Алфеяда* — Аретуза, названная так по реке Алфею в Элиде.
540. *Авернские сестры* — нимфы подземного царства, где

одним из богов-рек был, по мифу, Ахеронт. У Авернского озера в Кампании был, по мифу, вход в Тартар.

544. *Флегетонова влага*.— Флегетон — река в Тартаре.

552. *Ахелоевы дочери* — нимфы, отцом которых считался речной бог Ахелой.

576. *Элейский бог* — Алфей.

585. *Стимфалидские дубравы* — в Аркадии.

607. *Орхомены* — город в Аркадии, как и другие перечисляемые здесь места.

639. *Делия* — Диана.

646. *Триптолем* — сын легендарного элевсинского царя Келея, основатель культа Деметры (Цереры).

648. *...высоко поднялся...*— Триптолем летит на колеснице Цереры.

661. *Мопсопиец* — афинянин, по царю афинскому Мопсопу

662. *Старшая сестра* — Каллиопа.

КНИГА ШЕСТАЯ

5. *Меонийка* — лидиянка.

8. *Колофонец*.— Колофон — город в Ионии.

9. *Фокейская краска* — из приморского города Фокеи в Ионии, где добывались раковины-багрянки.

13. *Гипепы* — маленький городок в Лидии.

15 сл. *Тмол* — гора, *Пактол* — река в Малой Азии.

70. *Марсов холм* — ареопаг в Афинах.

87. *Гем и Родопа* — влюбленные брат и сестра, называвшие друг друга Юпитером и Юноной, за что, по мифу, были обращены в горы.

90. *Мать пигмеев* — царица легендарного народа, впервые упоминаемого в «Илиаде» (II, 3—7).

93. *Антигона* — дочь троянского царя Лаомедонта, дерзнувшая считать свои волосы красивее Юнониных.

98. *Кинир* — легендарный ассирийский царь, дочери которого были обращены в ступени храма Юноны за то, что считали себя красивее ее.

108. *Астерия* — дочь титана Кея, бежавшая от влюбленного Юпитера и превращенная в перепелку.

109. *Леда* — возлюбленная Юпитера, обратившегося в лебедя, мать Елены и Диоскуров — Кастора и Поллукса.

111. *Никтеида* — Антиопа, дочь царя Беотии Никтея, мать братьев-близнецов Зета и Амфиона, согласно легенде, построивших стены Фив (см. XV, 427). Амфион считался отцом Ниобы (см. ниже, ст. 271).

112. *Алкмена* — мать Геркулеса; Юпитер явился ей в образе ее мужа Амфитриона.

113. *Асопида* — Эгина, дочь речного бога Асопа, мать Эака, согласно легенде, ставшего по смерти судьей в аду (см. VII, 473 сл. и VII, 615 сл.).

114. *Деоида* — вероятнее всего, не дочь богини Део (Деметры), как обычно объясняют это имя, а сама Деметра (Церера), у которой от Юпитера родилась дочь Прозерпина.

116 сл. *Эолова дева* — Арна, дочь Эола, была матерью Беота, героя, от имени которого, по некоторым версиям, производится Беотия. *Энипей* — любовник Ифимедии, жены Алоэя, родившей от Нептуна Ота и Эфиальта (*Алоидов*), о которых см.: «Одиссея», XI, 304 слл. и «Энеида», VI, 582 слл.

117. *Бизальтида* — дочь Бизальта, царя Фракии.

118. *Кроткая Матерь* — Церера, согласно мифу, обратившаяся в кобылу, чтобы избежать преследований Нептуна; тот обратился в жеребца, и она родила от него коня Ариона.

119. *Змеевласая* — Медуза.

120. *Меланта* — дочь Девкалиона.

125. *Эригона*. — О ней, как обращенной в созвездие, см. прим. к X, 450 сл.

149. *Сипил* — гора в Лидии.

174. *Плеядам сестра* — Диона, одна из Гиад, дочерей Атланта. Гиады, как и Плеяды, — созвездие.

204 сл. *Вершины Кинфской*. — Кинф — гора на Делосе.

335. *Палладино древо* — олива.

339. *Химера* — см. IX, 647 сл.

383. *Сатур* — Марсий, согласно мифу, подобравший брошенную Палладою флейту и вызвавший на музыкальное состязание Феба.

404. *Пелоп*, или Пелопе — брат Ниобы, сын Тантала; Тантал, желая испытать богов, подал им как кушанье разрубленное на куски тело Пелопа.

415. *Калидон* — см. VIII, 260—546.

418. *Пилос Нелеев*. — Город в Мессении (см. II, 689 и XII, 549), царем которого был Нелей, отец Нестора. *Питфеево цар-*

ство — *Трезены* — город в Арголиде, завоеванный Питфеем, сыном Пелопа.

427. *Градив* («шествующий») — латинское именование Марса.

439. *Титан* — солнце.

446. *Пирей* — гавань Афин (города Кекропа).

490. *Одризийский* — фракийский.

588. *Ситонки* — фракиянки.

662. *Змеевласые сестры* — фурии.

681. *Кефал* — внук Эола.

710. *Киконы* — фракийское племя.

711. *Актенка*, т. е. из Аттики.

720. *Минийцы* — аргонавты (см. прим. к VII, 1).

КНИГА СЕДЬМАЯ

1. *Минийцы* — Ясон (потомок Миния) и его спутники, согласно мифу, отправившиеся в Колхиду за золотым руном на корабле Арго, построенном в городе Пагасе у подножия горы Пелиона.

3. *Финей* — слепой прорицатель, живший во Фракии; согласно легенде, его преследовали чудовищные птицы — гарпии. *Младые сыны Аквилона* — Калаис и Зет.

6. *Фасис* — река в Колхиде (Рион).

7. *Руно Фриксво* — золотое руно барана, на котором бежали в Колхиду Фрикс и Гелла. За этим руном Ясона послал Пелий, отнявший у него власть над Иолком (в Фессалии) и обещавший вернуть ее, если тот достанет золотое руно.

9. *Ээгиада* — Медея, дочь царя Колхиды Ээта.

50. *Города пеласгийские* — Греция, названная так по древнейшим ее обитателям, пеласгам.

59. *Эсонид* — сын Эсона, Ясон.

62—65. ...*сходятся будто бы горы*... — Симплегады в Босфоре. *Харибда* и *Скилла* — два наиболее опасных для мореплавателей места в Сицилийском проливе.

74. *Персеида Геката*. — Геката считалась дочерью Перса (или Персея), внука Океана (см. таблицу I). Она была богиней луны (почему ее стали отождествлять с Дианой) и пособницей колдовства. Изображалась триликой.

105. *Медноногие быки* — согласно мифу, были подарены Ээту богом Вулканом.

162. *Эсон* — отец Ясона.
207. *Темесская медь* — из города Темесы в Южной Италии, славившегося медными изделиями. Имеется в виду грохот меди, которым «сокращали» время затмения.
222. *Фессалийская Темпе* — долина реки Пеней. Фессалия считалась страной волшебных трав и родиной колдуний.
- 228 сл. *Апидан, Амфрис, Энипей* — фессалийские реки.
231. *Биб* — озеро в Фессалии.
232. *Антедон* — приморский город в Беотии, родина Главка (см. XIII, 898—967).
272. *Кинифийская змея* — с африканской реки Кинифа.
295. *Либер* — Вакх, кормилицами которого, по мифу, были нимфы с горы Нисы в Индии.
298. *Пелий* — дядя Ясона.
324. *Иберская река* — Ибер (ныне Эбро) в Испании, то есть на крайнем западе, где садится солнце.
- 351—397. Одно из типичных для Овидия перечислений географических названий и кратких упоминаний о местных, связанных с «превращениями» мифах, большинство которых дошло до нас только в этих стихах Овидия.
352. *Кровли Филиры* — гора Пелион, где Океанида Филира, по мифу, зачала кентавра Хирона от Сатурна.
353. *Офрис* — гора в Фессалии, нимфы которой, по мифу, обратили некоего Керамба в жука, благодаря чему он спасся от Девкалионовых вод, т. е. потопа.
358. *...изображение... змея...* — на острове Лесбосе (см. XI, 55—59).
361. *Корита отец* — Парис.
362. *Мера* — собака, в других легендах ни разу не упоминаемая.
363. *Град Эврипила* — Кос, город на острове того же названия, женщины которого, по мифу, были обращены Венерой в коров.
365. *Родос*. — На острове Родосе был культ бога Солнца, отождествленного с Фебом-Аполлоном. *Иализские телхины* — жители Родоса (город Иализ — на севере острова).
368. *Кей*, или Кеос — один из островов между Грецией и Малой Азией, с городом Картеей.
370. *...Алкидоманту, что дочь обернулась...* — Алкидомант из кеосского города Картен собирался насильно выдать замуж свою

дочь Ктесиллу, в нарушение обещания, данного афинскому юноше Гермохаресу. Ктесилла бежала к возлюбленному в Афины и там вышла за него замуж. Во время родов она умерла; при ее погребении из гроба взлетел голубь, а тело Ктесиллы исчезло. Миф описан Никандром и Каллимахом.

382. *Плеврон* — город в Южной Этолии.

383. *Комба, Офия дочь*.— Миф о Комбе упоминается только у Овидия.

384. *Калаврея* — остров, первоначально посвященный Аполлону (Латониду), а затем Нептуну.

386. *Киллена* — в Аркадии.

388. *Кефис* — речной бог (река), дочь которого была замужем за Эрехтеем, царем Афинским.

390. *Эмел* — первый царь города Патр в Ахайе.

391. *Эфирея Пиренская* — древнее название Коринфа, где был источник Пирена. По легенде, в Коринфе жила Медея с Ясоном, который охладел к ней и собирался жениться на царевне Креузе, или Главке. Убийство Медеей Главки и двух детей от Ясона — тема трагедии Еврипида «Медея».

398. *Титановы* — т. е. бога Солнца, деда Меден.

399. *Крепость Паллады* — город Афины.

399—400. *Периф*, древний царь афинский, и его жена *Феня*, согласно мифу, были обращены в птиц.

401. *Полипемона внучка* — дочь разбойника Скирона, убитого Тезеем (см. ниже, ст. 444).

402. *Эгей* — отец Тезея (см. прим. к VIII, 560).

405. *Усмиритель двуморского Истма*.— Истмийский перешеек, как и находившийся на нем Коринф, обычно снабжается эпитетом «двуморский», так как омывается Ионическим и Эгейским морями.

409. *Ехиднин пес* — Цербер.

410. *Тирифянин храбрый* — Геркулес, по легенде, воспитывавшийся в городе Тириффе.

423. *Знак родовой*.— По мифу, Тезей был сыном Эгея от трезенской царевны Эфры и воспитывался у ее отца. Когда ему минуло 16 лет, он отправился в Афины, опоясанный отцовским мечом, по которому и был узнан Эгеем.

430. *Эрехтиды* — афиняне (по древнему царю Афин Эрехтею).

434. *Критский бык* — бык, привезенный, по мифу, Гераклом с Крита и опустошавший селения около Марафона.

435. *Кромионский селянин*.— Кромион, селение около Коринфа, опустошавшееся диким вепрем.

437. *Потомок Вулкана* — разбойник Перифет, живший между Трезенами и Эпидавром.

438. *Прокруст* — сын Нептуна, укладывавший людей на кровать; тем, кому она была длинна, он вытягивал ноги, а кому коротка — обрубал их.

439. *Керкион* — силач, заставлявший путников вступать с ним в единоборство. *Элевсин* назван *Церериным* по мистериям в честь этой богини.

443. *Алкатоя* — другое название Мегары, где жило племя делегов.

444. *Скирон* — разбойник, заставлявший путников мыть ему ноги и сталкивавший их со скалы в море. Сам был сброшен в море Тезеем.

456—458. *Минос* — легендарный царь острова Крита, сын которого *Андрогей* был убит афинянами.

461 слл. *Анафа* — остров в Эгейском море, как и другие, перечисляемые здесь Овидием.

471. *Кносский*.— Кнос — один из ста городов Крита.

490. *Ликтийский* — критский, по имени одного из городов Крита.

494. *Кефал* — муж дочери афинского царя Эрехтея Прокриды (см. ниже, ст. 665—865).

504. *Ахайя* — здесь: вся Греция.

523. *Грозный был мор...*— Описание этого «мора» восходит к описанию эпидемии в Афинах во время Пелопоннесской войны у Лукреция («О природе вещей», конец VI книги). Подобное же описание есть и в «Георгиках» Вергилия (III, 474 слл.). Прототипом этих описаний является рассказ Фукидида в его «Истории Пелопоннесской войны» (II, 47).

616. *Асопова дочь* — Эгина, мать Эака, возлюбленная Юпитера (см. VI, 113).

623. *Додонские семена*.— Додона (город в Эпире) — древнейшее место поклонения Зевсу, где стоял священный дуб, шелест ветвей и листьев которого истолковывался как вещания оракула.

654. *Мирмидоны*.— Миф о происхождении фессалийского племени мирмидонов из муравьев основан на сходстве названия его с греческим словом *мургемах* — муравей.

665. *Паллантовы дети* — сыновья Палланта, брата Эгея.
672. *Потомок Эола* — Кефал.
681. *Один из братьев Актейских* — один из сыновей Палланта (Актейский — афинский).
685. *Отрок Нереев*. — Фок был сыном Эака от дочери морского бога Нереея.
755. *Кинтия* — Диана.
759. *Лайя сын* — Эдип, отгадавший загадки Сфинкса, после чего это чудовище должно было погибнуть.
764. *Хищник* — по другим мифологическим источникам это была чудовищная лисица.
778. *Горгинский лук* — критский, так как критяне были искусными лучниками.

КНИГА ВОСЬМАЯ

23. *Сын Европы* — см. ниже прим. к ст. 120.
43. *Диктеец* — по горе Дикте на Крите.
120. *...мать — не Европа тебе...* — Скилла случайно оказывается права, так как Овидий, как и другие мифологи, смешивает двух Миносов: 1-го, сына Юпитера и Европы, мифического законодателя, и 2-го, его внука, к которому относится излагаемый здесь миф, женатого на Пасифае, от которой произошел Минотавр. (Ср. ст. 136 и 152—171.) *Сирты* — местность на северном берегу Африки.
132. *Та, что, тебе изменив...* — Пасифая, жена Миноса, воспылала страстью к быку, отдалась ему, скрывшись в деревянной корове, построенной Дедалом, и родила Минотавра — чудовище, получеловека-полубыка.
151. *Кирида* — птица, название которой сопоставляли с греческим глаголом — *keigo* — «стригу».
153. *Куретиды* — потомки первых критян — куретов.
170—174. *Актейская кровь*. — По мифу, на побежденных им афинян Минос наложил наказание: каждые девять лет отправлять на Крит по семи юношей и девушек для Минотавра. Тезей, пожелавший отправиться на Крит, чтобы убить Минотавра, совершил это с помощью *Миноиды* — дочери Миноса, Ариадны, бежавшей с ним, но покинутой Тезеем на острове Дии (Делосе).
174. *Эгид* — Тезей.
182. *Близ Геркулеса...* — то есть двух созвездий — Геракла, борющегося со змеем, и Геракла, держащего змея.

183. *Дедал*.— О причине изгнания Дедала из Афин см. ст. 241 слл.

207. *Гелика* — Большая Медведица.

220 слл. По Овидию, Дедал и Икар летели не в Аттику, а в Малую Азию, на что указывают перечисленные здесь острова; около одного из них (Самоса) лежит Икария, где Дедал предал погребению тело сына.

230. *...от него получившим название*.— В древности восточная часть Эгейского моря называлась Икарийским морем (Icarium mare).

235. *...онный предел сохранил погребенного имя*.— Один из островов архипелага Спорады называется Икарней.

260. *Этнейская земля* — Сицилия.

270. *Калидон* — город в Этолии.

274. *Лизей* — Вакх.

275. *...сок... Палладин... Минерве*.— Овидий играет греческим и латинским именами богини Афины (Паллада-Минерва).

301. *Два близнеца* — Кастор и Поллукс, сыновья Леды, жены спартанского царя Тиндара, или Тиндарея. (Ср. ст. 372.)

304. *Два Фестиада* — сыновья этолийского царя Фестия, братья царицы Калидона Алтеи — Плексипп и Токсей. (См. ст. 433—446.) *Афарей* — царь Мессении.

305. *Кеней* — см. XII, 189—209.

306 слл. Из упоминаемых далее участников калидонской охоты известны по другим мифам: *Феникс*, сын царя долопов, упоминаемый в «Илиаде» воспитатель и друг Ахилла; *Теламон* — отец Аянта, отец *Ахилла великого* — Пелей, *Панопей* — отец Эпея, строителя троянского коня, *Нестор* — царь Пилоса, старейший из героев «Илиады», *Лазрт* — отец Одиссея (Улисса), *Эккид* Амфиарай, которого жена уговорила участвовать в гибельном для него Фиванском походе, и *тегелнка* — *дева* — Аталанта.

372. *Братья меж тем близнецы...* — Кастор и Поллукс — (Диоскуры) были превращены в созвездие.

452. *Триединые сестры* — три Парки, богини судьбы.

542. *Парфаон* — отец Орнея.

544. *Алкмена* — мать Геркулеса, женатого на сестре Мелеагра Деянире.

548. *Эрехтеев предел* — Аттика, названная по имени ее мифического царя Эрехтея. *Твердыня Тритониды Девы* — Афины с их акрополем, где было святилище Афины-Паллады, одним из

названий которой было Тритонида (по озеру Тритону в Африке, считавшемуся местом ее рождения).

551. *Кекропид*.— Тезей считался потомком древнейшего царя Аттики Кекропа.

565. *Гиперион* — здесь: бог солнца.

567. *Сын Иксиона* — друг Тезея, Пирифой — царь мифического народа лапифов.

568. *Славный трезенец Лелег*.— Трезены — город в Арголиде, родина Тезея, который родился от дочери трезенского царя Питфея, Эфры.

623. *Равнины Пелоповы* — Пелопоннес.

624. *Питфей* — сын Пелопа.

628. *Атлантов потомок* — Меркурий.

665. *Плоды Минервы* — маслины, которые заготавливаются зелеными и черными. Масличное дерево было посвящено Минерве.

704. *Потомок Сатурна* — Юпитер.

752. *Триопей* — сын фессалийского царя Триопа.

КНИГА ДЕВЯТАЯ

2. *Нептунов герой* — Тезей, согласно некоторым мифам, считавшийся сыном Нептуна. *Поток Калидонский* — Ахелой.

8. *Деякира* — дочь этолийского царя Орнея.

13. *Алкид* — Геркулес, названный так по Алкею, отцу Амфитриона.

22. *...не несу никакой подневольной работы...* — Намек на службу Геркулеса у тиринфского царя Эврисфея.

101. *Несс* — как и прочие кентавры, сын Иксиона от облачного образа Юноны, которой он хотел овладеть (см. прим. к XII, 210 сл.). О наказании Иксиона в аду см. прим. к X, 42.

104. *Эвек* — река в Этолии.

112. *Аониец* — фиванец, родившийся в Фивах.

135. *Мачеха* — Юнона.

136. *Эхалия* — город в Этолии. Геркулес убил царя ее Эврита и увел в плен его дочь Иолу.

137. *Кенейский Юпитер*.— Кеней — гора на Эвбее.

182—198. Геркулес перечисляет свои подвиги: 1. покорение приносившего человеческие жертвы египетского царя Бузирида, которого он убил; 2. победу над великаном Антеем, сыном Земли, которого он лишил его силы, подняв на воздух и заду-

шив; 3. уничтожение трехтелого Гериона, владельца чудесных быков, жившего в Иберии (Испания), почему он и назван *ла-стырем иберским*; 4. вывод из Лиды трехголового пса Цербера; 5. покорение критского быка, убитого впоследствии Тезеем; 6. очистка в один день конюшен от навоза 3000 быков у царя Авгия в Элиде; 7. истребление чудовищных птиц у Стимфальского озера в Аркадии; 8. поимка золоторогой Дианиной лани в Партенийских лесах в Аркадии; 9. похищение пояса царицы Амазонок Ипполиты, украшенного золотом с реки Фермодонта; 10. похищение золотых яблок Гесперид на крайнем Западе; 11. избиение напавших на него в Аркадии кентавров, когда он 12. ходил на эриманфского вепря; 13. уничтожение Лернейской гидры в Аркадии; 14. укрощение коней Диомеда (причем он отдал самого Диомеда им на съедение); 15. убийство Немейского льва, шкуру которого он после этого носил; 16. поддержка небесного свода вместо Атланта, пока тот ходил за яблоками Гесперид.

233. *Сын Пеанта* — Филоктет, герой похода под Троию, завоевывать которую ходил и Гераклес. Без этих стрел Троя, по предсказанию, не могла быть взята. На тему о Филоктете Софоклом написана трагедия.

279. *Гилл* — сын Геракла от Деяниры.

283. *Илифия* — богиня-родовспомогательница (лат. Лудина).

294. *Никсы двойничные* — божества родов.

320—323. Галантида превращается в ласку.

332. *Бог* — Аполлон.

347. *Приап* — одно из низших божеств, сын Вакха и Венеры.

399. *Иолай* — племянник Геракла и помощник его при истреблении Лернейской гидры.

400. *Геба* — богиня юности, ставшая женой Геракла по его обожествлении.

403 слл. Предсказание Фемиды о будущем походе «Семи против Фив» составлено темно и неясно в подражание предсказаниям оракулов и прорицателей. *Усобицы в Фивах* — раздор между сыновьями царя Эдипа Этеоклом и Полиником. *Капаней* — вождь аргивян, призванный на помощь Полиником, изгнанным из Фив. *Два брата* — Этеокл и Полиник. *Прорицатель* — Амфиарай, который сам предвидит свою смерть. *За отца отомстит материнской кровью сын...* — Алкмеон, сын Амфиарая, жену которого подкупил Полиник, чтобы она уговорила мужа идти в поход на Фивы. Он убил мать и бежал на Псофиду, где

женится на дочери тамошнего царя; гонимый Эвменидами, он попал на один из Ахеловых островов, где женился на дочери Ахелоя, Каллирое, попросившей у него *роковое золото*, т. е. доставшееся ему после матери ожерелье, которым ее подкупил Полиник и которое Алкмеон уже подарил своей первой жене. Он возвращается в Псофиду, уносит ожерелье, но его шурья нагоняют и убивают его (ст. 412).

422 слл. *Паллангиада* — Аврора. Перечисляются «смертные» любимцы «бессмертных» богов, которым не дано вечной молодости. *Эак, Радамант и Минос* — сыновья Юпитера.

453. *Библида* — дочь Милета, основателя города Милета в Малой Азии. Дедом Библиды считался Аполлон.

482. *Сын резвый* — Купидон.

498. *Опия* (или *Опс*) — одно из исконных римских божеств, богиня посевов и жита.

507. *Эол* своих шестерых сыновей по женил на их родных сестрах.

574. *Меандров внук* — Кавн и Библида были детьми Кианея, дочери речного бога Меандра.

641. *Потомок Семелы* — Вакх.

644. *Бубасские* — из города Бубаса в Малой Азии.

644—647. Перечисляются различные местности и народы в Малой Азии.

661. *Фавон* (или *Фавоний*) — римское имя Зефира, западного ветра.

665. *Илик* — каменный дуб.

687 слл. *Инаха дочь* — Ио, почитавшаяся как богиня Изида; с нею являются и другие египетские божества, культ которых во времена Овидия был распространен в Риме.

691. *Оный* — Гарпократ.

693. *Систр* — особого рода погремушка.

736. *Дочь Солнца* — жена Миноса Пасифая.

773. *Паретоний* и др. — города в Египте.

КНИГА ДЕСЯТАЯ

2. *Киконы* — фракийское племя, среди которого жил певец Орфей, считавшийся сыном музы Каллиопы и Аполлона.

13. *Тенарийская щель*. — Около мыса Тенара, в Лаконии, был провал, считавшийся входом в преисподнюю.

15. *Персефона* — жена Плутона, похищенная им у матери ее Деметры (Цереры). Овидий назвал ее греческим именем вместо латинского — Прозерпина.

21. *Чудовище, внук Медузы* — адский пес Цербер с волосами в виде змей и тремя головами.

41. *Тантал* — отец Пелопа, наказанный в Тартаре за непочтение к богам неутолимым голодом и жаждой; он стоял по горло в воде, убегавшей от него, когда он хотел напиться, и видел над головой недосягаемые для него плоды.

42. *Иксион* — царь лапифов, отец Пирифоя, прикованный к вертящемуся колесу за оскорбление Юноны.

43. *Печень* — великана Тития, убитого Аполлоном. *Белиды* — Данаиды, внучки египетского царя Бела, за убийство своих мужей осужденные в Тартаре наполнять водой бездонный сосуд.

44. *Сизиф* — царь Коринфа, за свое коварство наказанный вкатыванием на гору постоянно срывающегося с нее камня.

52. *Авернские долины* — преисподняя, одним из входов в которую считалось Авернское озеро в Италии.

65. *...устрашившийся пса с головами тремя...* — т. е. Цербера, выведенного из Тартара Геркулесом. Кто был этот окаменевший человек, неизвестно.

68 сл. *Олен* и *Летя* упоминаются только здесь.

73. *Лодочник* — Харон, перевозчик теней умерших в преисподнюю.

74. *Церерин дар* — хлеб и вообще пища.

90. *Хаонии дерево* — дуб. Хаония — Эпир, где был оракул Зевса в Додоне.

91. *Роща сестер Гелиад* — тополя.

106. *Меты* — пирамидальные столбы на концах ипподромов.

109. *Картейских.* — Картея — город на острове Кее.

127. *Рак* — знак Зодиака, летом находящийся на горизонте («прибрежный»).

151. *Флегрейские поля.* — О точном их местонахождении спорят, но вероятно, они находились в Фессалии или Македонии, хотя некоторые мифологи говорят, что гиганты были поражены около Кум.

160. *Илиад* — троянец, внук царя Ила.

162. *Амиклид* — потомок Амикла, основателя города Амикл в Лаконике.

169. *Эврот* — река в Лаконике.

183. *Тенариец* — лаконец, по мысу Тенару.
- 210—219. Описание гиацинта указывает, что это не тот цветок, который называется этим именем у нас.
220. *Амафунт* — город на Кипре, одно из мест культа Венеры.
223. *Керасты* — *keras* по-гречески значит «рог».
243. *Их* — Пропетид.
263. *Гелиады* — обращенные в тополя сестры Фартона, слезы которых превращались в янтарь.
267. *Сидонские раковины* — раковины, дававшие пурпур.
284. *Гиметтский* — с горы Гиметта, в Аттике, славившейся своим медом.
290. *Пафосский* — кипрский. (См. ниже, ст. 297.)
297. *Паф* — город на Кипре, где процветал культ Венеры. Овидий ошибочно считал его островом.
309. *Панхайская* (или Панхейская) *земля* — часть Аравии.
349. *Сестер* — фурий.
435. *Кенхреида*. — Значение этого названия неизвестно.
- 446 сл. *Трионы* — Большая Медведица, представлявшаяся римлянам телегой с дышлом.
- 450 сл. *Икар* — почитатель Вакха, согласно легенде, убитый пастухами Аттики, которые, впервые опьянев от его вина, подумали, что он отравил их. Он был превращен в созвездие, отождествляемое с Боотом, а его дочь *Эригона* — в созвездие Девы, которому, как Бооту, давали и другие мифические толкования.
480. *Земля Сабейская* — в Аравии.
565. *Агаланта*. — Имеется в виду не участница Калидонской охоты, а другая — беотийская (или «аонийская») — дочь царя Схенея.
605. *Мегарей онхестиец*. — Онхест — город в Беотии, основанный Онхестом.
696. *Башненосная Матерь*. — Кибела изображалась в короне в виде городской стены.
- 726 сл. Намек на празднества в честь Адониса, описанные в «Сиракузянках» — идиллии Феокрита.
729. *Мята* — намек на превращение нимфы Менты (мяты), Овидием не рассказанное.
739. *Ветры*. — Цветок называется «анемон», что по-гречески соответствует нашему названию «ветреница».

16. *Берекинтийские флейты* — фригийские, по горе Берекинту во Фракии. Они применялись в культе Кибелы.

55. *Метимна* — город на острове Лесбосе, родине Алкея и Сафо.

92. *Эвмолл* — ученик Орфея, по мифу, посвятившего его, как и Мидаса, в орфические таинства. Он переселился из Фракии в Аттику, древнейшим царем которой считался Кекроп.

114. *Геспериды* — дочери Атланты, хранительницы чудесных золотых яблок на крайнем западе.

117. *Даная* — дочь мифического аргосского царя Акризия, к которой проник Юпитер в виде золотого дождя.

132. *Леней* — одно из имен Вакха.

137. *Сарды* — столица Лидии.

152. *Гипепы* — см. прим. к VI, 13.

195. *Гелла* — сестра Фрикса, согласно легенде, бежавшая с ним от мачехи Ино (дочери Кадма) на золоторунном баране в Колхиду. Гелла погибла, упав в пролив, получивший название Геллеспонта (ныне Дарданеллы). Это сказание — начало мифа о золотом руне и аргонавтах.

196. *Лаомедонта поля* — Троя. Рассказ о постройке стен для Лаомедонта см. в «Илиаде», XXI, 436—437.

197 сл. *Сигей* и *Ретей* — два мыса на троянском побережье, между которыми находился алтарь Зевса-«всепрорицателя» (Panamphaios).

217. *Гесиона* — дочь Лаомедонта.

249. *Карпатийский*. — Карпатийское море — часть Эгейского, около острова Карпати, на восток от Крита.

250. *Эакид* — Пелей, сын Эака.

303. *Майей Рожденный* — Меркурий.

383. *Эгейский*. — Фессалийский город Трахина находился около горы Эты.

398. *Псамафа* — мать Фока.

413—414. *В Клар к Аполлону...* — В городе Кларе, в Малой Азии, был храм и оракул Аполлона, как и в Дельфах. *Форбант* — предводитель флегийцев, племени, упоминаемого уже у Гомера. Это было разбойничье племя, нападавшее на путешественников, отправлявшихся с дарами в Дельфы.

431. *Гиппотад* — Эол, владыка ветров, внук троянца Гипшота и отец Алкионы.

502. *Трахинское*.— По легенде, Кеик был царем города Трахина (в Фессалии), основанного Геркулесом.

504. *Ахеронт* — преисподняя.

592. *Киммерийская земля* — на севере, где царит вечная ночь. Киммерия историческая — Крым.

761. *Димантова дочь* — Гекуба, жена Приама.

763. *Гроник* — река во Фригии. Двурогим был и Ахелой, и другие речные боги.

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ

2. *Над холмом, на котором лишь значилось имя...*— это так называемый «кенотаф», могила без тела умершего.

5. *...позитив супругу...*— Елену, жену Менелая.

10. *Авлида* — гавань в Беотии у Эвбейского пролива, откуда греки должны были отправиться под Трою.

13. *Данайцы* — обычное название греков у Гомера.

19. *Фестора сын* — прорицатель Калхас.

28. *Дева-богиня* — Диана.

30. *Царь* — Агамемнон, предводитель греков, отец Ифигении.

68. *Протесилай* — вождь фессалийцев из города Филаки.

70. *Фригийцы* — трояне.

71. *Сигейский* — троянский, по мысу Сигею.

74. *Пелионский* — с горы Пелион.

108. *Лирнесс* — город в Мизии (в Малой Азии), откуда была родом пленница Ахилла Бризеида.

109. *Фивы* — город в Мизии.

112. *Телеф* — мизийский царь, раненный Ахилловым копьем и этим же копьем впоследствии исцеленный.

145. *Кикново имя* — т. е. «лебедь».

210 сл. *Гипподамия* — жена сына Иксиона Пирифоя, царя лапифов. На свадебный пир Пирифоя и Гипподамии были приглашены знаменитейшие из кентавров (*тучеродных зверей*), рожденных, по мифу, из тучи.

537. *Тлеподем* — сын Алкида (Геркулеса).

547. *Деифоб* и *Полидамант* — троянские герои.

581. *Сын* — Кикн. *Сфенелеида-птица* — см. II, 367, о другом Кикне, сыне Сфенела.

585. *Сминфеец* — один из эпитетов Аполлона, еще не получивший объяснения; так называется он в «Илиаде» (I, 39 — «Сминфей» в переводе Гнедича).

611. *Фермодонта* — т. е. от руки амазонки.
 612. *Защита пеласгов* — т. е. греков.
 622. *Тидид* — Диомед.
 623. *Младший Атрид* — Менелай.
 624. *Сын Теламона* — саламинского царя. Аянт, двоюродный брат Ахилла. Аянт Оилеев (в ст. 622) — вождь локрийцев, менее знаменитый.
 625. *Сын Лазрта* — Одиссей (Улисс).
 626. *Танталид* — потомок Тантала, Агамемнон.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ

7. *Пламя Гектора* — поджог греческого флота троянцами, описанный в XV и XVI книгах «Илиады».

24. *...проник... к побережью Колхиды* — о походе аргонавтов.

38. *Навплиад* — Паламед.

45. *Потомок Пеанта* — Филоктет.

46. *Лемнос* — остров на Эгейском море, где, по совету Улисса, был оставлен укушенный змеей Филоктет, так как от раны его распространялось нестерпимое зловоние.

98 сл. *Рез* — фракийский царь, на войско которого Улисс с Диомедом напали враспloh ночью. *Итакиец* — Улисс, царь острова Итаки. Аянт вспоминает «ничтожные» подвиги Улисса. *Долон* — троянский лазутчик, захваченный ими же; *Гелен* — сын Приама, прорицатель; *Паллада* — изображение Паллады, охранявшее Трою и похищенное Улиссом и Диомедом.

107. *Дулихийское*. — Дулихий — остров близ Итаки.

110. *Щит*. — Эта работа Вулкана описана в «Илиаде» (XVIII, 478—697).

163. *...в женском наряде...* — Согласно легенде, Фетида скрыла Ахилла у царя Ликомеда на острове Скире, чтобы спасти его от предсказанной ему гибели под Троей. Одиссей открыл его, явившись на Скир переодетым, с товарами; среди них было оружие, за которое Ахилл, переодетый девушкой, сейчас же схватился и тем выдал себя. На Скире он прижил и сына Неоптолема, или Пирра.

230. *...и созывает Атрид...* — см.: «Илиада», II, 48 слл.

255 слл. Упоминаемые здесь имена перечисляются по «Илиаде» (V, ст. 677 слл.).

273. *Актора внук* — Патрокл.

299. *Он* — Ахилл.
356. *Аянт скромнейший* — сын Оилея.
357. *Сын Андремона* — Тоант, царь Плеврона и Калидона.
358. *...из той же земли...* — т. е. с острова Крита.
396. *Эвбаллийская рана* — т. е. рана Гиацинта. На лепестках гиацинта видны знаки букв вроде AI, составляющих как восклицание печали, так и начальные буквы имени «Аякс».
399. *Ипсипила* — царица Лемноса.
401. *Тиринфские стрелы* — Геракловы, отданные им Филоктету.
410. *Фебова жрица* — Кассандра, дочь Приама.
415. *Астианакс* — сын Гектора.
431. *Полидор* — младший сын Приама.
554. *Одриз* — фракиец.
620. *Диамантида* — Гекуба.
625. *Герой Кифереин* — Эней, сын Венеры и Анхиза, отец Аскания.
631. *Аполлонов град* — Делос.
653. *Ягоды девы Минервы* — оливки.
705. *Тевкры* — трояне, по имени их прародителя Тевкра, переселенца с острова Крита.
708. *Авсонийскиx.* — Авсония — Италия.
709. *Строфады* — острова Ионийского моря.
710. *Аэлло* — одна из гарпий.
- 711 сл. Перечисляются острова Ионийского моря.
713. *Амбракия* — город в Эпире, по решению пастуха Крагалея доставшийся Геркулесу, за что Аполлон превратил судью в камень.
715. *Аполлон Актийский* — храм Аполлону, построенный Августом на Актийском мысу.
738. *Галатея* — морская нимфа.
770. *Телем* — птицегадатель. Его предсказание Полифему приведено в «Одиссее» (X, 507 сл.).

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

5. *Занклея* — Мессания (я. Мессина).
9. *Цирцея* — ср. «Одиссея», X, 135—574.
27. *Отцовским* — т. е. бога солнца.
78. *Сидонка* — Дидона, царица Карфагена (см. «Энеида», кн. IV).

83. *Эрикс* — гора в Сицилии. *Акест* — выходец из Трон.

89. Перечисляются острова у берегов Кампании.

89 сл. *Керкопы* — лидийское племя, обещавшее помощь Юпитеру в его борьбе с Сатурном, но, получив плату, обманувшее его; за это керкопы были обращены в обезьян — по-гречески *pitheh*, откуда и название *Питекузы*.

101. *Партенопейские стены* — Неаполь.

102. *Эолов сын* — спутник Энея Мизен (см.: «Энеида», VI, 163 сл.). Его *холм* — мыс Мизен.

104. *Сивилла*. — Об этой пророчице см.: «Энеида», III, 441—459; V, 731—737 и VI.

114. *Авернская Юнона* — Персефона.

155. *Эвбейский град* — Кумы, основанные выходцами с острова Эвбеи.

233. *Лестригон* — см.: «Одиссея», кн. X, где рассказаны и другие события, передаваемые Овидием (см. также IX книгу «Одиссеи»).

325. *Игрища элидские* — Олимпийские игры; римляне часто путали четырехлетнюю греческую «олимпиаду» со своим пятилетним «люстром».

328 слл. Перечисляются реки Лациума; *Альбула* — древнее название Тибра.

334. *Ян*, или *Янус* — один из чисто римских богов, изображавшийся двуликим. Храм его стоял открытым в военное и запертым в мирное время.

404. *Эреб* и *Хаос* — божества тьмы и мировой бездны.

416. *Таргессия* — Испания, по городу Тартессу.

433. *Камены* — латинское название муз.

451. *Турн* — царь рутулов, сватавшийся за Лавинию, дочь Латина, будущую жену Энея.

457. *Диомед* — согласно легенде, по окончании Троянской войны переселился в Италию, покинув родную Арголиду. Под Троей он ранил Венеру и был за это ненавидим ею.

468. *Нарикийский герой* — Аянт, сын Оилея, обесчестивший Кассандру, искавшую убежища в храме Афины («Девы»).

472. *Кафарей* — мыс на острове Эвбее.

545. *Сыновья Астрея* — ветры.

563. *Неритийский* — т. е. Улисс (по горе Нерит на Итаке).

564. *Корабль Алкиноя* — царя феаков (см. «Одиссея», XIII, 153—184).

- 579 сл. Латинское *ardea* означает «цапля».
583. *Иул* — Асканий, сын Энея.
622. *Прока* (или Прок) — один из мифических царей Лациума.
623. *Помона* — названа Овидием лесной нимфой (гамадриадой).
626. От латинского *rotum* — плод.
638. *Паны*. — После того как Пан вошел в свиту Вакха вместе с сатирами, он как бы раздробился; стали считать, что Панов много и что существуют еще маленькие Паны — «паниски».
639. *Сильван* («Лесной») — один из исконных лесных и полевых демонов латинян.
- 669 сл. *Елена* — жена царя Менелая, похищенная Парисом. Далее Овидий говорит про жену Пирифоя — Гипподамию (см. прим. к XII, 210) и Пенелопу.
674. *Альбанские горы* — на юг от Рима.
693. *Идалийка* — Венера, по горе Идали, на острове Кипре.
712. *Норикийский*. — Норик — придунайская область, известная выделкой оружия.
774. *Палими* — сельский праздник в честь божества Палес.
776. *Тарпейя* — дочь начальника римской крепости, впустившая в нее врагов. В награду себе она испросила «то, что они носят на левой руке», имея в виду золотые запястья. Сабинь, войдя в крепость, забросали девушку щитами (их также носят на левой руке).
781. *Илиад* — Ромул, сын Илии.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ

50 сл. *Тарент* и другие упоминаемые здесь местности находятся в Южной Италии.

144. *Дельфы* — т. е. свое собственное прозрение.
- 161 слл. Об этом же говорит и Гораций («Оды», I, 28).
229. *Милон* — современник Пифагора, знаменитый атлет.
- 273 слл. Перечисляются реки в Греции и Малой Азии.
309. *Аммон*. — Об источнике Аммона подробно говорит Лукреций в VI кн. «О природе вещей». Вообще изложение Овидия основано здесь, вероятно, на тех же данных, что и у Лукреция.
411. Имеется в виду хамелеон.
447. ...от крови *Иула* рожденный... — Намек на Октавиана Августа.

462. *Тиест*.—Миф о Тиесте (или Фиесте), брате Атрея — один из излюбленных римскими писателями. На эту тему написана, между прочим, одна из трагедий Сенеки.

489. *Орест* — брат Ифигении, спасенный ею от принесения в жертву Диане в Тавриде (см.: Еврипид. Ифигения в Тавриде).

700 слл. Перечисляются прибрежные местности Южной и Средней Италии в том порядке, как их миновали по пути из Греции в Рим. *Лакиний* — мыс на юго-восточном берегу Бруттия с храмом Юноны; *Скилакей* — город у залива, начинавшегося за *Япигским мысом*, *Кавлон* — город на юге этого залива; *Нарикия* — город в Бруттии, основанный выходцами из Нарикия в Локриде; *горло Пелора* — Мессинский пролив между сицилийским мысом Пелор и полуостровом; *дом Гиппопада* (Эола) — Эолийские острова к северу от Сицилии; *Темеса* — город близ западного берега Бруттия; *Левкосия* — островок напротив *Пестума*; *мыс Минервы* лежит против *Капреи* (Капри); *Суррент* (ныне Сорренто), *Геркулесов город* (Геркуланум), *Стабии*, *Партенопей* (Неаполь) — города на берегах Куманского (ныне Неаполитанского) залива; *святилище Кумской Сивиллы* (Кумы), *горячие ключи* в Байях, город *Литерн* и устье реки *Волтурн* — на побережье Кампании; *Синуэсса*, *Минтурны*, *Формии* (*Антипатов предел*), *Трахата*, *Цирцея*, *Ангий* — прибрежные города Лациума. Стихи 703—705 испорчены, поэтому названные в них местности отождествлению не поддаются.

822 слл. *Мутина* — город в Италии (ныне Модена), осаждавшийся в 43 г. до н. э. Децимом Брутом; *Фарсалы* — город в Фессалии, под которым Цезарь разбил Помпея в 48 г. до н. э.; *Филиппы* — город в Македонии, под которым Антоний и Октавиан победили Брута и Кассия в 42 г. до н. э.

825. *Сицилийские волны* — море у берегов Сицилии, где флот Октавиана разбил флот Секста Помпея.

826. *Египтянка* — Клеопатра.

828. *Каноп* — город в Египте.

Ф. Петровский

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

ТАБЛИЦА 1

(РОДОСЛОВНАЯ СТАРШИХ БОГОВ)

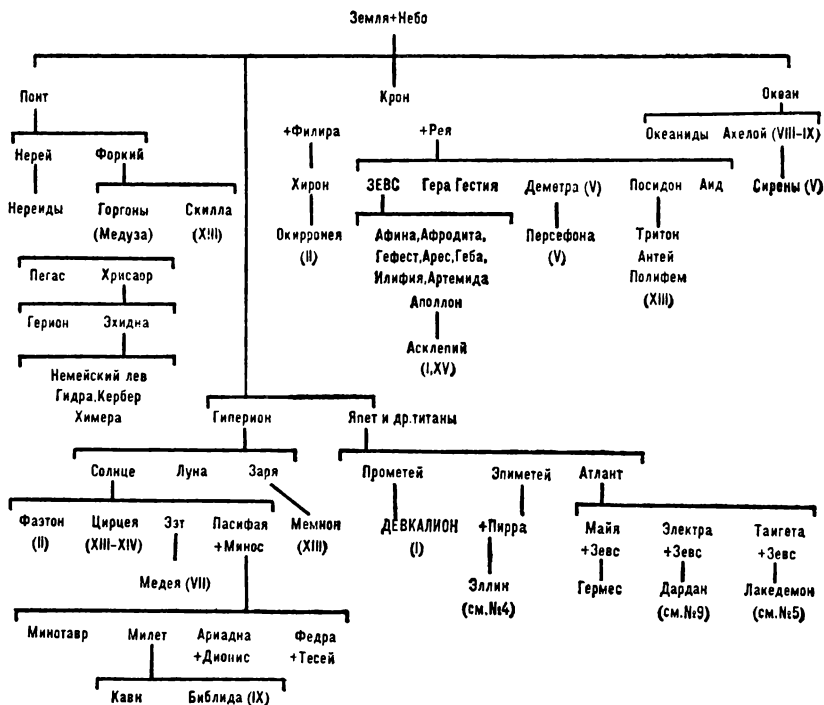

ТАБЛИЦА 2
(РОДОСЛОВНАЯ ФИВАНСКИХ ЦАРЕЙ)

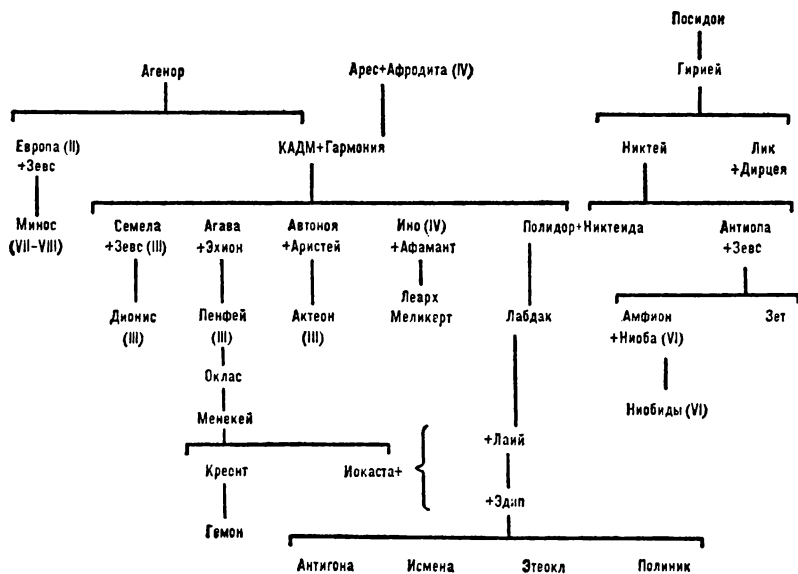

ТАБЛИЦА 3
(РОДОСЛОВНАЯ АРГОССКИХ ЦАРЕЙ)

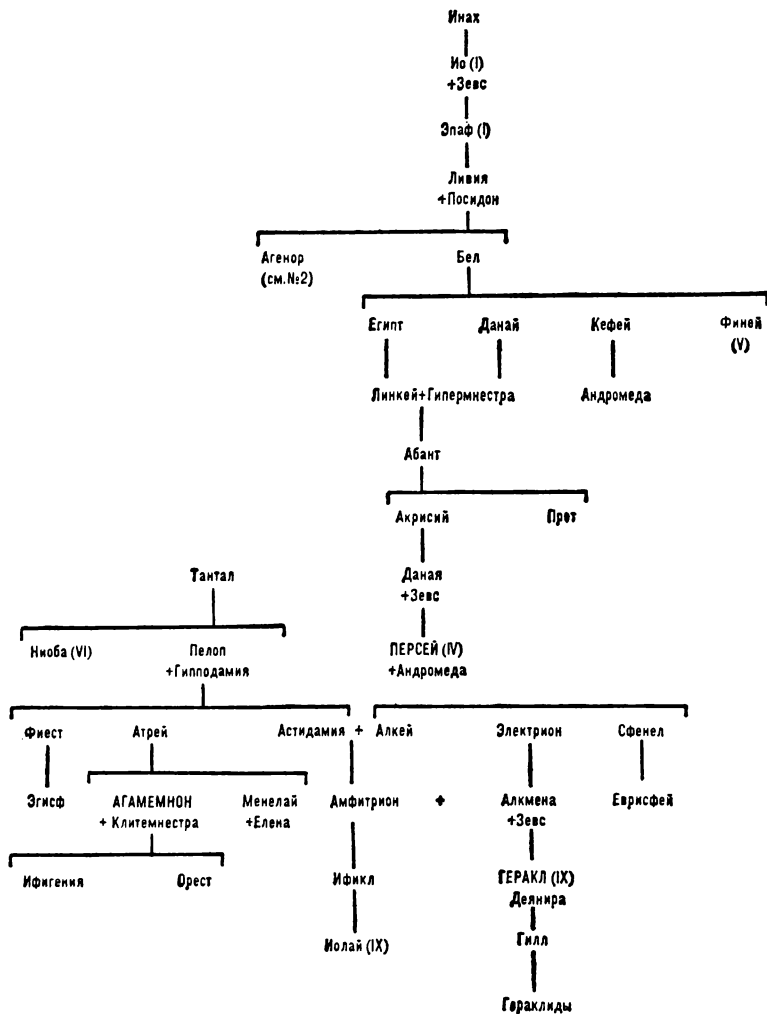

ТАБЛИЦА 4

(РОДОСЛОВНАЯ МИНИЙСКИХ ЦАРЕЙ И ЗОЛИДОВ)

423

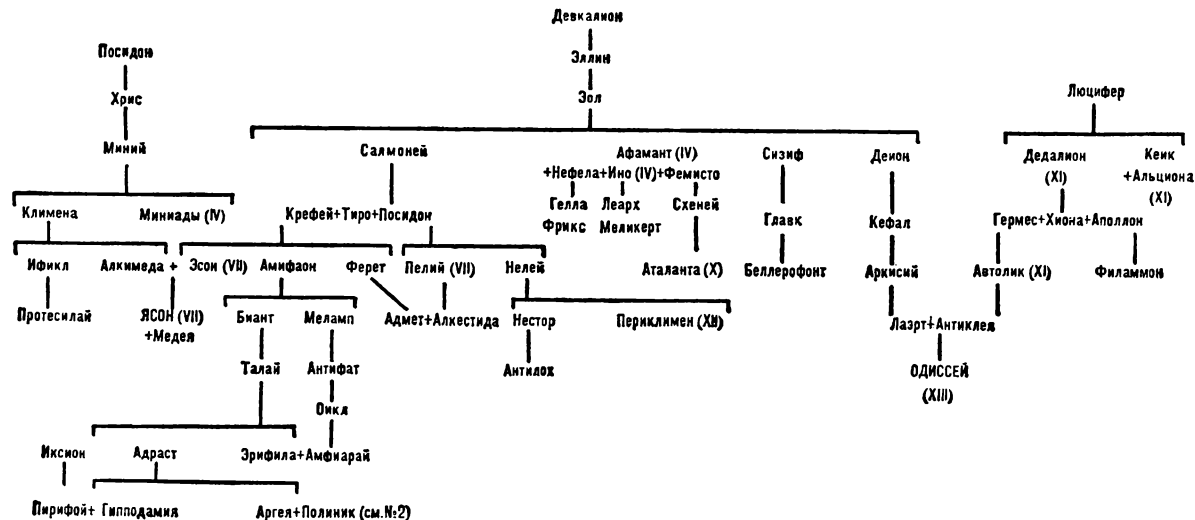

ТАБЛИЦА 5

(РОДОСЛОВНАЯ КАЛИДОНСКИХ И СПАРТАНСКИХ ЦАРЕЙ).

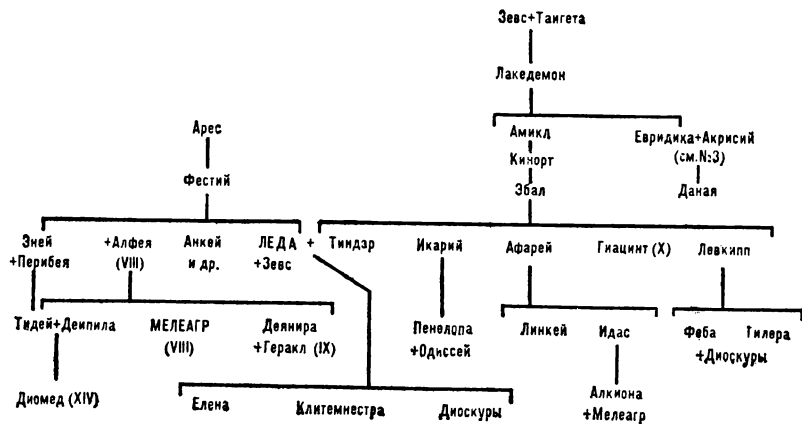
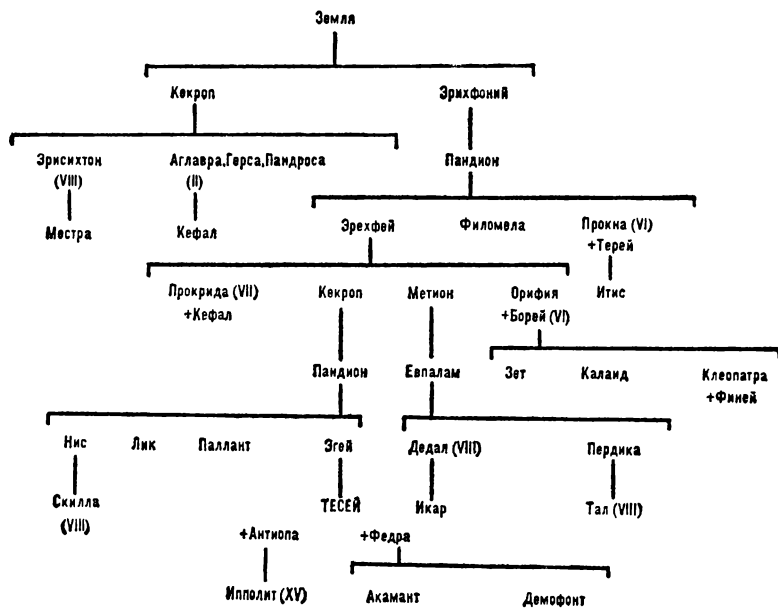
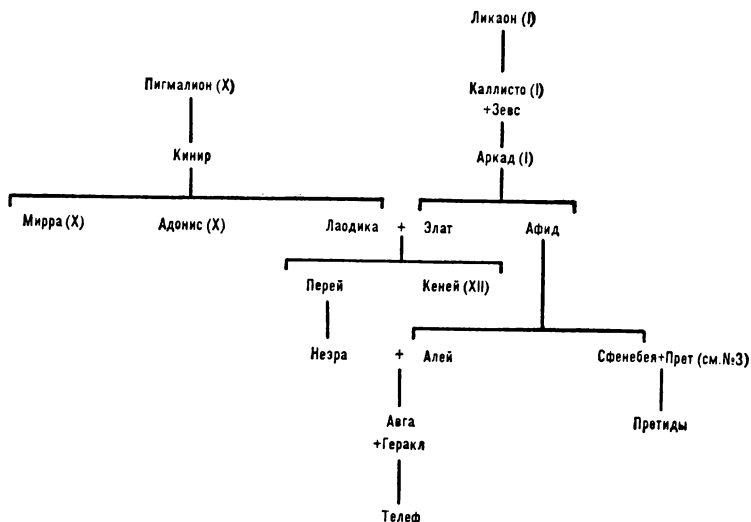

ТАБЛИЦА 6
(РОДОСЛОВНАЯ АФИНСКИХ ЦАРЕЙ)

ТАБЛИЦЫ 7 и 8

(РОДОСЛОВНАЯ АРКАДО-КИПРСКИХ ЦАРЕЙ)

(РОДОСЛОВНАЯ МИРМИДОНСКИХ ЦАРЕЙ)

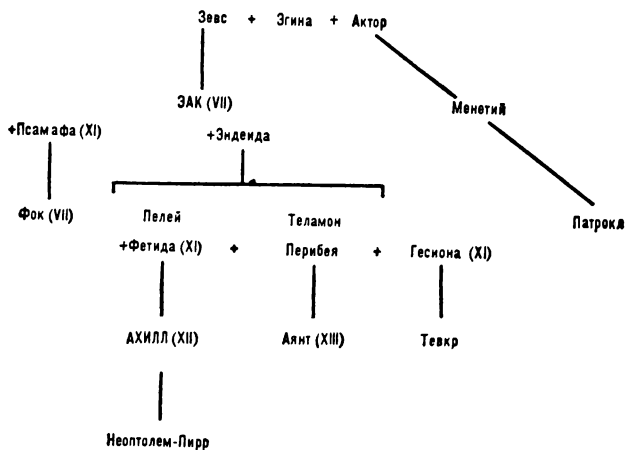
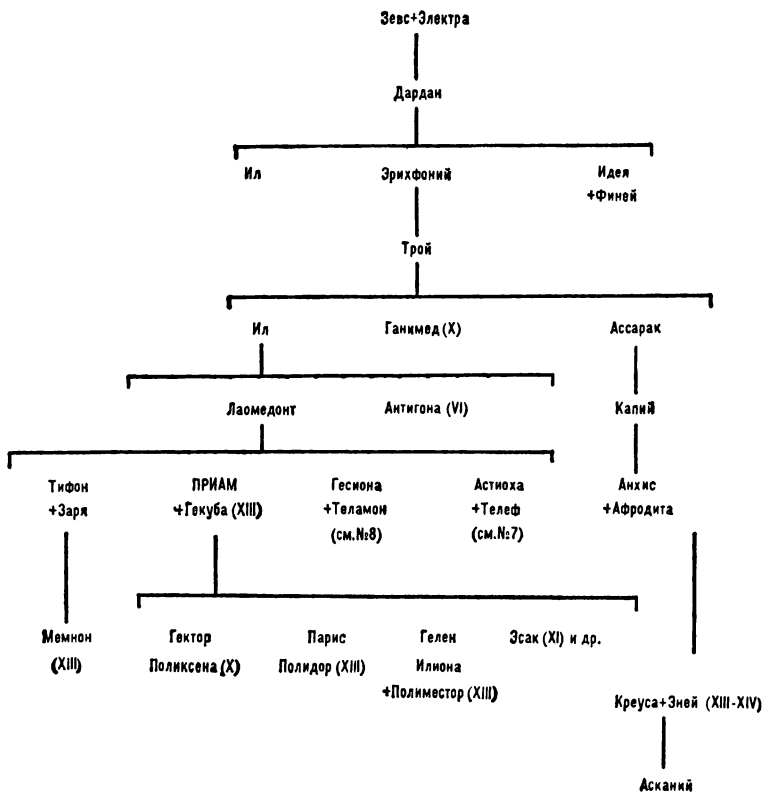

ТАБЛИЦА 9
(РОДОСЛОВНАЯ ТРОЯНСКИХ ЦАРЕЙ)

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Ошеров. Поэзия «Метаморфоз»</i>	5
---	---

МЕТАМОРФОЗЫ

Перевод С. Шервинского

Книга первая	31
-------------------------------	----

Вступление (1—4) — Хаос (5—20) — Возникновение мира (21—88) — Золотой век (89—112) — Смена веков (113—162) — Совет богов (163—208) — Ликаон (209—243) — Девкалион и Пирра (244—415) — Возникновение животных; Пифон (415—451) — Дафна (452—567) — Ио (568—667) — Арг; Пан и Сиринга (668—723) — Ио (724—747) — Фэтон (748—779)

Книга вторая	55
-------------------------------	----

Фэтон (1—339) — Гелиады (340—366) — Кикн (363—380) — Солнце (381—400) — Каллисто (401—530) — Коронида; дочери Кекропа (531—632) — Окиронея (633—675) — Батт (676—707) — Аглавра (708—832) — Европа (833—875)

Книга третья	81
-------------------------------	----

Кадм (1—137) — Актеон (138—252) — Семела (253—315) — Тиресий (316—338) — Эхо (339—401) — Нарцисс (402—510) — Пенфей (511—576) — Вакх; тирренские пираты (577—700) — Гибель Пенфея (701—733)

Книга четвертая 103

Дочери Миния (1—54) — Пирам и Фисба (55—166) — Марс и Венера (167—189) — Левкотоя (190—255) — Клития (256—270) — Салмакида и Гермафродит (271—388) — Дочери Миния (389—415) — Ино и Атамант (416—542) — Спутницы Ино (543—562) — Кадм и Гармония (563—603) — Персей и Атлант (604—662) — Персей и Андромеда (663—752) — Свадьба Персея; Персей и женихи (753—803)

Книга пятая 127

Персей и женихи (1—235) — Возвращение Персея (236—249) — Иппокрена (250—293) — Пиериды (294—336) — Тифей (337—359) — Прозерпина (360—408) — Кинанея (409—437) — Стелион (438—461) — Церера (462—532) — Аскалаф (533—550) — Сирены (551—563) — Прозерпина (564—571) — Аретуза (572—641) — Триптолем (642—661) — Пиериды (662—678)

Книга шестая 147

Арахна (1—145) — Нюба (146—312) — Ликийцы (313—381) — Марсий (382—400) — Пелоп (401—411) — Прокна и Филомела (412—674) — Орифия (675—721)

Книга седьмая 169

Медея (1—296) — Медея и Пелий (297—349) — Медея в Аттике (350—424) — Тезей (425—452) — Минос; Эак (453—660) — Кефал (661—866)

Книга восьмая 195

Скилла и Минос (1—151) — Дедал (152—235) — Куропатка (236—259) — Калидонская охота (260—444) — Мелеагр (445—546) — Ахелой; Эхинады (547—611) — Филемон и Бавкида (612—725) — Эрисихтон; Местра (726—884)

Книга девятая 221

Ахелой (1—97) — Несс (98—133) — Деянира; Геркулес на Эте (134—210) — Лихас (211—238) — Апофеоз Геркулеса (239—272) — Галантида (273—323) — Дриопы (324—393) — Иолей; судьбы героев (394—438) — Библида (439—665) — Ифис (666—797)

Книга десятая 245

Орфей (1—85) — Кипарис (106—142) — Песнь Орфея;
Ганимед (143—161) — Гиагинт (162—219) — Керасты
(220—242) — Пигмалион (243—297) — Мирра (298—
502) — Адонис (503—552) — Аталанта (553—707) —
Смерть Адониса (708—739)

Книга одиннадцатая 267

Гибель Орфея; фракийские вакханки (1—84) — Мидас
(85—193) — Гесиона (194—220) — Фетида (221—265) —
Пелей; Дедалион (266—345) — Псамафа (346—409) —
Кеик и Алкиона (410—748) — Эсак (749—795)

Книга двенадцатая 291

Данайцы в Авлиде; прибытие под Трою (1—38) — Мол-
ва (39—63) — Кикн (64—145) — Кеней (146—209) —
Кентавры и лапифы (210—468) — Гибель Кеней (469—
535) — Периклимен (536—579) — Гибель Ахилла; спор
за оружие (580—628)

Книга тринадцатая 311

Спор за оружие: речь Аянта (1—122) — Речь Улисса
(123—381) — Смерть Аянта (382—398) — Гекуба (399—
575) — Мемнон (576—622) — Эней; Аний (623—674) —
Короны (675—704) — Сицилийская Скилла (705—
739) — Акид и Галатея (740—897) — Главк (898—968)

Книга четырнадцатая 339

Скилла (1—74) — Керкопы (75—100) — Сивилла (101—
153) — Ахеменид; Полифем (154—222) — Цирцея (223—
319) — Пик (320—415) — Канента (416—440) — Эней в
Лациуме; Диомед (441—511) — Апул (512—526) — Ко-
рабли Энея (527—567) — Ардея (568—580) — Вертумн
и Помона (581—697) — Ифис и Анаксарета (697—771) —
Лавтулы (772—804) — Ромул, Герсилия (805—851)

Книга пятнадцатая 363

Мискел (2—59) — Учение Пифагора (60—478) — Эге-
рия; Ипполит-Вирбий (479—551) — Тагей; Кип (552—
621) — Эскулап (622—744) — Юлий Цезарь (745—
870) — Заключение (871—879)

Примечания Ф. Петровского 389

Генеалогические таблицы 420

Публий Овидий Назон
031 **Метаморфозы.** Пер. с латинского С. Шервинского. Вступит. статья С. Ошерова. Примеч. Ф. Петровского. М., «Худож. лит.», 1977.

430 с. Б-ка античной литературы,

Публий Овидий Назон (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.) — великий поэт «золотого века» римской литературы. Главное его произведение «Метаморфозы», написанное с присущей поэту изысканностью слога, представляет собой своего рода мифологическую энциклопедию классической древности. «Метаморфозы» Овидия оказали сильное воздействие на европейскую литературу нового времени.

70404-401
О ————— 170-77
028 (01)-77

А

Публий Овидий Назон

МЕТАМОРФОЗЫ

Редакторы

М. Томашевская и А. Парин

Художественный редактор

Ю. Коннов

Технический редактор

О. Ярославцева

Корректор

Н. Усольцева

ИБ № 615

Сдано в набор 4/XI 1976 г. Подписано к печати 8/IV 1977 г. Бумага типографская № 1. Формат 60×84^{1/16}. 27 печ. л. 25,19 усл. печ. л. 22,15 уч.-изд. л. Тираж 40 000 экз. Заказ № 974. Цена 2 р. 30 к.

Издательство

«Художественная литература»

Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первой Образцовой типографии им. А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28. Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени Ленинградском производственно-техническом объединении «Печатный Двор» им. А. М. Горького Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197136, Ленинград, П-136, Гатчинская ул., 26.

ОВИДИЙ·МЕТАМОРФОЗЫ

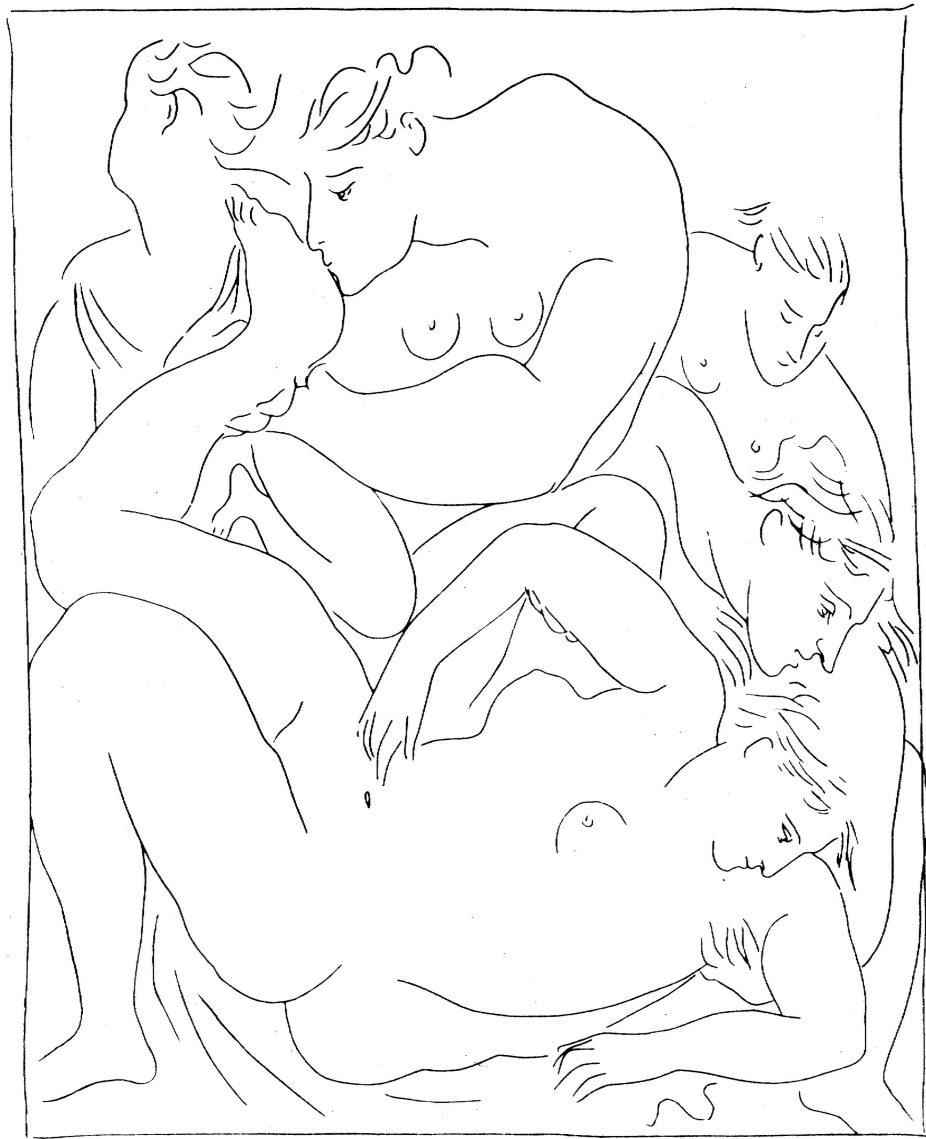
ОВИДИЙ

МЕТАМОРФОЗЫ

OVID II

METAMORPHOSES

ОВИДИЙ·МЕТАМОРФОЗЫ

